

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 14, № 1, 2021

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная, отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Санир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Коньки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калайчикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 14, no. 1, 2021

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

К 30-ЛЕТИЮ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Научный обзор

- Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Демографические исследования ВолНЦ РАН:
становление научной школы 9

ОТ РЕДАКЦИИ

- Главному редактору журнала В.А. Ильину – 80 лет! 23

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Балацкий Е.В. Рентабельность капитала как драйвер экономического роста 26

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Изотов Д.А. Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт 41

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

- Ускова Т.В., Секушина И.А. Стратегические приоритеты развития малых и средних
городов 56

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

- Максимов А.М., Ненашева М.В., Верещагин И.Ф., Шубина Т.Ф., Шубина П.В.
Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия
общества и власти при реализации приоритетных проектов
на муниципальном уровне управления 71
- Ворошилов Н.В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала
сельских территорий 91

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

- Тихонова Т.В., Щенявский В.А. Учет экосистемных услуг в оценке
ресурсоэффективности особо охраняемых природных территорий
Республики Коми 110

ЭКОНОМИКА ТРУДА

- Зайков К.С., Кондратов Н.А., Куприков Н.М., Куприков М.Ю. Анализ тенденций подготовки высококвалифицированных кадров в интересах стратегического развития Арктической зоны РФ 125

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Орлова В.С. Потенциал сферы туризма и рекреации Европейского Севера: оценка и направления развития в условиях освоения Арктики 141

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Богданов В.С., Почестнев А.А. Проблема формирования экспертных групп в регионах с разным уровнем социокультурного развития 154
- Уханова Ю.В., Леон Д., Шельвальд Р. Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе 169
- Осадчая Г.И. Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе 186
- Петров А.И., Колесов В.И. Дорожно-транспортная аварийность в России: основные социально-экономические факторы ее формирования и пространственно-временные особенности 199

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 221
- Правила приёма статей 232
- Информация о подписке 238

CONTENT

TO THE 30TH ANNIVERSARY OF THE VOLOGDA RESEARCH CENTER OF RAS

Review

- Shabunova A.A., Kalachikova O.N. Demographic Studies in VoIRC RAS: Formation of the Scientific School 9

EDITORIAL

- V.A. Ilyin – Journal Editor-in-Chief – Celebrates His 80th Anniversary! 23

THEORETICAL ISSUES

- Balatsky E.V. Return on Equity as an Economic Growth Driver 26

SPATIAL ASPECTS OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

- Izotov D.A. Impact of Trade Mega-Formats in the APR on Russian Export 41

ISSUES OF MANAGEMENT IN TERRITORIAL SYSTEMS

- Uskova T.V., Sekushina I.A. Strategic Priorities of Small and Medium Towns' Development.. 56

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

- Maksimov A.M., Nenasheva M.V., Vereshchagin I.F., Shubina T.F., Shubina P.V.
Creating a Comfortable Urban Environment: Problems of Interaction between
Society and Government in the Implementation of Priority Projects
at the Management Municipal Level 71
- Voroshilov N.V. Assessing the Socio-Economic Potential of Rural Territories 91

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Tikhonova T.V., Schenyavskii V.A. Accounting of Ecosystem Services in the Resource
Efficiency Assessment of Specially Protected Natural Territories
of the Komi Republic 110

LABOR ECONOMICS

- Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu. Analyzing Trends in Training Highly Qualified Personnel in the Interests of Strategic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation 125

INDUSTRIAL ECONOMICS

- Orlova V.S. Potential of the Tourism and Recreation Sphere in the European North: Evaluation and Development Vector in terms of the Arctic Development 141

SOCIAL DEVELOPMENT

- Bogdanov V.S., Pochestnev A.A. Problem of Forming Expert Groups in Regions with Different Levels of Socio-Cultural Development 154
- Ukhanova Yu.V., Leon D., Schelwald R. Charity Work of Local Community: Results of the Sociological Research in the Russian Region 169
- Osadchaya G.I. Assessing the Level of Social Adaptation among Young Migrants in the Megapolis 186
- Petrov A.I., Kolesov V.I. Road Traffic Accident Rate in Russia: Main Socio-Economic Factors of its Formation and Spatio-Temporal Features 199

PUBLIC OPINION MONITORING

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 221
- Manuscript Submission Guidelines 232
- Subscription Information..... 238

К 30-ЛЕТИЮ ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Научный обзор

DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.1

УДК 314, ББК 60.7

© Шабунова А.А., Калачикова О.Н.

Демографические исследования ВолНЦ РАН: становление научной школы

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: aas@vscs.ac.ru

ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: onk82@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Аннотация. В статье описаны основные этапы становления школы демографических исследований в Вологодском научном центре РАН. В историческом ракурсе представлено развитие системы тематических направлений исследований сотрудников от зарождения до настоящего времени. Актуальность социодемографической тематики связана с необходимостью ответа на демографические вызовы общественного развития, такие как депопуляция, обусловленная невысокой рождаемостью и относительно высокой смертностью населения, старение населения, распространённость нездоровья. Мониторинг тенденций, выявление детерминант приводят к всестороннему пониманию сущности и причин демографической динамики, пополняя демографиче-

Для цитирования: Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Демографические исследования ВолНЦ РАН: становление научной школы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 9–22. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.1

For citation: Shabunova A.A., Kalachikova O.N. Demographic studies in VolRC RAS: formation of the scientific school. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 9–22. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.1

скую науку новыми знаниями. Исследования способствуют поиску эффективных инструментов народосбережения страны и региона, укрепления общественного здоровья, адаптации к трансформации возрастной структуры населения. Тематика работ охватывает все демографические процессы: рождаемость, смертность, брачность и разводимость; изучаются закономерности развития общественного здоровья, условия формирования здорового поколения, осуществляются мониторинг и оценка эффективности демографической политики. Ввиду значимости поведенческих факторов демографического развития важное место в исследованиях занимает изучение демографического поведения населения. В ВолНЦ РАН разработана и с помощью социологических методов реализуется система мониторинга матримониального, репродуктивного, самосохранительного и миграционного поведения. На фоне депопуляции не утрачивают своей актуальности исследования условий формирования здоровья, в первую очередь у детей. На современном этапе общественного развития в России наряду с внешними социально-экономическими условиями важной детерминантой здоровья детей выступают социальный статус семьи, уровень педагогической компетентности, медицинской активности. Цель работы – обзор исследований социодемографической тематики, выполняемых сотрудниками Вологодского научного центра РАН в течение 30 лет.

Ключевые слова: демографические исследования, депопуляция, общественное здоровье, здоровье детей, старение населения, демографическая политика.

Введение

Человек стал рассматриваться как главная ценность и ключевой ресурс общественного развития в условиях гуманизации – ключевого тренда конца XX – начала XXI вв. Особое внимание к численности, качественным характеристикам населения в этот период обусловлено и сложившейся демографической ситуацией. Резкое снижение рождаемости в 1960-х гг. в России при сохранении довольно высокого уровня смертности (в том числе преждевременной) привело к депопуляции и старению населения – демографическим вызовам, которые стали заметны с появлением дефицита трудовых ресурсов, ростом экономической нагрузки на трудоспособных граждан.

Вместе с тем системные демографические исследования после закрытия институтов демографии в 30-х гг. XX века¹ не проводились, не готовились и кадры демографов. То есть отсутствовала база актуальной информации, в первую очередь о детерминантах демографических процессов, которая могла стать

¹ В 1934 году был закрыт институт демографии в Ленинграде, в 1939 г. – в Киеве. Основная причина – неудовлетворительные итоги переписи населения 1937 г., показавшие потери в период коллективизации и голода. Подробнее, см., например, интервью А.С. Вишневого «Демографические исследования в России: история, состояние и перспективы». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0249/analit01.php#1>

основой эффективной демографической политики. «Демографическая оттепель» наступила лишь в 1960-х гг., когда игнорировать происходящие изменения оказалось опасно. Одной из первых структур, начавших вновь демографические исследования, стал МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1965 году в нем создана лаборатория по вопросам изучения народонаселения, а в 1967 году – кафедра народонаселения на экономическом факультете. В 1968 году они были объединены в учебно-научный Центр по изучению проблем народонаселения под руководством Д.И. Валентея. В Центре работали и работают известные российские демографы А.Я. Кваша, В.В. Елизаров, В.А. Ионцев, Н.В. Зверева, В.Н. Архангельский и др.

Нельзя не отметить вклад в возрождение демографии в России Л.Е. Дарского, начавшего исследования брачности, рождаемости, формирования семьи в 1964 году в Центральном статистическом управлении (НИИ ЦСУ СССР), где впоследствии руководил одной из лабораторий отдела демографии². Несколько позже появились другие известные и сегодня структуры. Так, в 1988 году созданы Институт социально-экономических проблем

² Творческий путь Л.Е. Дарского. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/085/nauka01.php>

народонаселения Н.М. Римашевской³ и Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН — предшественник Института демографии НИУ ВШЭ (ИДЕМ), начавшего работу в 2007 году под руководством А.Г. Вишневого⁴. Отделом социальной демографии Института социально-политических исследований с 1974 года руководил Л.Л. Рыбаковский. В 2020 году произошло самое ожидаемое демографическим сообществом событие — создание Института демографических исследований ФНИСЦ РАН⁵. Это, несомненно, заслуга его директора — члена-корреспондента РАН д.э.н. С.В. Рязанцева и коллег, директора ФНИСЦ РАН академика М.К. Горшкова, понимающего стратегическую значимость демографии для социально-экономического развития России.

В 2000-х гг. появилось много региональных исследователей, занимающихся вопросами демографии. Хочется отметить Уральскую школу демографов: А.И. Кузьмина — сподвижника Уральского демографического форума, А.М. Ильшева, А.П. Багирову и др.; коллег из Республики Башкортостан (Башкирский филиал ФНИСЦ РАН), одними из первых начавших готовить региональный демографический доклад — Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурханову и др. Ведут демографические исследования специалисты Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН под руководством Л.А. Поповой. Успешно осуществляют мониторинг демографической ситуации и ее детерминант в регионе ученые Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан под руководством Ч.И. Ильдархановой.

Свое место в ряду региональных исследовательских организаций занимает и Вологодский научный центр РАН. В нем при содействии и всемерной поддержке научного руководителя члена-корреспондента РАН д.э.н., проф. В.А. Ильина сформировалась научная школа демографа д.э.н. А.А. Шабуновой, в рамках которой с 1995 года ведутся демографические и социодемографические исследования.

В статье представлен обзор исследований по различным аспектам демографического развития, осуществляемых учеными Вологодского научного центра РАН.

Сначала были дети...

История демографических исследований ВолНЦ РАН началась с реализации уникальной идеи организовать лонгитюдный когортный мониторинг условий формирования здоровья детского населения. В 1980 г. Наталья Михайловна Римашевская, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ впервые высказала идею о необходимости проведения исследования, аналогичного исследованию здоровья и развития детей (NCDS), осуществляемому в Великобритании с 1958 года Национальным центром изучения детского развития (NCB) и продолженному в 1985 году Центром многолетних исследований (CLS) [1]. Идею Натальи Михайловны воспринял и нашел возможность реализовать в Вологодской области **Владимир Александрович Ильин**. В мае 1995 г. Вологодским научным центром РАН (тогда ВНКЦ ЦЭМИ РАН) совместно с Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН при поддержке Правительства Вологодской области было начато лонгитюдное (длительное) панельное исследование социально-экономических и медицинских факторов, влияющих на здоровье и развитие детей [1], по специальной программе, включающей оценку состояния здоровья детей, процесс их физического и интеллектуального развития, социальный статус родителей, уровень их образования, доходы, жилищно-бытовые условия и т. д. [2; 3]. Научное консультирование мониторинга на базе ИСЭПН РАН долгое время осуществлялось д.э.н., профессором Еленой Борисовной Бреевой. Она неоднократно подчеркивала научную ценность использованного методического подхода к анализу и прогнозированию здоровья детской популяции в режиме реального времени.

Исследование проводится по настоящее время (*таблица*) под руководством **Александры Анатольевны Шабуновой**. При анализе здоровья детей [4; 5] выявлены периоды его заметного ухудшения (критические точки) — в первый год жизни, в период поступления в школу и при переходе из начальной школы в среднюю [6; 7], а также детерминанты детского здоровья [8–10].

³ <http://www.isesp-ras.ru/>

⁴ <https://www.hse.ru/demo/>

⁵ <https://idrras.ru/>

Когорты, участвующие в исследовании

Когорта, год рождения	Год завершения наблюдения за когортой	Число семей на момент начала наблюдения	Число семей к моменту завершения наблюдения	Выбытие, %
1995	2013	101	64	37,6
1998	2016	199	22	89,0
2001	2019	250	33	86,8
2004	2022	265	-	-
2014	2032	370	-	-
2020	2038	379	-	-

Исследование показало, что для каждого возрастного периода характерен специфический набор факторов, определяющих здоровье. В младенчестве и раннем возрасте преобладает воздействие медико-биологических и социальных факторов (плохое здоровье родителей; низкий уровень гемоглобина в период беременности; курение матери во время беременности; условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам; характер вскармливания младенца). В дошкольном и раннем школьном возрасте более значимыми становятся факторы среды обитания, образа и уровня жизни семьи (уровень жизни семьи, комфортность жилищных условий, экологические условия в районе постоянного проживания, уровень социально-гигиенической грамотности и здоровьесберегающей активности родителей) [11; 12]. Концентрация факторов риска (низкий уровень медицинской активности, неблагоприятные экологические условия, неблагоприятные жилищные условия, неудовлетворительное здоровье женщины в период беременности, неполная семья) происходит в семьях с низкими доходами [7].

Исследование показало, что стабильность экономики, общественное благополучие и планомерное поступательное развитие социальной сферы являются залогом семейного благополучия и детского здоровья. Обратная ситуация ведет к разрушению института семьи, уменьшению детской популяции и снижению ее качественных характеристик. На здоровье ребенка отражаются образ жизни его родителей, условия воспитания, материальное благополучие, медицинская активность, рацион питания, жилищные условия, экологическая обстановка [13].

В 2014 году исследование было поддержано грантом Российского научного фонда (РНФ), что позволило взять под наблюдение новую ко-

горту новорожденных спустя 10 лет. В ней впервые не было зафиксировано ухудшение здоровья новорожденных, наблюдаемое ранее от когорты к когорте. Положительные тенденции социально-экономического развития за время реформирования как экономики в целом, так и социальной сферы отразились в условиях жизни семей с детьми, уровне удовлетворенности своим здоровьем, состоянии здоровья новорожденных, основных показателях системы родовспоможения [5; 11; 14].

Большое внимание уделено состоянию здоровья и нервно-психического развития детей школьного возраста. Этот период является весьма важным для здоровьесбережения и формирования здорового образа жизни подрастающего поколения. В исследованиях ВолНЦ РАН показана роль образовательных организаций, семьи и здравоохранения, а также обоснована значимость их взаимодействия в решении этой задачи [15–18].

Детское здоровье определяет потенциал страны в будущем, служит важнейшим показателем не только эффективности государственной политики, но и благополучия нации в целом. Вследствие стремительных экономических, политических, социокультурных и иных преобразований, происходящих в постсоветской России, исследование детского здоровья не потеряет стратегической актуальности.

Выводы и результаты мониторинга детского здоровья послужили основой для новых исследовательских проектов. Так, предметом рассмотрения стало **репродуктивное здоровье** взрослого населения и молодых людей — будущих родителей. Эту идею предложила д.м.н. гл.н.с. ИСЭПН РАН И.П. Каткова, которая на старте темы осуществляла ее активное научное консультирование. Под руководством А.А. Шабуневой *М.А. Ласточкиной (Копейкиной)* проведена оценка репродуктивного здоровья и

построена экономико-математическая модель репродуктивного потенциала, включающая группы показателей медицинского, демографического, социально-демографического характера [19–23]. В ее работах доказана значимость мужского репродуктивного здоровья в формировании репродуктивного потенциала, выявлено, что репродуктивные установки на 50% определяют число детей в семье.

Позднее предложен подход к оценке репродуктивного здоровья на основе его определения Всемирной организацией здравоохранения, дополненный блоком параметров потенциала родительского здоровья (А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова). Проведенный анализ свидетельствует об успехах службы родовспоможения, которая обеспечила снижение младенческой и материнской смертности, рождений недоношенных детей, некоторое улучшение здоровья новорожденных. Возможность планирования беременности также имеет положительные аспекты: уменьшается число абортов, растет использование контрацептивных средств, снижается заболеваемость болезнями, передающимися половым путем, что повышает возможность безопасных сексуальных отношений. Наряду с этим сильны отрицательные тенденции: сохранение роста заболеваемости мочеполовой системы, гинекологической заболеваемости, бесплодия, заболеваемости беременных женщин. Это говорит о низком уровне не только потенциала здоровья населения в целом, но и недостаточной ответственности родителей за здоровье будущих детей [24].

В конце 90-х гг. XX века Центр начал изучение *состояния и поведенческих факторов здоровья населения* в форме ежегодного мониторинга, который ведется на территории Вологодской области уже порядка 20 лет (А.А. Шабунова, К.А. Гулин, Г.В. Тихомирова, Н.А. Рыбакова, Н.А. Маланичева). По авторской методике рассчитывается индекс самооценки здоровья, свидетельствующий о взаимосвязи динамики здоровья с общественным развитием. Программа исследования включает такие параметры, как самооценка здоровья населения, ответственность за собственное здоровье, распространенность вредных привычек, медицинская и физическая активность, удовлетворенность качеством медицинской помощи, проблемы в деятельности медучреждений, источники инфор-

мации о здоровье [25–28]. Систематизированы факторы здоровья, выявлена высокая значимость образа жизни [29], что привело к формированию собственной методики изучения самосохранительного поведения населения с выделением установок, мотивов и действий, реализующихся в отношении вредных привычек, физической активности, режима труда и отдыха, медицинской активности, питания, сексуального поведения, стрессовых ситуаций (А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, П.С. Корчагина) [30; 31]. Главная проблема самосохранительного поведения населения – противоречивость информированности о здоровом образе жизни и реализуемых поведенческих практик, однозначно вредных для здоровья, или игнорирование полезных.

В рамках исследования ведется оценка здоровья отдельных социально-демографических групп населения (молодежи, горожан, пожилых людей, женщин и др.) [32–35]. Постепенно осваиваются методы собственно демографического анализа, в том числе прогнозирование (М.А. Ласточкина, А.О. Богатырев, Е.А. Россюханская (Чекмарева), Н.А. Кондакова) [36–39]. Разработана методология оценки психического и социального здоровья населения, позволяющая оценить социальное самочувствие, уровень распространенности тревоги, депрессии, неврозов [40; 41].

Накопленная база исследований физического, репродуктивного, психического здоровья населения, здоровья детей стала основой для формирования концепции общественного здоровья, разработанной А.А. Шабуновой [42–44]. В контексте теории устойчивости социально-экономических систем общественное здоровье рассматривается как свойство населения определенной территории, обеспечивающее демографическое развитие, максимально возможную продолжительность жизни и трудовую активность, формирующееся при комплексном воздействии биологических, социально-экономических, социокультурных и экологических факторов. Общественное здоровье измеряется на макро- и микроуровне, с учетом поведенческих и субъективных оценок, с применением статистических и социологических методов сбора данных. Факторы общественного здоровья сгруппированы в медико-биологические, социально-экономические и факторы образа

жизни. Масштабы нездоровья и его влияние на развитие экономики оценены с помощью метода упущенной выгоды и бремени болезней [45].

Результаты исследований здоровья нашли практическое применение в работе системы здравоохранения, в частности оценке функционирования и разработке предложений повышения эффективности деятельности, чему посвящена диссертационная работа *К.Н. Калашникова* (руководитель – В.А. Ильин) [46].

Исследования динамики и детерминант рождаемости [47], смертности [48] населения были поставлены на системную основу в рамках научно-исследовательской работы «*Воспроизводство населения территорий: тенденции и резервы*» в 2012 году, а в 2015 году была создана лаборатория исследования проблем в социальной сфере. Одним из ключевых направлений ее деятельности стали социодемографические исследования.

Основная задача научной деятельности исследователей-демографов ВолНЦ РАН – мониторинг, прогноз и анализ информации о демографическом развитии с учетом поведения населения: рождаемость и репродуктивное, брачное поведение, смертность, здоровье и самосохранительное поведение, миграция и миграционная мобильность, а также динамики структуры населения, в первую очередь возрастной (старение населения), оценка демографической политики.

С эволюцией направлений исследований пополняется и арсенал методов. С помощью индексного метода оценен вклад структурного и поведенческого фактора в изменение рождаемости населения, что позволило говорить о результативности демографической политики в период внедрения новых мер после 2006 года. Доказано, что рост рождаемости в период активизации демографической политики (2006–2011 гг.) действительно большей частью (на 74%) был обусловлен увеличением интенсивности рождений, т. е. реакцией на введение новых мер [49]. В 2014 году разработана методика оценки демографической безопасности (*О.Н. Калачикова, А.В. Короленко*). Для оценки сложившейся ситуации в регионах РФ с помощью индикативного метода проведен анализ *демографической безопасности* по четырем блокам показателей: «Воспроизводство и ре-

продуктивные установки населения», «Половозрастная и брачно-семейная структура населения», «Состояние здоровья населения и системы здравоохранения», «Механическое движение населения и пространственная структура». Выявлена ярко выраженная поляризация основных индикаторов в разрезе субъектов РФ. Наиболее благоприятная ситуация по показателям воспроизводства населения, параметрам половозрастной и брачно-семейной структуры сложилась в регионах Северного Кавказа, удаленных регионах Сибири и Дальнего Востока. Ведущими демографическими угрозами этих территорий служат негативные характеристики состояния здоровья населения, низкая плотность его размещения и обезлюдение территорий. В регионах центральной части России на фоне очевидных успехов в сфере миграционной политики, здравоохранения опасения вызывают сложившиеся параметры воспроизводства населения, трансформации половозрастной, брачно-семейной структуры и традиционных семейных ценностей [50].

Территориальные особенности демографического развития изучаются и в разрезе отдельных демографических процессов. Методом многомерной группировки А.В. Короленко проведен анализ дифференциации смертности в регионах России [51], с помощью кластерного анализа оценены региональные различия характеристик состояния института семьи [52], осуществлен статистический анализ здоровья детей [10; 12].

С помощью математических методов (регрессионный анализ панельных данных) оценены *факторы демографического развития*. Установлено, что на рождаемость на протяжении анализируемого периода существенно влияли уровень жизни населения, объемы финансирования здравоохранения, физкультуры и спорта, а также состояние здоровья младенцев. Наибольший вклад в продолжительность жизни населения вносили факторы заболеваемости по ряду классов и причин, уровня благосостояния, роста цен на товары и услуги, психического здоровья общества и безопасности условий труда. Значимую роль в детерминации миграционных процессов играли факторы уровня жизни населения, развития экономики и инноваций [53].

В диссертации *О.Н. Калачиковой* (научный руководитель – А.А. Шабунова) разработан авторский подход к исследованию репродуктивного поведения населения, определены его современные тренды, а именно малодетность и старение материнства, удлинение протогенетического интервала, недостаточно грамотное контрацептивное поведение наряду со снижением распространенности абортных практик. Ключевые причины малодетности кроются в снижении потребности в детях, а в случае нереализации репродуктивных планов – в неблагоприятности материальных условий [54]. В развитие исследования с применением метода дерева целей построены модели репродуктивного [55] и самосохранительного поведения населения (А.В. Короленко) [56].

Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения остается одним из наиболее значимых трендов развития современного общества. Это важный фактор социальных трансформаций, влияние которых на общество может быть как прямым, так и косвенным. **Старение населения** вызывает радикальные изменения в демографической, социальной структуре общества, системах производства, распределения и потребления и влияет, в конечном счете, на положение всех социальных групп и слоев. Это направление легло в основу диссертационного исследования *В.Н. Барсукова* (научный руководитель – А.А. Шабунова). Анализ тенденций демографического старения в России и отдельных субъектах Федерации на основе расчета показателей демографического старения (коэффициент старения, индекс старения, демографическая нагрузка за счет пожилых, возрастные показатели старения) позволяет сделать вывод о сближении большинства показателей старения населения РФ с показателями развитых стран, а также о «выравнивании» процесса старения [57]. Старение населения характерно для всех субъектов Федерации, дифференциация его показателей относительно невелика (по сравнению с показателями рождаемости и смертности) [58]. Изучены и факторы активного долголетия [59].

Под руководством А.А. Шабуновой продолжает развиваться мониторинг условий формирования детского поколения. Актуализированы исследования здоровья школьников [60],

нервно-психического здоровья детей [61; 62], выявления и развития одаренных детей [63] (*И.Н. Разварина, Л.Н. Нацун (Фахрадова)*). Обнаружено, что большая часть родителей не обладает адекватными знаниями о здоровье и развитии детей, что ставит вопрос о повышении эффективности медико-гигиенического консультирования и просвещения в целом. Установлена необходимость эффективного межведомственного взаимодействия семьи, здравоохранения и образования.

С целью углубления исследований крайних проявлений нездоровья и оценки потенциала группы *Л.Н. Нацун* осуществляет изучение инвалидизации населения, масштабов инвалидности и ее последствий (научный руководитель – А.А. Шабунова). В ряде научных работ предложен и апробирован авторский инструментарий оценки качества жизни инвалидов. Обосновано, что трудоустройство безработных инвалидов служит одним из направлений повышения их качества жизни, а экономический эффект, который может быть получен при создании рабочих мест для инвалидов, по своей величине превышает затраты на их создание. Выделены ключевые барьеры социального участия инвалидов, проанализированы концептуальные основы социальной политики в отношении таких людей, предложены управленческие инструменты повышения их качества жизни [64–68].

Изучены текущие актуальные вызовы общественного здоровья – распространение ВИЧ-инфекций [69], злокачественных новообразований [70], смертности детей в перинатальный период [71], вредных привычек [72; 73].

Негативные проявления демографического развития рассмотрены с точки зрения их влияния на экономическое развитие. Проведена оценка репродуктивных потерь [74], преждевременной смертности [75; 76], смертности детского населения [77], бремени болезней [78], инвалидности [79].

Разработана методология оценки миграции в соответствии с концепцией трехстадийности миграционного процесса Л.Л. Рыбаковского (*А.П. Будилов, научный руководитель – О.Н. Калачикова*). Предлагаемый подход включает набор параметров и их индикаторов на стадии формирования миграционных установок,

собственно перемещения и приживаемости мигрантов [80]. Проведен анализ внутренних миграционных потоков [81] и миграционной политики России [82].

Исследования состояния института семьи и брака, родительства представлены в ряде публикаций *О.Н. Калачиковой, М.А. Груздевой, В.Н. Барсукова* [83–87]. На современном этапе развития для института семьи характерны практически свершившаяся легитимация сожительства, малодетность, нуклеаризация, изменение возрастной модели брачности и рождаемости [88], распространение «моды» на ответственное родительство, в первую очередь активное вовлеченное отцовство.

Отдельный блок самостоятельных исследований посвящен анализу и оценке эффективности демографической политики в сфере регулирования рождаемости [89–91] и формирования общественного здоровья и здоровья детей [92–95]. По методике В.А. Борисова рассчитан индекс гипотетического минимума естественной рождаемости и определена степень его реализации. Расчеты показали, что существует потенциал увеличения рождаемости, население лабильно к демографической политике, обоснована необходимость использования информационно-пропагандистских инструментов наряду с материальными и институциональными мерами стимулирования рождаемости [96–98].

На сегодняшний день разработана методология и осуществляется мониторинг демографических процессов и их детерминант на уровне страны, макрорегионов, регионов России. Сформированы база данных статистической информации о демографическом развитии и массив социологических данных о демографическом поведении населения Вологодской области, разработаны предложения по повышению эффективности демографической политики [99]. В 2020 году под руководством А.А. Шабуновой при поддержке научного руководителя ВолНЦ РАН члена-корреспондента РАН, д.э.н. В.А. Ильина подготовлен первый региональный демографический доклад Вологодской области. Регион относится к числу территорий с нисходящей демографической динамикой, естественной и миграционной убылью.

Ключевые направления стабилизации численности населения — снижение смертности, особенно предотвратимой, и стимулирование рождаемости, интенсивность которой может быть достигнута за счет увеличения детности семей. В регионе реализуется широкий комплекс мер поддержки семей с детьми, но их характер позволяет отнести их большую часть к социальной политике, направленной на снижение неравенства (монетарного и немонетарного), а не собственно демографические цели [100].

Активно ведутся исследования в составе коллабораций с учеными из разных регионов России. А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова являются активными членами Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН, который осуществляет методическое сопровождение национального проекта «Демография».

О перспективах развития научного направления

Демографическая повестка становится все более актуальной, особенно для России с ее обширной территорией и незаселенным пространством. Для решения возникающих проблем все более необходим научно обоснованный подход. Понимание причин и последствий изменения демографической ситуации — залог эффективности демографической и социальной политики, на что указывают международные и российские исследования.

Как выстроить политику? Как соблюсти баланс между естественным движением населения и миграцией? Что делать с центростремительной миграцией, которая ведет к обезлюдению территорий? Как сформировать здоровьесберегающее поведение? Для ответа на эти вопросы требуются углубленные исследования, новые методологические подходы, анализ на региональном и даже муниципальном уровне. В связи с этим в перспективе — развитие и углубление текущих исследований, освоение новых методов демографического анализа, прогнозирования и моделирования, междисциплинарный поиск концептуальных основ, объясняющих современные тренды демографического развития, регулярный мониторинг демографических процессов.

Литература

1. Шабунова А.А., Морев М.В., Кондакова Н.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 262 с.
2. Ильин В.А., Шабунова А.А. Формирование здорового поколения: реальность и проблемы. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1999. 34 с.
3. Ильин В.А., Шабунова А.А. Проблемы здорового детства: региональный аспект. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2000. 59 с.
4. Копейкина Н.А. Роль образа жизни в сохранении здоровья детей // Проблемы развития территории. 2012. № 1 (57). С. 72–82.
5. Кондакова Н.А. Оценка здоровья детей Вологодской области за 1995–2019 гг.: метод когортного анализа // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. Т. 65. № 6. С. 5.
6. Шабунова А.А., Вологодина Е.Л. Формирование здоровья детей: от роддома до школы (основные итоги семи лет исследования). Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 96 с.
7. Репродуктивный потенциал населения региона: состояние, тенденции, перспективы / колл. авторов под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. 208 с.
8. Степаненко В.В., Шабунова А.А. Влияние материального положения семьи на здоровье детей // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 1 (45). С. 80–85.
9. Римашевская Н.М., Шабунова А.А. Здоровье школьников: тенденции и определяющие факторы // Народонаселение. 2011. № 4 (54). С. 4–16.
10. Разварина И.Н., Нацун Л.Н. Здоровье детей Вологодской области от 0 до 3 лет // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. Т. 65. № 1. С. 7.
11. Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 (35). С. 33–54.
12. Шабунова А.А. Качество нового поколения // Народонаселение. 2012. № 3 (57). С. 83–90.
13. Шабунова А.А. Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 116–128.
14. Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Условия жизни семей с новорожденными детьми и факторы формирования здоровья в детстве // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 106–114.
15. Римашевская Н.М. Детское население в России: основные проблемы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1 (13). С. 59–70.
16. Копейкина Н.А. Проблемы сохранения здоровья школьников // Проблемы развития территории. 2012. № 4 (60). С. 44–52.
17. Разварина И.Н., Груздева М.А. Здоровье детей школьного возраста: факторы риска // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 4. С. 115–120.
18. Качество молодого поколения в контексте модернизации России: монография / А.А. Шабунова [и др.]; под общ. ред. д.э.н. А.А. Шабуновой. Вологда, 2016. 235 с.
19. Копейкина М.А. Экономико-математическое моделирование репродуктивного поведения населения региона // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2006. № 1 (32). С. 55–63.
20. Ласточкина М.А. Моделирование репродуктивного поведения населения региона // Проблемы прогнозирования. 2007. № 4 (103). С. 146–152.
21. Копейкина М.А., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение и репродуктивные установки женщин // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2004. № 4 (27). С. 64–71.
22. Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Возможности реализации прав по охране и укреплению репродуктивного здоровья: гендерный диспаритет // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2007. № 1 (36). С. 70–78.
23. Ласточкина М.А., Шабунова А.А. Репродуктивный потенциал населения Вологодской области // Регион: Экономика и Социология. 2007. № 2. С. 129–136.

24. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Репродуктивное здоровье как фактор качества воспроизводства населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 3 (7). С. 73–81.
25. Состояние здоровья населения региона: тенденции и перспективы / А.И. Попугаев [и др.]. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2003. 68 с.
26. Гулин К.А., Тихомирова Г.В. Условия охраны и укрепления здоровья в оценках населения региона // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2003. № 4 (23). С. 62–67.
27. Гулин К.А., Тихомирова Г.В. Социальные аспекты общественного здоровья в регионе в 2004 году // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2005. № 1 (28). С. 90–96.
28. Шабунова А.А., Рыбакова Н.А., Тихомирова Г.В. Индекс здоровья населения Вологодской области // Вопросы статистики. 2008. № 5. С. 73–77.
29. Шабунова А.А., Рыбакова Н.А., Тихомирова Г.В. Факторы, ограничивающие здоровье населения региона (на примере Вологодской области) // Социологические исследования. 2009. № 8 (304). С. 85–91.
30. Калачикова О.Н., Корчагина П.С. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона // Проблемы развития территории. 2012. № 5 (61). С. 72–82.
31. Корчагина П.С. Самосохранительное поведение молодежи (на примере студентов гуманитарных факультетов вузов) // Проблемы развития территории. 2012. № 3 (59). С. 93–98.
32. Шабунова А.А., Маланичева Н.А. Здоровье населения в крупных городах: тенденции и особенности: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 96 с.
33. Шабунова А.А. Здоровье студенческой молодежи: ценностные установки и поведенческие практики // Народонаселение. 2012. № 4 (58). С. 92–99.
34. Маланичева Н.А. Здоровье населения крупного города // Проблемы развития территории. 2012. № 1 (57). С. 57–71.
35. Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3 (27). С. 123–132.
36. Шабунова А.А., Богатырев А.О. Вологодская область: перспективы демографического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 3 (11). С. 51–60.
37. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Рождаемость и воспроизводство населения территории: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 148 с.
38. Калачикова О.Н., Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Тенденции и перспективы демографического развития России и Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 5 (23). С. 143–153.
39. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
40. Морев М.В., Шабунова А.А., Гулин К.А. Социально-экономические и демографические аспекты суицидального поведения: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010.
41. Шабунова А.А., Морев М.В. Разработка методологического подхода к изучению социального здоровья как индикатора общественного развития // Социологический альманах. Мн.: Беларуская навука, 2015. С. 473–487.
42. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
43. Шабунова А.А., Калашников К.Н., Калачикова О.Н. Общественное здоровье и здравоохранение территорий / под рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 284 с.
44. Шабунова А.А. Общественное здоровье и его измерение // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 173–181.
45. Шабунова А.А., Дуганов М.Д., Калашников К.Н. Преждевременная смертность как причина экономических потерь региона // Здравоохранение Российской Федерации. 2012. № 3. С. 26–30.

46. Калашников К.Н., Шабунова А.А., Дуганов М.Д. Организационно-экономические факторы управления региональной системой здравоохранения: монография. Вологда, 2012. 153 с.
47. Шабунова А.А., Копейкина М.А. Современная демографическая ситуация в Вологодской области: репродуктивный аспект // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2004. № 1 (24). С. 51–55.
48. Региональные особенности смертности населения / А.А. Шабунова, Н.А. Рыбакова, Е.А. Чекмарева, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 1 (1). С. 105–116.
49. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) // Проблемы прогнозирования. 2013. № 5. С. 129–136.
50. Калачикова О.Н., Короленко А.В. Региональная дифференциация демографического развития России в контексте демографической безопасности // Проблемы развития территории. 2015. № 6. С. 127–142.
51. Короленко А.В. Дифференциация смертности в регионах России: метод многомерной группировки // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 5. DOI: 10.15838/tdi.2020.5.55.2. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28745>
52. Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А. Сравнительный анализ региональных различий института семьи: метод кластерного анализа // Сегодня и завтра российской экономики. 2019. № 95–96. С. 5–21.
53. Короленко А.В. Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных // Проблемы развития территории. 2019. № 5 (103). С. 170–188. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.11
54. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Особенности репродуктивного поведения населения // Социологические исследования. 2012. № 8 (340). С. 78–84.
55. Калачикова О.Н., Короленко А.В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. № 4. С. 109–121.
56. Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 248–263. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16
57. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 76–87.
58. Барсуков В.Н. Региональные особенности процесса демографического старения в Российской Федерации // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.5
59. Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей / О.Н. Калачикова, В.Н. Барсуков, А.В. Короленко, Е.Б. Шулепов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 76–94. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.4
60. Разварина И.Н., Груздева М.А. Здоровье детей школьного возраста: факторы риска // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 4. С. 115–120.
61. Разварина И.Н., Фахрадова Л.Н. Нервно-психическое развитие детей: актуальные проблемы оценки (по данным мониторинга в Вологодской области) // Социальное пространство. 2016. № 5 (7).
62. Разварина И.Н. Здоровье как фактор формирования личностных качеств подростков // Вопросы территориального развития. 2016. № 3 (33).
63. Разварина И.Н., Груздева М.А. Проблемы выявления одаренных детей в России // Социальное пространство. 2017. № 5 (12).
64. Нацун Л.Н. Инвалидизация населения стран Европы как индикатор результативности их политики в сфере здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 200–219. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.13
65. Нацун Л.Н. Гендерные особенности инвалидизации российского населения // Социальное пространство. 2019. № 3 (20).
66. Кондакова Н.А., Нацун Л.Н. Инвалидность детского населения как медико-социальная проблема // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 4 (15). С. 285–296.
67. Нацун Л.Н. Исследование особенностей статистического учета первичной инвалидности взрослого населения в России в контексте социальной политики // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 2 (12). С. 32–47.

68. Нацун Л.Н., Калачикова О.Н. Трудовые доходы людей с инвалидностью (на примере Вологодской области) // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2019. Т. 18. № 1. С. 127–143. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.1.007
69. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В. Обзор мировых и региональных тенденций заболеваемости ВИЧ-инфекцией и обусловленной ей смертности // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 2 (54). DOI: 10.21045/2071-5021-2017-54-9. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/824/27/lang,ru/>
70. Нацун Л.Н. Злокачественные новообразования как угроза общественному здоровью (особенности ситуации в Вологодской области) // Социальное пространство. 2019. № 1 (18).
71. Нацун Л.Н. Снижение смертности детей в перинатальный период: актуальность задачи и территориальная специфика ситуации в России // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 76–89.
72. Корчагина П.С. Потребление алкоголя: тенденции и социальные последствия // Проблемы развития территории. 2011. № 3 (55). С. 77–83.
73. Короленко А.В. Стресс как фактор риска здоровья населения и распространения вредных привычек // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 1 (12). С. 3–26. URL: <http://journal.asu.ru/index.php/zosh>
74. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Анализ упущенной экономической выгоды от репродуктивных потерь // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2012. № 5. С. 86–97.
75. Морев М.В., Короленко А.В. Оценка демографических и социально-экономических потерь вследствие смертности населения России и Вологодской области // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2 (29). С. 110–123.
76. Шабунова А.А., Калашников К.Н. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 4 (4). С. 53–61.
77. Разварина И.Н. Оценка экономического ущерба от смертности детского населения // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2018. Т. 17. № 4. С. 620–634.
78. Фахрадова Л.Н., Калачикова О.Н. Оценка бремени болезней в регионе // Проблемы развития территории. 2016. № 4 (84). С. 109–123.
79. Нацун Л.Н., Шабунова А.А. К вопросу об экономической цене инвалидности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 160–174.
80. Калачикова О.Н., Будилов А.П. К вопросу об измерении миграционных процессов // Проблемы развития территории. 2018. № 4. С. 7–17.
81. Будилов А.П. Внутрироссийская миграция: дифференциация регионов и ее факторы // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 97–106. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.6
82. Будилов А.П. Миграционная политика, переселенческие установки и «приживаемость» жителей Вологодской области // Журнал социологических исследований. 2020. № 4. С. 61–68.
83. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Проблемы трансформации демографических институтов: семья и брак // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 151–164.
84. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14).
85. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 64–76.
86. Ильдарханова Ч.И., Калачикова О.Н. Концептуализация понятия «генеративное поведение»: методологические возможности гендерного подхода // Казанский экономический вестник. 2019. № 5. С. 77–84.
87. Груздева М.А., Калачикова О.Н. Представления мужчин о браке и родительстве (по данным Вологодской области) // Human Progress. 2019. Т. 5. Вып. 7. DOI: 10.34709/IM.157.5. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_7/Gruzdeva.pdf, свободный.
88. Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Возраст матери при рождении первого ребенка: динамика, региональные различия, детерминация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 5. С. 200–217. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.12

89. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Демографическая политика России: региональный аспект // Экономика региона. 2012. № 3 (31). С. 77–89.
90. Доброхлеб В.Г., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Региональные возможности регулирования репродуктивного поведения населения // Регион: Экономика и Социология. 2012. № 3 (75). С. 108–119.
91. Кондакова Н.А. Современная социальная поддержка семей с детьми // Проблемы развития территории. 2015. № 3 (77). С. 72–87.
92. Касимов Р.А., Разварина И.Н. Апробация модели формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства на муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 (35). С. 222–237.
93. Кондакова Н.А., Нацун Л.Н. Оценка показателей общественного здоровья в России в контексте выполнения целей устойчивого развития ООН // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18. № 4 (133). С. 5–13.
94. Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Региональный опыт реализации программы модернизации здравоохранения // Здравоохранение Российской Федерации. 2014. Т. 58. № 2. С. 8–13.
95. Российское здравоохранение: проблемы управления и эффективность: монография / А.А. Шабунова [и др.]; под общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда, 2017. 244 с.
96. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Демографический потенциал и стимулирование рождаемости // Народонаселение. 2016. № 4 (74). С. 47–56.
97. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Возможности и резервы повышения рождаемости в России // Проблемы развития территории. 2013. № 6 (68). С. 66–72.
98. Калачикова О.Н. Тенденции и перспективы репродуктивного поведения населения на примере Вологодской области: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. Москва, 2013.
99. Динамика населения России в XXI веке. Социодемографический анализ: монография / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 270 с.
100. Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Вологодской области: науч.-справоч. издание / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. 122 с.

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Shabunova A.A., Kalachikova O.N.

Demographic Studies in VolRC RAS: Formation of the Scientific School

Abstract. The article describes main stages of the formation of the demographic studies school in the Vologda Research Center of RAS. We present the development of the system of thematic areas of employees' research historically: from its emergence until the present moment. The relevance of sociodemographic topics is related to the necessity to respond to demographic challenges of social development, such as depopulation, caused by low birth rates and relatively high mortality, population ageing, and the prevalence of poor health. Monitoring of trends and identification of determinants lead to a comprehensive understanding of the nature and causes of demographic dynamics, adding new knowledge to the demographic science. These studies help to find tools for preserving people in the country and in the

region, strengthening public health, and adapting to the transformation of the population's age structure. The thematic topic of works covers all demographic processes: birth rate, mortality, marriage and divorce; patterns of the public health development and conditions for the formation of a healthy generation are studied, monitoring and evaluation of the demographic policy effectiveness are carried out. Due to the significance of behavioral factors of demographic development, the research of the population's demographic behavior is of special importance in the studies. VolRC RAS develops and implements the system of matrimonial, reproductive, self-preservation, and migration behavior monitoring using sociological methods. Despite depopulation, studies on the health formation, first of all, among children are still relevant. At the current stage of Russia's social development, social status of a family, the level of pedagogical competence and medical activity act as important health determinants together with external socio-economic conditions. The purpose of this work is to review socio-demographic studies which have been conducted by employees of the Vologda Research Center of RAS for the past 30 years.

Key words: demographic studies, depopulation, public health, children's health, population ageing, demographic policy.

Information about the Authors

Alexandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Ol'ga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Director for Scientific Work, Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 01.02.2021.

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.2

Главному редактору журнала В.А. Ильину – 80 лет!

19 января 2021 года исполнилось 80 лет научному руководителю Вологодского научного центра Российской академии наук члену-корреспонденту РАН, заслуженному деятелю науки РФ, главному редактору журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» Владимиру Александровичу Ильину.

Научно-экспертное сообщество знает его как талантливого управленца, основателя первого подразделения Российской академии наук в городе Вологде, человека с огромным жиз-

ненным опытом, обладающего способностью предвидеть перспективное и верно расставлять приоритеты, соединять и направлять усилия на достижение намеченной цели.

Путь Владимира Александровича в науку был предопределен поворотами судьбы, которые привели его из небольшого уральского городка, где он закончил школу, сначала в Ленинград, а потом в Вологду. Получив рабочую закалку в цехах Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО) и опыт работы в активе комсомольской организации в

качестве заместителя секретаря комитета комсомола, В.А. Ильин за 20 лет преодолел несколько уровней управления производственным процессом, став заместителем начальника планово-производственного отдела большого предприятия. Как представитель администрации ЛОМО, он приехал в командировку координировать работу с Вологодским оптико-механическим заводом и остался в Вологде. Более десяти лет Владимир Александрович был директором производственного объединения ВОМЗ. За 30 лет трудовой деятельности в оборонном комплексе, пройдя лестницу должностей от рабочего до руководителя крупного производственного объединения, он научился мыслить экономическими категориями, выстраивать эффективную систему управления, создавать благоприятный психологический климат в большом коллективе и главное — работать системно. Этот опыт оказался полезным, когда В.А. Ильин в декабре 1990 года основал и возглавил научную организацию, которая преодолела путь от регионального подразделения до самостоятельного института, реорганизованного в научный центр — ВолНЦ РАН.

В.А. Ильин является основателем и руководителем научной школы «Проблемы комплексного исследования региональных экономических и социальных процессов». Участниками школы за 2006—2020 гг. подготовлено и защищено 40 диссертаций, из них 4 под научным руководством В.А. Ильина. Он ведет активную работу по интеграции научной и образовательной деятельности. Выступил инициатором уникального проекта — Научно-образовательного центра, созданного при ИСЭРТ РАН (сейчас — ФГБУН ВолНЦ РАН), где реализуется интегрированная система обучения школьников, магистрантов, аспирантов, обеспечивающая подготовку высококвалифицированных специалистов для науки, образования и экономики.

Вышло в свет более 380 научных трудов, подготовленных В.А. Ильиным лично и под его руководством. Сфера его научных интересов определяется региональной проблематикой, причем с особым упором на социальные вопросы. Владимир Александрович активно занимается изучением и поиском путей решения проблем повышения эффективности государственного управления, резервов роста доходов федеральных, региональных и местных бюдже-

тов, рационализации их доходов, повышения роли ведущих промышленных корпораций в укреплении бюджетов всех уровней, региональной и национальной безопасности. В статьях и монографиях В.А. Ильина всегда присутствуют конструктивные размышления по поводу ускорения темпов роста самоорганизации отечественной экономики, четко просматривается искренняя озабоченность тем, что нынешний характер развития социально-экономической ситуации в стране угрожает процессам реальной демократизации российского общества.

Визитной карточкой ВолНЦ РАН выступает единственная в России региональная информационная база, охватывающая комплекс социометрических показателей почти за 20 лет. Она появилась благодаря проведению мониторинга общественного мнения жителей о социально-экономических трансформациях в стране и регионе, инициатором которого стал Владимир Александрович.

В.А. Ильин основал нескольких научных журналов, издаваемых в Вологодском научном центре РАН. Более двадцати лет он был главным редактором журнала «Проблемы развития территории», под его руководством начал выпускаться сетевой журнал «Вопросы территориального развития». Ключевым изданием для В.А. Ильина стал журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», бессменным главным редактором которого он является с 2008 года. Тематика журнала формируется в соответствии с требованиями времени. Выпуски разных лет стали своеобразной хроникой, отражающей ключевые вехи экономического и социального развития российских и ряда зарубежных регионов. В 2015 году он первым среди экономических российских журналов был включен в международную наукометрическую базу данных Web of Science, пройдя отбор в новый индекс Emerging Sources Citation Index, охватывающий самые важные региональные журналы.

Владимир Александрович является организатором и идейным вдохновителем подавляющего большинства научных исследований ВолНЦ РАН, однако его личным делом, формой выражения его точки зрения на широкий комплекс процессов, происходящих в мире, стране и регионе, выступает рубрика «От главного редактора», присутствующая в каждом но-

мере журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

Статьи от главного редактора ведущего периодического издания ВолНЦ РАН представляют собой квинтэссенцию, то есть лаконичную форму изложения идей, мыслей и наблюдений, возникающих в процессе критического анализа общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране. Несмотря на то что Владимир Александрович является непосредственным автором публикуемых в данной рубрике материалов, они отражают концептуальную позицию и редакции журнала, и всего научного центра.

Это не только взгляд ученого, но взгляд человека, «пропускающего» через себя весь спектр общественно-политической повестки настоящего времени, испытывающего личные переживания по этому поводу. В связи с этим рубрика «От главного редактора» представляет собой не столько цикл именно научных статей, сколько «новый жанр текстов в научной общественно-ведческой периодике», — как отметили многие уважаемые в российской науке эксперты, — «дневник ученого, человека, глубоко озабоченного не только постижением сложной общественной ткани страны в эпоху бурных социальных и экономических изменений, но и желанием влиять на эти происходящие перемены».

Пожалуй, кроме этого, можно назвать три «слагаемых успеха», выступающих фундаментом рубрики «От главного редактора»:

во-первых, широкий, но в то же время очень точный диапазон тематических аспектов, поднимаемых автором, который в каждом новом материале затрагивает как наиболее острые текущие проблемы эффективности государственного управления и взаимодействия общества и власти в России, так и комплексные вопросы, связанные с национально-культурными особенностями российского социума, его историей, спецификой международных политических отношений и, в целом, глобальными тенденциями развития мировой цивилизации;

во-вторых, скрупулезный подход к выбору источников информации, целью которого является достижение максимально объективного

взгляда на складывающуюся в стране и мире ситуацию; для этого используются оценки независимых экспертов из различных сфер деятельности, официальные выступления и законодательные инициативы лиц, принимающих управленческие решения, а также данные международных, общероссийских и региональных социологических исследований, представляющих своего рода точку зрения общества;

наконец, в-третьих, немаловажное значение имеет регулярность выхода в свет статей в рубрике «От главного редактора» (6 раз в год), что позволяет автору «держать руку на пульсе» мировых событий и процессов и выступать в роли «„всероссийского дежурного“ по проблемам политического управления в стране» (как прозвучало однажды в одном из отзывов на его публикации).

В заключение отметим, что более 50 статей, опубликованных в рубрике «От главного редактора» за последние 8 лет, освещая наиболее резонансные события, привели к комплексному, научно обоснованному и, что особенно значимо, идейному представлению о современных тенденциях развития ситуации в стране и в мире. Это нашло отражение и в публикационной форме — в виде двух томов издания «Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора», которое рецензенты справедливо назвали «памятником и летописью эпохи».

Дирекция, профсоюзный комитет, редакция журнала и весь коллектив Вологодского научного центра РАН желают юбиляру крепкого здоровья, прекрасного настроения, неиссякаемой творческой энергии и новых ярких побед!

Уважаемый Владимир Александрович! Выражаем Вам глубокую признательность за то, что все эти годы Вы создавали и создаете боевой настрой и творческий потенциал нашего коллектива, целенаправленно передаете свой уникальный опыт и знания молодежи. У Вас очень много благодарных учеников! Пусть Ваш талант как ученого и прекрасного организатора еще долгие годы вносит вклад в развитие экономической науки!

Директор ВолНЦ РАН д.э.н. А.А. Шабунова,
члены Ученого совета ВолНЦ РАН

V.A. Pyin — Journal Editor-in-Chief — Celebrates His 80th Anniversary

Рентабельность капитала как драйвер экономического роста*

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье предложена простая модель экономического роста, основанная на описании динамики накопления основного капитала. Особенность полученного фундаментального уравнения экономического роста состоит в явной увязке показателей темпа роста ВВП и уровня рентабельности капитала, что позволяет не только получить неравенство Т. Пикетти, но и строго определить условия его выполнения. Своеобразие фундаментального уравнения экономического роста заключается в постулировании первичности процесса круговорота капитала, который при определенных условиях может обеспечить режим экономического роста. Основным отличием авторской модели от более ранних построений является агрегирование большинства факторов роста в один параметр — норму прибыли (рентабельность капитала), выступающую в качестве главного драйвера расширения экономики. Для усиления объяснительной способности фундаментального уравнения экономического роста рассмотрено два сектора экономики — обычный (с низкой рентабельностью капитала) и особый (с очень высокой доходностью капитала). Такой подход позволяет разделить режим экономического роста на раннюю и зрелую стадии, которые радикально различаются величиной макроэкономических параметров. Показано, что ранняя стадия характерна для периода выхода экономики из мальтузианской ловушки и перехода от производственной депрессии к устойчивому росту. Экспериментальные расчеты по модели свидетельствуют, что для преодоления ловушки бедности необходимо существование в национальной экономике особого сектора с годовой доходностью капитала в сотни процентов.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации на 2021 год по теме «Технологические, структурные и социальные факторы долгосрочного экономического роста» (AAAA-A19-119080990043-0).

Для цитирования: Балацкий Е.В. Рентабельность капитала как драйвер экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.3

For citation: Balatsky E.V. Return on equity as an economic growth driver. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.3

Такой результат согласуется с имеющимися историческими данными о прибыльности экономических операций на переломном этапе развития – при смене феодального уклада на капиталистический. Расчеты также показали, что для зрелой стадии экономического роста столь высокие требования к прибыльности бизнеса не предъявляются, а тезис о необходимости существования особого сектора теряет свое значение. Помимо прочего, фундаментальное уравнение экономического роста позволяет очертить контуры конечной стадии капиталистического способа хозяйствования.

Ключевые слова: экономический рост, рентабельность капитала, мальтузианская ловушка.

Введение

Вряд ли будет большим преувеличением утверждение о том, что современная экономическая наука является преимущественно наукой об экономическом росте, который, в свою очередь, отождествляется с цивилизационным развитием. Такое значение феномена экономического роста связано со многими причинами. В их числе и тот факт, что он не является «естественным» природным режимом существования человечества, а насчитывает от силы 250–300 лет. До этого на протяжении примерно 10 тыс. лет человечество пребывало в режиме так называемой мальтузианской ловушки, или ловушки бедности. Таким образом, смена экономического режима сама по себе представляет собой экстраординарное явление. По этому поводу имеется весьма симптоматичное высказывание Д. Норта: «Экономический рост был исключением, а правилом – стагнация и упадок...» [1, с. 193].

В словах Норта недвусмысленно заложено предположение о том, что в будущем человечество, скорее всего, снова вернется к режиму стагнации. Однако исследователь не одинок в своем мнении. Например, Р. Лукас констатирует следующее: «Современные теории устойчивого роста... абстрагируются от изучения предложения земли и вообще от ограниченных ресурсов. Подобные теории могут объяснять и объясняют длинные экономические ряды достаточно хорошо, но это не сможет продолжаться долго»; «...Становится все более очевидным то, что наследие неравенства, побочный продукт роста, является исторически преходящим»¹. Еще более категоричен Т. Пикетти, считающий, что представление о

«нормальности» экономического роста с годовым темпом в 3–4% – это типичная «иллюзия как с исторической, так и с логической точки зрения» [2, с. 107]. Следовательно, многие авторитетные экономисты современности высказывают сомнения относительно продолжения длительного и интенсивного роста мирового производства.

В последнее время набирает обороты направление исследований, связанных с «концом роста». Например, Р. Хейнберг доказывает, что экономический рост достиг физического предела и на его пути стоят три непреодолимых препятствия: истощение важных природных ресурсов; ухудшение экологической обстановки; перенакопление государственной и негосударственной задолженности [3]. Тем самым общество находится на пороге совершенно иного режима экономического развития, предполагающего не количественное увеличение массы благ, а их качественное усовершенствование.

Учитывая сказанное, цель работы состоит в рассмотрении простой макромоделли экономического роста, которая поможет понять механизм выхода из мальтузианской ловушки и перехода к режиму экономического роста, а также позволит определить те проблемы, с которыми придется столкнуться человечеству при возвращении к состоянию экономической стабильности. Данные вопросы непосредственно связаны с источниками и условиями роста, позволяющими запустить ускоренное экономическое развитие. Новизна предложенного подхода состоит в рассмотрении экономического роста как следствия процесса круговорота капитала. Важным достоинством построенной модели выступает явная увязка темпов экономического роста с величиной рентабельности капитала.

¹ Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 288 с. С. 253, 256.

Описание экономического роста: обзор ключевых идей

Исследования экономического роста настолько многочисленны и разнообразны, что охватить их полностью невозможно. В связи с этим рассмотрим лишь некоторые аспекты данной проблемы, которые имеют непосредственное отношение к дальнейшим модельным построениям.

Факторы экономического роста. Общая линия исследований факторов экономического роста была задана Р. Солоу еще в 1956 году моделью, в которой совокупный выпуск зависел от объема капитала, трудовых ресурсов и технологического прогресса [4]. Последующие поколения экономистов уточняли модель Солоу за счет введения фактора человеческого капитала [5], затрат на исследования и разработки [6], степени вовлеченности страны в глобальную экономику [7] и т. п.

Изучение вклада основных факторов производства в рост экономики привело к осознанию значимости эластичности замещения труда капиталом как меры уровня развития всей экономической системы [8]. В частности, масштаб влияния этого параметра был использован для объяснения дисперсии среднедушевого дохода [9], различий в уровне экономического развития стран [10], а также направления технологической модернизации [11]. В целом, согласно неоклассической традиции, экономический рост представляет собой следствие процесса аккумуляции основного капитала [12]. На выборке из крупнейших мировых экономик за период с 1870 по 1979 год было установлено, что наибольший эффект от ускоренного накопления капитала наблюдается при догоняющем развитии, когда требуются обильные средства для запуска новых производств [13].

Подчеркнем, что уже ранняя модель Солоу базировалась на так называемом тождестве для валовых инвестиций, что, в свою очередь, позволило установить *золотое правило накопления*, зависящее от величины капиталовооруженности. На основе данных об американской экономике за 1909–1949 гг. Солоу показал, что рост ВВП в этот период детерминировался как технологическим прогрессом, так и увеличением капитала [14]. Таким образом, традиция описания экономического роста восходит к учету динамики накопления основного

капитала. Этот тезис в дальнейшем будет использоваться в качестве отправного.

Учет технологического прогресса. Уже в самых ранних моделях роста был введен постулат о зависимости производительности труда от капиталовооруженности [15; 16; 17]. Более того, эта функциональная зависимость имела степенной вид с коэффициентом, меньшим 1. Одним из эмпирических подтверждений данного подхода служит сравнение динамики экономик США и Великобритании: в период с 1840 по 1910 год при сохранении приблизительно равных страновых значений совокупной факторной производительности в США наблюдался более быстрый рост производительности труда, что объясняется их почти полуторагодовым превосходством в величине капиталовооруженности [18].

Позднее однофакторная модель успешно применялась в прикладных исследованиях. В частности, она использовалась с целью кластеризации отраслей экономики Китая по принципу достаточности капиталовооруженности [19]. Аналогичным образом на примере Китая была показана динамика зависимости производительности труда от капиталовооруженности на разных временных интервалах [20]. Похожая модель с учетом потока, а не запаса капитальных ресурсов использовалась в целях оценки периодов избыточного инвестирования для марокканской экономики в период с 1970 до начала 2010-х гг. [21]. Таким образом, простота однофакторной модели не умаляет ее диагностической ценности и позволяет получить содержательные результаты.

Впоследствии большую популярность получила модель эндогенного технологического прогресса Агьона – Ховитта. В ней было дано теоретическое описание процесса смены разных поколений технологий [22; 23]. При этом степенная функция сохраняется, но дополнительно вводится специальный оператор технологического прогресса, учитывающий смену поколений производственных технологий [22].

Очередная эмпирическая проверка гипотезы о нелинейной связи производительности труда и капиталовооруженности была предпринята в 2020 году. Она показала, что только в Канаде, США, России, Франции и Финляндии искомый степенной коэффициент значимо больше 1. Это говорит о наличии в них *техно-*

логического эффекта масштаба; в других государствах, попавших в выборку, такой эффект не обнаружен [24]. Следовательно, традиция описания экономического роста предполагает также и представление о степенной зависимости производительности труда от технологической оснащенности рабочего места, т. е. от капиталовооруженности производства. Далее данный тезис будет взят на вооружение.

Выход из мальтузианской ловушки. Помимо моделирования экономического роста как такового, особый интерес представляет процесс перехода от многовековой перманентной депрессии к режиму экономического роста. Так, одна из первых моделей, изучающих стадии мальтузианской ловушки и условия выхода из нее на основе анализа зависимости между трудовыми ресурсами и реальной заработной платой, была предложена в 1980 году [25]. Впоследствии она расширялась и уточнялась [26; 27; 28; 29]. Однако, пожалуй, наиболее фундаментальной работой в указанном направлении считается модель Арцруни – Комлоса, учитывающая взаимообусловленное демографическое и экономическое развитие Мир-Системы на протяжении последних 10 тыс. лет. Преодоление мальтузианской ловушки, по мнению ее авторов, стало возможно в результате индустриальной революции, достаточного накопления капитала (темпы роста которого превышали 5% за декаду) и замедления темпов роста населения (не более 5% за декаду) [30].

Впоследствии моделирование процесса выхода из мальтузианской ловушки продолжилось в трудах как зарубежных [31; 32 и др.], так и отечественных исследователей [33; 34 и др.]. В этом отношении можно считать знаковой работой 2012 года [35], в которой автор говорит о возможности двух способов преодоления мальтузианской ловушки: западные страны достигли этого путем *разрушения* традиционных институтов (общины) и перехода к более эффективным индивидуалистическим институтам, тогда как страны Азии смогли *сохранить* коллективные ценности и институты за счет их грамотной модернизации. Такая трактовка перехода к росту позволяет автору сделать весьма интересный прогноз: к странам, которые в будущем продемонстрируют успешное догоняющее развитие, можно отнести Турцию, Иран, Египет и Индию, тогда как Россия, страны Латинской

Америки и Африки южнее Сахары будут отставать [35]. В другой работе предложено уравнение экономического роста, увязывающее в явном виде темпы прироста ВВП с рентабельностью капитала (нормой прибыли) [36]. Проведенные авторами экспериментальные расчеты показали, что для получения положительных темпов роста необходимо наличие в экономике *особого сектора*, обладающего чрезвычайно высокой прибыльностью, исчисляемой сотнями и тысячами процентов. Данное положение получило название *теоремы об особом секторе*, где под *особым* понимается сектор экономики с рентабельностью, превышающей 100% годовых. Впоследствии этот тезис был эмпирически подтвержден большим числом стилизованных примеров из истории Нового времени [37]. Таким образом, можно говорить о традиции построения моделей экономического роста, которые одновременно позволяли бы раскрыть механизм и условия возникновения самого роста. Указанный принцип будет использоваться в дальнейших построениях.

Экономический рост и рентабельность капитала. Гетерогенность национальной экономики подвергалась изучению с разных сторон. В частности, этой цели служит огромное разнообразие диффузионных моделей, призванных описать создание и распространение инноваций. Сегодня принято различать два типа участников инновационного рынка: *фирмы-инноваторы* (лидеры, создающие инновации) и *фирмы-имитаторы* (те, кто заимствует уже появившуюся на рынке инновацию). Однако ограниченность диффузионных моделей связана с эмпирическим фактом, согласно которому в экономике и в отдельных отраслях сосуществуют разнообразные эффективные технологии, причем полного перетекания в сторону самых новых технологий не происходит. Для объяснения этого факта в 1988 году была предложена модель Полтеровича – Хенкина [38]. Впоследствии она не только обобщалась [39; 40] и модифицировалась [41], но и использовалась для прикладных расчетов на основе данных о рентабельности предприятий черной металлургии СССР за 1976–1988 гг. [42]. Модель Полтеровича – Хенкина явилась знаковым достижением, ибо с ее помощью оказалось возможным в рамках одного относительно простого уравнения совместить процесс экономического роста и технологический прогресс с

учетом фактора неодинаковой рентабельности разных групп предприятий.

На новый уровень проблема связи экономического роста и рентабельности капитала была поднята в научном бестселлере Т. Пикетти [2]. Им было предложено следующее неравенство: $g < r$, где g — темп экономического роста, а r — норма прибыли (рентабельность капитала). Пикетти называет это неравенство *третьим законом капитализма*, который означает, что рекапитализация капитала (имущества), накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растет производство, что, в конечном счете, ведет к углублению социального неравенства во всех своих проявлениях. Благодаря такой интерпретации эффект Пикетти превращается, по образному выражению Д. Макклоски, в «главное неравенство о неравенстве» [43]. Оно подверглось активному обсуждению в научной литературе (обзор критики Пикетти см. в [44]). В частности, Дж. Гелбрейт высказывал мнение о том, что закон Пикетти исчезнет так же быстро, как и появился [45]; более того, он пытался «уточнить» неравенство Пикетти следующим образом: $g < r(1 - u) - h$, где u — налог на доходы с капитала; h — доля дохода капиталиста, отчисляемого на благотворительные цели. Однако более поздние построения позволили получить простую модель, в которой темпы экономического роста в явном виде связаны с рентабельностью капитала и не нарушают общую макроэкономическую логику. Помимо этого, из построенной модели неравенство Пикетти вытекает как некое очевидное следствие, что доказывает его справедливость [36; 44]. Что касается наблюдения Пикетти о том, что на протяжении всей мировой истории до 1700 года доходность капитала была в 10–20 раз выше темпов роста производства [2], то экспериментальные расчеты показали его справедливость, а опасения о чрезмерности подобного разрыва в экономических величинах оказались преувеличенными [44; 46].

Таким образом, можно констатировать традицию увязывания в модельных построениях темпов экономического роста с рентабельностью капитала, которая будет продолжена в дальнейших выкладках.

Рассмотренные выше четыре аспекта моделирования экономического роста задают систему координат, позволяющую осуществлять ана-

литические построения в рамках сложившихся традиций, не вступая с ними в противоречия.

Фундаментальное уравнение накопления капитала

Для получения простого уравнения, связывающего темпы экономического роста и рентабельность капитала, воспользуемся балансовым тождеством накопления основного капитала:

$$K_t = (1 - v)K_{t-1} + I_t, \quad (1)$$

где: t — период времени (год); K_t и K_{t-1} — объем основного капитала в национальной экономике в году t и $t-1$ соответственно; I_t — объем инвестиций в основной капитал в году t ; v — коэффициент выбытия основного капитала (предполагается постоянным).

Теперь воспользуемся традиционным предположением о том, что годовой объем инвестиций I определяется средней склонностью к накоплению (инвестированию) s (предполагается постоянной) и полученным доходом Y . Под последним предполагаем традиционный агрегат ВВП, который в соответствии с системой национальных счетов может определяться по источникам доходов и состоит из валовой прибыли π , затрат на заработную плату W и чистых налогов на продукты и импорт T . Тогда можно записать следующее уравнение:

$$I_t = sY_t = s(\pi_t + W_t + T_t). \quad (2)$$

Для удобства предположим, что структура ВВП стабильна во времени. В связи с этим, введя структурные коэффициенты $\beta = W_t/\pi_t$ и $\gamma = T_t/\pi_t$, уравнение (2) перепишем в следующем виде:

$$I_t = s\pi_t(1 + \beta + \gamma). \quad (3)$$

Теперь подставим формулу (3) в (1) и разделим получившееся выражение на K_{t-1} . Если ввести обозначения для темпа накопления основного капитала $\lambda = K_t/K_{t-1} - 1$ и нормы прибыли на капитал $r = \pi_t/K_{t-1}$, а также предположить неизменность данных двух переменных во времени, то в итоге получим выражение, которое в дальнейшем будем называть *фундаментальным уравнением накопления капитала* (далее — ФУНК):

$$\lambda = -v + sr(1 + \beta + \gamma). \quad (4)$$

Насколько нам известно, ранее в таком виде динамика капитала не описывалась.

Значение ФУНК состоит в явном совмещении скорости накопления основного капитала с его прибыльностью и склонностью к инвестированию. Именно такая форма уравнения (4) позволяет его использовать в дальнейшем при моделировании экономического роста.

Фундаментальное уравнение экономического роста. Следующим шагом к моделированию экономического роста является рассмотрение однофакторной производственной функции:

$$Y_t = f_t K_t, \quad (5)$$

где f_t – капиталотдача, т. е. эффективность производства основного капитала.

На первый взгляд, функция (5) кажется несколько ограниченной в силу своей однофакторности, однако если использовать тождество $f = P/k$, где $P = Y/L$ и $k = K/L$, L – численность занятых в экономике, P – средняя производительность труда, k – капиталовооруженность труда, то в описании (5) будет автоматически учитываться и эффективность труда (P), и технологическая оснащенность рабочего места (k):

$$Y_t = (P_t/k_t)K_t, \quad (6)$$

которое в динамической форме с учетом ФУНК можно представить следующим образом:

$$g = \omega - \sigma - v + sr(1 + \beta + \gamma), \quad (7)$$

где g , ω и σ – темпы прироста выпуска, производительности труда и капиталовооруженности соответственно.

В дальнейшем соотношение (7) будем называть *фундаментальным уравнением экономического роста* (далее – ФУЭР), значение которого состоит в явной увязке темпа экономического роста (g), рентабельности капитала (r), инвестиционной активности (s) и параметров технологического прогресса (ω и σ), что и являлось нашей конечной целью. Заметим, что построенная модель (7) предполагает первичность процесса накопления капитала, а экономический рост становится его следствием. Иными словами, исходным феноменом является круговорот капитала, который при определенных условиях может порождать режим экономического роста.

Отметим, что похожие выкладки были выполнены в более ранних работах [36; 44],

однако в них рассматривались менее удачные формы учета полученного дохода и нормы прибыли, а также не учитывался технологический прогресс в производственной сфере.

Несложно увидеть, что из уравнения (7) в качестве частного случая следует неравенство Пикетти $g < r$, однако его выполнение предполагает соблюдение определенных условий и не является автоматическим и тривиальным. Вместе с тем следует признать, что при реалистичных значениях макроэкономических параметров в ФУЭР неравенство Пикетти почти всегда выполняется.

Условие выхода из мальтузианской ловушки

Хотя из ФУЭР (7) можно получить неравенство Пикетти, оно представляет собой лишь побочный результат анализа. Более важным является определение условий, при которых обеспечиваются положительные темпы экономического роста на начальных этапах капитализма. Мальтузианская ловушка, строго говоря, имеет место при условии $q = \theta$, где q – темп прироста душевого уровня ВВП $Q = Y/N$, N – численность населения. Если ввести темп прироста населения n , то справедливо равенство:

$$q = g - n. \quad (8)$$

Этого достаточно для исследования условий, обеспечивающих выход из мальтузианской ловушки, когда $q > \theta$. Для этого воспользуемся рядом упрощающих предположений, отражающих специфику периода между двумя эпохами – Средневековьем и Новым временем. Будем полагать, что технологический прогресс в этот период еще отсутствовал в качестве системного явления, т. е. $\omega = \sigma = \theta$. Другое допущение связано с отсутствием роста населения, т. е. $n = \theta$. Третий постулат основан на отсутствии рынка рабочей силы, следовательно, и феномена заработной платы, т. е. $W \rightarrow \theta$ и $\beta = \theta$. Действительно, феодальное хозяйство предполагало, что каждый его участник выступал в качестве предпринимателя и жил не на заработную плату, а на доход со своего предприятия. Это не значит, что при феодальном строе заработная плата вообще отсутствовала, однако ее существование было крайне локальным и ограниченным. Для примера рассмотрим сословие моряков. Они получали определенное жалованье, однако само мореходство часто перерождалось, например,

в пиратский промысел, который представлял собой форму коллективного предпринимательства и предполагал долю каждого участника в общей сумме добычи — дохода от бизнес-кампании. На данном примере хорошо видно, что в Средневековье заработная плата в основном принимала форму чистого дохода ремесленника или крестьянина. Таким образом, условие выхода из мальтузианской ловушки принимает предельно простой вид: $r > v/s(1 + \gamma)$. Иными словами, экономический рост предполагает некий минимальный уровень рентабельности капитала.

Для понимания степени жесткости полученного ограничения осуществим элементарную оценку входящих в него параметров. Например, для экономики России 2008–2018 гг. средняя норма выбытия основного капитала составляла 10,5% [46, с. 78]; вряд ли в феодальную эпоху этот показатель сильно отличался в ту или иную сторону². По имеющимся сведениям, норма накопления в Англии до 1760 года не превышала 6% [35, с. 46]. Относительно параметра γ можно строить разные гипотезы, однако, учитывая, что его значение для России за период 2011–2019 гг. составляло 30%, а в Средневековье помимо церковной десятины действовало множество акцизов и таможенных пошлин, то вполне правомерно исходить из величины $\gamma = 50–70\%$ ³. Тогда, как показывают расчеты, рентабельность капитала должна превышать 116,7 и 102,9% соответственно. Вполне резонно предположить, что для позднефеодальной экономики, в которой уже активно осуществлялись товарно-денежные операции, столь большая средняя отдача от капитала является нереальной. Единственный способ устранить противоречие между теоретическими и фактическими цифрами состоит в рассмо-

² Оговоримся, что понятия, а тем более учета, средней нормы выбытия основного капитала в средневековой экономике не было. В этом смысле речь может идти о прокси-переменной, представляющей собой величину, обратную среднему сроку службы производственного оборудования крестьян и ремесленников.

³ Так как в феодальной экономике не существовало субсидий производства и импорта определенных товаров, а налоги исправно изымались на фоне низкой величины прибыли, то правомерно полагать, что в Средневековье параметр γ был заметно выше, чем в настоящее время. В отсутствие подобных отчетных данных мы берем наиболее реалистичное интервальное значение параметра γ .

трениии двух секторов экономики: обычного — с нормой прибыли $r^{**} \approx 5\%$, являющейся типичной для истории человечества с 1700 г. [2], и особого — с нормой прибыли, намного превышающей $r^* > 100\%$ годовых [37]; соответственно доля основного капитала в особом секторе невелика и составляет $\zeta = K^*/K$, тогда как обычный сектор занимает всю остальную часть экономики — $1 - \zeta$: $r = \zeta r^* + r^{**}(1 - \zeta)$; $r^* = \pi^*_t / K^*_{t-1}$; $r^{**} = \pi^{**}_t / K^{**}_{t-1}$; $K = K^* + K^{**}$, где K^* и K^{**} — объем основного капитала в особом и обычном секторах соответственно. В этом случае ФУНК принимает вид:

$$\lambda = -v + s(1 + \beta + \gamma)[r^*\zeta + r^{**}(1 - \zeta)]. \quad (9)$$

Тогда обобщение ФУЭР будет выглядеть следующим образом:

$$q = V + s(1 + \beta + \gamma)[r^*\zeta + r^{**}(1 - \zeta)], \quad (10)$$

где используется обозначение $V = \omega - \sigma - v - n$.

Утверждение о необходимости существования особого (сверхрентабельного) сектора экономики для перехода из мальтузианского режима развития к экономическому росту и составляет содержание *теоремы об особом секторе* [36]. Как уже отмечалось, более пристальное рассмотрение истории Нового времени показало, что такой сектор действительно существовал [37].

Указанное обстоятельство имеет огромное значение.

Во-первых, оно недвусмысленно говорит о том, что переход к режиму экономического роста требовал в качестве *необходимого условия* наличие возможности получения сверхприбылей. Это требование является крайне жестким, но благодаря уникальному стечению обстоятельств — эпохе великих географических открытий, жестокой колонизации европейцами Нового и Старого света, серии важных технологических инноваций и т. п. — оно оказалось выполненным. Однако, судя по всему, *достаточным условием* для окончательного разрушения мальтузианской ловушки стали личностные качества европейцев, которые В. Зомбарт объединил в *дух предпринимательства*. К ним относятся разные человеческие качества — изобретательность, религиозное рвение, гибкая логика, жажда наживы, агрессивность и жестокость, умение считать и копить и т. д. [47, с. 125].

Объективная возможность и субъективное стремление обогащаться совпали для европейских народов на рубеже эпох. Одно без другого многократно имело место в истории, но не дало никаких плодов. Не оценивая данное обстоятельство, укажем лишь на неизмеримые социальные жертвы, которые потребовались Европе для построения капитализма [48].

Во-вторых, ФУЭР (10) демонстрирует, что в истории экономического роста имеют место две принципиально различные фазы – начальная, когда осуществляется первоначальное накопление капитала и только запускается спираль роста, и зрелая, когда все макроэкономические процессы достигли своего нормального значения. Чтобы продемонстрировать, насколько жесткие требования предъявляет ФУЭР к величине нормы прибыли в разных фазах роста, проведем простейшие расчеты. Так, компонент $s(1 + \beta + \gamma)$ в начальной фазе ($s = 6\%$, $\beta = 0$, $\gamma = 50\%$) составляет величину 0,09, тогда как в зрелой фазе ($s = 45\%$, $\beta = 1,12$, $\gamma = 0,30$) – 1,089. Тем самым данный компонент при переходе от первой фазы ко второй увеличивается в 12 раз, что свидетельствует о кардинальном изменении всего макроэкономического климата и требует уже среднюю рентабельность капитала национальной экономики не в 116,7%, а всего лишь в 9,6%. Таким образом, именно переходный к режиму роста период представляет собой масштабную историческую проблему, в то время как поддержание стационарного роста уже не требует слишком жестких усилий. Если же учесть, что в зрелой фазе роста «включается» технологический прогресс ($\omega > 0$), то требования по сохранению национальной экономики на экспоненциальной траектории оказываются еще более шадящими.

При обсуждении ФУЭР (10) необходимо отметить следующее. Строго говоря, данная модель отражает потенциальный рост экономики, т. к. в ней не учтен спрос на выпускаемую продукцию, который может снизить расчетные цифры. Тем не менее, для понимания основных движущих сил экономического роста уравнения (10) вполне достаточно. При этом особо подчеркнем, что на начальных этапах установления режима роста производства все аномально низкие макроэкономические параметры компенсируются величиной рентабельности

капитала, что и является основанием теоремы об особом секторе экономики. По мере роста других макропараметров «нагрузка» на норму прибыли постепенно падает и в национальной экономике устанавливаются более естественные пропорции, позволяющие поддерживать стационарный рост в течение длительного времени без внутреннего напряжения, характерного для начальной фазы.

Преодоление мальтузианской ловушки: технологический эффект масштаба и рост населения

ФУЭР (10) сконструировано таким образом, что демографический рост и рост производительности труда выступают в качестве экзогенных факторов. Для того чтобы хотя бы в самом общем виде отразить существующие обратные связи в социальной системе, введем два простых предположения, а именно: рост населения нелинейно зависит от уровня его благосостояния (душевого уровня ВВП), а производительность труда нелинейно зависит от уровня капиталовооруженности производства. Тогда справедливы следующие соотношения:

$$P(t) = A[k(t)]^\theta, \tag{11}$$

$$N(t) = B[Q(t)]^\alpha, \tag{12}$$

где $Q = Y/N$; A , B , α и θ – параметры-константы.

Из (11) и (12) вытекает, что $\omega = (\theta - 1)\sigma$ и $n = \alpha q$, а ФУЭК (10) конкретизируется следующим образом:

$$q = \frac{[r^*\zeta + r^{**}(1-\zeta)](1+\beta+\gamma)s + (\theta-1)\sigma - \nu}{1+\alpha}. \tag{13}$$

Из формулы (13) следуют два важных вывода. Первый достаточно очевидный и состоит в том, что рост населения по мере роста производства (т. е. $\alpha > 0$) сам по себе не влияет на экономический рост, но препятствует выходу их мальтузианской ловушки; ускоренный же рост населения (т. е. $\alpha > 1$) очень сильно (более чем в два раза) тормозит увеличение душевого дохода. Второй вывод является менее очевидным и означает зависимость динамики производства от «зрелости» технологического прогресса: если имеет место технологический эффект масштаба (т. е. $\theta > 1$), то технологический прогресс оказывает стимулирующее влияние на экономический рост; в противном случае он выступа-

ет в качестве фактора торможения. Последнее утверждение кажется парадоксальным, однако в реальности его интерпретация достаточно проста: поток основного капитала стимулирует экономический рост при условии, что скорость удорожания рабочего места не должна быть больше скорости роста производительности труда ($\omega > \sigma$). Нарушение этого условия означает неэффективность вложений в основной капитал или, если быть точнее, затраты на совершенствование рабочего места не окупаются масштабом экономии затрат на рабочую силу; прикладные расчеты показали, что сегодня отнюдь не во всех странах действует технологический эффект масштаба ($\theta > 1$) [24].

Сказанное предполагает, что на стадии преодоления мальтузианской ловушки внедряемые технологические инновации должны приводить к массовому вытеснению производственных работников, как, например, при внедрении разных модификаций ткацкого станка. При этом желательно, чтобы в этот момент отсутствовало демографическое давление, для чего необходимо осуществить «разгрузку» рынка труда. В европейских странах она достигалась довольно жесткими законами и действиями властей (подробнее см. [48]).

Таким образом, теоретические построения показывают, что выход из мальтузианской ловушки предполагал крайне жесткие меры нарождающегося слоя буржуа против народных масс и высокую норму эксплуатации человека человеком. Именно такое положение дел обеспечивало сверхвысокую рентабельность экономических операций и позволяло поддерживать интенсивность накопления капитала, достаточную для запуска экономического роста.

Важным элементом построенной модели является ее монокаузальный характер. Например, имеется большой массив работ, в которых процесс перехода от депрессии к росту объясняется генерацией и распространением производственных технологий, а также ростом человеческого капитала в процессе данной деятельности⁴ [49]. Стала популярной идея учета распределения богатства среди групп

⁴ См.: Веселов Д.А. Переход от стагнации к развитию в теории экономического роста с человеческим капиталом: дис. ... канд. экон. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

населения и возникающего вследствие него политического конфликта [50; 51]. При этом практически во всех моделях импульс к изменению режима развития исходит из наличия множества (или хотя бы двух) гетерогенных секторов экономики или социальных групп, которые различаются по множеству параметров (богатство, объем человеческого капитала, экономическая эффективность и т. п.). Согласно такому представлению гетерогенность сегментов экономики инициирует масштабную диффузию ресурсов в направлении более эффективных элементов системы. В отличие от такого подхода ФУЭР для переходного процесса как бы схлопывает все различия между структурными элементами в один интегральный показатель — рентабельность капитала. Что же касается фактора гетерогенности экономики, то он учитывается в ФУЭР максимально просто — путем введения двух секторов разной прибыльности, а взаимодействие между ними в явной форме не предполагается.

Результаты модельных расчетов

Чтобы проверить чувствительность национальной экономики к разным параметрам, прежде всего к рентабельности особого сектора, рассмотрим 10 сценариев на основе экспериментальных расчетов по формуле (13), в которой балансирующей переменной выступает r^* . При этом четыре параметра будем считать неизменными: $\gamma = 30,0\%$; $\nu = 10,5\%$; $q = 2,0\%$; $r^{**} = 5,0\%$. Остальные параметры меняются в направлениях, позволяющих определить масштаб исследуемого явления (*таблица*).

Сценарий № 1 фиксирует самый неблагоприятный вариант развития, когда отсутствуют технологический прогресс и сектор наемного труда, но имеется демографическое давление, ничтожная инвестиционная активность и очень ограниченный размер особого сектора. В этом случае рентабельность капитала в особом секторе должна достигать четырехзначных цифр в процентном исчислении (см. таблицу). Из сценария № 2 видно, что снятие демографического давления само по себе не может принципиально изменить требования к прибыльности особого сектора, однако рост его относительного размера понижает нижний порог до трехзначных значений. По-видимому, сценарии № 4 и № 5 наилучшим образом соответствуют ситуации, в которой находилась англий-

Результаты экспериментальных расчетов по модели (13)

Сценарий экспериментальных расчетов	Модельные параметры						
	α	β	θ	σ	s	ζ	$r^*, \%$
Начальная фаза капитализма							
Сценарий № 1	1,0	0,00	1,02	0,00	0,06	0,1	1814,0
Сценарий № 2	0,0	0,00	1,02	0,00	0,06	0,1	1607,6
Сценарий № 3	0,0	0,00	1,02	0,00	0,06	0,2	806,3
Сценарий № 4	0,0	0,00	1,02	0,00	0,06	0,3	539,2
Сценарий № 5	0,0	0,00	1,02	0,00	0,06	0,4	405,6
Зрелая фаза капитализма							
Сценарий № 6	0,0	0,00	1,02	0,00	0,15	0,3	218,7
Сценарий № 7	0,0	0,00	1,02	0,00	0,30	0,3	111,8
Сценарий № 8	0,0	0,00	1,02	0,00	0,45	0,3	76,2
Сценарий № 9	0,0	1,12	1,02	0,00	0,30	0,3	62,4
Сценарий № 10	1,0	1,12	1,40	0,03	0,35	0,3	57,3

ская экономика накануне процесса всеобщей капитализации. Как показывают расчеты, существование довольно солидного сектора экономики с рентабельностью в сотни процентов является главным требованием к преодолению мальтузианской ловушки в начальной фазе капиталистического строя. Напомним, что под особым сектором понимается сегмент экономики с рентабельностью выше 100% годовых; имеющиеся исторические факты убедительно показывают возникновение в Новое время большого числа видов бизнеса с фантастической нормой прибыли [37].

Сценарии № 6–8 демонстрируют, что в зрелой фазе капитализма, для которой характерен существенный рост нормы накопления, требование к прибыльности особого сектора существенно уменьшается вплоть до потери самого смысла особого сектора, когда его рентабельность падает до двузначных значений. Если же к умеренно высокой инвестиционной активности добавить развитый сектор наемного труда и скромный технологический прогресс, то, как показывают сценарии № 9–10, даже рост населения оставляет требование к прибыльности небольшой части экономики на вполне реалистичном уровне. Несмотря на это, сегодня по-прежнему имеется достаточно обширный рыночный сегмент, в котором рентабельность производства достигает трехзначных цифр [37]. В целом же на стадии зрелой фазы капитализма нижний порог рентабельности экономики снижается примерно на порядок по сравнению с начальной фазой.

Модель роста для многосекторной экономики

Выведенное ФУЭР (10) имеет большое значение, т. к. показывает, что гетерогенность национальной экономики сама по себе может выступать в качестве фактора экономического роста. Однако в уравнении (10) для простоты рассматривалось только два сектора – низко- и высокорентабельный. На самом деле секторы реальной экономики (отрасли, предприятия и т. п.) образуют определенную иерархическую последовательность в зависимости от уровня их эффективности. Более того, как показано в [38; 39], установившееся распределение сохраняется в течение неопределенно долгого времени. В связи с этим уравнение (10) предполагает очевидное обобщение, которое в дискретной форме выглядит следующим образом:

$$q = V + s(1 + \beta + \gamma) \sum_{i=1}^m r_i \zeta_i, \quad (14)$$

где: r_i – рентабельность капитала i -го сектора экономики; ζ_i – доля основного капитала в i -ом секторе экономики; m – число секторов в национальной экономике.

В непрерывной форме уравнение (14) будет выглядеть аналогично:

$$q = V + s(1 + \beta + \gamma) \int_1^m r(i) \zeta(i) di, \quad (15)$$

где используются аналогичные обозначения.

В такой форме ФУЭР позволяет увязать неравномерность развития экономики с темпом экономического роста. Более того, нижний порог рентабельности экономики, обеспечивающий положительные темпы роста ВВП, и ниж-

ний порог низкорентабельных производств автоматически задают нижний уровень неравномерности развития отдельных секторов. Главное же достоинство уравнений (14) и (15) состоит в том, что они позволяют представить национальную экономику в виде многоуровневой системы, в которой каждый уровень имеет свои характеристики эффективности и масштаба.

Драйвер экономического роста на ранних стадиях развития общества

Согласно ФУЭР в форме (14) и (15) национальная экономика представляет собой иерархическую систему, что позволяет по-новому посмотреть на источники экономического роста. В частности, становление капитализма привело к закреплению в качестве главного мерила и критерия успешности любой экономической деятельности отдачу (рентабельность) капитала или, что то же самое, норму прибыли (процент). Однако процент в разных формах существовал и задолго до капитализма, но не способствовал запуску экономического роста. Данный факт нуждается в системном объяснении, которое может быть дано в терминах уравнения (14).

Так, из уравнения (7) следует общее положение: только *достаточно большая* средняя норма прибыли способна обеспечить положительные темпы экономического роста. Лишь при переходе количества в качество указанный параметр начинает играть роль драйвера тотального роста производства. Однако достаточно высокий доход с капитала не только обеспечивает поток инвестиций, необходимый для поддержания экономического роста, но и выступает в качестве *стимула* для больших масс людей братья за рискованные виды деятельности. Этот момент является ключевым для *психологии предпринимателя*: нужна не просто прибыль, а сверхприбыль, для того чтобы породить неугаемый *интерес* у больших групп населения к бизнесу и заставить их перейти к активной деятельности, несмотря на возможные угрозы и препятствия.

Именно *сверхприбыль* рождает жажду наживы, которая, в свою очередь, выступает драйвером бизнес-активности. Вряд ли состоялись бы завоевания конкистадоров, если бы на кону стоял доход с капитала в 10–15% годовых.

Только баснословный по нынешним меркам процент с капитала мог разжечь в людях дух предпринимательства. Однако уточняющее положение, вытекающее из уравнения (14), состоит в том, что сказочное обогащение возможно только в некоторых видах бизнеса, тогда как другие отрасли вынуждены довольствоваться гораздо более скромными доходами. Например, торговля пряностями с нормой прибыли в 600–700% годовых стимулирует кораблестроение, а оно требует строительства портов и складских помещений и т. д. Иными словами, от самой доходной деятельности бизнес-импульсы расходятся по всем остальным секторам экономики, вплоть до рутинных и нерентабельных производств. Таким образом, при наличии иерархии секторов экономики по уровню прибыльности возникает своеобразный эффект мультипликатора, благодаря которому бизнес-активность распространяется по всей экономике сверху вниз — от сверхрентабельных видов деятельности до бесприбыльных предприятий.

Еще раз подчеркнем, что в феодальной экономике даже ростовщики и спекулянты городскими облигациями могли рассчитывать в лучшем случае на десятки процентов прибыльности своих вложений, тогда как эпоха великих географических открытий, совместившаяся с ранней индустриализацией, позволила появиться таким видам производства и торговли, рентабельность которых достигала сотен и тысяч процентов [37]. Не менее важным является и то, что феномен сверхприбыльности бизнеса в ранней капиталистической экономике имел массовое распространение. Именно стремление больших групп людей к быстрому обогащению и выступило в качестве драйвера экономического роста. В дальнейшем борьба за сохранение монополии на сверхприбыльные ниши экономики послужила непосредственной причиной многочисленных жестокостей и злоупотреблений европейцев по отношению друг к другу и другим народам. Как показал Дж. Ариги, с этого момента контроль нормы прибыли стал главной задачей системы капиталистического управления [52].

Заключение

История показывает, что феномен экономического роста, капиталистический строй, устой-

чивый технологический прогресс и цивилизованный институт частной собственности, включая интеллектуальную собственность, возникли одновременно. Это позволяет предположить, что распад указанной системы из четырех составляющих будет также происходить одновременно и означать конец капитализма как такового. Полученное в предыдущих разделах ФУЭР содержит в себе параметры всех названных явлений и тем самым отражает сущностные аспекты роста экономики. Кроме того, из уравнения (7) следует не только неравенство Пикетти, но и строгие условия его выполнения.

Сказанное, помимо всего прочего, позволяет подойти к конструктивному обсуждению завершающей фазы капитализма. Например, имеющееся перенакопление капитала и уменьшение его доходности вплоть до введения банковской системой многих стран отрицательного процента составляют большую проблему для поддержания экономического роста. Подобного обесценения капитала раньше не было. Кроме того, в США и странах Европы вводятся законы, разрешающие бездомным людям занимать чужое пустующее жилье. Такого отрицания основополагающего права частной собственности ранее никогда не наблюдалось.

Если же предположить, что опасения Пикетти в отношении грядущего обнуления доходности капитала верны, то согласно уравнению (7) рост экономики может быть обеспечен только за счет очень интенсивного повышения производительности труда и увеличения срока службы производственного оборудования. Подобное развитие событий фактически означает стремительную роботизацию производства, которая, судя по всему, представляет собой завершающую фазу капитализма. Не следует сбрасывать со счета и то обстоятельство, что экономический рост уже практически достиг своего физического предела, когда его сохранение чревато полным разрушением среды обитания человека. Если же учесть, что главенство капитала, экономический рост, технологический прогресс и право собственности переплетены между собой и друг без друга не существуют, то можно говорить о наметившихся признаках конца капиталистического строя.

Вряд ли капитализм уже полностью исчерпал себя и человечество готово к совершенно иной социальной модели бытия, однако если это действительно произойдет, то остается лишь гадать, что станет новым драйвером дальнейшего экономического развития.

Литература

1. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 256 с.
2. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
3. Heinberg R. *The End of Growth: Adapting to Our New Economic Reality*. Cabriola Island, B.C.: New Society Publishers, 2011. 321 p.
4. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1956, vol. 70, no. 1, pp. 65–94.
5. Uzawa H. On a two-sector model of economic growth. In: *Readings in the Theory of Growth*, 1971, pp. 19–26.
6. Romer P. Are nonconvexities important for understanding growth? *National Bureau of Economic Research*, 1990, no. w3271. Available at: <https://www.nber.org/papers/w3271.pdf> (дата обращения 12.02.2020).
7. Malawi A.I., AlMansi M. Economic globalization and labor productivity: An Application of Autoregressive Distributed Lag (ARDL) Bounds Testing Approach. *International Journal of Business and Statistical Analysis*, 2014, no. 1, pp. 49–55.
8. Knoblach M., Stöckl F. What determines the elasticity of substitution between capital and labor? A literature review. *DIW Berlin Discussion Paper*, 2019, no. 1784. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3339171 (дата обращения 12.02.2020).
9. Klump R., de La Grandville O. Economic growth and the elasticity of substitution: Two theorems and some suggestions. *American Economic Review*, 2000, no. 90 (1), pp. 282–291.
10. Caselli F. Accounting for cross-country income differences. In: Durlauf P.A., Steven N. (Eds). *Handbook of Economic Growth*, 2005, vol. 1, part A, Elsevier, pp. 679–741.
11. Acemoglu D. Labor- and capital-augmenting technical change. *Journal of the European Economic Association*, 2003, vol. 1, pp. 1–37.

12. Mankiw N.G., Phelps E.S., Romer P.M. The growth of nations. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1995, vol. 1, pp. 275–326.
13. Wolff E.N. Capital formation and productivity convergence over the long term. *The American Economic Review*, 1991, vol. 81, no. 3, pp. 565–579.
14. Solow R.M. Technical change and the aggregate production function. *The Review of Economics and Statistics*, 1957, no. 39 (3), pp. 312–320.
15. Kurz M. The general instability of a class of competitive growth process. *Review of Economic Studies*, 1968, no. 35, pp. 155–174.
16. Goldman S.M. Optimal Growth and Continual Planning Revision. *Review of Economic Studies*, 1968, no. 35, pp. 45–54.
17. Hahn F. On warranted growth paths. *Review of Economic Studies*, 1968, no. 35, pp. 175–184.
18. Broadberry S.N., Irwin D.A. Labor productivity in the United States and the United Kingdom during the nineteenth century. *Explorations in Economic History*, 2006, no. 43 (2), pp. 257–279.
19. Jefferson G.H., Rawski T.G., Zhang Y. Productivity growth and convergence across China's industrial economy. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*, 2008, no. 6 (2), pp. 121–140.
20. Dollar D. Economic reform and allocative efficiency in China's state-owned industry. *Economic Development and Cultural Change*, 1990, no. 39 (1), pp. 89–105.
21. Ezzahid E., Nihou A. Capital deepening and efficiency in Morocco. *MPRA Paper*, 2017, no. 82143. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/7ce8/a96a40a5c6449ce9e54ea94f28175e105698.pdf> (дата обращения 12.02.2020).
22. Aghion Ph., Howitt P. A model of growth through creative destruction. *Econometrica*, 1992, vol. 60, no. 2, pp. 323–351.
23. Aghion Ph., Howitt P. Capital accumulation and innovation as complementary factors in long-run growth. *Journal of Economic Growth*, 1998, no. 3, pp. 111–130.
24. Балацкий Е.В., Юревич М.А. Технологический эффект масштаба и экономический рост // *Terra Economicus*. 2020. Т. 18. № 1. С. 43–57.
25. Lee R. A historical perspective on economic aspects of the population explosion: The case of preindustrial England. In: *Population and Economic Change in Developing Countries*. Ed. by R.A. Easterlin. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1980. Pp. 517–566.
26. Wood J.W. A Theory of preindustrial population dynamics, demography, economy, and well-being in Malthusian systems. *Current Anthropology*, 1998, no. 39, pp. 99–135.
27. Voigtlander N., Voth H. Malthusian dynamism and the rise of Europe: make war, not love. *American Economic Review: Papers & Proceedings*, 2009, no. 99 (2), pp. 248–254.
28. Ashraf Q., Galor O. Dynamics and stagnation in the Malthusian epoch. *American Economic Review*, 2011, no. 101 (5), pp. 2003–2041.
29. Møller N., Sharp P. Malthus in cointegration space: A new look at living standards and population in pre-industrial England. *Journal of Economic Growth*, 2014, vol. 19, no. 1, pp. 105–140.
30. Artzrouni M., Komlos J. Population growth through history and the escape from the Malthusian trap: A homeostatic simulation model. *Genus*, 1985, vol. 41, no. 3–4, pp. 21–39.
31. Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. A model on the escape from the Malthusian trap. *Journal of Population Economics*, 1998, no. 11, pp. 535–550.
32. Kogel T., Prskawetz A. Agricultural productivity growth and escape from the Malthusian trap. *Journal of Economic Growth*, 2001, vol. 6, no. 4, pp. 337–357.
33. Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. М.: Ленанд, 2019. 230 с.
34. Гринин Л.Е., Коротаева А.В., Малков С.Ю. Математические модели социально-демографических циклов и выхода из «мальтузианской ловушки»: некоторые возможные направления дальнейшего развития // Проблемы математической истории: математическое моделирование исторических процессов / ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. М.: URSS, 2008. С. 78–118.
35. Попов В.В. Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 3 (15). С. 35–64.

36. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Внешнеторговый фактор в ликвидации мальтузианской ловушки // Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы: матер. междунар. конф. «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы – 2016». СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. С. 165–172.
37. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. «Особый сектор» экономики как драйвер экономического роста // *Journal of New Economy*. 2020. Т. 21. № 3. С. 5–27.
38. Полтерович В.М., Хенкин Г.М. Эволюционная модель взаимодействия процессов создания и заимствования технологий // *Экономика и математические методы*. 1988. № 6. С. 1071–1083.
39. Полтерович В.М., Хенкин Г.М. Эволюционная модель экономического роста // *Экономика и математические методы*. 1989. № 3. С. 518–531.
40. Henkin G.M., Polterovich V.M. *A Difference-Differential Analogue of Burgers Equation and some Models of Economic Development*. Working Paper #WP/98/051. Moscow: CEMI of Russian Academy of Science, 1998. 61 p.
41. Ташлицкая Я.М., Шананин А.А. Моделирование процесса распространения технологий. М.: Вычислительный центр РАН, 2000. 50 с.
42. Моделирование динамики распределения предприятий отрасли по уровням эффективности (на примере черной металлургии) / Л.М. Гельман, М.И. Левин, В.М. Полтерович, В.А. Спивак // *Экономика и математические методы*. 1993. Т. 29. № 3. С. 460–469.
43. Макклоски Д.Н. Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм. О книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти // *Экономическая политика*. 2016. Т. 11. № 4. С. 153–195.
44. Балацкий Е.В. Эффект Пикетти: комментарий к новой концепции // *Terra Economicus*. 2017. Т. 15. № 2. С. 40–56.
45. Galbraith J.K. Unpacking the first fundamental law. *Real-world Economics Review*, 2014, no. 69, 7 October, pp. 145–148.
46. Балацкий Е.В. Институт социального неравенства и экономический рост // *Журнал институциональных исследований*. 2020. Т. 12. № 1. С. 66–83.
47. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. 637 с.
48. Балацкий Е.В. Институциональная дилемма в период первоначального накопления капитала // *Журнал экономической теории*. 2013. № 4. С. 58–69.
49. Веселов Д.А. Провалы рынка и провалы государства в модели перехода от стагнации к развитию // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2011. № 12. С. 24–40.
50. Яркин А.М., Веселов Д.А. Распределение богатства и политический конфликт в модели перехода от стагнации к развитию // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2016. Т. 32. № 4. С. 30–60.
51. Veselov D.A. The dynamics of social conflict during the transition from stagnation to growth. *Revue d'Economie Politique*, 2019, vol. 129, no. 5, pp. 833–859.
52. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий — доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), главный научный сотрудник, лаборатория математической экономики, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Balatsky E.V.

Return on Equity as an Economic Growth Driver

Abstract. The article presents a simple model of economic growth based on the description of the dynamics of fixed capital formation. The main characteristic of the obtained fundamental equation of economic growth consists in an explicit link between the indicators of the GDP growth rate and the level of return on equity which allows not only obtaining the T. Piketty inequality, but also strictly determining the conditions for its implementation. The peculiarity of the fundamental equation of economic growth is in the postulation of the primacy of the capital circulation process which can provide an economic growth regime under certain conditions. The main difference between the author's model and earlier constructions is the aggregation of most growth factors into one parameter. It is the profit rate (return on equity) which acts as the main driver of economic expansion. To strengthen the explanatory power of the fundamental equation of economic growth, the author considers two economic sectors – ordinary (with a low return on equity) and special (with a very high return on equity). This approach allows dividing the economic growth regime into early and mature stages which differ radically in the values of the macroeconomic parameters. The article shows that the early stage is typical for the period of the economy's exit from the Malthusian trap and the transition from the industrial depression to sustainable growth. Experimental calculations based on the model proves that, in order to overcome the poverty trap, it is necessary to have a special sector in the national economy with the annual return on equity of hundreds percent. This result is consistent with the available historical data on the profitability of economic operations at a critical development stage – the change of the feudal system into the capitalist one. The calculations also demonstrate that, for the mature stage of economic growth, such high requirements for business profitability are not imposed, and the thesis about the need for a special sector loses its significance. Moreover, the fundamental equation of economic growth allows outlining the final stage contours of the capitalist management mode.

Key words: economic growth, return on equity, Malthusian trap.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru); Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Статья поступила 18.01.2021.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.4

УДК 339.5+339.9, ББК 65.5

© Изотов Д.А.

Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт

Дмитрий Александрович

ИЗOTOV

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения

Российской академии наук

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: izotov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-9199-6226; ResearcherID: S-3876-2017

Аннотация. Целью исследования выступает количественная оценка косвенных эффектов для российского экспорта вследствие неучастия России в торговых мегаформатах АТР. Показано, что современные процессы торгово-экономического взаимодействия в АТР проявляются в создании торговых мегаформатов, из которых подписаны Всестороннее региональное экономическое партнерство и Всестороннее и прогрессивное соглашение Транстихоокеанского партнерства, а перспективные – расширение формата ВПТТП за счет США и создание зоны свободной торговли в рамках АТЭС. Доказывается, что отсутствие мотивации российской стороны в присоединении к торговым мегаформатам АТР объясняется невысоким уровнем тарифной нагрузки на российские сырьевые товары со стороны стран АТР, при этом не учитываются риски замещения товаров из России. В результате оценки косвенных эффектов было определено, что в случае российского неучастия в мегаформатах АТР, с одной стороны, может наблюдаться небольшое негативное влияние на экспорт из России, с другой – конкурентоспособность российской продукции на рынке субглобального региона может снизиться в рамках следующих товарных групп: продовольственная продукция, продукция химической промышленности, металлургии и машиностроения. Полученные оценки дают основание утверждать, что интеграционные процессы в АТР опосредованно будут способствовать ослаблению продуктовой диверсификации экспорта из России на рынке субглобального региона, смещая его в сторону монопродуктовой сырьевой специализации. Показано, что принципиальное значение для России будет иметь построение взаимоотношений торговых мегаформатов АТР с третьими странами в зависимости от их закрытой или открытой конфигурации. Создание закрытых торговых блоков в АТР может означать

Для цитирования: Изотов Д.А. Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 41–55. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.4

For citation: Izotov D.A. Impact of trade mega-formats in the APR on Russian export. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 41–55. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.4

активное замещение продукции из России и снижение объемов российского экспорта на рынке АТР, в случае формирования открытых торговых блоков дискриминация по отношению к российским товарам не будет явно выраженной.

Ключевые слова: экспорт, импорт, товарная группа, эффект отклонения торговли, импортная пошлина, модель частичного равновесия, торговый мегаформат, зона свободной торговли, АТР, АТЭС, ВРЭП, ВПТТП, США, Россия.

Введение

В рамках АТР за последние три десятилетия за счет сокращения различного рода барьеров существенно возросла внутрорегиональная торговля. Это произошло как по причине вступления в ВТО практически всех стран субглобального региона, так и ввиду расширения сети двусторонних и многосторонних зон свободной торговли (ЗСТ)¹ – основного формата интеграции в рамках модели «нового регионализма». Массовое заключение двусторонних торговых соглашений способствовало проявлению эффекта «домино», означающего расширение двух- или многосторонних торговых соглашений за счет новых стран-членов, с целью нивелирования негативных последствий от неучастия в данном объединении. Из-за наличия в АТР политических, системных и институциональных ограничений для развития «традиционного» формата интеграционных процессов, предполагающего стремление к созданию полного экономического союза на основе имеющихся торговых соглашений, преимущественно реализуемых в форме ЗСТ, неизбежно начали проявляться процессы «фрагментации» экономического пространства в субглобальном регионе [1].

В условиях ряда ограничений, препятствующих созданию более зрелых интеграционных форм в АТР, логичным шагом для дальнейшей интенсификации торгово-экономических взаимодействий стали попытки абсорбирования большого числа двух- и многосторонних ЗСТ в крупные торгово-экономические форматы или мегаформаты [2; 3]. В итоге предпосылкой для формирования торговых мегаформатов в АТР явилось общее понимание необходимости при-

дания динамизма интеграционным процессам в субглобальной экономике за счет гармонизации подписанных соглашений и выработки общей политики по дальнейшему углублению торгово-экономических взаимосвязей и оперативному разрешению различного рода противоречий.

Динамические и структурные характеристики торговых мегаформатов в АТР находятся в зависимости, главным образом, от интересов трех крупнейших экономик мира: США, КНР и Японии. Активизация роли США в интеграционных процессах в субглобальном регионе способствовала подписанию в 2016 году двенадцатью странами АТР² Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Оно предполагало поэтапную значительную либерализацию торговли и инвестиций, устанавливая стандарты для защиты прав интеллектуальной собственности и наемных работников; соблюдение экологических норм, режима недискриминационного доступа к национальным рынкам; более жесткие правила определения происхождения товаров; ограничения в субсидировании экспорта государственных предприятий [4]. В 2017 году США приостановили участие в Транстихоокеанском партнерстве, и остальными одиннадцатью странами в 2018 году был заключен торговый мегаформат Всестороннее и прогрессивное соглашение Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП) в форме ЗСТ+ при безусловном лидерстве японской экономики [5].

Концептуальное положение о создании второго мегаформата АТР – Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) – основывается на расширении торгово-экономических взаимодействий в рамках существующей ЗСТ объединения АСЕАН+6,

¹ ЗСТ предполагает значительную либерализацию торговли между странами-участницами с точки зрения сокращения тарифных мер и нетарифных ограничений, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам.

² Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония и США.

охватывая шестнадцать стран³. В ноябре 2020 года заключено соглашение о создании торгового мегаформата между странами ВРЭП⁴, за исключением Индии, поскольку у нее остались нерешенными многие вопросы, связанные с дальнейшей либерализацией внешне-торгового регулирования, при том что условия присоединения к ВРЭП содержат меньше требований в сравнении с ВПТТП. Возможной причиной заключения данного формата для стран, входящих также и в ВПТТП, выступает выход США из Транстихоокеанского партнерства, что выявило необходимость наращивания товарооборота с другими рынками (крупнейший из них – Китай).

В стадии переговоров между странами-участниками находится еще один мегаформат АТР – создание ЗСТ в рамках форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), охватывающего двадцать одну страну/экономику субглобального региона, к которым относится Россия⁵. В 2006 году государства, входящие в АТЭС, начали разработку общего торгового соглашения. Далее были одобрены направления, которых следует придерживаться при заключении ЗСТ между странами-членами: создание условий по свободному и открытому перемещению товаров и капитала, смягчение нетарифных ограничений и прочих торговых барьеров⁶.

Со второй половины 2010-х гг. в России по причине введенных ограничений со стороны ряда развитых стран и последующего запрета ввоза из них на российский рынок некоторых товарных групп получила распространение политика импортозамещения и протекционизма, способная сократить благосостояние потреби-

телей и снизить конкурентоспособность отечественных производств, интегрированных в той или иной степени с глобальной экономикой. При этом мировой опыт показывает [6], что для повышения темпов роста национальной экономики, главным образом обусловленных введением дополнительных факторов производства и эффективностью их использования, необходимы преобразования, способствующие большему ее вовлечению в международное разделение труда и наращиванию интенсификации ее торговых взаимодействий с глобальной экономикой.

Для России объективно возникла необходимость преодоления ограничивающих торговые взаимодействия с глобальной экономикой различного рода краткосрочных мотивов, а также диверсификации внешней торговли в пользу стран и объединений, заинтересованных в поставках отечественной продукции и предлагающих товары, удовлетворяющие российский потребительский и инвестиционный спрос. Традиционным крупнейшим рынком сбыта для российской продукции являются страны Европейского союза, дальнейшее расширение экспорта в которые имеет видимые ограничения. В перспективе, увеличение экспорта из России возможно за счет удовлетворения спроса со стороны стран АТР, что подразумевает необходимость активного продвижения российской продукции на рынке данного субглобального региона с созданием условий для взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Несмотря на это, российская сторона продолжает крайне дифференцированно и неспешно подходить к географическому расширению торговой либерализации, ограничиваясь только некоторыми странами постсоветского пространства. В рамках АТР российской стороной, как участницей Евразийского экономического союза (ЕАЭС), было подписано соглашение о создании двух ЗСТ со странами Юго-Восточной Азии: в 2015 г. – с Вьетнамом, в 2019 г. – с Сингапуром. При этом экспортные поставки из России в страны АТР преимущественно ориентированы на три крупнейших рынка Северо-Восточной Азии – Китай, Японию и Республику Корею.

Снижение барьеров в торговле может характеризоваться как позитивными, так и негативными эффектами, которые традиционно оце-

³ Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Новая Зеландия и Австралия.

⁴ Подробно см.: *Overview: The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP)*. Australian Government, November 15, 2020. Available at: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/rcep-overview.pdf>

⁵ В АТЭС, помимо России, входят: Гонконг, Тайвань, Папуа – Новая Гвинея, Индонезия, Китай, Республика Корея, Таиланд, Филиппины, Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония.

⁶ Подробно см.: *Action Plans of Asia-Pacific Economic Cooperation*. Available at: <https://www.apec.org/About-Us/How-APEC-Operates/Action-Plans>

ниваются на основе реакции взаимных товаропотоков на изменение тарифной нагрузки или импортных пошлин. В конечном счете это позволяет определить сравнительные эффекты для участвующих в данном процессе стран на основе комплексных моделей общего и частичного равновесия [7; 8; 9]. Если модели общего экономического равновесия используются, как правило, для получения долгосрочных совокупных оценок экономики в целом, включая рынки труда и капитала, а также торговли по секторам экономики, то в моделях частичного равновесия фокус сосредоточен на кратко- и среднесрочных эффектах в разрезе конкретных товарных групп экспорта и импорта.

К настоящему времени накоплено достаточно аргументов о положительных эффектах для российской экономики от снижения обоюдных барьеров в торговле со странами АТР, отнесенными к торговым мегаформатам субглобального региона. На основе полученных оценок при использовании общего равновесия было определено долгосрочное увеличение реального ВВП России до 1,0% в случае присоединения стран ЕАЭС к ВРЭП [10] и к ВПТТП + США [11; 12]. Что касается эффектов создания ЗСТ России со странами АТЭС, то реальный ВВП страны может увеличиться до 5,4% [13], при этом в некоторых работах показаны более скромные результаты для российской экономики, в частности, прирост реального экспорта может составить 1,3% [14]. Применение модели частичного равновесия [15; 16] в случае нивелирования тарифной нагрузки и снижения некоторых нетарифных барьеров для оценки эффектов в среднесрочной перспективе указало на общую результативность создания ЗСТ между Россией и странами, отнесенными к ВРЭП, ВПТТП + США и АТЭС, особенно с точки зрения наращивания российского экспорта сырьевых товаров.

Несмотря на различные условия присоединения к форматам ВРЭП и ВПТТП, более половины стран заявлены в качестве участников сразу двух этих мегаформатов. В перспективе, при сохранении текущей позиции США, возможно сближение данных мегаформатов с точки зрения распространения на ВРЭП практик снижения институциональных барьеров ВПТТП. Нельзя исключать, что за счет взаимного снижения торговых и неторговых барье-

ров в АТР может быть создано крупнейшее в мире торгово-экономическое объединение, характеризующееся тесными технологическими, институциональными и структурными взаимодействиями. Снижение барьеров, сдерживающих взаимодействие, может создать условия для быстрого экономического роста ряда стран АТР с последующим достижением ими уровня развитых экономик, что приведет к расхождению между интегрированными в торгово-экономические форматы странами и странами, развивающимися в условиях периферийной автаркии. При этом бизнес неприсоединившихся государств, по всей видимости, будет испытывать дискриминацию в АТР. Россия в настоящее время относится именно к таким странам, что означает наличие предпосылок для ее дальнейшей изоляции на рынках товаров, капитала и технологий. При неблагоприятном стечении обстоятельств она может столкнуться с ограничениями экспорта продукции в страны АТР по причине замещения традиционных товаров российского экспорта.

С этой точки зрения важно получать косвенные оценки для российской экономики в целом и российского экспорта в частности от неучастия в интеграционных процессах в АТР. В рамках модели общего равновесия, с одной стороны, предполагается, что в долгосрочном периоде неучастие России в интеграционных процессах в АТР практически не отразится на ее экономике [10; 17]. Вероятно, учитывается недостаточное замещение российской продукции поставщиками из других стран, отнесенных к торговым мегаформатам АТР. С другой стороны, оценки указывают на постепенное негативное воздействие на российскую экономику от ее самоизоляции в АТР [18], проявляемое в постепенном замещении российской продукции на рынке торговых мегаформатов АТР, что однозначно будет способствовать сокращению экспорта из России в страны субглобального региона [19].

При этом остается открытым вопрос относительно товарных групп российского экспорта, которые могут оказаться в наиболее уязвимом положении в случае тесного сближения стран АТР в рамках торговых мегаформатов. Изменение экспорта для России является ключевым параметром, влияющим на возможную динамику остальных макроэкономических по-

казателей. На основе модели общего равновесия косвенные эффекты для российского экспорта оцениваются только относительно агрегированных секторов экономики, что делает невозможным получение оценки на уровне конкретных товарных групп российского экспорта в АТР. В данном случае может быть применена модель частичного равновесия. Она позволяет получить более подробные оценки косвенных эффектов торговой интеграции для третьих стран на уровне конкретных товарных групп, экспорт по которым может измениться.

Таким образом, целью исследования является количественная оценка косвенных эффектов для российского экспорта на уровне товарных групп вследствие неучастия России в торговых мегаформатах АТР. Задачи: 1) формирование массива данных и их группировка по торговым мегаформатам АТР, адаптация модели частичного равновесия для оценки косвенных эффектов на экспорт третьих стран, не входящих в торговые объединения, в разрезе товарных групп; 2) анализ товарной структуры российского экспорта и тарифной нагрузки на ввоз товаров из России в страны, отнесенные к торговым мегаформатам АТР; 3) оценка изменения российского экспорта в разрезе товарных групп вследствие неучастия России в интеграционных процессах в АТР.

Методика оценки и данные

Возможные изменения российского экспорта на уровне товарных групп оцениваются на основе модели частичного равновесия с точки зрения вычисления косвенных эффектов от заключения торговых мегаформатов АТР для третьих стран, к которым относится Россия. Как было обозначено, оценка косвенных эффектов для российского экспорта от нивелирования тарифной нагрузки на импорт в торговле между странами, отнесенными к торговым мегаформатам АТР, осуществляется на основе модели частичного равновесия. В данной модели функция спроса для страны j на товар i , произведенный в стране k , выражается следующим образом [20; 21]:

$$M_{ijk} = f(Y_j, P_{ij}, P_{ik}), \tag{1}$$

где: M_{ijk} – импорт товара i в страну j из страны k ; Y_j – национальный доход страны j ; P_{ij} – цена на товар i на внутреннем рынке страны j (импортирующий рынок); P_{ik} – цена на товар i из страны k .

В свою очередь функция предложения экспорта страны k для товара i представлена следующим выражением:

$$X_{ikj} = f(P_{ikj}). \tag{2}$$

где: X_{ikj} – экспортный поток товара i из страны k в страну j ; P_{ikj} – цена на товар i из страны k , экспортируемый на рынок страны j , без учета оплаты импортной пошлины в стране j .

Равновесие в торговле между странами j и k достигается следующим образом:

$$M_{ijk} = X_{ikj}. \tag{3}$$

В условиях свободного товарообмена, предполагающего снижение таможенных пошлин на импорт, цена товара i на импортирующем рынке j будет равна экспортной цене поставки из страны k . В этом случае цена товара i увеличится на сумму, эквивалентную размеру импортной пошлины, т. е.:

$$P_{ijk} = P_{ikj} \times (1 + t_{ijk}), \tag{4}$$

где: P_{ijk} – цена на товар i из страны k на внутреннем рынке страны j ; t_{ijk} – размер импортной пошлины в адвалорном эквиваленте в стране j на товар i из страны k .

При учете качественных различий торгового товара i для моделирования поведения спроса на импорт страны j в модели равновесия используется допущение Армингтона [22], предполагающее несовершенную конкуренцию между аналогичными товарами (с точки зрения совпадения их кодов в рамках гармонизированной системы), ввозимыми на рынок j из разных стран. Соответственно, данное обстоятельство предполагает наличие несовершенной эластичности замещения между различными поставщиками (странами) товара i на рынке j :

$$M_{ij} = b_{ij}^{\sigma_i} \times M_i \left(\frac{P_{ij}}{P_i} \right)^{-\sigma_i}, \tag{5}$$

где: σ_i – эластичность замещения на рынке товара i , ввезенного из разных стран на рынок страны j ; b_{ij} – константа; P_{ij} – средняя цена импортного товара i на рынке страны j ; P_i – средняя цена товара i на рынке.

Поскольку целью исследования является оценка косвенных эффектов для национальной экономики, не включенной в интеграционное объединение, то эффект создания тор-

говли, предполагающий переориентацию национального рынка с менее эффективного источника поставки товара на более эффективный импорт той страны или объединения стран, с которыми осуществляется либерализация торговли, не представляет интереса и, соответственно, отражаться в данном исследовании не будет. Определение косвенных эффектов для национальной экономики (в конкретном случае – российской) от заключения третьими странами крупного торгового объединения возможно при оценке *эффекта отклонения торговли*, который означает переориентацию национального рынка (страны, вступившей в торговое объединение в качестве полноправного участника) с покупки определенного ряда товаров на мировом рынке на приобретение продукции из страны, с которой заключается торговое соглашение [23]. В отличие от эффекта создания торговли общий товарооборот с внешним миром за счет эффекта отклонения для страны, вступившей в торговое объединение, не увеличивается, поскольку проявляется в смещении поставок товаров от одной страны, с которой не подписано соглашение о либерализации торговли (третьей страны), к другой, подписавшей торговое соглашение. Говоря иначе, эффект отклонения торговли увеличивает только стоимостные объемы двустороннего товарооборота стран-участниц торгового объединения, не увеличивая их общий товарооборот с внешним миром.

В рамках модели равновесия эффект отклонения торговли вычисляется в рамках выражения (6):

$$TD_{ijk} = \frac{M_{ijk}}{\sum_k M_{ijk}} \times \frac{\sum_k M_{ijk} \times \sum_K M_{ijk} \times \frac{\Delta(P_{ijk}/P_{ijk})}{P_{ijk}/P_{ijk}} \times \sigma_i}{\sum_k M_{ijk} + \sum_K M_{ijk} + \sum_k M_{ijk} \times \frac{\Delta(P_{ijk}/P_{ijk})}{P_{ijk}/P_{ijk}} \times \sigma_i}, \quad (6)$$

где: TD_{ijk} – эффект отклонения торговли товара i , импортированного на рынок страны j из страны k ; K – группа остальных стран, экспортирующих товар i на рынок страны j ; Δ – изменение.

Максимизация благосостояния стран, осуществляющих снижение импортных пошлин, моделируется двухэтапной оптимизацией: основываясь на общем индексе цен и эластичности спроса на импорт, по цене выбирается оптимальный уровень расходов на потребление агрегированного товара; выбранный уровень

расходов между различными видами агрегированного товара закрепляется в зависимости от их относительных цен.

В нашем исследовании рассматриваются четыре конфигурации стран-участниц, формирующих торговые мегаформаты АТР. Во-первых, подписанный странами-участницами формат *ВПТТП*. Во-вторых, необходимо исходить из того, что новая администрация США может способствовать ускоренному присоединению американской экономики к *ВПТТП*⁷, поэтому с учетом данного обстоятельства в исследовании будет рассмотрен формат *ВПТТП + США*. В третьих, подписанный пятнадцатью странами формат *ВРЭП* будет также включать Индию, поскольку нельзя исключать присоединение индийской экономики на особых условиях к данному торговому мегаформату в среднесрочной перспективе. В четвертых, формат *АТЭС* в составе двадцати стран за исключением России. Предполагается, что в рамках каждой конфигурации торговых мегаформатов АТР будет ЗСТ, предусматривающая нивелирование взаимной тарифной нагрузки на импорт.

Применительно к настоящему исследованию, для каждой товарной группы i выражение (6) может быть отражено следующим образом:

$$TD^{FTA} = \frac{M^{FTA} \times M^{ROW} \times [(1+t_{FTA})-1] \times \sigma_M}{M^{FTA} + M^{ROW} + M^{FTA} \times [(1+t_{FTA})-1] \times \sigma_M} \equiv -\Delta X^{ROW}, \quad (7)$$

где: FTA – группа стран, отнесенных к числу участников зоны свободной торговли в рамках торгового мегаформата в АТР (*ВРЭП*, *ВПТТП*, *ВПТТП + США*, *АТЭС*); ROW – остальные страны мира (к которым относится Россия); TD^{FTA} – эффект отклонения торговли для стран FTA ; M^{FTA} – товарообмен между странами FTA ; M^{ROW} – поток товаров в страны FTA из стран ROW ; t_{FTA} – размер импортной пошлины в адвалорном эквиваленте между странами FTA ; σ_M – эластичность замещения между товарами, участвующими в обмене между странами FTA и товарами, ввозимыми из стран ROW в страны FTA .

Выражение (7) используется для получения отдельных результатов для остальных стран-экспортеров мира, к которым относится Россия. По причине того что эффект отклонения

⁷ Расширив, тем самым, торговый мегаформат *ВПТТП* до масштабов ранее существовавшего Транстихоокеанского партнерства.

торговли проявляется в смещении поставок товаров из стран *ROW* в страны *FTA*, суммарные значения $T D^{FTA}$ эквивалентны по модулю изменению (сокращению) экспортного потока из стран *ROW* в страны *FTA* — ΔX^{ROW} . Кроме того, результаты могут быть суммированы для одной группы и далее распределяться среди членов альтернативной группы стран-поставщиков в соответствии с их прежней долей в импорте из этой группы. Соответственно, на уровне товарных рынков изменение поставок из стран *ROW* в страны *FTA* корректируется пропорциональным сокращением долей товаров из стран *ROW* на рынках стран *FTA*.

Величина воздействия на потребление различных видов товаров в зависимости от относительной цены выражается через несовершенную эластичность замещения между потреблением товаров из разных стран. Несовершенная эластичность замещения (σ_M) может оцениваться или задаваться экзогенно. Помимо тарифных барьеров, представленных импортными пошлинами, в результате заключения торгового соглашения стороны также могут нивелировать различные нетарифные барьеры, размер которых может быть оценен в адвалорном эквиваленте и включен в модель равновесия как «надбавка» к тарифной нагрузке. Однако для широкого охвата стран — торговых партнеров получение данных оценок довольно трудоемко, а оценку воздействия эффекта отклонения торговли можно значительно упростить за счет изменения значений эластичности замещения ($\sigma_M > 0$), задавая их экзогенно. В данном исследовании для отражения диапазона значений эффекта отклонения торговли для стран, участвующих в торговом соглашении, на экспорт третьих стран были выбраны два параметра σ_M : 1,5 и 5. Параметр 1,5 является приближенным к единичной эластичности замещения и с этой точки зрения отражает консервативное поведение потребителей на изменение цены товара, что означает их сдержанное предпочтение в выборе продукции из стран, заключивших торговое соглашение, по сравнению с товарами из третьих стран. Для параметра $\sigma_M = 5$ напротив, предпочтения потребителей смещаются в пользу товаров заключенного торгового объединения. В соответствии с ранее проведенными исследованиями [24] было обнаружено, что введение экзогенного параме-

тра эластичности замещения, равного 5, с точки зрения полученных значений общего торгового эффекта равнозначно случаю оценки модели, в которой были учтены нетарифные барьеры для каждого товара в адвалорном эквиваленте.

Наряду с экзогенными значениями параметра σ_M в исследовании для получения менее абстрактных оценок в торговле между экономиками, входящими в ВПТТП, ВПТТП + США, ВРЭП и АТЭС, были выборочно оценены значения эластичности замещения между торгуемыми товарами для товарных групп, составляющих основу российского экспорта в данные группировки стран, в 2018 году по отношению к 2017 году с помощью выражения [20; 25]:

$$\sigma_M = \frac{\Delta(\sum M_{ijFTA} / \sum M_{ijROW}) / (\sum M_{ijFTA} / \sum M_{ijROW})}{\Delta(\sum P_{ijFTA} / \sum P_{ijROW}) / (\sum P_{ijFTA} / \sum P_{ijROW})}, \quad (8)$$

где: j — страна-участница мегаформата; M_{ijFTA} — импорт товара i в страну j из страны, отнесенной к торговому мегаформату; M_{ijROW} — импорт товара i в страну j из третьей страны (страна, не входящая в торговый мегаформат); P_{ijFTA} — цена на товар i из страны, отнесенной к торговому мегаформату, на рынке страны j ; P_{ijROW} — цена на товар i из третьей страны на рынке страны j . По причине ограниченности массива используемых статистических данных оценка эластичности замещения для ряда товарных групп осуществляется только для макроуровня [26].

В качестве основы для оценки выступает статистика тарифной нагрузки, стоимостных и физических показателей взаимных импортных потоков по 267 странам и экономическим территориям, массив которой был сформирован из специализированных баз данных Всемирного банка, ВТО, Мас Мар, СЕИС и ЮНКТАД ООН. По причине недостатка статистических данных по динамике оптовых цен на импортные товары на рынках стран, отнесенных к торговым мегаформатам АТР, в используемом массиве данных ценовой параметр включает только экспортную цену с учетом транспортных и страховых расходов, т. е. отражен в цене СИФ, не включая НДС и налоги на потребление.

В итоге при прочих равных условиях данная модель описывает изменение российского экспорта в страны, входящие в торговые мегаформаты АТР, посредством нивелирования между ними тарифной нагрузки на импорт (импорт-

ных пошлин), приведенных к адвалорному эквиваленту. Преобразование специфических и комбинированных импортных пошлин в адвалорный эквивалент осуществлялось на основе алгоритмов ВТО и Всемирного банка [27; 28]. Нивелирование экспортных ограничений, которые практикуются некоторыми странами АТР, в данной модельной постановке не рассматривается. Предполагается, что страны, участвующие в торговом соглашении, могут в полном объеме нарастить поставки, импортные пошлины по которым будут снижены, т. е. эластичность предложения по цене является приближенной к совершенным значениям. Базовым годом для модельных расчетов стал 2018 год. Вычислительным комплексом для получения оценок в рамках частичного равновесия является модель Всемирного банка [29].

Торговые взаимодействия между странами и экономическими территориями представлены в рамках гармонизированной системы⁸ по шестизначному коду, впоследствии приведены к двузначному коду для сокращения размерности исходного массива. Далее для наглядности полученных оценок укрупнение товарных групп российского экспорта осуществлено по следующим кодам гармонизированной системы: 01–24 – продовольственные товары и сырье; 25–26 – минеральные продукты; 27 – топливно-энергетические товары; 28–40 – продукция химической промышленности, каучук; 41–43 – кожевенное сырье, пушнина и изделия; 44–49 – древесина и целлюлозно-бумажные изделия; 50–67 – текстиль, текстильные изделия и обувь; 68–71 – драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло; 72–83 – металлы и изделия из них; 84–90 – машиностроительная продукция; 91–97 – прочие товары.

Результаты оценки

Прежде чем перейти к полученным оценкам, необходимо проанализировать товарную структуру российского экспорта в торговые мегаформаты АТР, а также уровень тарифной нагрузки на товары из России, ввозимые на рынки стран, отнесенных к соответствующим мегаформатам. Такой анализ позволит в опре-

деленной мере объяснить отсутствие видимых действий по либерализации торговли со странами АТР с российской стороны.

Результаты анализа товарной структуры экспорта России в страны, отнесенные к торговым мегаформатам АТР, по состоянию на 2018 год свидетельствуют о доминировании сырьевых товаров. Среди них особенно выделяются топливно-энергетические товары, на которые приходилось более половины российских поставок в страны субглобального региона. Также заметными товарными группами российского экспорта являлись металлы и изделия из них; продукция химической промышленности; продовольственные товары и сырье (представленные преимущественно рыбой, морепродуктами и сельскохозяйственными культурами); драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло (главным образом продукция алмазно-бриллиантового комплекса и драгоценные металлы; *табл. 1*).

Импортные пошлины на некоторые сырьевые товары, используемые в пищевой промышленности, в целом ряде стран АТР остаются высокими. В частности, импортная пошлина на ввозимые из России продовольственные товары и сырье характеризуется высокими значениями в КНР, Индии и некоторых развивающихся государствах Юго-Восточной Азии. Ряд стран ВПТТП, в частности Республика Корея и Япония, практикуют запретительные пошлины на импорт из-за рубежа некоторой продукции сельскохозяйственного производства, а также нетарифные ограничения на ввоз переработанной продукции рыбного комплекса.

Поскольку основной товарной группой российского экспорта выступают топливно-энергетические товары, а средневзвешенная импортная пошлина стран АТР на данную продукцию является низкой, то общая тарифная нагрузка на экспорт из России в эти группы стран также не характеризуется высокими значениями, особенно для стран ВПТТП + США и ВПТТП. Из стран АТР только Китай, крупнейший торговый партнер России, взимает импортную пошлину на ввоз топливно-энергетических товаров, главным образом на импортируемую сырую нефть, нефтепродукты с низкой степенью переработки и уголь определенных сортов. В связи с этим при отнесении

⁸ *Harmonized System Codes (HS Code)*. Available at: <https://www.foreign-trade.com/reference/hscod.htm>

Таблица 1. Товарная структура российского экспорта в мегаформаты АТР и средневзвешенная импортная пошлина на российскую продукцию, 2018 г., %

Укрупненная товарная группа экспорта	ВРЭП		ВПТТП		ВПТТП + США		АТЭС	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Всего	100,0	3,27	100,0	1,41	100,0	1,23	100,0	2,48
Продовольственные товары и сырье	6,07	13,60	7,19	6,26	6,12	5,48	6,76	11,60
Минеральные продукты	2,67	0,47	0,64	0,35	0,95	0,43	2,09	0,44
Топливо-энергетические товары	67,21	2,39	65,25	0,58	47,97	0,52	58,98	1,84
Продукция химической промышленности, каучук	5,34	3,74	6,41	0,90	11,19	0,89	7,50	2,24
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,04	6,88	0,00	3,12	0,01	2,19	0,03	3,00
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,02	0,86	1,46	0,00	1,12	0,01	2,34	0,13
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,06	6,43	0,06	6,12	0,07	8,14	0,05	7,70
Драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло	5,51	4,79	4,52	1,88	8,22	1,85	4,49	2,68
Металлы и изделия из них	8,19	4,53	12,47	2,99	20,18	2,36	14,62	2,73
Машиностроительная продукция	1,83	4,14	1,92	1,82	3,11	1,38	2,64	2,54
Прочие товары	0,08	5,80	0,09	2,95	1,06	1,21	0,50	3,13

Примечание: I – товарная структура российского экспорта в мегаформаты АТР; II – средневзвешенная импортная пошлина на российские товары, взимаемая странами, которые отнесены к мегаформатам АТР.
Источник: рассчитано автором по данным Всемирного банка и ВТО.

Китая к ВРЭП и АТЭС увеличивается общая тарифная нагрузка на ввоз российских товаров в данные торговые мегаформаты.

В ресурсоизбыточные и удаленные страны АТР российские товары с низкой добавленной стоимостью практически не экспортируются, а некоторые ресурсодефицитные государства АТР (Тайвань, ряд стран АСЕАН, Япония и отчасти Республика Корея) практически не облагают импортной пошлиной большинство товаров с низкой добавленной стоимостью из России: топливо-энергетические товары (сырая нефть, сжиженный природный газ, уголь); древесину с незначительной степенью обработки; рыбу и морепродукты; руды черных и цветных металлов; лом черных и цветных металлов. В свою очередь в России взимается экспортная пошлина на указанные товары, а также практикуется квотирование и, в ряде случаев, запретительные меры на их вывоз за рубеж.

Данные обстоятельства в некоторой степени объясняют нежелание российской стороны нивелировать взаимные барьеры торговых взаимодействий со странами АТР, поскольку тарифная нагрузка на российские сырьевые товары в субглобальном регионе не является значительной. Говоря иначе, снижение пошлин на российскую продукцию не приведет к существенному увеличению экспорта из России в страны АТР. С этой точки зрения нежелание российской стороны тесно интегрироваться со

странами АТР на первый взгляд кажется вполне разумным, если не учитывать риски постепенного замещения товаров из России в рамках подписанных и перспективных торговых мегаформатов АТР.

Расчеты в рамках модели частичного равновесия показали, что для российского экспорта косвенные эффекты от нивелирования импортных пошлин между странами, отнесенными к торговому мегаформату АТР, в целом будут отрицательными и сопоставимыми с некоторыми оценками, полученными на основе модели общего равновесия, в случае накопления полученных эффектов на долгосрочную перспективу (табл. 2 и 3).

Ожидается небольшое негативное влияние от эффекта отклонения торговли в пользу стран того или иного торгового мегаформата АТР – не выше 1,0% от стоимостного объема российского экспорта, поставляемого в страны, заключившие или намеревающиеся заключить широкие по охвату участников торговые соглашения. Как показывают оценки, нивелирование тарифной нагрузки в рамках торговых мегаформатов АТР может привести к сокращению российского экспорта: до 0,04 млрд долл. для случая ВПТТП, до 0,12 – для ВПТТП + США, до 0,43 – для ВРЭП и до 0,87 млрд долл. – для АТЭС. При этом создание предпосылок для нивелирования тарифных барьеров между странами АТЭС может рассматриваться только

в долгосрочной перспективе. Исходя из этого, негативные косвенные эффекты от торгово-экономического сближения стран АТР между собой на первый взгляд не являются критичными для российского экспорта в среднесроч-

ной перспективе. Однако на уровне отдельных товарных групп российского экспорта в страны АТР ситуация может значительно отличаться от совокупного косвенного эффекта отклонения торговли.

Таблица 2. Изменение товарной структуры российского экспорта в подписанные торговые мегаформаты АТР

Укрупненная товарная группа российского экспорта	ВРЭП				ВПТТП			
	$\sigma_M = 1,5$		$\sigma_M = 5$		$\sigma_M = 1,5$		$\sigma_M = 5$	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	-143,3	-0,18	-427,1	-0,56	-18,0	-0,07	-41,6	-0,17
Продовольственные товары и сырье	-31,7	-0,67	-83,6	-1,74	-10,7	-0,58	-14,9	-0,84
Минеральные продукты	-0,3	-0,01	-1,0	-0,05	0,0	0,00	0,0	0,00
Топливо-энергетические товары	-14,8	-0,03	-46,3	-0,09	-1,6	-0,01	-5,4	-0,03
Продукция химической промышленности, каучук	-38,5	-0,93	-122,3	-3,06	-1,0	-0,06	-3,2	-0,18
Кожевенное сырье, пушнина и изделия	-0,5	-1,42	-1,4	-4,89	0,0	-0,54	0,0	-0,29
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия из них	-8,4	-0,36	-26,5	-1,15	-0,3	-0,09	-0,5	-0,15
Текстиль, текстильные изделия и обувь	-1,8	-4,21	-5,8	-14,98	0,0	-0,13	-0,1	-0,39
Драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло	-9,1	-0,21	-15,7	-0,64	0,0	0,00	0,0	0,00
Металлы и изделия из них	-20,1	-0,31	-67,5	-1,07	-0,2	-0,01	-0,6	-0,02
Машиностроительная продукция	-18,0	-1,27	-56,4	-4,37	-4,1	-0,84	-16,7	-3,34
Прочие товары	-0,2	-0,32	-0,6	-1,08	-0,1	-0,25	-0,2	-0,76

Примечание: здесь и далее представлены расчеты на основе торговых взаимодействий стран в 2018 году. В таблице отрицательный знак указывает на сокращение стоимостных объемов российского экспорта (млн долл.), а также относительного снижения поставок из России в страны, отнесенные к торговым мегаформатам АТР, в том числе в рамках укрупненных товарных групп экспорта (%).
Источник: рассчитано автором.

Таблица 3. Изменение товарной структуры российского экспорта в перспективные торговые мегаформаты АТР

Укрупненная товарная группа российского экспорта	ВПТТП + США				АТЭС			
	$\sigma_M = 1,5$		$\sigma_M = 5$		$\sigma_M = 1,5$		$\sigma_M = 5$	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	-36,9	-0,10	-117,0	-0,35	-294,8	-0,34	-864,7	-1,00
Продовольственные товары и сырье	-17,3	-0,80	-55,2	-2,39	-135,5	-2,30	-401,4	-6,82
Минеральные продукты	0,0	0,00	0,0	0,00	-0,3	-0,02	-0,8	-0,05
Топливо-энергетические товары	-0,6	0,00	-2,1	-0,01	-17,5	-0,03	-51,6	-0,10
Продукция химической промышленности, каучук	-2,8	-0,07	-8,1	-0,20	-54,3	-0,83	-152,1	-2,33
Кожевенное сырье, пушнина и изделия	0,0	-0,08	0,0	-0,60	-0,4	-1,56	-1,2	-4,18
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	-0,5	-0,13	-1,9	-0,48	-11,1	-0,54	-31,9	-1,56
Текстиль, текстильные изделия и обувь	-0,1	-0,38	-0,4	-1,36	-1,5	-3,89	-4,5	-11,30
Драгоценные, полудрагоценные камни, металлы и стекло	-0,1	0,00	-0,2	-0,01	-5,2	-0,13	-14,9	-0,38
Металлы и изделия из них	-11,4	-0,16	-32,2	-0,59	-44,8	-0,35	-133,9	-1,05
Машиностроительная продукция	-4,3	-0,37	-16,9	-1,75	-22,8	-0,99	-68,2	-2,97
Прочие товары	-0,1	-0,02	-0,2	-0,15	-1,3	-0,30	-4,1	-0,95

Источник: рассчитано автором.

Декомпозиция эффекта отклонения торговли на экспорт третьих стран на уровне товарных групп указала на то, что в случае сближения стран ВРЭП (см. табл. 2) наибольшее сокращение стоимостных объемов, возможно, распространится на следующие товарные группы российского экспорта: продукция химической промышленности (пластмассы, каучук, резина и изделия из них; удобрения; органические химические соединения); продовольственные товары и сырье (рыба, ракообразные и моллюски; злаки); металлы и изделия из них (черные металлы; никель и изделия из него); машиностроительная продукция (котлы паровые; турбины; электрические машины и оборудование; инструменты; средства наземного транспорта); топливно-энергетические товары (уголь каменный; нефтепродукты; газы сжиженные). Несмотря на сравнительно небольшое сокращение стоимостных объемов, относительное снижение экспорта продукции легкой и кожевенной промышленности (текстиль, текстильные изделия и обувь; кожевенное сырье, пушнина и изделия) из России в страны ВРЭП в рамках данных товарных групп может быть наибольшим по сравнению с другой экспортной продукцией.

В случае нивелирования тарифной нагрузки в рамках ВПТТП (см. табл. 2) в разрезе укрупненных товарных групп российского экспорта может наблюдаться некоторое сокращение стоимостных объемов поставок из России машиностроительной продукции (средства наземного транспорта), которая главным образом ориентирована на рынок Вьетнама, а также продовольственных товаров и сырья (злаки). Относительное снижение российского экспорта в страны ВПТТП в рамках товарных групп может быть наибольшим для машиностроительной продукции, которая будет замещаться поставками из развитых стран данного крупного торгового объединения. При прочих равных условиях для остальных товарных групп российского экспорта может наблюдаться либо инвариантность, либо незначительное сокращение их стоимостных объемов, поскольку развитые страны ВПТТП практически не облагают импортными пошлинами сырьевые товары и импортируют из России незначительные стоимостные объемы товаров с высокой добавленной стоимостью.

При расширении формата ВПТТП за счет американской экономики (ВПТТП + США), т. е. придания ему формы изначально созданного Транстихоокеанского партнерства (см. табл. 3), при нивелировании импортных пошлин между странами, входящими в данное перспективное объединение, можно ожидать главным образом дополнительное снижение стоимостных объемов российского экспорта продовольственных товаров и сырья (рыба, ракообразные и моллюски), а также металлов и изделий из них (прочие недрагоценные металлы – главным образом титан и изделия из него).

В случае заключения ЗСТ между странами АТЭС, исключая Россию (см. табл. 3), наибольшее сокращение стоимостных объемов российского экспорта (почти половина от снижения) может наблюдаться для продовольственных товаров (рыба, ракообразные и моллюски; злаки; соевые бобы; мясо и пищевые субпродукты домашней птицы; животные и растительные жиры; табачные изделия). Видимое сокращение российского экспорта в страны АТЭС может также произойти за счет продукции химической промышленности (продукты органической и неорганической химии; удобрения; пластмассы, каучук, резина и изделия из них), металлов и изделий из них (черные металлы; алюминий и изделия из него; никель и изделия из него; прочие недрагоценные металлы; прочие изделия из недрагоценных металлов) и машиностроительной продукции (котлы паровые; турбины; электрические машины и оборудование; инструменты; средства наземного транспорта). Наибольшее относительное снижение экспорта российской продукции в страны АТЭС может произойти для поставок легкой и кожевенной промышленности, а также продовольственных товаров и сырья.

Заключение

Заметное расширение торговых взаимосвязей между странами АТР стало возможным благодаря интеграционным процессам в глобальной и субглобальной экономике. Современные процессы торгово-экономического взаимодействия в АТР проявляются в создании крупных интеграционных форм – торговых мегаформатов, генерируемых интересами трех крупнейших экономик мира: США, КНР и Японии. На сегодня в АТР подписаны два мегаформата – ВРЭП и ВПТТП. В перспективе можно

ожидать расширение ВПТТП за счет США, а также создание ЗСТ между странами АТЭС.

Россия неспешно подходит к географическому расширению либерализации торговых взаимодействий в АТР, а российский экспорт в субглобальный регион носит преимущественно сырьевой характер. Анализ указал на невысокие значения тарифной нагрузки на российские сырьевые товары со стороны стран АТР, что объясняет отсутствие мотивации для российской стороны относительно снижения взаимных барьеров торговых взаимодействий со странами субглобального региона. Однако данное обстоятельство не учитывает риски постепенного замещения товаров из России в рамках формирующихся торговых мегаформатов АТР.

Оценка эффекта отклонения торговли для третьих стран в рамках модели частичного равновесия свидетельствует, что в среднесрочной перспективе может наблюдаться сравнительно несильное негативное влияние на экспорт из России, направленный в формирующиеся торговые мегаформаты субглобального региона, в случае российского неучастия: наименьшее негативное воздействие ожидается от нивелирования ограничений в рамках ВПТТП, наибольшее – при создании ЗСТ между странами АТЭС за исключением российской экономики. Несмотря на небольшое отрицательное воздействие на российский экспорт в случае неучастия России в мегаформатах АТР, конкурентоспособность российской продукции на рынке субглобального региона может снизиться в рамках следующих товарных групп: продовольственная продукция, продукция химической промышленности, металлургии и машиностроения. Фактически данное обстоятельство указывает на то, что интеграционные процессы в АТР опосредованно будут способствовать ослаблению продуктовой диверсификации экспорта из России на рынке субглобального региона, смещая его в сторону поставок топливно-энергетических товаров.

Несмотря на сравнительно небольшое возможное сокращение экспорта из России в страны АТР в среднесрочной перспективе в рамках рассмотренных конфигураций торговых мегаформатов субглобального региона, в долгосрочном периоде риски для продвижения рос-

сийской продукции на рынке АТР в разрезе представленных товарных групп могут накапливаться. В связи с этим принципиальное значение будет иметь дальнейшее развитие взаимоотношений торговых мегаформатов АТР с третьими странами, к которым относится Россия. Для третьих стран долгосрочные последствия зависят от характера заключаемых торговых мегаформатов в АТР с точки зрения их отнесения к закрытому или открытому типу торговых блоков [30].

При создании закрытых торговых блоков в АТР страны-члены будут проводить либерализацию торгово-экономических взаимодействий только между собой, наращивая при этом барьеры с третьими странами. Исходя из этого, на уровне некоторых товарных групп видимое сокращение стоимостных объемов российского экспорта может произойти уже в среднесрочном периоде в случае нивелирования тарифной нагрузки на импорт в рамках мегаформатов АТР и смещения предпочтений потребителей в пользу товаров, распространяемых внутри обозначенных форматов. Предпосылками для развития подобного рода событий является политика по снижению разнообразных барьеров для продвижения экспорта сырьевых товаров в АТР со стороны США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Чили и некоторых стран Юго-Восточной Азии, которые входят в ВПТТП и ВРЭП. Фактически это обстоятельство может означать последующее замещение российской продукции товарами из данных стран на рынке АТР в рамках рассматриваемых торговых мегаформатов. В таких условиях, при наличии естественного преимущества, связанного с территориальной близостью к емким ресурсодефицитным государствам Северо-Восточной Азии, Россия продолжит ориентировать свою продукцию на рынок КНР, не диверсифицируя поставки в другие страны АТР, сталкиваясь с негативными эффектами монополии от привязки к китайской экономике.

В случае создания открытых торговых блоков в АТР, вероятно, будут нивелироваться барьеры между странами-участницами и в определенной мере снижаться ограничения во взаимодействиях с третьими странами с опорой на механизмы ВТО [31], предполагающие отсутствие дискриминации, применение

режима наибольшего благоприятствования и связанности тарифной нагрузки⁹. При таком развитии событий дискриминация по отношению к российским товарам в АТР не будет выражаться в явном виде. Однако даже в этом случае нельзя исключать, что в результате сохранения текущих тенденций снижения цен на традиционные товары российского экспорта вследствие замедления мировой экономики, а также практикуемых с 2014 года санкционных ограничений российская экономика в среднесрочной перспективе рискует столкнуться с дискриминацией в продвижении своих товаров как на европейском рынке, так и на рынке АТР. Преодолеть ее через механизмы ВТО будет затруднительно.

Литература

1. Baldwin R. *A Domino Theory of Regionalism*. NBER Working Paper 4465, September 1993. Available at: <http://www.nber.org/papers/w4465.pdf> (дата обращения 20.12.2020).
2. Baldwin R. The world trade organization and the future of multilateralism. *Journal of Economic Perspectives*, 2016, vol. 30, pp. 95–116. DOI: 10.1257/jep.30.1.95
3. Rodrik D. What do trade agreements really do? *Journal of Economic Perspectives*, 2018, vol. 32, pp. 73–90. DOI: 10.1257/jep.32.2.73
4. Fergusson I.F., McMinimy M.A., Williams B.R. *The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief*. Congressional research service, 2016, February. Available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf> (дата обращения 20.12.2020).
5. Kuwayama M. *TPP11 (CPTPP): Its Implications for Japan – Latin America Trade Relations in Times of Uncertainty*. Research Institute for economics and business (RIEB) of Kobe University, DP2019-05, 2019, March 25. Available at: <https://www.rieb.kobe-u.ac.jp/academic/ra/dp/English/DP2019-05.pdf> (дата обращения 20.12.2020).
6. Кадочников П., Кнобель А., Синельников-Мурылев С. Открытость российской экономики как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2016. № 12. С. 26–42. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-12-26-42
7. Nilsson L. Reflections on the economic modelling of free trade agreements. *Journal of Global Economic Analysis*, 2018, vol. 3, pp. 156–186. DOI: 10.21642/JGEA.030104AF
8. Chemingui M., Surry Y., Thabet C. *Tools for Ex Ante Trade Impact Analysis*. Economic and social commission for Western Asia (ESCWA), United Nations, Beirut, 2018. Available at: <https://www.unescwa.org/file/85059/download?token=QDIA4INk> (дата обращения 20.12.2020).
9. Cheong D. *Methods for Ex Ante Economic Evaluation of Free Trade Agreements*. Asian development bank. Working Paper, 2010, no. 52, June. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28526/wp52-ex-ante-economic-evaluation.pdf> (дата обращения 20.12.2020).
10. Кнобель А., Седалищев В. Риски и выгоды для ЕАЭС от различных сценариев интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 2. С. 72–85. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-2-03
11. Кнобель А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-3-87-108
12. Petri P.A., Plummer M.G. *The Economic Effects of the Trans-Pacific Partnership: New Estimates*. Peterson institute for international economics working paper, no. 16-2, East-West Center Workshop on Mega-Regionalism – New Challenges for Trade and Innovation, 2016. DOI: 10.2139/ssrn.2723413
13. Kawasaki K. The relative significance of EPAs in Asia-Pacific. *Journal of Asian Economics*, 2015, vol. 39, pp. 19–30. DOI: 10.1016/j.asieco.2015.05.001
14. Malokostov A., Turdyeva N. *Impacts of Trade 'Meta-Agreements' on Russia. The Impact of Mega-Agreements on BRICS*. 5th BRICS Trade and economic research network (TERN) Meeting, 2014. pp. 50–62. Available at: <https://ccgi.fgv.br/sites/ccgi.fgv.br/files/file/Publicacoes/5th%20BRICS-TERN%20ebook.pdf> (дата обращения 20.12.2020).

⁹ Режим наибольшего благоприятствования – максимальный уровень тарифной нагрузки страны – члена ВТО, который он может применить к импорту из других стран – членов ВТО. Связанность тарифной нагрузки представляет собой обязательства стран – членов ВТО.

15. Izotov D. Russia and the Pacific Rim: prospects for trade liberalization. *Russian Politics and Law*, 2017, vol. 55, pp. 457–479. DOI: 10.1080/10611940.2017.1574502
16. Izotov D.A. Liberalization of Russia's trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific partnership countries. *Studies on Russian Economic Development*, 2017, vol. 28, pp. 338–345. DOI: 10.1134/S1075700717030078
17. Li Ch., Lin X., Whalley J. *Comparing Alternative China and US Arrangements with CPTPP*. NBER Working Paper 26877. 2020, march. Available at: <http://www.nber.org/papers/w26877> (дата обращения 20.12.2020).
18. Petri P.A., Plummer M.G., Zhai F. *The TPP, China and the FTAAP: The Case for Convergence. New Directions in Asia-Pacific Economic Integration*. Ed. by G. Tang, P.A. Petri. Honolulu: East-West Center, 2014, pp. 78–89. DOI: 10.2139/ssrn.2438725
19. Ferrantino M.J., Maliszewska M., Taran S. *Actual and Potential Trade Agreements in the Asia-Pacific: Estimated Effects*. World Bank, Washington, DC, 2019. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33549> (дата обращения 20.12.2020).
20. Laird S., Yeats A. *The UNCTAD Trade Policy Simulation Model. A Note on the Methodology, Data and Uses*. United Nations conference on trade and development, Geneva, 1986, October. Available at: <https://wits.worldbank.org/data/public/SMARTMethodology.pdf> (дата обращения 20.12.2020).
21. Francois J., Hall K.H. *Partial Equilibrium Modeling. Applied Methods for Trade Policy Analysis: A Handbook*. Ed. by J.F. Francois, K.A. Reinert. Cambridge University Press, 1997, pp. 122–155. DOI: 10.1017/CBO9781139174824.007
22. Armington P. A Theory of demand for products distinguished by place of production. *Internationally Monetary Fund Staff Paper*, 1969, vol. 16, pp. 159–176. DOI: 10.2307/3866403
23. Viner J. *The Customs Union Issue*. Oxford University Press, 2014, 256 p.
24. Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. 368 с.
25. Francois J., Hall K.H. *Global Simulation Analysis of Industry-Level Trade Policy: the GSIM model*. IIDE Discussion Papers 20090803, institute for international and development economics, 2009. Available at: <http://www.i4ide.org/content/wpaper/dp20090803.zip> (дата обращения 20.12.2020).
26. Feenstra R.C., Luck P.A., Obstfeld M., Russ K.N. *In Search of the Armington Elasticity*. National bureau of economic research, working paper series 20063. April 2014. Available at: <http://www.nber.org/papers/w20063> (дата обращения 20.12.2020).
27. Stawowy W. *Calculation of Ad Valorem Equivalents of Non-Ad Valorem Tariffs. Methodology Notes*. UNCTAD, 2001, October. Available at: <http://wits.worldbank.org/witsweb/download/docs/AVEmeth.doc>. (дата обращения 20.12.2020).
28. *Incidence of Non-Ad Valorem Tariffs in Members' Tariff Schedules and Possible Approaches to the Estimation of Ad Valorem Equivalents*. World Trade Organization, negotiating group on market access, 2003, May. Available at: http://wits.worldbank.org/wits/docs/wto_s10.doc. (дата обращения 20.12.2020).
29. Jammes O., Olarra M. *Explaining SMART and GSIM*. The World Bank, 2005, April. Available at: http://wits.worldbank.org/witsweb/download/docs/explaining_smart_and_gsim.pdf (дата обращения 20.12.2020).
30. Wei S., Frankel J.A. Open versus closed trade blocs. *Regionalism versus Multilateral Trade Arrangements*. University of Chicago Press, 1997. Pp. 119–140. Available at: <http://www.nber.org/chapters/c859> (дата обращения 20.12.2020).
31. Bagwell K., Staiger R.W. *The Design of Trade Agreements*. National bureau of economic research working paper 22087, 2016, March. Available at: <http://www.nber.org/papers/w22087> (дата обращения 20.12.2020).

Сведения об авторе

Дмитрий Александрович Изотов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихооканская, д. 153; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Izotov D.A.

Impact of Trade Mega-Formats in the APR on Russian Export

Abstract. The purpose of the research is a quantitative assessment of indirect effects from the Russian export because Russia does not participate in the APR mega-formats. We show that modern processes of trade and economic cooperation in the APR are manifested in the creation of trade mega-formats: the Regional Comprehensive Economic Partnership and the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership were signed, and the expansion of the CPATPP for the USA, as well as the creation of a free trade zone within the APEC, was considered a promising area. The authors prove that the lack of motivation of the Russian side in joining the APR trade mega-formats is caused by a low level of tariffs on Russian commodities from the APR countries, and the risks of Russian goods replacement are not considered. After evaluating indirect effects, it was defined that there might be a slight negative impact on Russian export due to Russia not participating in the APR mega-formats. On the other hand, the competitiveness of Russian products on the market of the sub-global region may decrease in the following product groups: food products, goods of chemical industry, metallurgy, and mechanical engineering. The obtained estimates suggest that the integration processes in the Asia-Pacific Region will indirectly contribute to the weakening of the product diversification of Russian exports on the market of the sub-global region by shifting it toward a single-product raw material specialization. We show in this work that the formation of relationships of the APR mega-formats with third countries, depending on their closed or open configuration, will have a fundamental importance for Russia. The creation of closed trade blocks in the APR might mean an active substitution of Russian products and decline of the amounts of Russia's exports on the APR market. However, if open trade blocks are created, then the discrimination toward Russian goods would not be that clear.

Key words: export, import, product group, trade diversion effect, import duty, partial equilibrium model, trade mega-format, free trade zone, APR, APEC, RCEP, CPATPP, USA, Russia.

Information about the Author

Dmitrii A. Izotov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Статья поступила 25.01.2021.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5

УДК 332.1 (470.12), ББК 65.050 (2Рос–4Вол)

© Ускова Т.В., Секушина И.А.

Стратегические приоритеты развития малых и средних городов*

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: tvu@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0001-9416-1136; ResearcherID: O-2232-2017

**Ирина Анатольевна
СЕКУШИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: i_sekushina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4216-4850; ResearcherID: Q-4989-2017

Аннотация. Современные тенденции концентрации населения в крупных городах и агломерациях приводят к дисбалансу пространственного развития и являются одной из главных угроз национальной безопасности государства. Для малых и средних городов, как локальных центров прилегающих территорий, проблемы социально-экономического развития стоят особенно остро. В связи с этим выбор путей и направлений повышения эффективности управления данными населенными пунктами приобретает особую актуальность. Цель работы – поиск и научное обоснование новых приоритетов стратегического управления развитием малых и средних городов с учетом многообразия их типов. В статье рассмотрены взгляды ведущих российских исследователей.

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Для цитирования: Ускова Т.В., Секушина И.А. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5

For citation: Uskova T.V., Sekushina I.A. Strategic priorities of small and medium towns' development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5

дователей на проблему управления малыми и средними городами. На основе анализа научной литературы и результатов опроса глав и руководителей администраций малых и средних городов Вологодской области выявлены основные факторы, препятствующие построению эффективной системы управления. Обоснована целесообразность разработки региональных стратегий развития малых и средних городов, базирующихся на типологии населенных пунктов по экономическому профилю и положению в системе расселения. Представлены подходы к определению специализации города: на основе сложившейся в настоящее время структуры экономики; на основе концепции «умной специализации». Информационной базой исследования послужили данные официальной статистики, а также научные труды отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой тематике. В работе использовались методы экспертного опроса, монографический, экономико-статистический, табличные и графические приемы визуализации данных. Полученные в ходе исследования результаты могут применяться в деятельности органов региональной и муниципальной власти при разработке документов стратегического планирования по управлению развитием малых и средних городов.

Ключевые слова: малые и средние города, стратегия, пространственное развитие, региональная политика, типология городов.

Введение

Для России, как самой большой по площади страны мира, проблема развития локальных территорий стоит особенно остро. Наличие межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации оказывает негативное влияние как на социально-экономическое, так и на пространственное развитие государства. Рыночные реформы 1990-х гг. изменили административные и экономические основы развития большинства населенных пунктов, особенно сильно затронув малые и средние города. Подавляющее большинство последних было создано планово в период проведения масштабной индустриализации, в условиях, когда каждый город играл определенную роль в экономическом пространстве страны и был связан производственными цепочками с другими территориями. С переходом к рынку произошел разрыв устоявшихся связей, и большая часть малых и средних городов так и не смогла полностью адаптироваться к новым экономическим условиям.

В настоящее время категория малых и средних городов по-прежнему остается самой многочисленной среди городских населенных пунктов. По данным на 1 января 2019 года из 1115 российских городов 945 (85%) относилось к категории малых и средних. В целом по России в таких населенных пунктах проживает более 26,3 млн человек, или почти 18% жителей страны. За последние 30 лет общая численность населения городов выросла более чем на 8%,

однако эти тенденции затронули лишь крупные города и мегаполисы. Малые и средние города, напротив, потеряли более 780 тыс. жителей (*табл. 1*).

Урбанизация – вполне закономерный и неотъемлемый этап развития страны, а цетростремительные процессы расселения не являются исключительно российской особенностью. Вместе с тем многие ученые акцентируют внимание на возможных угрозах, которые несут в себе указанные тенденции развития экономического пространства [1; 2; 3].

Миграционный отток населения из малых и средних городов во многом обусловлен стремлением людей к более высокому уровню и качеству жизни, которые может обеспечить крупный город. Однако не все так однозначно. В пореформенный период повсеместно в малых и средних городах, а также в крупных сельских населенных пунктах шел процесс ликвидации значительной части социальных, производственно-экономических и градостроительных объектов: закрывались филиалы банков, отделения налоговых служб, малокомплектные школы, филиалы вузов, было сокращено количество районных учреждений культуры и здравоохранения. Такая «оптимизация» самым негативным образом сказалась на качестве жизни населения и повлияла непосредственно и на экономическую жизнь российской провинции [4].

Таблица 1. Численность населения России в 1989 и 2019 гг.

Показатель	1989 г.	2019 г.	Темп прироста	
			ед., тыс. чел.	%, п. п.
Общая численность населения, тыс. чел.	147400,5	146780,7	-619,8	99,6
Общее количество городов, ед.	1037	1115	78	107,5
Численность населения, проживающего в городах, тыс. чел.	94450,0	102311,3	7861,3	108,3
Доля населения, проживающего в городах, %	64,1	69,7	-	5,6
Количество малых и средних городов, ед.	872	945	73	108,4
Численность населения, проживающего в малых и средних городах, тыс. чел.	27089,0	26300,2	-788,8	97,1
Доля населения, проживающего в малых и средних городах, в общей численности населения страны, %	18,4	17,9	-	-0,5

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Если принять во внимание всю глубину накопившихся в малых и средних городах проблем, то вопросы поиска путей для повышения эффективности управления их развитием приобретают особую актуальность. При этом при формальной независимости органов местного самоуправления на практике оказывается, что проведение каких-либо существенных изменений в малых и средних городах без содействия федеральных и региональных властей становится трудно выполнимой задачей.

В 2019 году была принята Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года¹, в которой проблема депопуляции городов с численностью населения менее 100 тыс. человек не оставлена без внимания. Во-первых, в документе ставится акцент на необходимости повышения устойчивости системы расселения за счет социально-экономического развития городов, имеющих статус монопрофильных муниципальных образований, исторических поселений и наукоградов. Во-вторых, в качестве одного из направлений решения проблем пространственного развития предложено развитие малых и средних городов как межмуниципальных обслуживающих центров для сельских территорий, обеспечивающих население и предпринимателей социальными, информационно-консультационными и другими услугами.

¹ Стратегия пространственного развития РФ, утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

При наличии в Стратегии некоторых, безусловно, верных решений нельзя не согласиться с критическими замечаниями ведущих российских экономистов в адрес данного документа. К примеру, по мнению академика РАН П.А. Минакира, принятая Стратегия пространственного развития РФ лишь легитимирует перераспределение ограниченных бюджетных ресурсов в пользу крупнейших городских агломераций, что приводит к еще большему усилению пространственной асимметрии [1]. Профессор, д.г.н. Н.В. Зубаревич отмечает, что тематике и инструментам развития периферийных территорий в документе уделяется крайне мало внимания, в основном же упор делается на то, что территории вне агломераций должны развиваться своими силами [2].

Важность и значимость реализации мер государственной политики по развитию малых и средних городов неоднократно отмечались во многих трудах современных исследователей-экономистов. Вместе с тем открытым остается вопрос, каким образом осуществлять управление всем существующим многообразием их типов.

Целью работы стали поиск и научное обоснование новых приоритетов стратегического управления развитием малых и средних городов с учетом наличия большого многообразия их типов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Изучение теоретико-методологических подходов к управлению развитием малых и средних городов.

2. Выявление факторов, препятствующих построению эффективной системы управления развитием малых и средних городов, в том числе на региональном уровне.

3. Поиск подходов к выбору перспективных направлений дальнейшего развития различных типов малых и средних городов, в том числе с учетом их экономической специализации.

Теоретические аспекты исследования

В последние годы наблюдается повышенный интерес к исследованию особенностей и проблем развития малых и средних городов со стороны российского научного сообщества. В коллективной монографии [5] рассматриваются проблемы социально-экономического развития данных населенных пунктов, анализируются причины их возникновения. Исследователями отмечается наличие большого многообразия малых и средних городов, при этом приводятся конкретные примеры комплексного развития различных типов населенных пунктов, отличающихся по географическому положению и экономической ситуации.

Вопросы развития малых городов в социальном пространстве являются темой множества исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН) [4]. Проблемы этих населенных пунктов анализируются посредством применения инструментов социального моделирования пространственного развития на примере конкретных, типичных для России городов, которые выделяются по критериям их актуального социально-экономического положения, макрорегиональной и отраслевой принадлежности.

Малые и средние города выступают объектом изучения не только экономистов и социологов, но и исследователей такой смежной области, как экономическая география. К примеру, в работе [6] приведены результаты комплексного социально-экономико-географического исследования всех средних городов нестоличных регионов Центральной России. Особого внимания заслуживают предложенные автором методические приемы изучения экономико-географического и социально-экономического положения населенных пунктов, а также методика выявления межрайонных функций средних городов.

Обращаясь к зарубежному опыту, необходимо обратить внимание на то, что одним из ведущих направлений исследований является изучение проблем данных населенных пунктов в контексте устойчивого развития территорий [7; 8; 9]. Эта концепция подразумевает сбалансированное развитие малых и средних городов в трех сферах: экономической, социальной и экологической. Достаточно популярной темой исследований выступают вопросы взаимодействия малых и средних городов и сельских территорий [10; 11].

Достаточно большое количество зарубежных работ посвящено проблемам так называемых «сжимающихся городов» («shrinking city») [12; 13], к которым относятся, в том числе, некоторые малые и средние города. Исследования по данной тематике получили достаточную популярность, особенно в США и Германии. В России это направление еще не так распространено, однако широко представлены работы, посвященные исследованию городов с моноотраслевой экономикой [14; 15], где наблюдается стремительное сокращение численности населения, главным образом характерное для российских северных территорий.

Вопросы управления развитием малых и средних городов (в том числе стратегического) также являются одной из актуальных тем современных отечественных и зарубежных исследований. К примеру, в работах Е.М. Бухвальда и О.Н. Валентик [16], М.С. Оборина и М.Ю. Шерешевой [17], В.В. Дидык [18], Н.А. Лебедевой и В.О. Русецкой [19] анализируются различные инструменты и методы стратегического планирования в малых и средних городах. При всем многообразии существующих подходов нельзя не отметить то, что в большинстве работ так или иначе затрагивается вопрос о необходимости проведения типологии данных населенных пунктов. Обусловлено это в первую очередь тем, что применить какой-то один вариант стратегического управления всем многообразием малых и средних российских городов на практике невозможно.

В работах зарубежных авторов акцент ставится и на стратегическом планировании, однако главной их отличительной особенностью является как раз высокий уровень практической ориентированности. В частности, в странах Евросоюза можно наблюдать очень тесное

взаимодействие исследователей и органов региональной и муниципальной власти как при разработке программ городского развития, так и при пространственном планировании территории [20; 21].

Работы российских ученых в последние годы также приобретают более практическую направленность. К примеру, в МЦСЭИ «Леонтьевский центр» была разработана брошюра по стратегическому планированию в малых городах, которая содержит практические рекомендации для органов местного самоуправления [22].

Таким образом, анализ современных работ по вопросам развития малых и средних городов подтверждает актуальность выбранной тематики исследования. Проблема поиска эффективных подходов к управлению, которые, с одной стороны, могли бы быть применимы к широкому спектру муниципальных образований, а с другой стороны, учитывали бы особенности и специфику населенных пунктов различных типов, остается открытой.

Материалы и методы

Методологическую основу проведенного исследования составили труды ведущих российских экономистов в области изучения современных подходов, методов, механизмов и инструментов управления развитием малых и средних городов. Также применялись методы синтеза и обобщения, экспертных оценок, монографический, статистический, ретроспективный, качественной и количественной обработки данных.

Как источники информации были использованы официальные данные Росстата, База данных показателей муниципальных образований, сведения, содержащиеся на официальных сайтах органов государственной и муниципальной власти. Также в информационную базу работы входят результаты опроса глав и руководителей администраций всех малых городов Вологодской области, проведенного в мае 2020 года. Его цель — изучение мнения представителей органов местного самоуправления о перспективах развития населенных пунктов, а также выявление основных проблем в сфере управления. В анкетировании приняли участие 12 из 13 руководителей малых городов региона, что говорит о достаточно хорошем уровне репрезентативности полученных данных.

Основные результаты исследования

В настоящее время основой управления малыми и средними городами выступает система местного самоуправления (МСУ), которая представляет собой нижний уровень власти в стране и является формой самоорганизации и участия граждан в управлении развитием локальных территорий. Россия прошла достаточно трудный путь становления и развития местного самоуправления, при этом наиболее существенные изменения произошли в постсоветский период.

С 1 января 2009 года² в полной мере начал действовать 131-ФЗ³, который сформировал двухуровневую систему муниципального управления с разграничением финансовых и экономических полномочий между муниципальными районами и входящими в их состав городскими и сельскими поселениями. Подавляющее большинство малых и средних городов в настоящее время с законодательной точки зрения относятся к городским поселениям. К примеру, в Северо-Западном федеральном округе лишь 1/3 малых и средних городов (44 из 136) имеет статус городских округов. Отличие между этими двумя категориями заключается в том, что, во-первых, город, претендующий на статус городского округа, выходит из состава муниципального района, а во-вторых, городской округ, как новое муниципальное образование, приобретает право осуществлять отдельные государственные полномочия.

Профессор, д.э.н. Е.М. Бухвальд отмечает, что данный фактор в значительной степени влияет на инвестиционную привлекательность малых и средних городов, имеющих статус городских поселений, «поскольку любой инвестор осознает всю меру неформальной зависимости муниципальной власти городских поселений от власти районной в рамках обязательной для районов двухуровневой модели местного самоуправления» [23].

Высокий уровень дотационности городских бюджетов является одним из главных препятствий для выхода малых и средних городов на путь саморазвития [4; 5; 16; 22; 24]. В существующих условиях малые и средние города

² В ряде регионов с 1 января 2006 года.

³ Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — 131-ФЗ).

Таблица 2. Факторы, препятствующие эффективному управлению развитием малых и средних городов, % от числа опрошенных

Фактор	Степень значимости		
	очень значимы	в определенной степени значимы	не важны
Дефицит собственных источников доходов бюджета	91,7	8,3	0,0
Недостаточность финансовой поддержки со стороны региональных властей	66,7	33,3	0,0
Пассивность местного населения	58,3	41,7	0,0
Неукомплектованность органов местного самоуправления квалифицированными кадрами	50,0	50,0	0,0
Несогласованность стратегических (программных) документов на федеральном, региональном и местном уровне	50,0	33,3	16,7
Зависимость от государственных органов власти	33,3	50,0	16,7
Отсутствие эффективного сотрудничества с органами управления муниципальным районом	25,0	58,3	16,7
Гипертрофированный государственный контроль	25,0	50,0	25,0

Источник: составлено авторами на основе опроса глав и руководителей администраций малых городов Вологодской области.

просто не могут рассматриваться в качестве полноправных субъектов хозяйствования и экономической деятельности. Необходимо отметить, что данная проблема возникла не сегодня, и реформа местного самоуправления как раз должна была преломить сложившуюся ситуацию. Однако в настоящее время говорить о независимости и финансовой самостоятельности малых и средних городов, к сожалению, не приходится. По большому счету, цель формирования самодостаточного и независимого уровня власти – местного самоуправления – полностью так не была и достигнута.

Актуальность укаанных проблем подтверждают и результаты проведенного опроса глав и руководителей администраций малых городов Вологодской области. Подавляющее большинство опрошенных (более 90% респондентов) в

качестве основного фактора, препятствующего эффективному управлению развитием города, отметили проблему дефицита собственных источников доходов бюджета (табл. 2). Помимо этого, 2/3 представителей органов местного самоуправления считают недостаточными объемы оказываемой со стороны органов региональной власти финансовой поддержки.

Действительно, анализ бюджетов малых городов Вологодской области за 2018 год свидетельствует о том, что только в трех городских поселениях из 13 (г. Грязовец, г. Бабаево и г. Никольск) более 3/4 доходной части бюджета составляют собственные налоговые и неналоговые поступления (табл. 3). Лишь в бюджете одного муниципального образования (г. Грязовец) величина покрытия расходов собственными доходами превышала 90%.

Таблица 3. Местные бюджеты малых городов Вологодской области в 2018 году, тыс. руб.

Городское поселение	Доходы, всего, тыс. руб.	Доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов в бюджете, %	Расходы, тыс. руб.	Дефицит/профицит бюджета, тыс. руб.	Коэффициент покрытия расходов собственными доходами*, %
Грязовецкое	47709	91,1	46320	1389	93,8
г. Бабаево	66788	75,6	59333	7455	85,1
г. Никольск	30639	79,6	31786	-1147	76,7
г. Великий Устюг	102786	71,4	100129	2657	73,3
г. Устюжна	31331	65,4	30982	349	66,1
г. Харовск	41247,7	62,5	41038	209,7	62,8
г. Белозерск	44473	52,4	43377	1096	53,7
г. Кириллов	41561,4	50,6	40553,9	1007,5	51,8
г. Вытегра	62227,1	51,7	62789,4	-562,3	51,3

Окончание таблицы 3

Городское поселение	Доходы, всего, тыс. руб.	Доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов в бюджете, %	Расходы, тыс. руб.	Дефицит/профицит бюджета, тыс. руб.	Коэффициент покрытия расходов собственными доходами*, %
г. Тотьма	49963,4	47,5	46466,2	3497,2	51,1
г. Сокол	211867	42,2	204550	7317	43,7
г. Красавино	34493	39,5	34475	18	39,5
г. Кадников	44040,9	31,6	43914,8	126,1	31,7

* Доля собственных доходов, покрывающих расходы бюджета.
Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Вопросы обеспечения финансовой самостоятельности малых и средних городов и необходимости внесения изменений в действующее налоговое законодательство РФ не раз выступали темой научных дискуссий. Как отмечают исследователи Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН, «в целях укрепления финансовой базы малого города необходимо изменить существующую в настоящее время фискальную политику государства с централизации финансовых ресурсов в федеральном бюджете на политику, стимулирующую органы местного самоуправления к наращиванию собственной доходной базы» [4]. В работе [25] акцентируется внимание на важности принципа дифференциального укрепления доходной базы местных бюджетов, который учитывает особенности, тенденции и исторические традиции хозяйствования различных типов локальных территорий. К примеру, применительно к малым и средним городам, где имеется богатая имущественная база, целесообразно закрепление за органами местного самоуправления имущественных налогов.

Среди наиболее значимых факторов, препятствующих построению эффективной системы управления, по мнению глав и руководителей администраций малых городов Вологодской области, также следует выделить пассивность местного населения и недостаток в органах муниципальной власти квалифицированных кадров. Половина опрошенных представителей органов местного самоуправления малых городов региона обратили внимание на проблему несогласованности стратегических и программных документов на государственном и муниципальном уровнях, причиной чего зачастую становится недостаточная коммуникация с органами региональной власти. Актуаль-

ность выявленных проблем подтверждается и исследованиями Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН, основу которых составили результаты экспертного опроса, проведенного в 16 малых городах России [26]. В сложившихся социально-экономических условиях идея перехода малых и средних городов на путь саморазвития без помощи органов государственной власти выглядит труднореализуемой.

В России на федеральном уровне не принят документ комплексного социально-экономического развития малых и средних городов на долгосрочную перспективу. Вместе с тем следует отметить, что ранее со стороны органов государственной власти попытки разработки и реализации подобного рода стратегических документов неоднократно предпринимались⁴, однако их сложно назвать успешными. Отсутствие долгосрочного видения будущего малых и средних городов, концентрация внимания лишь на решении текущих вопросов не позволяют определить перспективные направления развития данных населенных пунктов и как следствие — подобрать наиболее действенные управленческие инструменты и методы.

⁴ В 1996 году была принята «Федеральная комплексная программа развития малых и средних городов Российской Федерации в условиях экономической реформы» (Постановление Правительства РФ от 28 июня 1996 г. № 762). В 2013 г. велась разработка программы «Социально-экономического развития малых городов Российской Федерации на период 2015–2020 годов», которая должна была стать частью государственной программы «Региональная политика и федеративные отношения» сроком до 2020 года (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 307). В итоговый вариант госпрограммы вопросы развития и поддержки малых городов не были включены, а после ликвидации Министерства регионального развития России в сентябре 2014 г. она и вовсе была прекращена.

Также о невысоком уровне эффективности реализуемой государственной и региональной политики в отношении малых и средних городов в некоторой степени позволяют судить результаты опросов глав органов местного самоуправления, которые свидетельствуют о том, что большинство применяемых инструментов малоэффективно либо реализуется в недостаточной степени. К примеру, в Вологодской области эффективность большинства действующих в малых городах государственных программ признали менее половины респондентов (табл. 4).

Наиболее действенным инструментом, по мнению $\frac{3}{4}$ респондентов, выступают программы по благоустройству и формированию комфортной городской среды. Федеральный проект

«Формирование комфортной городской среды» за последнее время является, пожалуй, одним из самых успешных в части благоустройства дворовых и общественных территорий населенных пунктов. С каждым годом растет число малых городов – участников проекта, увеличиваются объемы выделяемого финансирования. К примеру, в Вологодской области в 2019 году из 685,1 млн руб., выделенных на реализацию проекта, 68,7 млн руб. было направлено в виде дотаций победителям «Всероссийского конкурса проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях»: 55 млн руб. в г. Вытегру (победитель 2018 года) и 13,7 млн руб. в г. Тотьму и Устюжну (победители конкурса 2019 года)⁵.

Таблица 4. Реализация инструментов государственной и региональной политики по развитию малых городов Вологодской области, % от числа ответивших

Инструменты государственной и региональной политики по развитию малых и средних городов	Реализуются	Из них в том числе:	
		Малоэффективны или применяются в недостаточной мере	Эффективны
Программы по благоустройству и формированию комфортной городской среды	100,0	25,0	75,0
Программы по жилищному строительству, ЖКХ, переселению граждан из аварийного жилья	100,0	58,3	41,7
Программы по строительству и ремонту автомобильных дорог местного значения	100,0	58,3	41,7
Программы по повышению квалификации кадров органов местного самоуправления	91,7	66,7	25,0
Программы по развитию сферы туризма	75,0	50,0	25,0
Налоговые льготы, субсидии, кредиты для новых предприятий	75,0	75,0	0,0
Инвестиции в развитие инфраструктуры	66,7	41,7	25,0
Консультационная и методическая помощь, распространение лучших практик муниципального управления из опыта области и других регионов	66,7	41,7	25,0
Программы поддержки малого и среднего предпринимательства	66,7	58,3	8,3
Институты поддержки предпринимательства (Корпорация развития Вологодской области, АНО «Мой бизнес», Бизнес-инкубатор)	58,3	50,0	8,3
Формирование производственных кластеров	41,7	25,0	16,7
Государственные инвестиции в производство и сферу услуг	41,7	25,0	16,7
Программы развития моногородов	16,7	8,3	8,3

Источник: составлено авторами на основе опроса глав и руководителей администраций малых городов Вологодской области.

⁵ Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/grazhdanam/zkhk/gorodskaya_sreda/ (дата обращения 25.01.2021).

Важным направлением развития городской экономики является стимулирование развития малого и среднего предпринимательства. На это указали большинство участников опроса (83,3%). 2/3 представителей органов местного самоуправления связывают развитие города с включением городских предприятий в производственные цепочки и кластеры (рисунок). Однако, как свидетельствует проведенный опрос, инвестиции в производство или сферу услуг осуществляются чуть более чем в половине городов. В исследованиях Института региональной экономики [27, с. 120] также подчеркивается важность реализации данных мероприятий, в особенности для городов с монопрофильной экономикой.

Наряду с выбором направлений дальнейшего развития малых и средних городов не меньшую значимость имеет определение управленческих подходов. В данном вопросе мнения ведущих исследователей сходятся на выборе стратегического планирования как оптимального и эффективного подхода. Переход к нему представляет собой не только новую ступень «качества» для всей системы государ-

ственного и муниципального управления, но и более успешный вариант решения назревших проблем пространственного развития территорий [16].

Вместе с тем, как показывает практика, несмотря на уже заметный эффект, полученный рядом муниципальных образований от внедрения инструментов стратегирования в деятельность органов власти, в настоящее время далеко не все малые и средние города активно используют данный подход. В результате масштабного исследования, проведенного в Международном центре социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» [22], было выявлено, что главными сдерживающими факторами выступают недостаток финансовых ресурсов, отсутствие опыта и знаний у органов местной власти, а также низкая активность внедрения инструментов стратегического планирования в малых и средних городах. Последний пункт во многом обусловлен тем, что в 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁶ нет четкого указания на необходимость и обязательность разработки стратегических документов на муниципальном уровне.

Распределение ответов глав и руководителей администраций малых городов Вологодской области на вопрос «На Ваш взгляд, на чем необходимо делать акцент при выборе направлений дальнейшего развития Вашего города?», % от числа ответивших

⁶ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

Результаты опроса глав и руководителей администраций малых городов Вологодской области свидетельствуют о том, что муниципальные органы власти понимают и признают значимость стратегического планирования: все без исключения респонденты отметили важность и необходимость разработки стратегии развития малых и средних городов. При этом более половины участников опроса (58%) считают, что это в первую очередь задача региональных органов управления. Каждый четвертый респондент придерживается мнения о том, что указанные вопросы находятся в компетенции федеральных властей. Лишь 17% опрошенных отметили необходимость принятия стратегии на муниципальном уровне.

Идея разработки и внедрения федеральной программы или стратегии развития малых и средних городов неоднократно озвучивалась в работах российских исследователей. Однако необходимо принимать во внимание тот факт, что для российских территорий характерен высокий уровень дифференциации. Помимо этого малые и средние – самая многочисленная категория городов, каждый из которых обладает своей индивидуальностью, в связи с чем при создании действительно работающей федеральной стратегии или программы нужно учитывать специфику данной категории населенных пунктов. Принципиально важно обращать внимание на экономико-географические особенности региона, в котором они находятся. Все это будет сдерживать процесс стратегического планирования. Следовательно, разработка стратегий на региональном уровне представляется более эффективным инструментом управления развитием малых и средних городов.

Ввиду высокой внутрирегиональной дифференциации также целесообразно определять приоритеты развития населенных пунктов в зависимости от их типа, который устанавливается в соответствии с положением города в системе расселения и его экономическим профилем. Выбор данных критериев обусловлен тем, что они характеризуются высокой степенью устойчивости и позволяют выявить потенциальные точки роста городской экономики, определить перспективные направления развития города как составной части экономического пространства страны.

Главным принципом отнесения города к тому или иному типу в зависимости от положения в системе расселения является его включение в состав уже существующих или потенциальных городских агломераций, в соответствии с этим устанавливаются и направления его дальнейшего развития. Для малых и средних городов, входящих в состав агломераций, одним из главных стратегических приоритетов должно стать укрепление социально-экономических связей с другими населенными пунктами, также входящими в ее состав. Перенос части промышленных предприятий, расположенных в крупных городах, или создание их подразделений в малых и средних городах будет способствовать расширению рынка труда и повышению занятости населения. Также малые и средние города могут рассматриваться в качестве зон рекреации для населения, проживающего в крупных городах.

Приоритетами развития малых и средних городов, расположенных вне городских агломераций, может являться межмуниципальное взаимодействие с прилегающими сельскими территориями. Причем акцент важно делать не только на стимулировании агропромышленного комплекса, традиционно характерного для сельской местности, но и на развитии несельскохозяйственных отраслей [28].

Если в части определения положения города в системе расселения принцип отнесения населенного пункта к тому или иному типу прозрачен и понятен, то при обосновании экономического профиля все не так однозначно. На наш взгляд, возможно два основных варианта решения указанной задачи: во-первых, развитие уже существующих и имеющих наибольший потенциал отраслей экономической специализации города; во-вторых, выбор и развитие новых приоритетных направлений городской экономики. Однако на практике реализация и того, и другого варианта имеет ряд особенностей и сложностей, которые необходимо принимать во внимание.

При выборе первого варианта главным вопросом становится способ определения специализации города. В данном случае основным источником информации являются статистические данные об объемах отгруженной продукции и среднесписочной численности

работников организаций. При этом для малых и средних городов показатели, характеризующие структуру занятости в разрезе разделов ОКВЭД, обладают большей полнотой и доступностью [29]. Дополнительными источниками информации при отнесении города к тому или иному типу служат сведения официальных сайтов муниципальных образований, а также мнения экспертного сообщества.

На основании данной методики нами было выделено семь различных типов городов в зависимости от их экономического профиля:

- аграрные и лесопромышленные;
- добывающие (сырьевые);
- индустриальные;
- транспортные;
- туристические;
- неспециализированные;
- диверсифицированные [29].

На примере регионов Европейского Севера России нами проведена апробация типологизации малых и средних городов по двум критериям: положение населенного пункта в системе расселения и экономический профиль города, выявленный на основе существующей специализации (табл. 5).

Представленный вариант определения экономического профиля города, безусловно, позволяет выявить на основе сложившейся структуры экономики наиболее развитые отрасли специализации. Вместе с тем его главный недостаток заключается в том, что он не учитывает новые, потенциально перспективные

направления развития. По факту мы получаем только ретроспективное видение специализаций малых и средних городов. Ориентируясь лишь на прошлое, нельзя исключить вероятность, что сложившаяся структура экономики городов может стать тормозом для их дальнейшего развития. Вливание финансовых средств в уже устаревшие в некоторых случаях отрасли экономики приведет лишь к бессмысленному распылению бюджета.

Однако использование данного способа определения перспективных отраслей специализации будет иметь смысл, если использовать инновационный подход к их развитию. К примеру, для аграрных малых и средних городов одним из направлений может стать выделение субсидий на модернизацию предприятий АПК, в том числе на внедрение цифровых технологий, искусственного интеллекта и искусственных нейронных сетей [30]. Для малых и средних городов добывающего типа, экономика которых основана на разработке природных месторождений, сырьевой фактор играет ключевую роль. Наличие ресурсной базы, с одной стороны, является стимулом для их развития, а с другой стороны – несет в себе большие риски. Ситуация, когда сырье перестает быть востребованным, для города становится серьезной проблемой. Подобные примеры можно было наблюдать как во времена Российской империи, так и в постсоветский период. К примеру, г. Олонец и г. Устюжна в XVI–XVII вв. являлись крупными промышленными центрами

Таблица 5. Распределение малых и средних городов регионов Европейского Севера России в зависимости от типа города

Специализация города	Место города в системе расселения	
	Города, входящие в агломерацию	Города – локальные центры прилегающих территорий
Аграрные и лесопромышленные	Кадников, Грязовец	Вельск, Онега, Шенкурск
Добывающие (сырьевые)	Оленегорск	Ковдор, Воркута, Инта, Вуктыл, Костомукша
Индустриальные	Сокол, Коряжма, Новодвинск, Полярные Зори, Мончегорск, Кондопога	Заполярный, Печора, Сегежа, Медвежьегорск, Кемь
Транспортные	Котлас	Бабаево, Нядома, Мезень, Микунь
Туристические	–	Великий Устюг, Тотьма, Кириллов, Устюжна, Каргополь, Сольвычегодск
Неспециализированные	Кола, Гаджиево, Полярный, Снежногорск, Североморск	Никольск, Харовск, Красавино, Сортавала, Пудож, Олонец, Лахденпохья, Мирный, Островной, Заозерск
Диверсифицированные	Апатиты, Кировск, Ухта, Сосногорск	Белозерск, Вытегра, Нарьян-Мар, Кандалакша, Усинск, Емва, Беломорск, Питкяранта, Суоярви
Источник: составлено авторами.		

благодаря добыче болотной железной руды. Однако с началом разработки месторождений уральских железных руд болотное железо практически перестало использоваться, как следствие, оба города утратили былое значение.

Типичным примером подобной ситуации в постсоветскую эпоху выступают моногорода Республики Коми, специализирующиеся на добыче угля — Воркута и Инта. В настоящее время одним из немногочисленных перспективных вариантов развития добывающей отрасли может стать создание новых продуктов на базе традиционного сырья. К примеру, в Китае из угля производят моторное топливо⁷. Соответственно, одним из ключевых направлений экономики добывающих городов должны стать инвестиции на внедрение новых технологий глубокой переработки сырьевых ресурсов.

Подобные примеры можно привести и для других типов городов, выявленных на основе анализа существующей структуры их экономики. Важно понимать, что при использовании данного подхода к определению направлений развития малых и средних городов главная задача заключается не только в выборе ключевых отраслей специализации, гораздо большее значение имеет то, как именно их развивать, какие технологии и инструменты использовать.

Второй вариант развития экономического «ядра» малых и средних городов заключается в определении и развитии новых отраслей специализации. В данном случае главным вопросом является то, как именно их выбирать, что должно послужить основой. В зарубежных и российских исследованиях последних лет наибольший интерес вызывает развитие концепции «умной специализации» [31–35 и др.]. Как отмечается в одной из работ, интерес к умной специализации во многом обусловлен «распространившейся управленческой модой на определенные инновационные темы, технологии, проекты с опорой на сложившуюся в регионах отраслевую структуру, а не на ее перспективные изменения». Главное отличие «умной» специализации от традиционной состоит в том, что в ее рамках не выбираются отдельные отрасли как

точки роста, а определяется набор видов экономической деятельности во взаимосвязи с региональными компетенциями [32]. Основой развития экономики в этом случае будет являться «нечеткое, с размытыми границами ядро региональных научно-технологических знаний и технологий, вокруг которого группируются другие отрасли региональной экономики». Одним из преимуществ данной концепции является то, что умная специализация может использоваться в разных типах регионов, а не только высокотехнологичных.

Вместе с тем, применительно к малым и средним городам, внедрение указанного подхода имеет ряд сложностей методического характера. Актуальной задачей является идентификация для каждого населенного пункта видов экономической деятельности, относящихся к его «умной специализации». Основой определения ключевых компонентов ее комплексной оценки могут быть уже существующие наработки применительно к региону [36].

Дискуссия по полученным результатам и выводы

В настоящее время российские малые и средние города имеют большое и явно недооцененное значение в пространственном развитии страны и формировании сбалансированной системы расселения. Переход к рыночным отношениям негативным образом сказался на развитии данных населенных пунктов. При этом реформа местного самоуправления должна была способствовать решению накопившихся проблем, однако, по сути, мало что изменила. Высокий уровень дотационности бюджетов, низкий уровень квалификации управленческих кадров на местах, зависимость от вышестоящих органов власти — по-прежнему актуальны для подавляющего большинства малых и средних городов.

В сложившейся ситуации полностью возлагать решение накопившихся более чем за четверть века проблем на плечи органов местного самоуправления и ожидать изменений в лучшую сторону, по меньшей мере, неразумно и бессмысленно. Тот факт, что подавляющее большинство малых и средних городов без оказания федеральной и региональной помощи и поддержки не смогут выйти на путь устойчивого социально-экономического развития, признается не только в научных кругах, но и

⁷ Грачев С. Добыча сильнейших. Как выжить предприятиям угольной промышленности. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/352135-dobycha-silneyshih-kak-vyzhit-predpriyatyam-ugolnoy-promyshlennosti> (дата обращения 01.02.2021).

в органах государственной власти. В данном контексте дискуссионным остается вопрос о том, кто и каким именно образом должен осуществлять политику по развитию малых и средних городов. Проблема выбора перспективных направлений развития отраслей городской экономики также выходит на первый план.

Все более очевидно, что определение экономической специализации муниципальных образований на старых, сформированных еще в советское время подходах с высокой долей вероятности приведет лишь к пустому расходованию ресурсов и бюджетных средств. Концепция «умной специализации» в этом случае выглядит достаточно перспективной, однако для полного использования данного подхода в настоящее время имеется ряд ограничений, обусловленных недостаточной проработанностью как с научной, так и практической точки зрения.

Научная значимость проведенного исследования заключается в обосновании необходимости разработки новых подходов к управ-

лению развитием малых и средних городов, учитывающих большое многообразие их типов. В основе определения перспективных направлений развития города должны лежать его положение в системе расселения, а также экономическая специализация. Выбор приоритетных отраслей экономики в свою очередь должен строиться либо на текущей структуре экономики города с учетом инновационного развития, либо на концепции «умной специализации».

Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использования полученных результатов органами федеральной или региональной власти при разработке приоритетных направлений развития малых и средних городов. Задачей следующего этапа исследования по данной тематике будет являться разработка методического подхода к определению «умной» специализации муниципальных образований, основанной на балансе интересов власти, бизнеса и населения.

Литература

1. Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980.
2. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.
3. Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5
4. Малые города в социальном пространстве России / А.Ю. Ардалянова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с.
5. Социально-экономическое развитие малых городов России / под ред. Г.Ю. Ветрова. М.: Фонд «Институт экономики города», 2002. 102 с.
6. Смирнов И.П. Средние города Центральной России. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. 165 с.
7. Blewitt J. *Understanding Sustainable Development*. 2nd ed. N.Y.: Routledge. Taylor&Francis, 2015. 394 p.
8. Madhavan S. European economic integration and sustainable development: institutions, issues and policies. *European Journal of Law and Economics*. 1998, vol. 5, iss. 3, pp. 289–290.
9. Servillo L., Hamdouch A., Atkinson R. Small and medium-sized towns. In: *Europe: Conceptual, Methodological and Policy Issues in Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. Special Issue: Dossier: Small and Medium-Sized Towns in Europe. 2017, vol. 08, iss. 4, pp. 1–17.
10. Berdegue J. A., Carriazo F., Jara B., Modrego F. Soloaga I. Cities, territories, and inclusive growth: Unraveling urban–rural linkages in Chile, Colombia, and Mexico. *World Development*, 2015, vol. 73, pp. 56–71.
11. Ebrahimzadeh I., Tayyebi N., Shafei Y. Functional analysis of small towns economic role in rural development. Case study: Zahedshahr, Iran. *Journal of Service Science and Management*, 2012, vol. 3, pp. 269–279.
12. Haase A., Rink D., Grossmann K., Bernt M., Mykhnenko V. Conceptualizing urban shrinkage. *Environment and Planning*, 2014, no. 46, pp. 1519–1534.
13. Richardson H.W. *Shrinking Cities: A Global Perspective (Regions and Cities Series)*. New York. Routledge, 2014. 326 p.

14. Моногород: управление развитием / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 220 с.
15. Пыжева Ю.И., Зандер Е.В. Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 49–61.
16. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Малые города в системе пространственного регулирования российской экономики // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 169–180. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2018.1.16>
17. Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Иванов Н.А. Обоснование стратегических ориентиров социально-экономического развития малых городов России // Вестник Пермского университета. Экономика. 2017. Т. 12. № 3. С. 437–452.
18. Дидык В.В. Исследование практики стратегического планирования и управления в муниципальных образованиях Севера России // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 23. С. 31–38.
19. Лебедева Н.А., Русецкая О.В. Стратегии малых городов США и России: общее и особенное // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 4 (18). С. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2017.4.4>
20. Sykora L., Mulicek O. Territorial arrangements of small and medium-sized towns from a functional-spatial perspective. *Tijdschriftvoor Economische en Sociale Geografie*, 2017, vol. 108, iss. 4, pp. 438–455. DOI: 10.1111/tesg.12249.
21. Hamdouch A., Demaziere C., Banovac K. The socio-economic profiles of small and medium-sized towns: Insights from European case studies. *Tijdschriftvoor Economische en Sociale Geografie*, 2017, vol. 108, iss. 4, pp. 456–471. DOI: 10.1111/tesg.12254.
22. Стратегии малых городов: территория творчества / Б.С. Жихаревич и [др.]; под ред. Б.С. Жихаревича. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2017. 68 с.
23. Бухвальд Е.М. Муниципальная реформа в России. Некоторые итоги прошедшего десятилетия // Федерализм. 2013. № 4 (72) С. 121–134.
24. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
25. Печенская-Полищук М.А. Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 71–88. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.5
26. Маркин В.В., Воронов В.В. Малые города России: экспертное измерение государственной политики // Власть. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malye-goroda-rossii-ekspertnoe-izmerenie-gosudarstvennoy-politiki> (дата обращения 06.07.2020).
27. Социально-экономическое развитие малых городов: реалии и возможности / Кузнецов С.В. и [др.]. СПб: ГУАП, 2014. 156 с.
28. Секушина И.А., Ворошилов Н.В. Взаимодействие малых и средних городов и сельских территорий в пространстве региона // Проблемы развития территории. 2020. № 6 (110). С. 121–137. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.8
29. Секушина И.А., Ускова Т.В. Типология малых и средних городов по экономическому профилю и положению в системе расселения // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 1. С. 4–18. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-1-2020-67-4-18
30. Алферьев Д.А. Практика реализации сверточных нейронных сетей в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе // АгроЗооТехника. 2020. Т. 3. № 2. DOI: 10.15838/alt.2020.3.2.4. URL: <http://azt-journal.ru/article/28585>
31. Земцов С.П., Баринаева В.А. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65–81.
32. Котов А.В. Методический подход к определению умной специализации регионов России // Регион: экономика и социология. 2020. № 2 (106). С. 22–45.
33. Foray D. From smart pecialization to smart pecialization policy. *European Journal of Innovation Management*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 492–507.
34. McCann P., Ortega-Argilés R. Transforming European regional policy: Smart specialisation and a results-driven agenda. *Oxford Review of Economic Policy*, 2013, no. 29 (2), pp. 405–431.

35. Калужнова Н.Я., Виолин С.И. Умная специализация российских регионов: возможности и ограничения // Экономика, предпринимательство и право. 2020. № 10. С. 2457–2472. DOI: 10.18334/err.10.10.111061
36. Котов А.В., Гришина И.В., Польшев А.О. Умная специализация региона – вариант решения для России: научный очерк / Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России. М.: ВАВТ, 2019. 60 с.

Сведения об авторах

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Ирина Анатольевна Секушина – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: i_sekushina@mail.ru)

Uskova T.V., Sekushina I.A.

Strategic Priorities of Small and Medium Towns' Development

Abstract. The current trends of population concentration in large cities and agglomerations lead to an imbalance in spatial development. These trends are among the main threats to the national security of the state. The problems of socio-economic development are particularly acute for small and medium towns, as local centers of adjacent territories. In this regard, the choice of ways and directions to improve the efficiency of the management of these localities becomes particularly relevant. The purpose of the research is to find and scientifically substantiate new priorities of strategic management of the development of small and medium towns taking into account the diversity of their types. The article presents the views of leading Russian researchers on the problem of managing small and medium towns. Based on the scientific literature analysis and survey results of heads of administrations of small and medium towns of the Vologda Oblast, the authors identify the main factors that hinder the construction of an effective management system. The paper proves the expediency of working out regional strategies for the development of small and medium towns, based on the settlements' typology according to the economic profile and position in the urbanized system. The work shows the approaches to the definition of the town's specialization: 1) based on the current economic structure; 2) based on the "smart specialization" concept. The information basis of the study is data of official statistics and scientific works of domestic and foreign researchers on the studied subject. In the paper, the authors use the methods of expert survey, monographic, economic and statistical, tabular and graphical methods of data visualization. The research results can be used in the activities of regional and municipal authorities in the working out strategic planning documents for managing the development of small and medium towns.

Key words: small and medium towns; strategy, spatial development, regional policy, towns' typology.

Information about the Authors

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Deputy Director for Science, Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Irina A. Sekushina – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: i_sekushina@mail.ru)

Статья поступила 14.07.2020.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6

УДК 352:323.21+711.5, ББК 60.561.3

© Максимов А.М., Ненашева М.В., Верещагин И.Ф., Шубина Т.Ф., Шубина П.В.

Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия общества и власти при реализации приоритетных проектов на муниципальном уровне управления*

**Антон Михайлович
МАКСИМОВ**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: a.maksimov@fciactic.ru
ORCID: 0000-0003-0959-2949; ResearcherID: I-3948-2018

**Марина Викторовна
НЕНАШЕВА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: m.nenasheva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2875-5638; ResearcherID: M-5829-2015

**Илья Федорович
ВЕРЕЩАГИН**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: i.vereschagin@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-5405-0762; ResearcherID: U-4111-2017

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Архангельской области в рамках научного проекта № 18-411-290010 р_а «Модели коммуникативного управления в развитии городского пространства (на примере Архангельской области)».

Для цитирования: Формирование комфортной городской среды: проблемы взаимодействия общества и власти при реализации приоритетных проектов на муниципальном уровне управления / А.М. Максимов, М.В. Ненашева, И.Ф. Верещагин, Т.Ф. Шубина, П.В. Шубина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6

For citation: Maksimov A.M., Nenasheva M.V., Vereshchagin I.F., Shubina T.F., Shubina P.V. Creating a comfortable urban environment: problems of interaction between society and government in the implementation of priority projects at the management municipal level. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1. pp. 71–90. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.6

**Татьяна Федоровна
ШУБИНА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени
М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: t.shubina@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-2403-9810; ResearcherID: AAK-8247-2020

**Полина Владимировна
ШУБИНА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени
М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: p.shubina@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-7380-1947; ResearcherID: AAB-8552-2020

Аннотация. С 2017 года в России реализуется федеральная программа по формированию комфортной городской среды, целью которой является повышение уровня благоустроенности придомовых и общественных территорий. Программа предполагает активное вовлечение граждан, учитываемое при составлении индекса качества городской среды. На примере эмпирического исследования, проведенного методом массового опроса и экспертного интервью в городах Архангельской области, в статье анализируется степень гражданского участия жителей в реализации проектов по формированию комфортной городской среды, оценивается эффективность существующих механизмов взаимодействия общества и власти. Авторы исходят из теоретического положения о том, что социальная активность — это деятельность по преобразованию гражданами окружающей среды, осуществляемая под воздействием внешних и внутренних факторов. К числу внешних факторов относится деятельность муниципальных органов власти, которые информируют жителей городов о программе по формированию комфортной городской среды, а также вовлекают их в реализацию проектов. Внутренними факторами являются личная заинтересованность граждан и их значимое участие в программе. Результаты социологического опроса свидетельствуют о высоком потенциале социальной активности граждан, выступающем необходимым условием эффективного взаимодействия власти и общества и успешной реализации программы. Однако на практике участие городских жителей остается на низком уровне. К числу основных причин этого относятся слабая информированность горожан о реализуемой программе, отсутствие понятных схем взаимодействия власти и общества, а также понимания основополагающих принципов программы, что, в свою очередь, приводит к пассивности и недоверию по отношению к представителям власти. Сделан вывод о том, что для повышения степени гражданского участия необходима система мер, которая позволит скорректировать существующие способы коммуникации государства и населения и повысить эффективность реализации программы по формированию комфортной городской среды.

Ключевые слова: гражданское участие, городской житель, комфортная городская среда, вовлеченность, публичная коммуникация, муниципальное управление, городское сообщество.

Введение

Город – это среда, включающая в себя окультуренную человеком природу и искусственно созданное им пространство. Городская среда – это комплекс различных факторов и условий, которые управляют человеком и которыми управляет человек. Исследования влияния городской среды на человека ведутся со времен античности, однако научная основа урбанистики была заложена лишь на рубеже XIX–XX веков.

В первой четверти XX века средовая проблематика урбанизма развивалась в рамках Чикагской школы социологии (Р. Парк, Э. Берджес, Л. Вирт). Последний подчеркивал: «Нигде человеческий род не отходил от органической природы столь далеко, как в жизненных условиях, характерных для большого города» [1, с. 170]. Отличительной особенностью современной городской жизни является пространственно-временная разобщенность отдельных видов жизнедеятельности. Исследователи отмечают, что город предоставляет человеку возможности разнообразных занятий, но одновременно ослабляет родственные и соседские связи, характер отношений меняется с эмоциональных на формальные, солидарность сменяется конкуренцией, доминируют вторичные контакты, социальные отношения сегментируются.

Можно выделить четыре основных фокуса локализации жизнедеятельности горожан: 1) собственно учреждения культурного обслуживания (театры, кинотеатры, цирки, музеи, библиотеки и т. п.); 2) место работы, где человек проводит значительную часть дня; 3) жилище человека, где концентрируются отдельные средства массовой коммуникации (телефон, радио, телевизор, интернет, газеты и т. п.); 4) городская среда обитания (улицы, площади, скверы, парки, дворы). Городская среда обитания, с одной стороны, и жилище, с другой, образуют два полюса (фокуса) жизнедеятельности горожанина: публичный и индивидуально-личный. В первом он реализует себя как представитель общественной популяции, как собственно городской житель, во втором – как член малой группы, сообщества, семьи. Важно, что и городская среда, и жилище, и место работы, и учреждения культурного обслуживания как бы восполняют «частичность» городского существования человека за счет вовлечения его в городской образ жизни.

Следующий этап изучения городской среды пришелся на 60–70 гг. XX века, когда междисциплинарные исследования сфокусировались на выявлении адекватных человеку и обществу критериев качества городской среды. Так, Р. Баркер сделал вывод о том, что поведение человека невозможно объяснить вне его связей с непосредственной средой, вместе они создают экоповеденческий цикл [2, с. 143–165]. К. Линч, поместив в центр человеческого восприятие городской среды, заложил, как считается, основу так называемого средового подхода. Он связал пространственное и временное измерения окружающей среды в единое представление о ней – целостное, «почти не поддающееся расчленению, со всеми разнообразными связями, которые ее пронизывают» [3, с. 6].

Сегодня термин «городская среда» можно толковать с различных позиций: это и пространственно-материальная структура, и функциональное пространство, включающее в себя сосредоточенные в «пространстве их пребывания» и «пространстве коммуникаций» массы людей, и объект управления [4, с. 3–7]. Городская среда рассматривается как отношение различных субъектов (индивидов и групп) к физическому и социальному окружению, которое вырабатывается ими в процессе взаимодействия с другими городскими субъектами [5, с. 722–730]. Качество городской среды связывается с такими показателями, как вовлеченность горожан в городские сообщества, возможность реализовать себя в работе, удовлетворенность городских жителей деятельностью различных учреждений и объектов обслуживания, общественными пространствами, а также разнообразие и интенсивность досуговых и повседневных практик городских жителей, реализуемых за счет городской инфраструктуры [6].

Несмотря на концептуальное обновление современной российской урбанистической мысли, при разработке проектов развития городской среды продолжает, как в советские времена, использоваться конструкция «население», т. е. вместо проектирования условий для реализации активности социума рассчитываются нормативные потребности в жизнеобеспечивающих благах [7, с. 41]. Корень ука-

занных проблем — невовлеченность городских жителей в преобразование городской среды. Пространство постсоветского города недостаточно «освоено» горожанами, воспринимается как чужое и «ничье». Именно житель города, связывающий свою жизнь с данной местностью, должен быть заинтересован в создании и поддержании комфортной городской среды. Жители посредством регулярной коммуникации создают городское сообщество, характеристиками которого можно определить функционирование в рамках конкретной городской местности, наличие единой культуры и системы ценностей, самоорганизацию благодаря устойчивой внутренней коммуникации и взаимодействие с городской средой.

Таким образом, в настоящее время в урбанистике перспективы формирования комфортной городской среды увязываются не столько с технократическим подходом в градостроительстве, сколько с подходом, направленным на вовлечение городских сообществ в преобразование среды их собственного обитания, механизмом чего выступает управление публичными коммуникациями (между бюрократическими структурами и общественностью).

Одним из теоретиков в области исследований публичной коммуникации является немецкий философ Ю. Хабермас — автор концепции коммуникативного действия. Коммуникативное действие — это выделенный Ю. Хабермасом специфический тип социального действия, который ориентирован на достижение взаимопонимания участвующих в коммуникации двух и более субъектов. Коммуникативное действие противопоставляется инструментальному действию, нацеленному на достижение практического результата вне зависимости от наличия или отсутствия согласия между участниками деятельности и критического осмысления предпосылок, принципов и общественно значимых последствий этой деятельности [8, с. 199–200]. Отсюда следует, что управление публичными коммуникациями направлено на поиск взаимопонимания и согласия между различными субъектами социальных отношений. Согласие не может быть насильственно навязано одним субъектом взаимодействия другому — оно является результатом рационального одобрения индивидами высказываний и действий друг друга в публичном пространстве, нахождения точек

соприкосновения в представлениях различных субъектов коммуникации о легитимном социальном порядке [9, с. 113–197].

Подход Ю. Хабермаса способствует более глубокому пониманию логики взаимоотношений, возникающих между органами власти, неправительственными организациями и городскими сообществами в процессе согласования коллективных интересов и общественно значимых целей. Он задает концептуальные рамки для решения практических задач планирования и управления публичным диалогом. В XXI веке эта тема активно разрабатывается зарубежными специалистами и уже имеет определенную исследовательскую традицию [10–12].

В зарубежных исследованиях методологический потенциал теории коммуникативного действия иллюстрируется на примере различных тем — от функций медиа в городском самоуправлении [13] до формирования локальных сообществ через вовлечение в экополитику на местах [14].

Эффективность системы местного самоуправления, в том числе в сфере благоустройства городской среды, во многом зависит от успешного взаимодействия между представителями муниципальной власти и жителями города. Оно должно базироваться на взаимной информированности, заинтересованности и готовности обеих сторон к совместному участию в данном процессе. При этом городские жители должны выступать не в качестве объекта управления или «просителя», ожидающего помощи со стороны органов власти, а становиться активными субъектами городской политики. Муниципальное управление предполагает отношения по поводу проблем местного характера, где субъект — органы муниципальной власти, а объект — городское пространство и городское сообщество. Однако в специальных работах давно указывается на необходимость не только объединения усилий городских сообществ, некоммерческих организаций, местного бизнеса и муниципальных властей для решения актуальных задач городского развития, но и создания особой коммуникативной инфраструктуры, обеспечивающей регулярное взаимодействие между всеми заинтересованными сторонами по широкому кругу проблем (то, что в зарубежной литературе именуется *development support communication*) [15, с. 568–569]. Так, например,

Ю.В. Катаева считает, что «асимметрия» интересов основных акторов, участвующих в развитии городской среды, может быть снижена за счет устранения существующего дисбаланса и гармонизации их интересов [16].

Проблематика коммуникативного действия в отечественных исследованиях в последние годы разрабатывается в контексте городского активизма и процессов самоорганизации городских сообществ. В рамках этой тематики выделяются работы Е.В. Тыкановой, А.М. Хохловой, А.И. Кольбы и их коллег. В них обосновывается, что городские сообщества обретают свою субъектность в поле публичной коммуникации в результате конфликта интересов локальных групп горожан, при условии выделения из их среды неформальных лидеров, и органов местного самоуправления, а также отдельных бизнес-групп, рассматривающих городское пространство как объект коммерческого использования [17; 18; 19]. Исследователи также подчеркивают, что для российских городов типична дисфункциональность формальных институтов публичной коммуникации, которая порождает ряд альтернативных стратегий городского активизма (мобилизация гражданского протеста, перевод конфликта на региональный уровень, развитие неформальной «гражданской инфраструктуры») [17; 18; 20]. Это свидетельствует о том, что в российских реалиях сохраняет свою остроту проблема, связанная с реформированием институциональной основы коммуникативного управления на муниципальном (городском) уровне.

В последние годы в фокусе внимания многих исследователей находится проблема использования современных информационно-коммуникационных технологий для организации более симметричных публичных коммуникаций. Широкий и стабильный доступ в сеть Интернет и популярность различных онлайн-сервисов среди горожан создают технологические предпосылки для регулярной системной коммуникации между общественностью и муниципальными властями, способствуют более масштабному и разностороннему участию городских активистов и простых граждан в политике по реорганизации / структурированию городских пространств и их благоустройству [21, с. 21; 22, с. 139–141]. В перспективе внедре-

ние подобных технологий позволит реализовать концепцию «умного города», когда множество онлайн-сервисов, оптимизирующих отношения городских жителей с органами муниципального управления и коммунальными службами, объединены в целостную, связную систему, повышая, таким образом, качество жизни и комфортность городской среды [23, с. 586].

Возвращаясь к российским реалиям, отметим, что с 2011 года реализуется федеральная целевая программа «Жилище»¹, цель которой – обеспечение граждан доступным и комфортным жильем и повышение качества жилищно-коммунальных услуг. В программе «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ», принятой в 2014 году, впервые сформулирована задача по повышению уровня благоустроенности городских и сельских населенных пунктов и созданию комфортной среды обитания и жизнедеятельности человека как условия повышения качества жизни. В 2017 году вышла серия приказов и методических рекомендаций по реализации программы формирования современной городской среды и вовлечения общественности в этот процесс, а также методика определения индекса качества городской среды.

Названы четыре основные требования, предъявляемые горожанином к городской среде: безопасность, комфорт, функциональность, эстетика. Среди положительных следствий формирования комфортной городской среды называются, в числе прочего, развитие экономики, снижение социальной напряженности, уровня заболеваемости. Приоритетный проект

¹ О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 годы: постановление Правительства РФ от 17 дек. 2010 г. № 1050 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 5. Ст. 739; О федеральной целевой программе «Жилище» на 2015–2020 годы: постановление Правительства РФ от 17 дек. 2010 г. № 1050 (ред. от 30 дек. 2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 5. Ст. 739. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002011005000&docid=73>; Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»: распоряж. Правительства РФ от 30 нояб. 2012 г. № 2227–р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50. Ст. 7079. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002012050060&docid=142>

«Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Жилье и городская среда»² касается не только городов, но и всех населенных пунктов с численностью более 1000 человек. Предполагается, что до 2024 года все населенные пункты численностью более 1000 человек должны: 1) принять новые или актуализировать старые правила благоустройства, 2) принять муниципальные программы благоустройства с адресным перечнем объектов: дворовых территорий, наиболее посещаемых муниципальных территорий. На федеральном интернет-портале «Комфортная городская среда и ЖКХ» составляется рейтинг субъектов Российской Федерации по реализации проекта «Формирование комфортной городской среды», согласно которому в 2018 году Архангельская область занимала 16 место³. Проводятся научные исследования эффективности реализации программы «Комфортная городская среда». К числу основных рассматриваемых проблем относятся: 1) вопросы вовлеченности жителей в процесс реализации проекта; исследователи указывают, что степень участия населения в реализации программы в основном зависит от эффективности использования информационных каналов связи, степени доверия жителей к органам местного самоуправления и наличия эффективных способов коммуникации власти и общества⁴; 2) вопросы территориального и архитектурного планирования как неотъемлемого фактора, влияющего на комфортность городов; подчеркивается, что при принятии архитектурных и планировочных решений важно учитывать интересы людей, проживающих на

территории⁵; 3) вопросы эффективности муниципального управления при реализации приоритетного проекта по формированию комфортного городского пространства⁶.

Проекты качественного преобразования городской среды могут инициироваться общественностью, должны проходить общественное обсуждение и софинансироваться. Приветствуется трудовое участие жителей, должен быть обеспечен общественный контроль, причем создание инструментов такого контроля отнесено к числу первоочередных мероприятий. Необходимо сформировать систему оценки качества городской среды, ключевыми параметрами которой являются вовлеченность городских жителей, а также наличие инструментов общественного контроля⁷.

Главными принципами и подходами к повышению гражданского участия выступают заинтересованность, вовлеченность жителей и открытость обсуждения. Как отмечала Т.М. Дридзе, человек, «организуя „среду своего обитания“, постоянно решая важные для него проблемы, вынужден повышать целенаправленную активность, вырабатывать жизненно важные решения, выбирать стратегию деятельности, а также средства и способы достижения нужного результата. Сама необходимость сделать этот выбор может создавать определенные „моменты напряженности“ в жизненных ситуациях индивидов, определяя конкретные

² Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 21 ноября 2016 г. № 10, с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/71678208/>

³ Интернет-портал «Комфортная городская среда и ЖКХ». URL: <http://gorodsreda.ru>

⁴ Дмитриева Н.Н., Ипатова Т.М. Формирование комфортной городской среды как стратегическое направление развития проекта «ЖКХ и городская среда» // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 1 (32). С. 95–98.; Петрина О.А., Стадолин М.Е. Комфортная городская среда: тенденции и проблемы организации // Вестник университета. 2018. № 6. С. 34–38.

⁵ Шершов С.О., Часовский В.И., Шершова Л.В. Территориальное планирование как аспект создания комфортной городской среды российских городов // Сборник трудов конференции «Современные строительные материалы и технологии», Калининград, 23–30 мая 2018 г. С. 149–173; Башмакова Ю.В., Дубова О.В., Шоркина Ю.А. Проблемы формирования комфортной городской среды в г. Горнозаводске // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2019. № 1 (33). С. 21–35.

⁶ Горяинов В.А., Барчуков Т.А. Повышение эффективности реализации программы «Комфортная городская среда» (на примере Еманжелинского муниципального района Челябинской области) // Гуманитарный трактат. 2019. № 60. С. 12–18.

⁷ Об утверждении методических рекомендаций по подготовке государственных (муниципальных) программ формирования современной городской среды в рамках реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» на 2017 год: Приказ Минстроя России от 21 февраля 2017 года № 114. URL: <https://www.minstroyrf.ru/docs/13709/>

формы их образа жизни, характер ресурсов, используемых ими для разрешения жизненно и социально значимых проблем» [24, с. 25].

В контексте формирования комфортной городской среды на современном этапе одной из характеристик гражданского участия является степень вовлеченности граждан в проекты по благоустройству городского пространства, т. е. характеристика участия горожан в процессе городского управления посредством широкого обсуждения проектов, контроля и содействия в их реализации, а также оценки успешности преобразований. Программа предусматривает институциональные способы вовлечения городских жителей: информирование, консультирование, анкетирование, опросы и т. д. По итогам мониторинга по каждому муниципальному образованию и региону создается публичный рейтинг благоустроенности городов. Рейтинги позволят добиться публичности, понять слабые места в каждом муниципалитете, принять правильные решения. Не менее важным является личная активность граждан, которая выражается в сопричастности городских жителей к инициированию и реализации проектов по формированию комфортной городской среды. Вслед за Л.И. Никовской и И.А. Скалабан можно признать, что гражданское участие – это «процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы» [25, с. 48]. Мы полагаем, что гражданское участие в программе по благоустройству городов невозможно без эффективной системы коммуникации власти и общества. Ее исследование выступает целью нашей работы.

Методика эмпирического исследования

В апреле – ноябре 2019 года мы провели эмпирическое исследование проблем формирования комфортной городской среды в крупнейших городах Архангельской области. Особое внимание при этом было сконцентрировано на вопросах взаимодействия городских жителей и органов муниципального самоуправления в ходе разработки и реализации мероприятий по формированию комфортной городской среды.

География исследования охватывает пять городов областного значения: Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Котлас и Корьяжма. Архангельск является как административным,

так и крупным промышленным центром региона, а также его транспортным узлом. Население города составляет 355476 жителей⁸. Северодвинск – еще один крупный промышленный центр области с населением 183284 жителя⁹ – до недавнего времени имел статус закрытого города в связи с расположением на его территории крупных предприятий оборонной сферы. Вследствие этого в городе сложились особые отношения власти, оборонных предприятий и городских жителей, в основном занятых на них. Подобная же ситуация наблюдается в городах, которые мы объединили в группу «малых городов»: Новодвинск (38082 жителя), Котлас (74274 жителя) и Корьяжма (36224 жителя)¹⁰. В каждом из них существует градообразующее предприятие, чья деятельность определяет как экономическое положение населения, так и состояние городской среды.

В рамках эмпирического исследования нами был разработан инструментарий, нацеленный на изучение трех ключевых вопросов:

1) представления и ожидания городских жителей Архангельской области, касающиеся мероприятий по формированию комфортной городской среды;

2) институциональные формы и неформальные практики коммуникаций в системе отношений региональных / городских властей с городским сообществом;

3) общественная и экспертная оценка качества нормативно-правовых и организационных основ, необходимых для развития городского пространства.

В качестве основных методов сбора данных применялись массовый опрос городских жителей и экспертный опрос.

Генеральную совокупность массового опроса составили совершеннолетние жители перенаселенных выше городов – 527 279 человек. Выборочная совокупность составила 783 человека. Выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту и месту проживания. Ошибка выборки не превышает 3,48%.

⁸ Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований // Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. URL: https://arhangelskstat.gks.ru/main_indicators

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Разработанная для массового опроса анкета содержала 37 вопросов, объединенных в пять блоков: 1) социальное самочувствие городских жителей, 2) информированность горожан о программе «Формирование комфортной городской среды», 3) вовлеченность жителей в коммуникацию с органами власти по вопросам формирования комфортной городской среды, 4) вовлеченность жителей в реализацию мероприятий по формированию комфортной городской среды, 5) социально-демографические и социально-экономические характеристики респондентов. Полученные в результате опроса данные обрабатывались с помощью программного пакета для статистического анализа IBM SPSS Statistics.

Экспертный опрос проводился по методике полуструктурированных интервью. В качестве экспертов были привлечены представители двух групп: государственные и муниципальные служащие, должностные обязанности которых непосредственно связаны с формированием комфортной городской среды, а также руководители и активисты местных некоммерческих организаций, чья деятельность касается развития городских общественных пространств. Формирование выборки для первой группы производилось путем целевого отбора, второй – методом «снежного кома». Всего проведено 15 экспертных интервью в Архангельске, Северодвинске, Новодвинске и Котласе, из них 10 – с представителями муниципальных органов власти Архангельска, Северодвинска и Новодвинска и 5 – с представителями некоммерческих объединений. Средняя продолжительность интервью составила не менее 60 минут. В г. Котласе ответы на вопросы экспертного интервью были получены в письменной форме. В то же время представители муниципальной власти г. Коржаны отказались от участия в опросе.

Цель экспертного опроса – определить основные каналы коммуникации и формы со-

трудничества между органами муниципального управления и городским сообществом по вопросам развития городского пространства, приоритетные направления и ключевые мероприятия по формированию комфортной городской среды, роль городских жителей и общественных объединений в разработке и реализации проектов по благоустройству городов.

Результаты исследования

Результаты исследования структурированы следующим образом:

1) представления и ожидания населения Архангельской области, касающиеся мероприятий по формированию комфортной городской среды; 2) институциональные формы и неформальные практики коммуникаций в системе отношений региональных / городских властей с общественностью; 3) общественная и экспертная оценка качества нормативно-правовых и организационных основ, необходимых для развития городского пространства.

Представления и ожидания населения Архангельской области, касающиеся мероприятий по формированию комфортной городской среды

Половозрастная характеристика выборки (по городам) представлена в *таблице 1. Рисунок 1* отражает структуру выборки по показателю дохода.

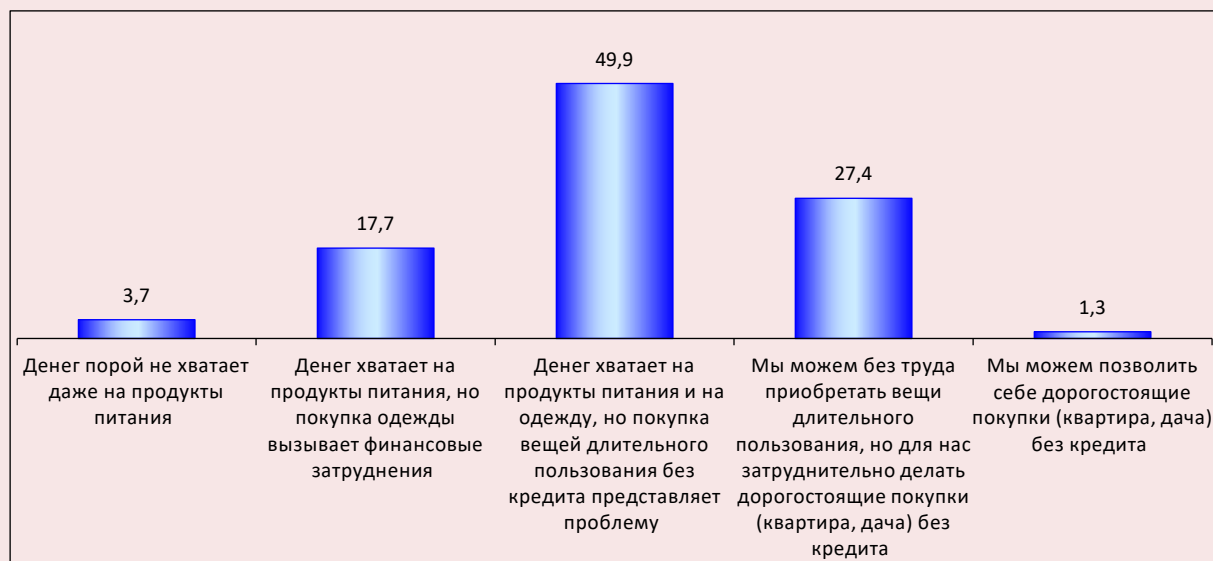
Выражая свое отношение к месту нынешнего проживания, респонденты разделились во мнении. Так, на вопрос «Довольны ли Вы тем, что живете в своем городе?» 56,8% ответили утвердительно (сумма ответов «полностью доволен» и «скорее доволен»), а 36,9% высказали отрицательное мнение (сумма ответов «полностью не доволен», «скорее не доволен»). При этом статистически значимые различия (на уровне $p < 0,001$) по этому индикатору в разрезе городов крайне незначительны. Несколько выше удовлетворенность жизнью в родном городе у населения Северодвинска (*табл. 2*).

Таблица 1. Половозрастная структура выборки (n = 783), % от числа опрошенных, по городам

	Мужской				Женский			
	18–29 лет	30–49 лет	старше 50 лет	Итого	18–29 лет	30–49 лет	старше 50 лет	Итого
Архангельск	47,4	24,4	53,9	41,9	56,1	49,7	53,0	52,3
Северодвинск	24,7	39,5	42,2	36,3	23,2	26,9	26,8	26,1
Малые города	27,8	36,1	3,9	21,8	20,7	23,4	20,2	21,6

Источник: исследование авторов.

Рисунок 1. Самооценка покупательной способности респондентов (n = 783), % от числа опрошенных

Примерно поровну разделились мнения опрошенных относительно динамики качества городской среды в нынешнем месте проживания. При ответе на вопрос «Как, по Вашему мнению, изменилось состояние города за последние три года?» улучшения отметили 32% респондентов, на ухудшение ситуации указали 34,4%, 33,6% не заметили изменений в состоянии города за последние три года. Сравнение

распределения мнений по дан ному индикатору в разных городах показало некоторые статистически значимые ($p < 0,001$) отличия в пользу малых городов (табл. 3).

Оценка собственно благоустройства городской среды (в целом) заметно более негативная, нежели удовлетворенность проживанием в городе как таковая: 73% опрошенных в той или иной степени не удовлетворены благо-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Довольны ли Вы тем, что живете в своем городе?» (n = 783), % от числа опрошенных, по городам

	Архангельск	Северодвинск	Малые города
Я полностью доволен	12,4	9,0	14,4
В целом я скорее доволен	39,8	57,2	39,2
В целом я скорее не доволен	30,5	23,2	23,3
Я полностью не доволен	11,5	6,3	12,7
Затрудняюсь ответить	5,7	4,3	10,3

Источник: исследование авторов.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как, по Вашему мнению, изменилось состояние города за последние три года?» (n = 783), % от числа опрошенных, по городам

	Архангельск	Северодвинск	Малые города
Улучшилось	4,9	3,5	11,1
Скорее улучшилось	27,8	21,4	29,4
Никак не изменилось	31,5	35,4	35,7
Скорее ухудшилось	22,3	28,9	15,4
Ухудшилось	13,6	10,8	8,5

Источник: исследование авторов.

устройством (сумма ответов «не удовлетворен», «скорее не удовлетворен») городского пространства и лишь около 23% высказались по этому вопросу положительно (сумма ответов «удовлетворен», «скорее удовлетворен»). Можно было бы предположить, что существенная разница в результатах замеров по индикаторам удовлетворенности местом проживания и благоустройством городской среды связана с влиянием экономического фактора – люди довольны наличием хорошо оплачиваемой работы, надбавками и льготами за проживание в условиях, приравненных к условиям Крайнего Севера. Однако расчет коэффициента ранговой корреляции показал фактическое отсутствие линейной связи между уровнем дохода и удовлетворенностью местом проживания (r Спирмена = 0,129). Также не было выявлено связи между этим индикатором и социально-профессиональным статусом респондентов¹¹. Имеется некоторая связь (при $p < 0,001$) между оценкой состояния городской среды и образованием опрошенных, в частности, люди со средним профессиональным и высшим образованием настроены более скептически. Однако эта связь очень слабая (V Крамера = 0,139). Аналогичная ситуация наблюдается и в том, что касается связи удовлетворенности проживанием в своем городе и показателем образования – люди с высшим, в том числе неоконченным высшим, образованием несколько менее довольны местом жительства, чем все остальные (V Крамера = 0,177). Таким образом, различия в экономическом положении, профессиональной принадлежности и уровне образования не позволяют объяснить, почему граждане в целом довольны местом своего проживания, но не удовлетворены благоустройством городского пространства.

Вместе с тем эти два индикатора относительно неплохо (сила связи на уровне немного ниже средней) скоррелированы с переменной, отражающей распределение оценок изменений в состоянии городской среды за последние три года. Иными словами, респонденты, отмечающие позитивные сдвиги в благоустройстве

¹¹ Не было выявлено и связей между профессиональной принадлежностью или экономическим положением респондентов и их оценками благоустройства городской среды.

своего города, чаще выражают удовлетворенность проживанием в нем (r Спирмена = 0,318) и выше оценивают качество городской среды на момент опроса (r Спирмена = 0,357). Такого рода взаимосвязи вполне логичны и ожидаемы. Интересны результаты корреляционного анализа, показывающие, что на удовлетворенность фактом проживания в конкретном городе влияет то, в какой степени респонденты связывают с ним свое будущее (r Спирмена = 0,505) и в какой мере они довольны своей жизнью в целом (r Спирмена = 0,439), а на удовлетворенность состоянием городской среды – оценка работы муниципальной власти по благоустройству города (r Спирмена = 0,392).

Институциональные формы и неформальные практики коммуникаций в системе отношений региональных / городских властей с общественностью

Ключевыми для решения задач нашего исследования стали блоки индикаторов, позволяющие замерить интерес городских жителей к публичной жизни города, степень их информированности о деятельности органов муниципального управления и властей региона в сфере городского благоустройства, а также степень участия в публичном обсуждении связанных с этой деятельностью вопросов и в реализации соответствующих мероприятий.

Отвечая на вопрос «Насколько Вы интересуетесь жизнью в своем городе?», большинство респондентов указали, что в той или иной степени испытывают интерес к общественно значимым событиям города (табл. 4).

При этом чуть больше половины (51%) опрошенных ничего не слышали и мало знают о том, что в их городе реализуются мероприятия приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды». 42% респондентов отметили, что в большей или меньшей степени информированы об указанном проекте (рис. 2). При этом статистически значимых отличий по этому индикатору при сравнении результатов опроса в Архангельске, Северодвинске и малых городах не выявлено.

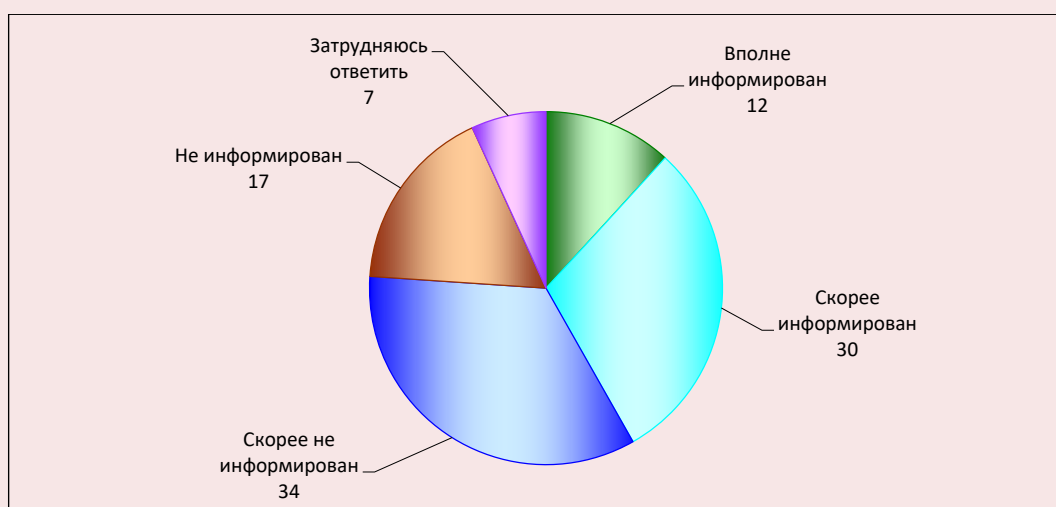
Опрошенные, указавшие на хотя бы минимальную степень информированности о реализации проекта, в качестве главных источников информации о нем называли социальные сети (63,3%), специализированные интернет-ресурсы (48,7%) и телевидение (47,5%; рис. 3).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы интересуетесь жизнью в своем городе?» (n = 783), % от числа опрошенных, по городам

	Архангельск	Северодвинск	Малые города
Стараюсь быть в курсе всех событий	38,3	50,5	36,0
Интересуюсь отдельными событиями	45,7	39,2	43,5
Мало интересуюсь событиями	12,3	9,7	17,5
Не интересуюсь событиями	3,7	0,6	3,0

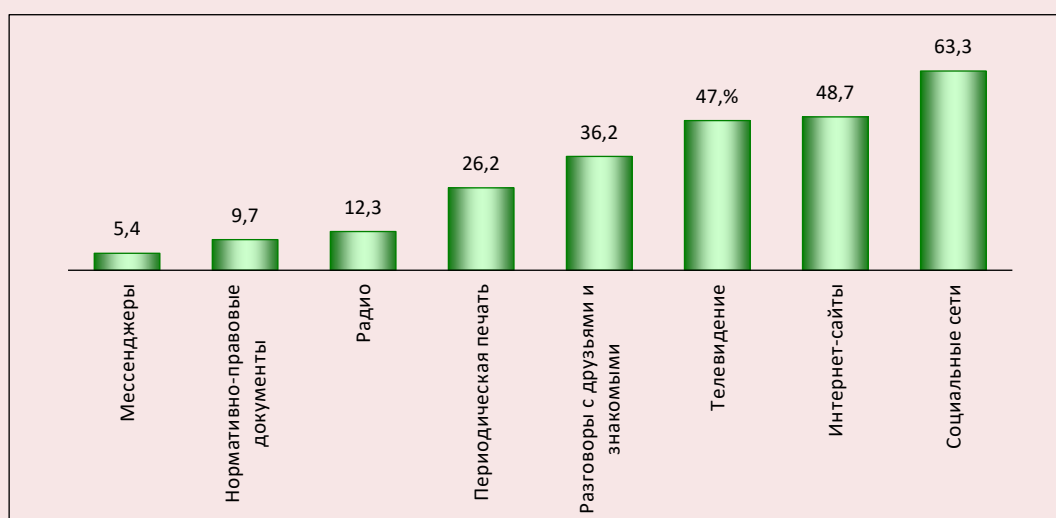
Источник: исследование авторов.

Рисунок 2. Степень информированности респондентов о проекте «Формирование комфортной городской среды» (n = 783), % от числа опрошенных

Источник: исследование авторов.

Рисунок 3. Основные источники информации о проекте «Формирование комфортной городской среды» (n = 783), % от числа опрошенных*

* Допускалось несколько вариантов ответа.

Источник: исследование авторов.

Общественная и экспертная оценка качества нормативно-правовых и организационных основ, необходимых для развития городского пространства

Опрошенные эксперты из числа государственных служащих подчеркивают, что согласно действующим нормативно-правовым актам муниципальные органы власти обязаны регулярно проводить информационные, заявочные кампании посредством различных каналов коммуникации с целью донести актуальную информацию до горожан. По мнению руководителей муниципалитетов, существующие способы информирования жителей не требуют существенных изменений. Представители власти уверены, что горожане имеют информацию о проекте в достаточном объеме, и в случае необходимости готовы работать индивидуально с заявителями: *«Это все разясняемо. Если есть желание, они приходят в любую администрацию, любой глава лично разяснит. Вот только люди не хотят»* (Информант 4). Однако представляется, что не только пассивностью и отсутствием интереса населения можно объяснить недостаточную информированность горожан о проекте по формированию комфортной городской среды. Дело в том, что законодательство жестко регламентирует порядок информирования городских жителей о деятельности чиновников и ограничивает их в выборе каналов коммуникации официальным медиа-порталом областного правительства, традиционными СМИ и т. п. Хотя их аудитория все еще довольно многочисленна, основным оперативным источником информации для горожан в настоящее время стали новые медиа, в том числе социальные сети, которые органы власти используют несистемно, либо же они отличаются слабым охватом целевой аудитории. Так, сообщество прессканала Правительства Архангельской области в социальной сети «ВКонтакте» имеет менее 7000 подписчиков, а сообщество «Комфортная городская среда Архангельской области» — менее 100; страница Электронного правительства области в этой же социальной сети неактивна и не обновляется; главный новостной портал г. Архангельска хоть и имеет аудиторию более чем в 20000 подписчиков, не выдает ни одной записи по ключевым словам «благоустройство» и «комфортная среда», а большинство размещенных на нем сообщений носит рекламный

характер. На это обращают внимание эксперты из некоммерческих организаций: нехватка у городских жителей понимания необходимости преобразований городского пространства во многом является результатом несистемного подхода к информированию горожан о реализуемой программе и отсутствия регулярного взаимодействия власти и общества. По мнению общественников, заявочные кампании зачастую проводятся «для галочки» и формальных отчетов о расходовании бюджетных средств (Информанты 11, 12, 13). В целях исправления сложившейся ситуации необходимо комплексное «просвещение» городских жителей, которое должно начинаться с разяснения базовых понятий: *«Конечно, все знают, что программа существует, но вообще что такое комфортная среда — этого, мне кажется, не знают... не знают, наверное, на местах никто»* (Информант 11). *«Комфортная среда — это прежде всего среда, где жители могли бы проводить время, то есть это двор, это какая-то общественная территория, куда они пришли, где они отдыхают, где они проводят время, где могут быть какие-то, активности... Может быть, это сад, может быть, это сквер, может быть, это какая-то обустроенная площадка для людей старшего возраста... она какая-то живая...»* (Информант 13).

Значительное число опрошенных отметили важность активной позиции рядовых горожан в коммуникации с органами муниципального управления по вопросам благоустройства городской среды, несводимость их роли к пассивным реципиентам официальной информации. На вопрос «Считаете ли Вы нужным доносить свое мнение о благоустройстве городской среды до администрации Вашего города?» почти 84% дали утвердительный ответ (сумма ответов «да» и «скорее да») и лишь 11% ответили отрицательно (сумма ответов «нет» и «скорее нет»). При этом сколько-нибудь заметных отличий в распределении ответов на этот вопрос в разных городах выявлено не было.

Эксперты также отмечают высокий интерес горожан к проектам городского благоустройства и формированию комфортной среды (Информант 8). Однако, выражая заинтересованность, горожане зачастую оказываются не готовы вкладывать собственные ресурсы в реализацию конкретных проектов, на многие из которых бюджетных средств не хватает.

Причиной выступает бедность населения. В первую очередь это касается людей пенсионного возраста. *«В некоторых домах проживает большое количество пенсионеров, и они, так скажем, не готовы софинансировать»* (Информант 5). Указывая на то, что интерес к проектам по благоустройству города у жителей сочетается с низкой инициативностью, когда дело доходит до этапа реализации проекта, руководители городских округов подчеркивали: у горожан *«нет чувства хозяина на собственной земле»* (Информант 7); *«Психология наших жителей и заключается в том, что они до сих пор в большинстве своем не могут отойти от советских ЖЭК, живут воспоминаниями... Не понимают, что являются хозяевами»* (Информант 6). Предполагается, что сами жители должны ухаживать за своим двором, заботиться о нем и содержать его. Но, *«... когда горожане попадают в программу, их очень удивляет, что они это еще должны содержать»* (Информант 3). В результате число реализованных проектов по формированию комфортной городской среды остается низким. Например, в г. Архангельске необходимо благоустроить порядка двух тысяч придомовых территорий. За время реализации программы в 2017 году была благоустроена 21 дворовая территория, в 2018 – 16, а в 2019 – 15 (Информант 8). Еще одной проблемой, по мнению экспертов, является отсутствие у многих горожан понимания их единства с тем местом, где они живут: домом, двором, районом и городом в целом. Пространство города оказывается некой «принудительной» общностью, внутри которой большинство людей пребывают в состоянии социальной изолированности и разобщенности (Информант 9). Люди не ассоциируют себя с местом, где они живут, и, соответственно, не желают преобразований (Информанты 1, 8).

Высказываясь о наиболее предпочтительных каналах обратной связи с органами муниципального управления по вопросам благоустройства городской среды¹² (рис. 4), опрошенные на первое место поставили СМИ (54,3%), на второе – сайт городской администрации (49,5%); третье место фактически разделили между собой специализированные ресурсы для

¹² Вопрос был сформулирован следующим образом: «Что из нижеперечисленного может быть использовано горожанами, чтобы донести свое мнение о благоустройстве городской среды до администрации города?»

обращений и инициатив граждан – ГИС ЖКХ, портал «Госуслуги» (43,2%) – и такая форма прямой коммуникации, как публичные массовые мероприятия – митинги, пикеты, а также петиции (39,8%)¹³. Последний вариант обошел по частоте упоминаний приемную городской администрации. Это может свидетельствовать о возрастании в общественном мнении роли идущих снизу коллективных действий как инструмента воздействия на муниципальную власть. *«Без диалога с обществом, которое есть сегодня уже в городе, и митинги, которые у нас проходят, это показали, сделать ничего нельзя»* (Информант 13). В то же время средства массовой информации традиционно рассматриваются населением как ключевой посредник в диалоге общественности с должностными лицами. Популярность интернет-ресурсов с функциями обратной связи может объясняться широкой доступностью для городских жителей ресурсов сети Интернет в целом, возросшей за последние годы цифровой грамотностью россиян, а также относительным удобством и простотой онлайн-сервисов для обращений граждан.

Если рассматривать, какие каналы коммуникации с властью реально используются населением, то распределение значений по этому индикатору выглядит несколько иначе (рис. 5). Основной формой коммуникативного взаимодействия с городскими властями для граждан, активно транслирующих свою позицию по вопросам благоустройства городского пространства, стали массовые акции и подписание петиций (пятая часть опрошенных). Следующие три наиболее востребованных канала коммуникации совпадают с теми, которые были

¹³ Сравнение распределения мнений по городам показало статистически значимые различия по вариантам «Сайт для обращений и инициатив горожан», «Средства массовой информации», «Митинги, пикеты, петиции» (для выявления различий был использован непараметрический критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок). Наиболее интересны для интерпретации варианты 1 и 3. В случае со специальным сайтом (ГИС ЖКХ, Госуслуги) Архангельск и Северодвинск заметно отличаются от моногородов: если в крупнейших городах региона за них высказалась почти половина жителей, то в моногородах – чуть больше трети. Еще разительнее контраст по митингам, пикетам и петициям: в Северодвинске этот канал коммуникации был выбран почти половиной населения (48,6%), в Архангельске показатель несколько меньше (40,2%), но в моногородах указанный вариант отмечен всего четвертью населения (26,4%).

указаны респондентами в качестве трех самых оптимальных для этих целей. Также следует отметить, что каждый десятый опрошенный использовал в качестве посредника в респондентов с органами муниципального управления представителя низовой организации по взаимо-

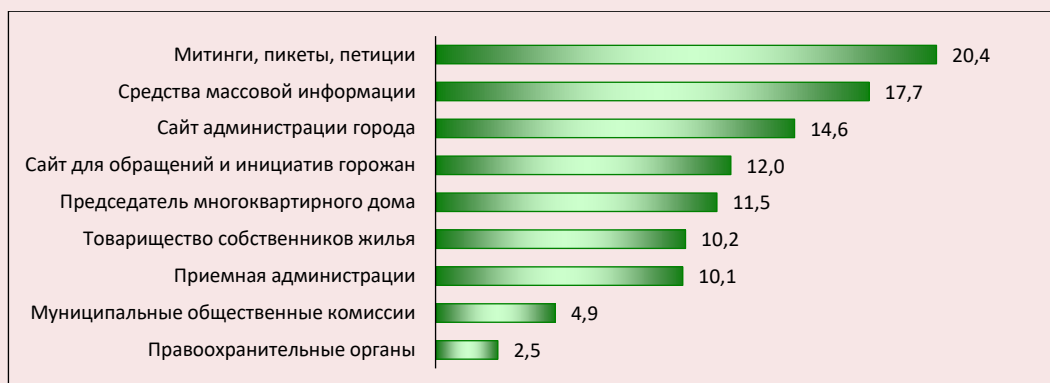
действию с коммунальными службами – председателя совета дома или ТСЖ. При этом 38,3% от общего числа опрошенных вообще никаким образом не пытались донести свое мнение по вопросам благоустройства городской среды до уполномоченных органов¹⁴.

Рисунок 4. Наиболее подходящие, по мнению респондентов, каналы коммуникации с органами местного самоуправления по вопросам благоустройства городской среды (n = 783), % от числа опрошенных*

* Допускалось несколько вариантов ответа.
Источник: исследование авторов.

Рисунок 5. Основные каналы коммуникации с органами муниципального управления по вопросам благоустройства городской среды, используемые респондентами на практике (n = 783), % от числа опрошенных*

* Допускалось несколько вариантов ответа.
Источник: исследование авторов.

¹⁴ Статистически значимые различия между выборками из разных городов (использован непараметрический критерий Краскала-Уоллиса) выявлены для следующих вариантов: «Средства массовой информации» (жители областного центра вдвое реже выбирают СМИ как канал коммуникации с местной властью), «Митинги, пикеты, петиции» (в моногородах эта форма коммуникации используется значительно реже, чем в крупных городах; в Северодвинске данный показатель наиболее высок), «Товарищество собственников жилья» и «Председатель многоквартирного дома» вдвое чаще упоминаются архангелогородцами по сравнению с жителями Северодвинска. Важно отметить, что доля занимающих пассивную гражданскую позицию (не пытающихся донести свое мнение по вопросам формирования комфортной городской среды до органов местного самоуправления) на 10% больше в моногородах по сравнению с Архангельском и Северодвинском.

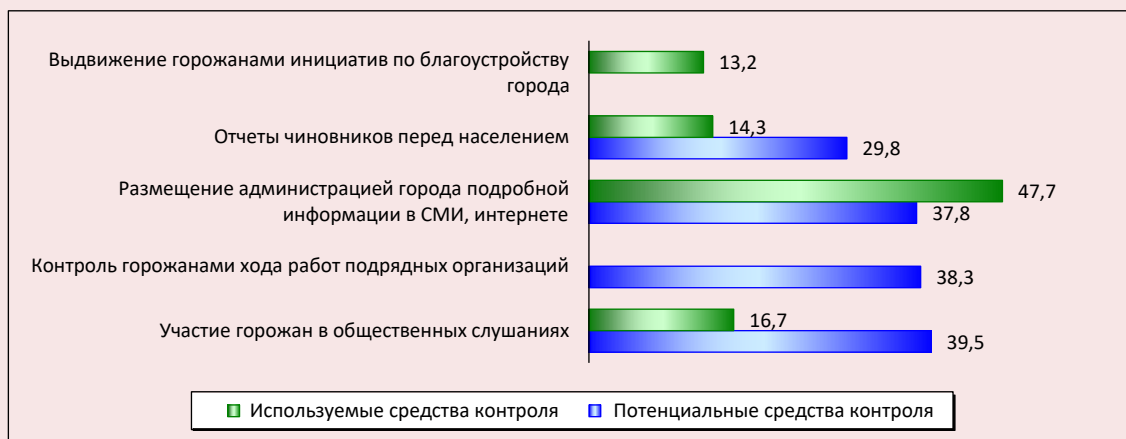
Также мы интересовались мнением жителей обследованных городов на предмет имеющихся у граждан средств контроля деятельности городских администраций в сфере реализации мероприятий по формированию комфортной городской среды – как потенциально применимых, так и тех, к которым на практике обращались респонденты. Распределение ответов отражено на *рисунке 6*.

Несмотря на то что респонденты примерно одинаково оценивают важность различных механизмов контроля деятельности муниципальных властей, фактически они прибегают преимущественно к пассивным формам, связанным с получением информации в виде журналистских материалов, записей в блогах и официальных документов (в сумме – 62%). Лишь около 30% указали на опыт участия в

активных формах контроля, например общественных слушаниях. При этом 38,4% опрошенных заявили, что в принципе не пытаются контролировать деятельность местных властей.

Основные формы вовлечения жителей в оценку состояния городской среды связаны с их участием в опросах общественного мнения и собраниях собственников жилья, таким образом, не связаны с их собственной инициативой либо же связаны с узколокальными вопросами благоустройства придомовых территорий, которые находятся за рамками публичной коммуникации в системе отношений «власть – общественность». В то же время от трети (в областном центре) до 44% (в моногородах) горожан не вовлечены в оценку состояния городского пространства (*табл. 5*).

Рисунок 6. Средства контроля действий местных властей по благоустройству городской среды: потенциальные и реально используемые опрошенными (n = 783), % от числа опрошенных*

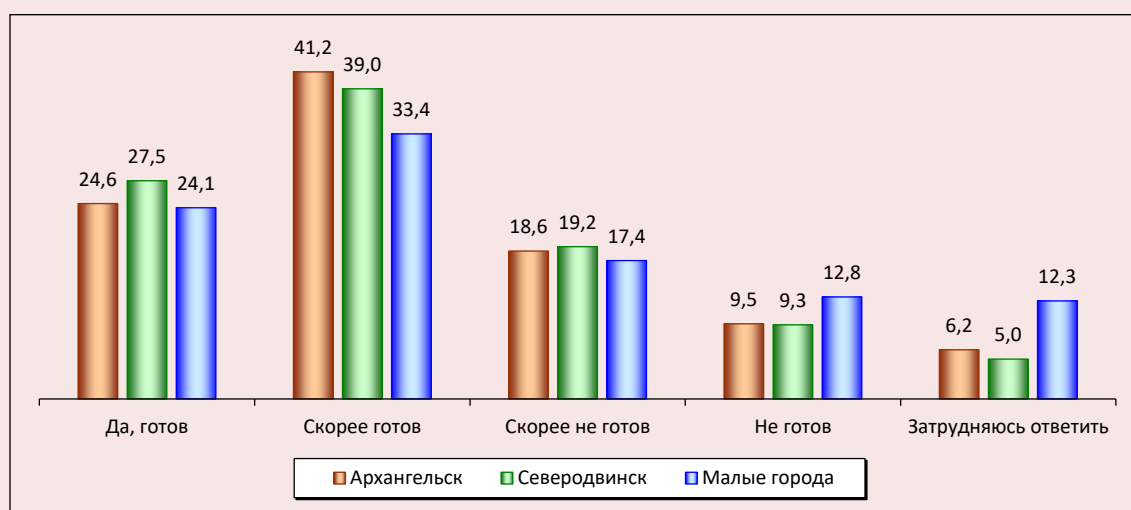
* Допускалось несколько вариантов ответа.
Источник: исследование авторов.

Таблица 5. Формы участия респондентов в оценке состояния городской среды (n = 783; допускалось несколько вариантов ответа), % от числа опрошенных, по городам

Форма участия	Архангельск	Северодвинск	Малые города
Участие в общественном обсуждении	11,9	21,8	9,2
Участие в анкетировании или интервьюировании	47,2	41,8	41,1
Мой ребенок (или младший брат/сестра) участвовал в школьных проектах на подобную тему	11,4	11,8	11,8
Собрание собственников жилья	29,2	19,9	16,6
Никак не вовлечен	34,4	41,6	44,0

Источник: исследование авторов.

Рисунок 7. Готовность городских жителей к участию в разработке проектов по созданию комфортной городской среды (n = 783), % от числа опрошенных, по городам

Несмотря на преобладание среди городских жителей пассивных форм участия в контроле и оценке деятельности органов муниципального управления в сфере благоустройства городов, а также высокий процент тех, кто никаким образом не участвует в контроле и оценке (особенно в малых городах), опрос населения показал высокую декларируемую степень готовности северян к участию в разработке проектов по созданию комфортной городской среды (рис. 7).

Обсуждение результатов

Результаты проведенного массового опроса показали, что несмотря на высокий процент горожан, в целом довольных проживанием в своем городе, доля тех, кто считает городское пространство неблагоустроенным, превышает две трети от общего числа респондентов. Основным фактором, влияющим на такое распределение мнений, выступает недовольство жителей политикой муниципальных властей в сфере благоустройства городских территорий.

Подавляющее большинство опрошенных заявили об активном интересе к событиям, происходящим в городе. При этом меньше половины в той или иной степени знакомы с содержанием проекта «Комфортная городская среда» (хорошо информированными в этом вопросе себя считают всего 12%). Данный факт говорит не только о том, что инфор-

мация о проекте доносится с использованием малоэффективных средств, но и о том, что сама подача информации пока что не создает у горожан представления о реализации проекта как социально и индивидуально значимом событии.

Респонденты декларируют важность участия в коммуникации с муниципальными властями по вопросам благоустройства городских пространств и готовность участвовать в разработке и реализации соответствующих проектов. Однако реальная степень участия городских жителей как в публичной коммуникации с органами муниципального управления, так и в контроле и оценке предлагаемых и реализуемых проектов заметно ниже. При этом преобладающие формы участия горожан в контроле и оценке проектов можно охарактеризовать как пассивные — не связанные с инициативой самих жителей (например, вовлечение их в опросы общественного мнения) или проявляющиеся в потреблении официальной информации на тему благоустройства городской среды, размещаемой в СМИ и на разнообразных интернет-ресурсах. Несмотря на наличие представления о важности гражданского участия, за 30 лет у россиян (особенно в регионах) пока еще не выработалось устойчивое представление о возможности и успешности такого участия.

Из активных форм гражданского участия респонденты отдают предпочтение акциям прямого действия (митинги, пикеты, подача петиций), проявляя меньший интерес к более формализованным каналам обратной связи — общественным слушаниям, приемной городской администрации или специализированным интернет-сервисам для обращения граждан в органы власти. Данный факт, вероятно, объясняется возросшей протестной активностью в городах Архангельской области (в связи с экологическими проблемами), к которой привело отсутствие возможности добиться реализации своих интересов административным путем.

По оценке представителей государственных и муниципальных органов власти жители Архангельской области, наоборот, заинтересованы в участии в формировании комфортной городской среды, однако проявляют низкую активность из-за нежелания софинансировать предлагаемые проекты и необходимости формировать большой комплект документов для подачи заявки. Общественные деятели связывают неэффективность федеральной программы с формальным подходом к информированию и вовлечению жителей в реализацию проектов по созданию благоустроенной городской среды, который препятствует правильному пониманию комфортности городского пространства. Горожане участвуют в реализации программы в соответствии со своими нуждами, но, возможно, бывают разочарованы низким уровнем реакции государственной системы управления на их запросы и не удовлетворены шаблонным, стандартным подходом в осуществлении проектов. Кроме того, не следует забывать, что зачастую у граждан России не выработаны представления о том, что они хозяева в городе, и ассоциация с конкретным местом проживания. Возможно, это наследие советского прошлого, при котором система муниципального управления действовала иначе, а горожанин по разным причинам мог быть перемещен в другое место проживания. Вместе с тем городские жители не приобрели и должных ресурсов (соответствующих компетенций и свободных финансов) для более активного участия в преобразовании городов.

Таким образом, можно выделить основные противоречия при реализации проекта «Комфортная городская среда». Информирование

городских жителей не создает у них образ лично значимого проекта. Горожане не имеют должного опыта успешного участия в решении городских проблем, что иногда вынуждает их прибегать к протестной активности. Жители российских городов пока еще не осознали себя хозяевами городского пространства, у них нет должных компетенций и финансов. Власть же часто не готова действовать по-новому, отдавая инициативу в совершенствовании городского пространства жителям.

Вывод

Таким образом, на современном этапе реализации программы по формированию комфортной городской среды гражданская активность городских жителей как деятельность, направленная на удовлетворение социально значимых интересов, остается низкой. Основными причинами этого являются формальный подход органов муниципального управления к информированию и вовлечению горожан в реализацию проектов по благоустройству городского пространства, с одной стороны, и пассивность самих жителей, с другой. Второе во многом обусловлено отсутствием у граждан понимания основополагающих принципов программы, согласно которым горожане должны сами проявлять инициативу и нести за нее ответственность. Активность городских властей является скорее демонстративной, нежели инструментальной, и вызывает у жителей чувство недоверия к их деятельности.

Полученные результаты исследования имеют практическую значимость, так как могут быть использованы для совершенствования городского управления. Органам муниципальной власти следует вовлекать горожан через публичные коммуникации в систему принятия решений по вопросам развития городского пространства. Для этого стоит создать в муниципалитетах органы общественного контроля, представляющие городское сообщество, в ведении которых были бы проекты городского благоустройства. Для информирования горожан следует использовать широкий спектр средств коммуникации. Также важно повышать уровень компетентности не только чиновников муниципалитета, но и горожан. Необходимо преодолеть взаимное недоверие городского сообщества и органов муниципального управления через

удачную реализацию совместных проектов. С учетом наличия очевидного потенциала гражданской активности у городских жителей мы считаем необходимым пересмотреть существующие формы и инструменты взаимодействия власти и общества по вопросу формирования комфортного городского пространства и разработать дескриптивную модель, которая в перспективе позволит максимально вовлечь горожан в реализацию федеральной программы и повысить уровень гражданской активности.

Эмпирическая база для построения такой модели в значительной мере формируется на основе данных, полученных благодаря разработанному авторами социологическому инструментарию. Хотя исходно он создавался для выявления мнений общественности и экспертов по вопросам формирования комфортной среды в городах Архангельской области, он достаточно универсален для применения в других регионах РФ при проведении аналогичных социологических исследований.

Литература

1. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. 1997. № 3. С. 169–196.
2. Раусдепп М. Среда как место для поведения (Школа экологической психологии Роджера Баркера) // Человек в социальной и физической среде = Man in sociophysical environment: сб. статей / под ред. Х. Лийметса и др. Tallinn: Tallinna Pedagoogiline Instituut, 1983. 188 с.
3. Иконников А.В. В поисках путей к «очеловеченному» окружению // Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычев; ред. А.В. Иконников. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
4. Почтовая А.В. Современное состояние городской среды: основные понятия, проблемы и особенности управления // Вопросы экономики и управления. 2017. № 4 (11). URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/73/2782/> (дата обращения 24.11.2019).
5. Касаткина С.С. Повседневность городов Европейского Севера России: философское осмысление вопросов развития // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием, г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 года / отв. ред. И.Н. Стась и др. Курган: Курганский Дом печати, 2015. 819 с.
6. Высоковский А. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда // Высшая школа урбанистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <http://docplayer.ru/380260-Vorba-za-gorozhanina.html> (дата обращения 22.11.2019).
7. Чернова Е.Б. Социологическое обоснование стратегий территориального развития: методологические и практические аспекты // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 1 (15). С. 36–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2017.1.4>.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
9. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. vol. 2. *Lifeworld and System: a Critique of Functionalist Reason*. Transl. T. McCarthy. Boston, Massachusetts: Beacon Press, 1987. 457 p.
10. Burkart R. On Jürgen Habermas and public relations. *Public Relations Review*, 2007, vol. 33, iss. 3, pp. 249–254.
11. Yiftachel O., Huxley M. Debating dominance and relevance: Notes on the «communicative turn» in planning theory. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2000, no. 24 (4), pp. 907–913.
12. Mattila H. Public participation and legitimacy management in planning: A Habermasian Perspective to Finnish Welfarist Planning Tradition. *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, 2018, vol. 100, iss. 4, pp. 309–328.
13. Brige G. Reason in the City? Communicative action, media and urban politic. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, vol. 33.1, pp. 237–240.
14. Burstrom von Malmborg F. Environmental management systems, communicative action and organizational learning. *Business Strategy and the Environment*, 2002, no. 11, pp. 312–323.
15. Steinberg F. Can development communication improve urban management? *Habitat International*, 1996, vol. 20, iss. 4, pp. 567–581.
16. Катаева Ю.В. Асимметрия интересов субъектов преобразования городской среды как фактор ее несбалансированного развития // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2013.

- № 3 (18). С. 129–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/asimetriya-interesov-subektov-preobrazovaniya-gorodskoy-sredy-kak-faktor-ee-nesbalansirovannogo-razvitiya> (дата обращения 12.04.2020).
17. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1). С. 162–192.
 18. Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 18 (4). С. 44–65.
 19. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Конфигурации взаимодействия петербургских организаций общественных движений, нацеленных на улучшение качества городской среды // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). С. 2–17.
 20. Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. «У власти точка зрения — молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // Политическая наука. 2017. № 4. С. 111–136.
 21. Afzalan N., Sanchez Th.W., Evans-Cowley J. Cities. *The International Journal of Urban Policy and Planning*, 2017, no. 67, pp. 21–30.
 22. Evans-Cowley J. Planning in the real-time city: the future of mobile technology. *Journal of Planning Literature*, 2010, no. 25 (2), pp. 136–149.
 23. Odendaal N. Information and communication technology and local governance: understanding the difference between cities in developed and emerging economies. *Computers, Environment and Urban Systems*, 2003, no. 27, pp. 585–607.
 24. Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 20–28.
 25. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>

Сведения об авторах

Антон Михайлович Максимов – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова Российской академии наук (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: a.maksimov@fciactic.ru)

Марина Викторовна Ненашева – кандидат философских наук, доцент, Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: m.nenasheva@yandex.ru)

Илья Федорович Верещагин – кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: i.vereschagin@narfu.ru)

Татьяна Федоровна Шубина – кандидат философских наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: t.shubina@narfu.ru)

Полина Владимировна Шубина – кандидат философских наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: p.shubina@narfu.ru)

Maksimov A.M., Nenasheva M.V., Vereshchagin I.F., Shubina T.F., Shubina P.V.

Creating a Comfortable Urban Environment: Problems of Interaction between Society and Government in the Implementation of Priority Projects at the Management Municipal Level

Abstract. The federal program on the formation of comfortable urban environment was initiated in Russia in 2017. Its aim is to improve local and public territories. The program implies the active involvement of citizens, which is taken into account in the Urban Environment Quality Index. On the basis of an empirical study, conducted using mass survey and expert interview methods in the towns of the Arkhangelsk Oblast, the authors analyze a degree of civic participation of residents in the implementation of projects to create a comfortable urban environment and assess the efficiency of existing mechanisms of interaction between society and government. We assume the theoretical provision that a social activity is the citizens' work to transform the environment, carried out under the influence of external and internal factors. External factors include activities of municipal authorities to inform town residents about the program for creating a comfortable urban environment and to involve them in the implementation of projects. Internal factors are citizens' personal interest and their meaningful participation in the program. The results of the sociological survey indicate a high potential for citizens' social activity, which is a necessary condition for effective interaction between government and society and a successful implementation of the program. However, practical participation of urban residents remains weak. The main reasons are the lack of citizens' awareness about the implemented program, the lack of clear ways of interaction between government and society, as well as an understanding of the program's fundamental principles, which, in turn, leads to passivity and distrust toward the authorities. The authors conclude that, in order to increase civic engagement, we need a system of measures, which would allow adjusting the existing communication means between government and society and increasing the effectiveness of the program on the formation of a comfortable urban environment.

Key words: civic participation, urban resident, comfortable urban environment, engagement, public communication, municipal administration, urban community.

Information about the Authors

Anton M. Maksimov – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Russian Academy of Sciences (23, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk 163000, Russian Federation; e-mail: a.maksimov@fciactic.ru)

Marina V. Nenasheva – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: m.nenasheva@yandex.ru)

Il'ya F. Vereshchagin – Candidate of Sciences (History), Deputy Head of Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: i.vereschagin@narfu.ru)

Tat'yana F. Shubina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: t.shubina@narfu.ru)

Polina V. Shubina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: p.shubina@narfu.ru)

Статья поступила 17.04.2020.

DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7
УДК 332.1 (470.2), ББК 65.050.23 (2Рос-12)
© Ворошилов Н.В.

К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий*

**Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: niks789@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5565-1906; ResearcherID: I-8233-2016

Аннотация. Актуальность исследования тенденций и потенциала развития сельских территорий в настоящее время обусловлена, главным образом, повышенным вниманием со стороны ученых и органов государственной власти к пространственной тематике: в 2019 году приняты Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и новая государственная программа РФ «Комплексное развитие сельских территорий». В связи с этим в статье поставлена цель разработать методический подход к оценке социально-экономического потенциала сельских территорий и на основе его апробации определить приоритетные направления по обеспечению комплексного и устойчивого их развития. Для достижения цели использованы такие научные методы, как экономический, статистический и компаративный анализ, методы обобщения, анализа, синтеза, монографический метод. Научная новизна выполненного исследования заключается в предложенной методике измерения (с помощью балльной оценки) социально-экономического потенциала сельских территорий, позволяющей произвести их группировку по уровню потенциала развития с целью обоснования приоритетных направлений региональной и местной социально-экономической политики для разных типов территорий. В результате исследования получены следующие выводы: ключевыми проблемами развития сельских территорий России, и Европейского Севера России в частности, являются неблагоприятная демографическая ситуация; низкий уровень благоустройства жилого фонда всеми видами

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2019.2020.6 «Управление комплексным социально-экономическим развитием северных сельских территорий в контексте реализации государственной политики регионального развития».

Для цитирования: Ворошилов Н.В. К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7

For citation: Voroshilov N.V. Assessing the socio-economic potential of rural territories. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7

благоустройства (в среднем по стране благоустроена только треть фонда); высокая доля населения (например, 40% в Ненецком автономном округе и 45% в Вологодской области), обеспеченного некачественной питьевой водой; заметное отставание доходов сельского населения от уровня доходов городских жителей. Кроме того, большая часть (14 из 26) муниципальных районов Вологодской области характеризуется средним уровнем потенциала их сельских территорий. Материалы статьи могут использоваться в деятельности органов власти, а также служить основой для дальнейших научных исследований по данной тематике.

Ключевые слова: сельские территории, социально-экономический потенциал, методика оценки, Российская Федерация, Европейский Север России.

Введение

Сельские территории (территории вне городских населенных пунктов) занимают большую часть площади России. Выполняя ряд народнохозяйственных функций (обеспечение продовольственной безопасности, сохранение связности пространства, историко-культурного наследия, поддержание экологического равновесия, создание условий для восстановления здоровья и отдыха населения и др.), они играют важную роль в пространственном развитии страны и ее регионов. Вместе с тем в развитии сельских территорий накопилось множество комплексных и системных проблем, среди которых следует особо отметить значительную убыль сельского населения в большинстве субъектов РФ, заметное отставание уровня жизни сельского населения от городского, сохраняющийся низкий уровень благоустройства жилого фонда, невысокий уровень развития социальной инфраструктуры, сворачивание производственной деятельности и пр. Для решения этих и других проблем и задач в России еще с 2000-х гг. принимались специальные государственные программы: Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года» (Постановление Правительства РФ от 03.12.2002 г. № 858); федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (Постановление Правительства РФ от 15.07.2013 г. № 598); Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» со сроками реализации 2020–2025 гг. (Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 г. № 696). Утверждена также и Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 г. № 151-р).

Но, как показывает практика их реализации, существенно улучшить ситуацию в сельской местности удалось далеко не везде в связи с отсутствием необходимой комплексности, системности госпрограмм, ограниченной их направленностью (до 2019 года сельские территории в них рассматривались только в рамках сельских поселений и с привязкой к сельскохозяйственному производству), явной недостаточностью объемов их финансирования.

В государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 31.05.2019 г. № 696) под сельскими территориями понимаются: 1) сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района; 2) сельские населенные пункты, входящие в состав городских поселений, муниципальных округов, городских округов (за исключением городских округов, на территориях которых находятся административные центры субъектов РФ); 3) сельские населенные пункты, входящие в состав внутригородских муниципальных образований г. Севастополя; 4) рабочие поселки, наделенные статусом городских поселений; 5) рабочие поселки, входящие в состав городских поселений, муниципальных округов, городских округов (за исключением городских округов, на территориях которых находятся административные центры субъектов РФ). Это определение использовалось и в нашем исследовании.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р) решение задачи, связанной с повышением устойчивости системы расселения за счет социально-экономического

развития сельских территорий (учитывая плотность населения, различный характер освоения и использования таких территорий, природные условия, удаленность от крупных городов), планируется путем:

- улучшения условий жизни людей в сельских населенных пунктах, включая обеспечение устойчивого сокращения доли непригодного для проживания жилищного фонда, повышение уровня благоустройства сельских населенных пунктов, обеспечение коммунальной инфраструктурой; повышения транспортной доступности до ближайших межмуниципальных обслуживающих центров за счет развития и приведения в нормативное состояние сети региональных и местных дорог, стимулирования развития общественного транспорта;

- содействия развитию малых и средних городов и крупных сельских населенных пунктов как межмуниципальных обслуживающих центров для сельских территорий, обеспечивающих население и предпринимателей различными видами услуг;

- повышения конкурентоспособности их экономики с помощью продвижения уникальных локальных брендов, содействия развитию потребительской, кредитной и иных форм кооперации, фермерства, увеличения доступности для малых и средних товаропроизводителей рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, поддержки развития специализированной инфраструктуры хранения сельскохозяйственной продукции, внедрения технологий и оборудования для глубокой переработки сельскохозяйственного сырья, содействия развитию объектов мелиорации, вовлечения в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых угодий и пашен на сельских территориях, пригодных для ведения эффективного сельского хозяйства;

- содействия диверсификации занятости и расширения поддержки инициатив населения в сфере предпринимательства, не связанного, в том числе, с сельским хозяйством; содействия развитию туристской и обеспечивающей инфраструктуры (транспортной, энергетической, коммунальной, объектов инженерной защиты территории) на сельских территориях и продвижения их туристских ресурсов на внутреннем и международном туристских рынках и др.

Следует признать данные цели и задачи достаточно правильными, но в то же время сложными; их решение потребует научного обоснования совершенствования механизмов и инструментов развития сельских территорий.

В странах Европейского союза развитие сельских территорий осуществляется на национальном уровне в рамках Единой аграрной политики ЕС (Common Agricultural Policy – CAP), составной частью которой является политика в области развития сельских районов. Она финансируется за счет Европейского сельскохозяйственного гарантийного фонда (EAGF; объем финансирования на 2021–2027 гг. составляет 291,1 млрд евро) и Европейского сельскохозяйственного фонда развития сельских районов (EAFRD; на 2021–2027 гг. – 95,5 млрд евро.). Также создана Европейская сеть по развитию сельских районов (The European Network for Rural Development – ENRD) – структура, объединяющая все заинтересованные стороны и направленная на достижение улучшенных результатов развития сельских районов. Одной из ключевых технологий при реализации проектов в сфере сельского развития выступает проект «Лидер» (LEADER), который представляет собой локальный метод развития для привлечения местных субъектов к разработке и реализации стратегий, принятия решений и распределения ресурсов для развития их сельских районов [1–3].

Вопросы оценки потенциала, тенденций и перспектив развития сельских территорий рассматриваются многими зарубежными [4–9] и российскими [10–21] учеными. Так, в работе [4] подчеркивается, что условиями для устойчивого развития сельских территорий в современной экономике, основанной на знаниях, являются: 1) развитие новых видов экономической деятельности, способных удовлетворить потенциальный городской спрос; 2) местное предпринимательство, которое может создать и расширить новые виды деятельности; 3) социальный капитал, который может поддерживать предпринимательство в новых сферах деятельности с доступом к кредитам, рабочей силе, человеческому капиталу, внешним рынкам и внешним знаниям для обучения и инноваций.

Устойчивое развитие любых территориальных образований возможно только при эффективном использовании имеющихся ресурсов, источников развития. К важнейшим из них относятся природные и трудовые ресурсы, производственные мощности, инфраструктура, финансовые средства, составляющие потенциал территории [11]. Соответственно, для понимания перспектив развития территорий и определения приоритетов и инструментов государственной и местной социально-экономической политики важно объективно оценить имеющийся потенциал, то есть те ресурсы, которые обеспечат основу развития сельских территорий на долгосрочную перспективу, а также выявить проблемные стороны данного потенциала, сдерживающие устойчивое и поступательное развитие.

В широком смысле слово «потенциал» (от латин. *potentia* – сила, возможность) означает совокупность средств, условий, необходимых для ведения, поддержания, сохранения чего-либо [22].

Как считает А.Н. Сыров, экономический потенциал устойчивого развития территории определяется ее геополитическим положением, природными ресурсами, средствами производства, демографическими и трудовыми ресурсами, состоянием социально-культурной сферы и возможностями использования и привлечения финансового обеспечения. Основной задачей оценки экономического потенциала выступает выявление основных источников саморазвития [23].

Под ресурсным потенциалом социально-экономического развития муниципального образования, по мнению О.С. Русиновой [24], следует понимать совокупность факторов, составляющих базис функционирования и развития территориальной социально-экономической системы.

Под потенциалом муниципального образования А.Б. Грачев [25] подразумевает совокупность возможностей природного и социального характера, определяющих развитие или ограничивающих его, приводящих к стагнации муниципального образования. Таким образом, автор отмечает необходимость анализа не только источников развития, но и факторов, его сдерживающих.

Т.Г. Краснова и Е.А. Балабанова [26] предлагают определять социально-экономический потенциал муниципального образования как выявленные ресурсные возможности социально-экономического развития, которые должны максимально удовлетворять потребности местного сообщества и вывести муниципальное образование на совершенно новый уровень конкурентоспособности.

А.Б. Мартынушкин [27] выделяет множество составляющих экономического потенциала на уровне сельской территории. Наиболее значимые из них – потенциал управления, производственный, трудовой, инновационный, инвестиционный, финансовый, социальный, природно-климатический, географический, ландшафтный потенциалы.

Под производственным потенциалом авторы монографии [28] понимают систему экономических отношений, возникающую между хозяйствующими субъектами по поводу получения максимально возможного производственного результата при наиболее эффективном применении производственных ресурсов, при имеющемся уровне техники и технологий, передовых формах организации производства.

В данном исследовании социально-экономический потенциал сельских территорий понимается как совокупность ресурсов и факторов, позволяющих сельским территориям (территориям вне городских населенных пунктов) устойчиво развиваться, эффективно использовать имеющиеся ресурсы и возможности, что в конечном счете приводит к повышению уровня их социально-экономического развития и качества жизни сельского населения. При этом следует отметить, что большинство методик и инструментариев посвящено оценке социально-экономического потенциала (потенциала развития и т. д.) регионов (субъектов РФ) или муниципальных образований (как правило, районов и городских округов). Специфика и особенности потенциала именно сельских территорий не выявляются.

Таким образом, актуальность исследования вызвана несовершенством существующих научных подходов и механизма оценки потенциала сельских территорий. Соответственно, с научной точки зрения важно разработать методический подход к оценке потенциала сельских

территорий и на основе его апробации (применительно, например, к Вологодской области) определить приоритетные направления по обеспечению комплексного и устойчивого их развития. Это и выступает целью нашей статьи.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Результаты сравнительного анализа существующих в России методик и методических инструментариев для оценки потенциала сельских территорий (см., например, [29–35]) указывают на значительное их разнообразие как по сути, так и по содержанию. В целом можно выделить следующие подходы к оценке потенциала сельских территорий: стратегический (применяется при разработке стратегий развития регионов и муниципалитетов и реализуется в форме SWOT-анализа и других способов); ресурсный (оцениваются отдельные виды ресурсов, факторы развития территорий); маркетинговый (определяются конкурентные преимущества территорий) и стоимостной (с помощью различных методов проводится стоимостная оценка различных видов ресурсов территории, например лесных ресурсов, ресурсов животного мира и т. д.).

Основными методами оценки потенциала территорий (в том числе и сельских) являются следующие: оценка отдельных его составляющих (видов, например, природно-ресурсного потенциала, производственного потенциала с помощью анализа показателей, его характеризующих); экономико-математическое моделирование (оценивается степень влияния отдельных ресурсов и факторов на параметры развития территорий); методы экспертных оценок (эксперты с помощью балльной шкалы или иных приемов оценивают те или иные ресурсы, условия и факторы развития территорий); балльные оценки (значениям соответствующих показателей оценки потенциала присваивается соответствующий балл исходя из эталонных значений или сравнения с другими территориями); расчет интегрального показателя (с помощью различных способов рассчитывается интегральный показатель оценки социально-экономического потенциала).

Проведенный анализ свидетельствует о наличии большого количества методик, однако

пока в науке и практике не сложился единый подход к пониманию социально-экономического потенциала сельских территорий, что не позволяет проводить его количественную и качественную оценку, в том числе в динамике и для разных субъектов РФ. Также в ряде методик присутствуют проблемы с недоступностью статистической и иной информационной базы для расчета потенциала в динамике, с необходимостью различать оценку потенциала «сельских» муниципальных образований и оценку потенциала сельских территорий или сельских территорий муниципальных районов, городских округов, сложностью интерпретации получаемых результатов такой оценки и т. д. Это обуславливает необходимость создания собственной методики оценки потенциала, учитывающей специфику, функции, факторы развития сельских территорий, наличие ресурсов развития и ориентацию на проблемы русского села.

Комплексная оценка социально-экономического потенциала сельских территорий предполагает существование обоснованной и научно выверенной системы показателей; наличие статистической базы; обоснование целевых индикаторов как ориентиров развития или определение границ значений показателей, позволяющих выделить разные группы территорий по уровню потенциала.

При разработке методики оценки потенциала сельских территорий следует учитывать следующие моменты.

1. Росстат с 2014 года публикует статистический сборник «Сельские территории Российской Федерации», в котором представлена обобщенная информация по развитию сельских территорий каждого субъекта РФ по ряду показателей, сгруппированных в блоки (здравоохранение, спорт, туризм, торговля, услуги, связь, инвестиции, строительство жилья, жилищные условия).

2. По муниципальным районам и городским округам в разрезе сельских и городских территорий соответствующего района (округа) в официальной статистике публикуется информация, отражающая только некоторые демографические показатели и показатели развития инженерной (коммунальной) инфраструктуры.

3. Проводить оценку потенциала сельских территорий лишь по сельским поселениям не совсем корректно, так как в условиях сложившегося в субъектах РФ муниципально-территориального устройства сельская местность занимает также большую часть территории ряда городских и муниципальных округов, городских поселений. При этом статистика по сельским поселениям весьма ограничена как по составу показателей, так и по их своевременному и полному заполнению в соответствующих официальных статистических базах.

В связи с этим считаем возможным проводить оценку социально-экономического потенциала сельских территорий субъекта РФ на основе статистических данных по муниципальным районам, муниципальным округам и городским округам (доля сельского населения в таких городских округах должна составлять не менее 10% от общей численности жителей муниципалитета, а площадь территории — не менее трети от средней площади муниципальных районов, муниципальных и городских округов соответствующего субъекта РФ). В Вологодской области под данные критерии попадают все 26 муниципальных районов.

Методика оценки социально-экономического потенциала сельских территорий должна

удовлетворять следующим требованиям: 1) показатели, применяемые для оценки потенциала, должны отражать специфику именно сельских территорий (основой развития большинства сельских территорий являются агропромышленный и лесопромышленный комплексы, среди медицинских организаций преобладают фельдшерско-акушерские пункты и т. д.); 2) доступность исходных данных для проведения расчетов, возможность проводить аналогичные расчеты по любому субъекту РФ; 3) легкость расчетов и простота интерпретации полученных результатов, позволяющая применять методику для дальнейшего обоснования направлений развития потенциала и повышения эффективности его использования. Соответственно, далее будет описана собственная методика, которая удовлетворяет обозначенным требованиям, «обходит» имеющиеся ограничения в статистической базе.

Алгоритм предлагаемой методики балльной оценки социально-экономического потенциала сельских территорий состоит из нескольких этапов.

Этап 1. Определение перечня показателей, характеризующих различные виды социально-экономического потенциала сельских территорий (табл. 1).

Таблица 1. Показатели для оценки социально-экономического потенциала сельских территорий (муниципальных районов)

Вид потенциала	Показатели для оценки
Природно-ресурсный	1. Общий запас основных лесообразующих пород (+), тыс. куб. м на 1 кв. км территории муниципалитета 2. Запасы песчано-гравийных материалов и песков (+), тыс. куб. м на 1 кв. км территории 3. Запасы пресных вод (+), куб. м/сут. на 1 кв. км территории 4. Доля площади сельскохозяйственных угодий в общей площади территории района (+), %
Производственный	1. Доля использования расчетной лесосеки (+), % 2. Посевная площадь в хозяйствах всех категорий в расчете на 1000 кв. км территории (+), га 3. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий в расчете на 1000 жителей (+), голов 4. Число индивидуальных предпринимателей в расчете на 1000 жителей (+), ед. 5. Степень износа основных фондов на конец года (-), % 6. Коэффициент обновления основных фондов (+), %
Трудовой	1. Доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения (+), % 2. Уровень официально зарегистрированной безработицы (-), % 3. Коэффициент напряженности на рынке труда (-) (нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию), раз 4. Численность учащихся в общеобразовательных учреждениях на 1000 чел. населения (+), чел.
Финансовый	1. Объем инвестиций в основной капитал в расчете на 1 жителя (+), тыс. руб. 2. Доля собственных доходов (налоговых и неналоговых) в общем объеме доходов бюджета муниципального района (+), % 3. Удельный вес прибыльных организаций (+), %

Окончание таблицы 1

Вид потенциала	Показатели для оценки
Социально-демографический	1. Плотность населения (+), чел./кв. км 2. Коэффициент естественного прироста (убыли) населения (+), ‰ 3. Коэффициент миграционного прироста (убыли) населения (+), ‰ 4. Среднемесячный размер заработной платы (+), руб. 5. Среднемесячный размер пенсии (+), руб. 6. Заболеваемость населения (-), случаев на 100 000 чел. населения
Социально-инфраструктурный	1. Общая площадь жилых помещений в расчете на 1 жителя (+), кв. м 2. Ввод жилья на 1 человека в год (+), м ² 3. Суммарная мощность источников теплоснабжения (+), Гкал/ч / 1000 чел. населения 4. Протяженность тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении по муниципальным районам и городским округам (+), км на 1 кв. км территории 5. Одиночное протяжение уличной водопроводной сети по муниципальным районам и городским округам (+), км на 1 кв. км территории 6. Благоустройство жилищного фонда водопроводом (+), % 7. Благоустройство жилищного фонда канализацией (+), % 8. Благоустройство жилищного фонда центральным отоплением (+), % 9. Заполняемость местами в детских садах (-), число детей на 100 мест в детских садах 10. Обеспеченность врачами на 10000 чел. населения (+), чел. 11. Число фельдшерско-акушерских пунктов в расчете на 10000 чел. населения (+), ед. 12. Число мест в учреждениях культурно-досугового типа в расчете на 1000 жителей (+), ед.
Примечание: «+» – прямой показатель, «-» – обратный показатель. Источник: составлено автором.	

Этап 2. Значению каждого из 34 показателей оценки социально-экономического потенциала присваивается балльная оценка (Iп) в соответствии со следующими границами интервала показателей (табл. 2).

Этап 3. Путем сложения балльных оценок каждого показателя, входящего в блок (Iп), определяется сумма баллов по каждому блоку показателей (суммIп). Балльная оценка каждого из шести блоков показателей (Iб) выявляется исходя из следующих границ суммIп (табл. 3).

Этап 4. Путем суммирования балльных оценок каждого блока (Iб) определяется суммарная балльная оценка социально-экономического потенциала (Iобщ). На основе значения балльной оценки определяется группа соответствующего муниципалитета по уровню потенциала (табл. 4).

Этап 5. Оценивается, по каким параметрам (показателям) произошло улучшение/ухудшение позиций муниципалитета в течение анализируемого периода исследования (в нашем исследовании это соответственно 2018 год по

Таблица 2. Границы интервалов для определения балльной оценки показателей социально-экономического потенциала сельских территорий (Iп)

Балльная оценка значения показателя (Iп)	Границы группы для прямых показателей	Границы группы для обратных показателей
5	$x_i \geq x_{cp} + (3/4) \cdot \sigma$	$x_i < x_{cp} - (3/4) \cdot \sigma$
4	$x_{cp} + (1/4) \cdot \sigma \leq x_i < x_{cp} + (3/4) \cdot \sigma$	$x_{cp} - (3/4) \cdot \sigma \leq x_i < x_{cp} - (1/4) \cdot \sigma$
3	$x_{cp} - (1/4) \cdot \sigma \leq x_i < x_{cp} + (1/4) \cdot \sigma$	$x_{cp} - (1/4) \cdot \sigma \leq x_i < x_{cp} + (1/4) \cdot \sigma$
2	$x_{cp} - (3/4) \cdot \sigma \leq x_i < x_{cp} - (1/4) \cdot \sigma$	$x_{cp} + (1/4) \cdot \sigma \leq x_i < x_{cp} + (3/4) \cdot \sigma$
1	$x_i < x_{cp} - (3/4) \cdot \sigma$	$x_i \geq x_{cp} + (3/4) \cdot \sigma$
<p>x_i – значение показателя i-го муниципального района (городского округа) субъекта РФ; x_{cp} – среднее значение соответствующего показателя по всем анализируемым муниципальным образованиям; σ – среднеквадратическое отклонение по соответствующему показателю. Источник: составлено автором.</p>		

Таблица 3. Границы интервалов для определения балльной оценки отдельных видов социально-экономического потенциала сельских территорий (I6)

Природно-ресурсный потенциал			
Балльная оценка блока показателей (I6)	3	2	1
Значение суммы баллов показателей данного блока (суммбIп)	[14,66; 20]	[9,33; 14,66]	[4; 9,33]
Производственный потенциал			
Балльная оценка блока показателей (I6)	3	2	1
Значение суммы баллов показателей данного блока (суммбIп)	[22; 30]	[14; 22]	[6; 14]
Трудовой потенциал			
Балльная оценка блока показателей (I6)	3	2	1
Значение суммы баллов показателей данного блока (суммбIп)	[14,66; 20]	[9,33; 14,66]	[4; 9,33]
Финансовый потенциал			
Балльная оценка блока показателей (I6)	3	2	1
Значение суммы баллов показателей данного блока (суммбIп)	[11; 15]	[7; 11]	[3; 7]
Социально-демографический потенциал			
Балльная оценка блока показателей (I6)	3	2	1
Значение суммы баллов показателей данного блока (суммбIп)	[22; 30]	[14; 22]	[6; 14]
Социально-инфраструктурный потенциал			
Балльная оценка блока показателей (I6)	3	2	1
Значение суммы баллов показателей данного блока (суммбIп)	[44; 60]	[28; 44]	[12; 28]
Источник: составлено автором.			

Таблица 4. Границы интервалов для определения балльной оценки социально-экономического потенциала сельских территорий

Уровень потенциала	Значение Iобщ
Высокий	[14; 18]
Средний	[10; 14]
Низкий	[6; 10]
Источник: составлено автором.	

сравнению с 2005 годом¹). Для обеспечения временной сопоставимости таких оценок границы интервалов для проведения балльной оценки значений каждого из 34 показателей Iп для всех лет берутся по итогам первого анализируемого года; кроме того, значения всех стоимостных показателей приводятся к сопоставимому виду.

Далее осуществляется интерпретация полученных результатов, определяются проблемные сферы (где произошло снижение потенциала), обосновываются направления решения выявленных проблем и повышения эффективности использования потенциала для каждой выделенной по уровню потенциала группы.

¹ Выбор указанного периода исследования (2005–2018 гг.) обусловлен наличием только за данные годы полной, достоверной и сопоставимой информации для проведения комплексной оценки потенциала сельских территорий Вологодской области (как в данной статье), так и по другим субъектам РФ.

Оригинальность нашего подхода заключается в комплексной оценке (охватывающей как экономические, так и социальные и инфраструктурные аспекты) потенциала сельских территорий соответствующих муниципальных районов, городских округов. Данная методика может применяться для определения приоритетов (исходя из выявленной оценки отдельных составляющих потенциала) государственной поддержки сельских территорий (или производственная сфера, или сфера человеческого потенциала, или инфраструктура), а также обоснования рекомендаций органам власти по повышению эффективности использования имеющегося потенциала и его развитию.

Результаты исследования

Вначале проанализируем и выявим ключевые тенденции и проблемы развития сельских территорий России (более подробно — на материалах субъектов РФ, относящихся к Европейскому Северу России: Архангельская,

Вологодская, Мурманская области, республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ).

Главной проблемой развития большинства сельских территорий РФ является неблагоприятная демографическая ситуация: значительное сокращение численности населения, обусловленное как естественной убылью, так и высоким миграционным оттоком. Все это приводит к «вымиранию» целых населенных пунктов, потере управляемости территориями. На Европейском Севере России в среднем за 27 лет (1991–2018 гг.) численность сельского населения уменьшилась на 34% (в Мурманской и Архангельской областях, Республике Коми и Ненецком АО – на 36–40%; в Вологодской области – на 30%, в Республике Карелии – на 16%; табл. 5). Незначительное сокращение за указанный период сельского населения в целом по России (на 4%) обусловлено вхождением в ее состав в 2014 году Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Что касается экономической основы развития сельских территорий, то по итогам 2018 года физический объем сельхозпроизводства

в целом по стране превысил уровень 1991 года на 2,3% (табл. 6), но во всех регионах ЕСР наблюдалось сокращение значений данного показателя: от 44% в Республике Коми до 87% в Мурманской области.

Значимая проблема развития большинства сельских территорий России заключается в крайне низком уровне благоустройства населенных пунктов основными коммунальными благами. Он выступает одним из факторов низкой привлекательности территорий для проживания. Так, в 2018 году лишь 34% сельского жилищного фонда страны было обустроено всеми видами благоустройства (табл. 7). Достаточно высокое значение данного показателя (80%) отмечалось в 2018 году в Мурманской области; самые низкие значения – в Республике Карелии и Ненецком автономном округе (менее 5%).

В сельской местности остро стоит проблема с обеспечением качественной питьевой водой. Так, почти 10% сельского населения страны потребляют недоброкачественную воду (табл. 8). Наиболее негативная ситуация сложилась в Ненецком АО и Вологодской области,

Таблица 5. Среднегодовая численность постоянного населения, тыс. чел.

Субъект РФ	1991 г.		2018 г.		2018 г. к 1991 г., %	
	Все население	Сельское население	Все население	Сельское население	Все население	Сельское население
Российская Федерация	148394,2	39012,8	146830,6	37440,4	98,9	96,0
Европейский Север России	6116,4	1412,1	4528,4	934,6	74,0	66,2
Республика Карелия	790,5	142,9	620,3	120,6	78,5	84,4
Республика Коми	1231,0	296,9	835,6	182,4	67,9	61,4
Ненецкий автономный округ	51,0	18,5	43,9	11,8	86,2	63,8
Архангельская область (без АО)	1510,8	394,6	1105,7	239,2	73,2	60,6
Вологодская область	1353,5	461,1	1172,2	322,6	86,6	70,0
Мурманская область	1179,6	98,1	750,8	57,9	63,7	59,1

Рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/>

Таблица 6. Индекс физического объема производства сельскохозяйственной продукции, % к 1991 году

Территория	1991 г.	2000 г.	2010 г.	2018 г.
Российская Федерация	100	63,6	73,7	102,3
Республика Карелия	100	48,8	38,9	27,8
Республика Коми	100	65,1	54,6	56,0
Архангельская область	100	56,8	32,7	25,5
Ненецкий автономный округ	100	43,4	40,7	49,7
Вологодская область	100	74,7	51,0	49,9
Мурманская область	100	40,1	34,0	13,4

Рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/>

Таблица 7. Доля площади жилищного фонда в сельских населенных пунктах, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда субъекта Российской Федерации, %

Территория	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2013 г. (+/-), п. п.
Российская Федерация	26,0	28,3	30,8	31,5	32,6	34,2	+8,2
Республика Карелия	10,1	3,3	4,1	4,2	4,7	4,7	-5,4
Республика Коми	6,3	6,2	6,1	6,3	6,1	5,9	-0,4
Ненецкий автономный округ	3,0	2,9	3,0	2,9	3,7	3,7	+0,7
Архангельская область (без АО)	6,6	6,5	6,6	6,6	6,4	6,6	0,0
Вологодская область	11,8	12,4	12,8	13,2	13,3	13,4	+1,6
Мурманская область	82,4	79,9	80,1	82,9	82,1	79,8	-2,6

Рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru>

Таблица 8. Доля населения, обеспеченного некачественной питьевой водой или проживающего в населенных пунктах, где она не исследовалась, %

Территория	Недоброкачественная вода				Вода не исследовалась	
	2010 г.		2018 г.		2018 г.	
	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность
Российская Федерация	7,2	15,4	3,2	9,6	0,7	12,7
Республика Карелия	13,8	33,8	13,8	9,6	1,0	29,6
Республика Коми	0,1	3,6	0,1	0,8	0,8	13,9
Архангельская область	44,5	19,9	14,3	17,5	0,6	36,5
Ненецкий автономный округ	0,0	10,0	20,1	40,4	0,0	2,0
Вологодская область	62,6	61,6	47,3	45,0	0,3	27,2
Мурманская область	0,0	2,9	0,0	2,5	0,0	0,0

Рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru>

в которых в 2018 году значение данного показателя составило 40 и 45% соответственно. Вызывает опасение тот факт, что в некоторых регионах ЕСР почти до трети питьевой воды в сельской местности не исследовалось.

По итогам 2018 года располагаемые ресурсы домашних хозяйств в сельской местности составили в среднем по стране лишь 65% от уровня в городских населенных пунктах (табл. 9).

Во всех регионах ЕСР значение данного показателя было выше среднероссийского: наибольшее в 2018 году отмечалось в Архангельской и Мурманской областях (91–93%), наименьшее – в Республике Коми (77%).

Далее более подробно рассмотрим специфику социально-экономического состояния сельских территорий в Вологодской области (табл. 10).

Таблица 9. Соотношение располагаемых ресурсов домашних хозяйств в сельской и городской местности, %

Территория	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2014 г. (+/-), п. п.
Российская Федерация	62,3	65,3	63,5	67,3	64,9	+2,6
Республика Карелия	69,5	76,7	92,0	92,5	87,3	+17,8
Республика Коми	83,1	88,3	88,0	76,3	76,9	-6,2
Ненецкий автономный округ	89,9	81,9	82,3	88,5	90,3	+0,4
Архангельская область (без АО)	81,8	74,8	94,4	83,9	92,8	+11,0
Вологодская область	66,6	67,2	86,3	84,0	80,4	+13,8
Мурманская область	106,3	92,4	84,7	90,2	91,1	-15,2

Рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru>

Таблица 10. Отдельные показатели социально-экономического развития сельских территорий России и Вологодской области в 2014–2018 гг.

Наименование показателя	Россия			Вологодская область		
	2014 г.	2018 г.	2018 г. к 2014 г., %	2014 г.	2018 г.	2018 г. к 2014 г., %
Инвестиции в основной капитал за счет средств бюджета муниципального образования, млн руб.	27778,4	16918,8	11,6*	394,5	365,9	35,5*
Ввод в действие жилых домов в расчете на 1 сельского жителя, кв. м	0,47	0,38	80,8	0,30	0,22	72,6
Одинокое протяжение уличной газовой сети, км	312462,6	328646,9	105,2	853,4	1116,1	130,8
Доля источников теплоснабжения мощностью до 3 Гкал/ч, %	78,1	76,1	-2,0	85,2	84,1	-1,1
Доля тепловых и паровых сетей, которые были заменены и отремонтированы, % от нуждающихся в замене	9,8	7,6	-2,3	7,4	3,9	-3,5
Доля уличной водопроводной сети, которая заменена и отремонтирована, % от нуждающихся в замене	4,1	3,2	-0,9	6,6	2,9	-3,7
Доля уличной канализационной сети, которая заменена и отремонтирована, % от нуждающихся в замене	1,9	1,5	-0,4	12,1	6,7	-5,4
Число объектов бытового обслуживания населения, тыс. ед.	42,63	42,68	100,1	0,38	0,42	109,4
Число магазинов, тыс. ед.	199,39	186,98	93,8	2,56	2,29	89,2
Число мест в коллективных средствах размещения, тыс. ед.	397,85	561,66	141,2	3,45	5,85	169,8
Число спортивных сооружений, тыс. ед.	98,12	95,79	97,6	0,84	0,86	102,6
Численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах, тыс. чел.	545,68	573,63	105,1	2,77	1,67	60,1
Число лечебно-профилактических организаций, тыс. ед.	37,79	38,08	100,8	0,60	0,57	95,0

* Доля инвестиций в развитие сельских территорий в общем объеме инвестиций за счет средств местных бюджетов, %.
 Источник: Статистическая информация о социально-экономическом развитии сельских территорий Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sel-terr/sel-terr.html

Можно отметить следующие тенденции развития сельских территорий Вологодской области и страны в целом за прошедшие пять лет:

— сокращается объем ввода в действие жилья (на 27 и 19% соответственно);

— темпы замены тепловых и паровых сетей, сетей водоснабжения и канализации остаются достаточно низкими (менее 10%), что не позволяет своевременно модернизировать сети и создавать комфортные условия для жизни на селе; при этом большинство (более 76%) источников теплоснабжения являются маломощными;

— растет число объектов бытового обслуживания населения (на 9% в Вологодской области), мест в коллективных средствах разме-

щения (на 70%), но сокращается количество магазинов (на 11%), лечебно-профилактических организаций (на 5%), число детей, занимающихся в спортивных школах (на 40%).

В таблице 11 представлена динамика значенных показателей демографического развития в сельских территориях Вологодской области за 2000–2018 гг., на основе которой можно сделать следующие выводы: численность сельского населения в целом по районам области сократилась на 20% (в 11 из 26 сокращение составило более трети); существенно выше коэффициент естественной убыли населения (в 2018 году -9,5 промилле против -3,9 в среднем по области) и миграционной убыли (-6,2 промилле против -3,8 соответственно).

Таблица 11. Основные показатели демографического развития муниципальных районов и сельских территорий Вологодской области в 2000–2018 гг.

Муниципальный район, городской округ	Численность сельского населения, тыс. чел.			Доля сельского населения, %	Коэффициент естественного прироста населения, промилле			Коэффициент миграционного прироста населения, промилле			Плотность сельского населения, чел./кв. км
	2000 г.	2018 г.	2018 г. к 2000 г., %		2018 г.	2000 г.	2018 г.	2018 г.*	2000 г.	2018 г.	
Бабаевский	12,9	7,8	61,0	40,9	-15,0	-8,9	-16,3	1,3	-8,1	-16,6	0,8
Бабушкинский	15,5	11,5	73,8	100,0	-9,7	-10,0	-10,1	-7,4	-6,1	-6,1	1,5
Белозерский	11,0	5,8	53,3	40,3	-10,6	-11,5	-15,2	-1,6	-7,5	-11,8	1,1
Вашкинский	10,3	6,6	64,0	100,0	-10,3	-13,3	-13,3	1,2	-10,0	-10,0	2,3
Великоустюгский	22,6	15,6	68,9	29,0	-8,7	-6,8	-12,0	1,9	-3,6	-1,4	2,0
Верховажский	16,6	12,7	76,9	100,0	-9,4	-6,4	-6,4	5,4	-5,5	-5,5	3,0
Вожегодский	12,5	8,4	67,1	57,9	-12,7	-10,5	-11,9	8,1	-5,0	-6,3	1,5
Вологодский	51,1	52,2	102,1	100,0	-5,8	-4,5	-4,6	-2,0	-3,7	-3,7	11,5
Вытегорский	21,0	13,7	65,0	57,1	-10,4	-11,6	-15,2	2,7	-7,2	-13,8	1,0
Грязовецкий	19,0	11,9	62,9	37,1	-6,8	-7,7	-9,3	-2,9	-0,6	-6,7	2,4
Кадуйский	4,5	3,2	71,8	19,5	-10,9	-7,0	-14,0	-4,4	-5,5	-12,8	1,0
Кирилловский	10,7	7,2	67,1	49,0	-11,5	-12,3	-18,3	1,3	-5,8	-20,3	1,3
Кичменгско-Городецкий	22,8	15,4	67,3	100,0	-12,5	-7,6	-7,6	-0,5	-18,4	-18,4	2,2
Междуреченский	7,9	5,3	67,6	100,0	-9,8	-7,8	-7,8	5,8	-8,9	-8,9	1,5
Никольский	18,6	11,6	62,6	59,3	-10,0	-6,6	-10,5	-1,1	-8,0	-11,4	1,6
Нюксенский	11,9	8,4	70,0	100,0	-5,0	-10,1	-10,0	0,1	-11,8	-11,8	1,6
Сокольский	10,0	7,0	69,4	14,5	-11,1	-6,0	-12,8	-5,5	-2,9	-8,7	1,7
Сямженский	10,6	8,0	75,3	100,0	-9,8	-7,7	-7,7	9,3	-8,8	-8,8	2,0
Тарногский	15,6	11,2	71,9	100,0	-8,8	-8,8	-8,8	-1,4	-5,4	-5,4	2,2
Тотемский	16,2	12,5	77,5	56,3	-5,0	-5,7	-7,1	4,8	-1,7	0,6	1,5
Усть-Кубинский	5,4	7,5	140,2	100,0	-14,3	-12,1	-12,1	8,8	-13,9	-14,0	3,1
Устюженский	11,6	8,1	69,4	48,7	-13,6	-9,1	-8,8	1,3	-6,1	-8,6	2,2
Харовский	9,5	4,8	50,9	35,2	-14,3	-15,6	-14,9	1,5	-13,8	-27,3	1,4
Чагодощенский	4,8	3,1	64,0	26,2	-17,2	-11,2	-16,0	8,1	-12,9	-14,4	1,3
Череповецкий	37,5	38,6	102,9	100,0	-10,5	-8,2	-8,2	5,9	-0,6	-0,7	5,0
Шекснинский	13,0	14,7	112,9	44,0	-9,1	-2,6	-6,6	1,9	3,7	18,2	5,8
г. Вологда	0,0	7,2	-	2,3	-4,3	0,9	-18,3	-0,5	-3,2	0,1	-
г. Череповец	0,0	0,0	-	0,0	-4,1	-2,1	-	3,5	-2,4	-	-
Итого по районам	403,2	312,8	77,6	58,8	-10,1	-7,8	-	0,8	-5,0	-	2,2
Итого по области	403,2	320,0	79,4	27,4	-7,2	-3,9	-9,5	1,2	-3,8	-6,2	2,3

* По сельским населенным пунктам.

Примечание. Значительный рост численности сельского населения в Усть-Кубинском, Шекснинском и Череповецком районах обусловлен главным образом тем, что некоторые городские населенные пункты в них в этот период получили статус сельских населенных пунктов, а соответственно, статистически выросла и численность сельского населения данных районов.

Источник: Муниципальные районы и городской округа Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2000–2018: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2019. 271 с.

Далее рассмотрим результаты апробации предложенного методического инструментария за 2005–2018 гг. (табл. 12). Выбор данного периода исследования обосновывается тем, что, во-первых, 2005 год предшествовал вступлению в силу в ряде субъектов РФ (в том числе и Вологодской области) с 1 января 2006 года нового федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления

в Российской Федерации» (по всей стране – с 1 января 2009 года), во-вторых, именно с 2005 года можно собрать всю статистическую информацию для полной, достоверной и сопоставимой оценки потенциала сельских территорий.

Представленные в таблице 12 данные свидетельствуют о том, что в 2018 году лишь пять районов области обладали высоким потенциалом развития сельских территорий. Они рас-

Таблица 12. Результаты оценки социально-экономического потенциала сельских территорий Вологодской области за 2005–2018 гг.

Муниципальный район	2005 г.		2010 г.		2015 г.		2018 г.	
	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень
Вологодский	13	с	14	в	15	в	16	в
Кадуйский	12	с	15	в	15	в	15	в
Шекснинский	16	в	17	в	15	в	15	в
Грязовецкий	16	в	14	в	13	с	14	в
Череповецкий	14	в	12	с	12	с	14	в
Вожегодский	9	н	7	н	10	с	13	с
Сокольский	14	в	14	в	13	с	13	с
Тотемский	13	с	13	с	13	с	13	с
Бабушкинский	10	с	10	с	10	с	12	с
Великоустюгский	13	с	12	с	13	с	12	с
Верховажский	10	с	11	с	12	с	12	с
Харовский	9	н	10	с	10	с	12	с
Бабаевский	11	с	11	с	12	с	11	с
Кирилловский	11	с	10	с	10	с	10	с
Кичменгско-Городецкий	9	н	11	с	10	с	10	с
Междуреченский	10	с	8	н	8	н	10	с
Никольский	11	с	11	с	10	с	10	с
Устюженский	11	с	11	с	12	с	10	с
Чагодощенский	13	с	11	с	11	с	10	с
Вытегорский	9	н	11	с	9	н	9	н
Нюксенский	14	в	10	с	12	с	9	н
Сямженский	11	с	10	с	10	с	9	н
Тарногский	12	с	13	с	12	с	9	н
Усть-Кубинский	11	с	12	с	10	с	9	н
Белозерский	11	с	9	н	10	с	8	н
Вашкинский	8	н	9	н	8	н	8	н

Примечание: в – высокий уровень потенциала, с – средний, н – низкий.

Полужирным шрифтом выделены районы, которые в 2018 году по сравнению с 2005 годом переместились в группу с более высоким уровнем потенциала, курсивом – в группу с более низким уровнем потенциала.

Источники: Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2000–2018: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2019. 271 с. (и аналогичные сборники за предыдущие годы); Ресурсы Вологодской области. 2000–2018: стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2019. 141 с. (и аналогичные сборники за предыдущие годы); Комплексный территориальный кадастр природных ресурсов Вологодской области. Вып. 24 (по состоянию на 01.01.2019 г.) // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/dokumenty/2528795/?sphrase_id=968304 (и аналогичные кадастры за предыдущие годы); Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2018 год / Департамент здравоохранения Вологодской области; Медицинский информационно-аналитический центр. URL: https://miac.volmed.org.ru/files/medstat/sbornik_za_2018_g..rar (и аналогичные сборники за предыдущие годы).

полагаются вокруг крупных городов (Вологда и Череповец). Наибольшее количество (14 из 26) районов области характеризуются средним потенциалом. За период 2005–2018 гг. пяти районам удалось улучшить свое положение, в шести районах ухудшились оценки потенциала.

Также важно определить, по каким отдельным составляющим (показателям) оценки потенциала наблюдалось наиболее заметное ухудшение ситуации (район перешел в группу с

более низким уровнем значений того или иного исходного статистического показателя оценки потенциала). Результаты таких оценок в сопоставимом виде представлены в *таблице 13*.

Следовательно, ключевыми проблемами, которые ведут к снижению потенциала развития сельских территорий Вологодской области, являются значительный миграционный отток сельского населения, преимущественно в трудоспособном возрасте; уменьшение поголовья

Таблица 13. Динамика изменения балльных оценок отдельных показателей оценки социально-экономического потенциала сельских территорий Вологодской области (2018 г. по сравнению с 2005 г. в сопоставимой оценке)

Муниципальный район	Вод	КРС	ИФ	Коб	ТР	КМП	Заб	МИТ	ЧДМ	ЧМК
Бабаевский	-1	-1	-4	1	-1	-2	0	0	-4	-2
Бабушкинский	0	-1	-2	-3	-1	0	-1	-1	-1	-3
Белозерский	0	0	1	2	-1	-2	-2	0	-3	-2
Вашкинский	0	-2	0	3	-1	-2	1	0	0	-3
Великоустюгский	-2	0	-2	1	-4	-2	0	0	0	0
Верховажский	0	-1	-2	0	-2	-1	-1	0	-2	-1
Вожегодский	-1	-1	-4	2	0	-4	2	0	-3	-1
Вологодский	-1	0	-2	-1	-4	-4	0	-1	-2	-2
Вытегорский	3	0	0	1	-2	-1	-3	0	0	0
Грязовецкий	-2	0	-2	-1	-3	2	-2	0	-2	-1
Кадуйский	0	0	3	2	-2	-4	-2	0	-1	-3
Кирилловский	0	0	-1	0	-1	-4	0	1	-1	-4
Кичменгско-Городецкий	0	0	0	-2	0	-1	1	0	0	-2
Междуреченский	0	-1	-3	0	0	-1	1	1	1	0
Никольский	0	0	-3	-1	0	-2	-3	0	-1	0
Нюксенский	0	-1	-4	-3	-1	-4	-2	-4	-1	-2
Сокольский	-2	0	-2	1	-3	0	0	-1	-1	0
Сямженский	0	-1	0	-1	-2	-3	-2	-3	-3	-3
Тарногский	-1	0	0	-1	-1	0	-3	0	-2	0
Тотемский	-1	0	-3	-2	-3	-2	-2	-2	0	-2
Усть-Кубинский	-1	-3	-3	-2	0	-3	0	0	1	-2
Устюженский	-1	0	-2	-1	-1	-2	-1	0	-1	-3
Харовский	-1	-1	-1	-1	0	0	0	-2	0	-2
Чагодощенский	-2	1	-4	-4	0	-3	-2	-1	0	0
Череповецкий	-1	-1	-2	-3	0	-2	0	0	-3	-1
Шекснинский	-1	0	-1	-1	-4	1	-1	0	-4	-2

Примечание: максимальная балльная оценка каждого показателя равняется 5, минимальная – 1. Соответственно, «-4» означает, что район переместился за анализируемый период, например, из группы с высоким уровнем развития (балльная оценка 5) в группу с низким уровнем (балльная оценка 1).

Вод – Запасы пресных вод, тыс. куб. м / сут.; КРС – Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий в расчете на 1000 жителей; ИФ – Степень износа основных фондов на конец года, %; Коб – Коэффициент обновления фондов, %; ТР – Доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, %; Кмп – Коэффициент миграционного прироста (убыли) населения, ‰; Заб – Заболеваемость населения на 1000 чел. населения, случаев; МИТ – Суммарная мощность источников теплоснабжения, Гкал/ч; ЧДМ – Численность детей на 100 мест; ЧМК – Число мест в учреждениях культурно-досугового типа в расчете на 1000 жителей.

Источник: составлено автором.

КРС; недостаточные темпы обновления основных фондов; снижение мощностей источников теплоснабжения; сокращение уровня обеспеченности местами в детских садах и учреждениях культурно-досугового типа, в том числе в связи с проводившейся оптимизацией учреждений данной сферы (ликвидация, объединение, реорганизация).

Использование результатов исследования и его дальнейшие перспективы

Исходя из результатов анализа основных тенденций и выявленных проблем, оценки потенциала сельских территорий определены ключевые направления их развития, которые обеспечат недопущение дальнейшей деградации и повышение эффективности использования потенциала сельских территорий, а также создание условий для устойчивого развития.

1. Обеспечить реализацию мероприятий и достижение целей государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» в полной мере. Постановлением Правительства РФ от 31.03.2020 г. № 391 предусмотрены изменения ее целевых показателей в сторону их уменьшения, а также сокращение общего объема финансового обеспечения программы на весь период ее реализации в 1,53 раза (с 2288 до 1491 млрд руб.). Соответственно, с учетом развития финансово-экономической ситуации в стране в 2020–2021 гг. целесообразно вернуться к вопросу об увеличении финансового обеспечения хотя бы до уровня, запланированного в первоначальном варианте программы.

Кроме того, возможно расширить объем мероприятий госпрограммы в части решения задач по диверсификации экономики села и создания новых рабочих мест, снижения значительного миграционного оттока из сельских территорий, более масштабного развития централизованного водоснабжения и канализации в сельской местности, привлечения и закрепления квалифицированных кадров на селе и др.

2. Относительно диверсификации экономики и занятости сельского населения необходимо обеспечить равнодоступность сельскохозяйственных производителей к средствам государственной поддержки; оказать меры государственной поддержки развитию малого и среднего предпринимательства на сельских

территориях, включая сельский туризм (экологический, событийный, этнографический, гастрономический и т. д.), который имеет значительный потенциал в ближайшие годы с учетом возможного сохранения ограничений по перемещению между странами.

В процессе развития туризма и стимулирования жителей городов к переселению в сельскую местность целесообразно использовать маркетинговый подход, в том числе формирование локальных брендов (например, гастрономических), введение в отделы экономики муниципальных районов штатной единицы специалиста по развитию сферы туризма и рекреации.

3. Создать условия для привлечения внебюджетных источников финансирования инвестиций в социально-инженерную инфраструктуру села, включая внедрение практики реализации проектов на основе государственно-частного и муниципально-частного партнерства.

4. Обеспечить развитие различных форм сельскохозяйственной кооперации, например, с помощью грантовой поддержки, направляемой на развитие материально-технической базы сельскохозяйственных потребительских кооперативов; софинансирования из федерального бюджета развития в регионах кооперативной инфраструктуры (региональных фондов финансовой поддержки кооперативов, центров компетенции и повышения квалификации кооперативных кадров, кооперативной товаропроводящей сети).

5. Создать в каждом субъекте РФ профессиональные команды экспертов, специалистов, активистов, заинтересованных в развитии сельских территорий (по примеру успешно реализуемого с марта 2019 года проекта Общероссийского народного фронта «Село. Территория развития»).

6. Активно поддерживать и развивать различные формы сотрудничества между муниципальными образованиями (реализация совместных проектов, мероприятий, учреждение межмуниципальных организаций и т. д.).

7. Поддерживать различные формы участия населения в управлении развитием муниципалитета (территориальное общественное самоуправление, инициативное бюджетирование, самообложение граждан, сельские старосты и т. д.).

В целом сельские территории России, на наш взгляд, могут успешно развиваться только при комплексном и системном подходе к их развитию со стороны органов власти всех уровней, обеспечении эффективного взаимодействия между органами власти, бизнесом, населением, научным сообществом, внедрении современных инновационных технологий в агропромышленный комплекс и управление муниципальными образованиями.

Решение вышеобозначенных комплексных и системных задач по развитию сельских территорий возможно, по нашему мнению, только при условии детальной проработки научно-методологического обеспечения следующих вопросов:

1. Обоснование критериев и разработка типологии сельских территорий субъекта РФ для целей реализации региональной и местной социально-экономической политики.

2. Разработка экономико-математических моделей, которые будут отражать зависимость между показателями, характеризующими уровень развития производства, состояние инфраструктуры, социальной сферы и демографии.

3. Систематизация факторов формирования потенциала и развития сельских территорий России, обоснование научно-методического подхода к оценке направленности и силы влияния данных факторов.

4. Разработка методики для определения размещения «центров расселения», алгоритма определения потребности и достаточности объектов инженерной, коммунальной и социальной инфраструктуры с учетом текущего и перспективного уровня экономического развития сельских территорий субъекта РФ; обоснование подхода к определению потребности в трудовых ресурсах, строительстве социальных и производственных объектов в сельских территориях субъекта РФ.

5. Разработка алгоритма формирования оптимального муниципально-территориального устройства в регионе в целях создания сети самодостаточных, саморазвивающихся городских и сельских поселений. На наш взгляд, в настоящее время важно определить опти-

мальную минимальную численность жителей сельского поселения, оценить реальную эффективность (неэффективность) фактической ликвидации поселенческого уровня в Московской, Калининградской областях и ряде других субъектов РФ путем преобразования муниципальных районов в городские округа (а с 2019 года еще и в муниципальные округа), обосновать подход к обеспечению территориальной доступности органов местного самоуправления для жителей муниципалитетов и реальной роли населения в решении вопросов и проблем местного значения.

6. Разработка организационно-экономического механизма, обеспечивающего создание условий для комплексного и устойчивого развития сельских территорий региона и предполагающего создание благоприятных экономических, институциональных, организационных, финансовых условий.

7. Обоснование направлений и разработка рекомендаций органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления по эффективному использованию социально-экономического потенциала сельских территорий и развитию отраслей, являющихся основой их экономической специализации, с учетом стратегических и программных документов федерального и регионального уровней; рекомендаций органам власти по внедрению концепции территориального маркетинга в управление развитием сельских территорий. Эти задачи будут решаться в рамках наших дальнейших научных исследований.

В заключение отметим, что вклад исследования, результаты которого представлены в статье, в развитие теоретической науки заключается в обосновании подхода и методического инструментария оценки социально-экономического потенциала сельских территорий; вклад в развитие прикладной науки – в выявлении тенденций, проблем развития сельских территорий Европейского Севера России и Вологодской области и определении на основе этого способов совершенствования управления их развитием и основных задач для дальнейших научных исследований по данной тематике.

Литература

1. *Leitfaden für lokale Akteure zur CLLD. Europäische Struktur- und Investitionsfonds Leitfaden für Mitgliedstaaten und Programmbehörden Leitfaden für Begünstigte.* Europäische Union, Mai 2014. 122 p. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/informat/2014/guidance_clld_local_actors_de.pdf
2. *Cork 2.0 Declaration. A Better Life in Rural Areas.* European Union. 2016. 12 p. DOI: 10.2762/370418. Available at: https://enrd.ec.europa.eu/sites/enrd/files/cork-declaration_en.pdf
3. *Leader Local Development Strategies (LDS). Guidance on design and implementation.* European Union, June 2016. 31 p. Available at: https://enrd.ec.europa.eu/sites/enrd/files/enrd-guidance_lds.pdf
4. Li Y., Westlund H., Liu Y. Why some rural areas decline while some others not: An overview of rural evolution in the world. *Journal of Rural Studies*, 2018, vol. 68, pp. 135–143.
5. Konečný O. The Leader Approach Across The European Union: One Method of Rural Development, Many Forms of Implementation. *European Countryside*, 2019, vol. 11, iss. 1, pp. 1–16.
6. Stoyanets N., Hu Z.T., Chen J.M. The evolution and experience of china's rural governance reform. *Agricultural and Resource Economics-International Scientific E-journal*, vol. 5, no. 2, pp. 40–50.
7. Battino S., Lampreu S. The role of the sharing economy for a sustainable and innovative development of rural areas: A case study in Sardinia (Italy). *Sustainability (Switzerland)*, 2019, vol. 11, iss. 11, 3004. DOI: 10.3390/su11113004
8. Schiller H. *Networks of Local Action Groups in Rural Areas – The Example of the EU Initiative Broads and Rivers LEADER+.* VDM Verlag Dr. Mueller e.K. 2013. 92 p.
9. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой. [Рим]: ФАО; Milano: Business media of the Sole 24 Ore, cop. 2010. 272 с. (Тенденции сельского развития / Инвестиционный центр ФАО).
10. Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2018. Т. 11. № 1. С. 132–147. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.9
11. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
12. Шулёпов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. О подходах к построению новой системы государственного управления развитием сельских территорий Российской Федерации // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2020. Т. 13. № 4. С. 136–153. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.8
13. Марецкая А.Ю., Марецкая В.Н. К вопросу о природно-ресурсном потенциале сельских территорий северного региона // *Фундаментальные исследования.* 2019. № 11. С. 95–99.
14. Щербакова А.С. Рейтинговая оценка социально-экономического потенциала сельских территорий Севера // *АПК: Экономика, управление.* 2020. № 1. С. 56–64.
15. Семин А.Н., Бухтиярова Т.И., Хилинская И.В. Индикативная стратегия активного роста потенциала сельских территорий в современных условиях цифровой экономики // *Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования.* 2018. № 1 (2). С. 57–63.
16. Костяев А.И. Парадигмы и концепции развития сельских территорий // *Российский электронный научный журнал.* 2018. № 3 (29). С. 7–35.
17. Иванов В.А. Развитие сельских территорий северного региона: проблемы, направления и механизмы // *Север и рынок: формирование экономического порядка.* 2020. № 1 (67). С. 127–139.
18. Бондаренко Л.В. Программно-целевой подход к развитию сельских территорий // *АПК: Экономика, управление.* 2020. № 2. С. 47–62.
19. Ушачев И.Г., Бондаренко Л.В. Устойчивое развитие сельских территорий: проблемы и их решение // *Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ.* 2019. № 5 (719). С. 13–17.
20. Механизмы оценки, развития и эффективного использования экономического потенциала сельских территорий: монография / Р.Х. Адуков, А.Н. Адукова, А.В. Медведев [и др.]. М.: НИПКЦ Восход-А, 2019. 199 с.
21. Узун В.Я. Главные факторы устойчивого сельского развития: бюджетные субсидии или сельская экономика? // *Никоновские чтения.* 2019. № 24. С. 15–20.

22. Свердлов М.Ю., Зиновьев А.Г. Методологические аспекты оценки социально-экономического потенциала региона // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 4-4 (50). С. 223–225.
23. Сыров А.Н. Оценка экономического потенциала территории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2008. № 2. С. 98–102.
24. Русинова О.С. Оценка эффективности использования ресурсного потенциала социально-экономического развития сельских территорий аграрного региона // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2011. № 3. С. 48–52.
25. Грачев А.Б. Социально-экономический потенциал муниципальных образований и методика его определения // Региональные исследования. 2008. № 4 (19). С. 11–15.
26. Краснова Т.Г., Балабанова Е.А. Исследование социально-экономического потенциала муниципальных образований // Известия ИГЭА. 2010. № 1 (69). С. 56–58.
27. Мартынушкин А.Б. Совершенствование управления как главного фактора развития экономического потенциала сельских территорий // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления: матер. конф. Курск, 29 марта 2019 г. Курск: ЮЗГУ, 2019. С. 231–234.
28. Смирнова Т.Г., Селякова С.А., Кожина Е.Н. Производственный потенциал сельского района: состояние, перспективы: монография / под ред. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 148 с.
29. Бондаренко Л.В., Козлов А.В., Яковлева О.А. Методология интегральной оценки социально-экономического развития сельских территорий // Экономика сельского хозяйства России. 2016. № 10. С. 44–52.
30. Газизов Р.М. Устойчивое развитие сельских территорий: метод оценки и типологизации (на примере Красноярского края) // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3 (31). С. 34–42.
31. Никитина Т.И. Комплексная методика оценки уровня устойчивого социально-экономического развития сельских территорий // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 4. С. 106–112.
32. Потенциал развития муниципальных образований: содержание, оценка, управление (на материалах Республики Коми) / под ред. В.Н. Лажнецова. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2008. 344 с.
33. Проблемы устойчивого развития сельских территорий: коллективная монография / под общ. науч. ред. А.В. Глотко. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. 196 с.
34. Толоконников А.Ю. Интегральная оценка социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 1 (99). С. 113–118.
35. Трудовой потенциал сельских территорий: методологические аспекты оценки: препринт / Г.В. Леонидова, Е.А. Чекмарева, П.М. Советов, М.М. Панов. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 78 с.

Сведения об авторе

Николай Владимирович Ворошилов — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru)

Voroshilov N.V.

Assessing the Socio-Economic Potential of Rural Territories

Abstract. Currently, the relevance of the research of trends and potential for rural territory development is primarily caused by increased attention of scientists and public authorities to spatial topics. In 2019, the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025 and the new State Program of the Russian Federation “Integrated Rural Development” were adopted. In this regard, the article’s aim is to develop a methodological approach to assessing the socio-economic potential of rural territories and, based on its approbation, to determine priority areas for ensuring their integrated and sustainable development. To achieve this goal, the authors use such scientific methods as economic,

statistical, and comparative analysis, methods of generalization, analysis, synthesis, as well as the monographic method. The scientific novelty of the research is the proposed method of socio-economic potential measurement (with scoring) of rural territories. This method makes it possible to classify them by the level of potential development to justify the priorities of regional and local socio-economic policies for different types of territories. The authors have drawn the following conclusions: key development problems of rural territories of Russia, and Russian North in particular, are unfavorable demographic conditions; a low level of accomplished housing with all kinds of amenities (the national average is that only a third of the Fund is improved); a high share of population (for example, 40% of the Nenets Autonomous Okrug, and 45% of the Vologda Oblast) that is provided with poor-quality drinking water; a noticeable lag of rural population's income in comparison with urban citizens' incomes. Moreover, most municipal districts of the Vologda Oblast (14 out of 26) are characterized by the average potential level of their rural territories. The materials of the article can be used by the authorities and serve as a basis for further scientific research on this topic.

Key words: rural territories, socio-economic potential, assessment methodology, Russian Federation, Russian North.

Information about the Author

Nikolai V. Voroshilov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru)

Статья поступила 02.11.2020.

Учет экосистемных услуг в оценке ресурсоэффективности особо охраняемых природных территорий Республики Коми*

**Татьяна Вячеславовна
ТИХОНОВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук»
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru
ORCID: 0000-0002-2912-1696; ResearcherID: J-8460-2018

**Виталий Анатольевич
ЩЕНЯВСКИЙ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук»
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: scvit@list.ru
ORCID: 0000-0001-9051-5769

Аннотация. Одним из интегральных методов оценки ресурсной эффективности является корректировка чистых накоплений. Она происходит за счет многих показателей, в числе которых оценка особо охраняемых природных территорий. Авторский взгляд сопряжен с оценкой деятельности туризма на этих объектах и учетом ценности регулирующих экосистемных услуг территорий. Задачи исследования заключаются в выявлении подходов и проведении оценки охраняемых объектов; отборе «доходных» экосистемных услуг региональных объектов охраны; представлении предложений по эффективности использования этих территорий. Расчет включает комбинирование двух методов: оценки валовой добавленной стоимости туристских дестинаций на ох-

* Работа выполнена по теме НИР «Оценка ресурсной эффективности использования возобновимого природного капитала северного региона» (№ Государственного учета АААА-А18-118013090276-0).

Для цитирования: Тихонова Т.В., Щенявский В.А. Учет экосистемных услуг в оценке ресурсоэффективности особо охраняемых природных территорий Республики Коми // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 110–124. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.8

For citation: Tikhonova T.V., Schenyavskii V.A. Accounting of ecosystem services in the resource efficiency assessment of specially protected natural territories of the Komi Republic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 110–124. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.8

раняемых территориях и ценности регулирующих экосистемных услуг. Уровень эффективности деятельности туризма с позиций создания цепочки добавленной стоимости дестинаций отражает показатель валовой добавленной стоимости, который рассчитывался как разница суммы выручки от продаж туристских услуг субъектов и их материальных затрат. Для определения экономической ценности регулирующих услуг применялись методы рыночной косвенной оценки, компенсационных затрат. При расчете экосистемных услуг были отобраны те из них, получатели выгод которых находились на территории региона. Это сохранение биоразнообразия, водорегулирующие и водоочистные функции экосистем, защита почвенного покрова от эрозии, поглощение загрязняющих веществ из атмосферы лесными экосистемами. Рост эффективности объектов требует условий для развития рекреации и новых видов деятельности. Эти условия выражены в усилении взаимодействия администраций охраняемых территорий с сервисными компаниями, обеспечивающими качественный фактор инфраструктуры, доступность объектов и услуг питания. Экономический вклад особо охраняемых природных территорий от использования регулирующих экосистемных услуг и туристско-рекреационной деятельности составил 20,4 млрд руб., или 3,2% валового регионального продукта 2018 года. Предложенный подход позволяет отразить социально-экономический и экологический вклад особо охраняемых природных территорий в экономику Республики Коми.

Ключевые слова: валовой региональный продукт, валовая добавленная стоимость, денежная оценка ценности, особо охраняемые природные территории, туристские дестинации, экосистемные услуги.

Введение

Понятие экосистемных услуг (далее – ЭУ) подразумевает признание того факта, что благополучие и выживание людей зависят от природы, а человек является неотъемлемой частью современной биосферы [1]. Лишь поиск адекватных оценок выступает верным признаком современной экономики. Несмотря на отсутствие конкретных/жестких методов тех или иных стоимостных характеристик ЭУ, игнорировать эту оценку невозможно.

В России ЭУ не выходят на рынок, а значит, не могут быть конкурентоспособными. Тем не менее оценка их значимости в настоящее время становится важной составляющей эффективности при использовании природного капитала. Исследования в этой области свидетельствуют о наступлении этапа признания ценности природного капитала и проведения разнообразных оценок (биологических, экологических и экономических), с точки зрения влияния на экономику многих субъектов [1–7]. Разработка схем и механизмов учета ЭУ коснулась организации устойчивого природопользования на территории особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ), основанной на включении туристических и сельскохозяйственных секторов экономики, а также традиционного природопользования [5; 7]. Опыт зарубеж-

ных стран богат практическими разработками экономического характера, включающими платежи, разнообразные схемы поддержки со стороны государства, механизмы компенсации потерь от утраты ЭУ [8–12]. Так, разработан и апробирован GIS-инструментарий «Land Use Modeler» (LUMO) для проекта «Ландшафт Саксонии 2015» (2009–2012 гг.), позволяющий отображать в территориальном разрезе способности, потенциалы, риски, ресурсы ЭУ и топографические взаимоотношения [13]. В Республике Беларусь ЭУ учитываются на стадии проектной оценки воздействия хозяйственных объектов на окружающую среду, предусматриваются различные компенсационные мероприятия и выплаты в случае нанесения ущерба в соответствии с разработанной методикой¹. На этапе проведенных денежных оценок ЭУ становится актуальным их встраивание в экономический учет использования природных ресурсов [1; 14]. Существует ряд зарубежных исследований, направленных на выбор деятельности на территории ООПТ, например, моделирование и анализ связи между рекреационными экоси-

¹ Методика по определению стоимостной оценки экосистемных услуг и ценности биологического разнообразия. Технический кодекс установившейся практики. «Бел НИЦ «Экология». Минск, 2010. 32 с.

стемными услугами и выгодами традиционного природопользования [15]. При этом стоимостная величина рекреационных услуг на ООПТ различается в десятки раз и крайне зависима от биоразнообразия объектов, благосостояния населения, качества инфраструктуры и доступности объектов [16].

В России основным драйвером развития является национальный проект «Экология», где в рамках сохранения биологического разнообразия предусмотрено создание не менее 24 новых особо охраняемых природных территорий с развитием рекреационных услуг².

Объектами нашего внимания стали ООПТ с точки зрения экологического фактора приращения чистых накоплений. Общая цель исследования состоит в оценке экономического роста через адекватный учет социальных, экономических и экологических аспектов ресурсопользования на региональном уровне. В качестве интегральных методов оценки ресурсной эффективности предложена корректировка чистых накоплений. В соответствии с принятой в исследовании концепцией ресурсной эффективности с точки зрения эко-эффективности используются инверсионные пары: ресурсная производительность и ресурсная интенсивность, экологическая интенсивность и экологическая производительность³. Метод скорректированных чистых накоплений (СЧН), учитывающий социальный и экологический аспекты, приемлем для оценки экологической производительности⁴. Согласно методике рас-

² Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018. № 16). URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/ (дата обращения 16.01.2019).

³ *Resource efficiency: potential and economic implications. A Report by the International Resource Panel March 2017.* 167 p. Available at: <http://www.unep.org/resourcepanel/KnowledgeResources/AssessmentAreasReports/Cross-CuttingPublications/tabid/133337/Default.aspx> (дата обращения 14.09.2017).

⁴ Экологическая производительность (environmental productivity) – величина, в которой экологическая ценность снижается за счет убытков от эмиссии углекислого газа, истощения ресурсов, заболеваемости населения по причине загрязненной природной среды, но приращает улучшением качества социальных и экологических факторов (расходов на образование и здравоохранение; затрат на сохранение окружающей среды и ценности ООПТ).

чета скорректированных чистых накоплений, применительно к условиям России используется формула:

$$\text{СЧН} = \text{ВН} - \text{ИД} - \text{ИПР} - \text{УЗОС} + \text{РЧК} + \text{ЗОС} + \text{ООПТ}, \quad (1)$$

где ВН – валовые накопления основного капитала;

ИД – инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых»;

ИПР – истощение природных ресурсов;

УЗОС – ущерб от загрязнения окружающей среды;

РЧК – расходы бюджета на развитие человеческого капитала;

ЗОС – затраты на охрану окружающей среды;

ООПТ – оценка особо охраняемых природных территорий.

Фокусом исследования является оценка ресурсной эффективности с помощью корректировки чистых накоплений через эффективное использование ресурсов на ООПТ. Ранее нами проанализировано и оценено положительное влияние на ВРП с помощью стоимостной оценки экосистемных услуг и рассмотрения региональных туристско-рекреационных дестинаций [17]. Однако применение этих вариантов без их комбинирования имеет ограниченную направленность. Задачи нашего исследования заключаются в выявлении механизма расчета и проведения оценки ООПТ; отборе «доходных» ЭУ для региона; предложениях по эффективности использования данных территорий.

Анализ методов оценки

Согласно методике С.Н. Бобылева [18] логика оценки ООПТ состоит в том, что производство ВРП на территории региона распределено равномерно. ООПТ – это территории, полностью или частично изъятые из хозяйственной деятельности, значит, недополученный доход относительно ВРП и будет необходимой величиной. Авторский взгляд сопряжен с более детальной и корректной оценкой ценности ООПТ с учетом ЭУ. С одной стороны, бюджет недополучает доход от эксплуатации территории, а с другой – ООПТ позволяют своей нетронутостью обеспечить экологическое качество сопредельных территорий, которые способны принести доход. Осуществляет-

ся множество регулирующих услуг, в том числе поглощение трансграничных загрязнений. Понимание данной проблемы отражается даже в потере финансовых выгод от бизнеса ради сохранения природных благ. Так, опрос руководителей предприятий (более 900 респондентов) малого и среднего бизнеса в области туризма на ООПТ доказал готовность потери финансовых выгод от туризма и прямого использования ресурсов для обеспечения условий существования, качества и охраны среды [19]. В результате исследований выявлено, что ценность промышленно активных территорий (например, по добыче угля) сопоставима с объемом экосистемных услуг в виде рекреации и получения людьми эстетических благ [20]. Содержание кислорода в воздухе и речной воде вне и на ООПТ способствует оздоровлению природной среды близлежащих территорий благодаря охраняемому режиму на ООПТ [21]. Таким образом, учет регулирующих услуг (а не только производственных и культурных услуг – наиболее вписываемых в рыночные отношения) обеспечивает множество выгод для населения. Указанный факт объясняет причину использования экономической оценки экосистемных услуг ООПТ на основе концепции общей экономической ценности по стоимостному расчету предоставляемых благ на этих объектах [2; 22; 23].

Большинство методов оценки ООПТ с точки зрения эффективности применения ресурсов основано на расчетах выгод от туризма или рекреации, а также традиционного природопользования населения на этих объектах. Так, С.Б. Болдырева, согласно данным статистической отчетности Организации экономического сотрудничества (ОЭСР), фиксирует высокий вклад туризма в ВВП, например, в Исландии (27,2%), Греции (18,5%), Новой Зеландии (17,4%), Португалии (16,4%), Испании (10,8%), Австралии (10,8%), Италии (10,2%), Швеции (9,6%), Франции (9,1%), Германии (8,9%), США (8,2%) и других странах [24]. Безусловно, столь высокие значения получены, с большей долей вероятности, за счет делового, событийного и морского туризма. Тем не менее, и экологический туризм на ООПТ ежегодно приносит немалый доход в национальную казну государств (от 660 до 1,2 трлн долларов). Здесь присутствует синергетический эффект,

при этом распределение доходов самой территории и сопутствующего бизнеса не равномерно. Г.Т. Шкиперова и другие ученые ссылаются на опыт зарубежных исследований о затратах на содержание ООПТ и доходов, получаемых от экологического туризма (туроператоров, предприятий общественного питания, гостиниц, автозаправочных станций, магазинов и пр.), который во многих странах оценивается как 1:5 и выше⁵ [25–27]. В настоящее время, по данным UNWTO, вклад экологического туризма в индустрию мирового туризма составляет только 10%, в Российской Федерации – 2%, или 11,7 млн долларов⁶. Основной поток туристов, предпочитающих экологические виды отдыха, приходится на ООПТ.

Методология оценки туризма в регионе базируется на системе национальных счетов, разработанной под эгидой ООН, МВФ, Всемирного банка, ОЭСР, Всемирной туристской организации и Евростата, и основывается на методах расчета ВВП⁷. ВРП рассчитывается производственным методом как сумма добавленных стоимостей, создаваемых в отраслях экономики в ценах производителей⁸.

Оценка туризма на объектах ООПТ региона осуществляется с использованием кластерного подхода, отражающего специфику этой деятельности, учитывающего географически соседствующие компании, характеризующиеся общностью деятельности [28] и концепции

⁵ *Tourism and visitor management in protected areas. Guidelines for sustainability. International Union for Conservation of Nature, Gland, Switzerland, 2018. 136 с. URL: http://www.iucn.org/pa_guidelines (дата обращения 22.04.2020).*

⁶ Ростуризм: экотуризм в структуре рынка РФ занимает долю в пять раз меньше, чем в мире // ТАСС. 06.06.2019. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/tass.ru/obschestvo/6518680> (дата обращения 20.04.2020).

⁷ Система национальных счетов 2008. ООН, МВФ, ОЭСР, Европейская комиссия, Всемирный банк. Нью-Йорк, 2012. 764 с. URL: <http://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/SNA2008Russian.pdf> (дата обращения 24.04.2020); Методологические положения по статистике. Вып. 1. Госкомстат России. М., 1996. URL: https://gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm (дата обращения 24.04.2020); Вспомогательный счет туризма: рекомендуемая методологическая основа. 2008 год: ООН, ЮНВТО, ОЭСР, Евростат. Люксембург, Мадрид, Нью-Йорк, Париж, 2010. 145 с. URL: http://www.cisstat.com/rus/SeriesF_80rev1r.pdf (дата обращения 23.06.2018).

⁸ Валовой региональный продукт по данным Росстата. URL: <https://rosinfostat.ru/vpr/> (дата обращения 24.04.2020).

цепочки создания и распределения ценности туристского продукта [29; 30]. Таким образом, охраняемые территории выступают как дестинации, где происходит создание цепочки добавленной стоимости, в рамках сетевого взаимодействия субъектов туризма с системой управления и механизмами продвижения туристского продукта. Уровень эффективности деятельности туризма на ООПТ как дестинаций отражает показатель валовой добавленной стоимости.

В 2019 году утверждена «Методика расчета показателей „Валовая добавленная стоимость туристской индустрии” и „Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации»⁹. В ней валовая добавленная стоимость туристской индустрии (GVATI), согласно классификационной группировке видов экономической деятельности «Туризм» [2], определяется по формуле:

$$GVATI = OTI - ICTI, \quad (2)$$

где OTI – стоимость выпуска товаров и услуг, ICTI – стоимость промежуточного потребления¹⁰.

Валовая добавленная стоимость туристских дестинаций, расположенных в пределах охраняемых территорий (GVATI_д), рассчитывается как разница суммы выручки от продаж туристских услуг субъектов, относящихся к классификационной группе «Туризм», (OTI_д) и их материальных затрат (ICTI_д). Ограничения в расчетах валовой добавленной стоимости снимались экспертным путем, в частности в случае экстерриториального характера туристских компаний или отсутствия фиксации туристско-

рекреационной деятельности в бухгалтерской отчетности у субъектов, занимающихся сразу несколькими видами деятельности.

Оценка охраняемых территорий региона

С позиций туризма лидирующими в Республике Коми являются ООПТ федерального значения – национальный парк «Югыд ва» и Печоро-Илычский биосферный заповедник. Поток туристов за период 2000–2018 гг. в национальный парк «Югыд ва» немного вырос: если в 2000 году он составлял около 5 000 человек в год, то к 2018 году – 7300 посетителей. При этом доминирует доля местных жителей районов (65% от общего потока), жители Москвы и Санкт-Петербурга не превышают 11%; туристы из других городов России – 21%; иностранные посетители – 3%¹¹. Виды туризма охватывают сплав на безмоторных судах – 42%; пеше-водный туризм – 12%; пеший туризм – 15%; отдых выходного дня – 31%.

Заповедник включает множество природных объектов, экологических троп, музеев и уникальную лосеферму (первую в России). За последние годы туристский поток растет (с 1000 человек в 2000 году до 3200 человек в 2018 году). Это объясняется еще и тем, что в 2008 году плато Маньпупунер включено в список семи чудес света России. Несмотря на удаленность объекта от удобной транспортной сети, поток туристов в период 2008–2012 гг. достигал 500 чел./год. Однако для самого плато и троп заповедника этот факт не считается позитивным. Только благодаря деятельности инспекции, установке кордонов и разнообразных ограничительных мер число посетителей сократилось до допустимых для территории объемов – 200 чел./год, включая туристов со стороны Свердловской области.

Информационной базой для выявления стоимости туристских услуг стали опрос руководителей субъектов туризма и интернет-ресурсы турфирм, где была указана стоимость туристской услуги или товара. Объем услуг уточнялся через количество посетителей, который фиксируется администрацией национального парка и заповедника. Материальные затраты субъектов

⁹ Об утверждении Методики расчета показателей «Валовая добавленная стоимость туристской индустрии» и «Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации»: приказ Росстата от 14.05.2019 № 267 // Консультант плюс.

¹⁰ О принятии и введении в действие Изменения 1/2007 ОКВЭД к Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности ОК 029-2001 (КДЕС Ред. 1), Общероссийского классификатора видов экономической деятельности ОК 029-2007 (КДЕС Ред. 1.1) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности ОК 034-2007 (КПЕС 2002): приказ Ростехрегулирования от 22.11.2007 № 329-ст // Консультант плюс.

¹¹ Бизнес-план ФГБУ Национальный парк «Югыд ва». Некоммерческое партнерство «Союз ООПТ РК». ПРООН/ГЭФ Коми. 2015. С. 54, 55. URL: <http://www.undp-komi.org> (дата обращения 01.09.2017).

Таблица 1. Валовая добавленная стоимость туристских дестинаций ООПТ (экспертная оценка 2018 года), млн руб.

Вид деятельности по классификационной группе «Туризм»	Национальный парк «Югыд ва»			Печоро-Ильчский заповедник		
	GVAT _д	OT _д	ICT _д	GVAT _д	OT _д	ICT _д
Организация комплексного туристского обслуживания, услуги туроператоров*	31,55	38,67	7,11	3,20	4,00	0,80
Деятельность гостиниц и туристских баз (отель «Еркусей», база НП «Югыд ва»)	0,35	1,50	1,15	0,60	1,30	0,70
Авиационные транспортные услуги и услуги туроператора «Северный Урал»	1,75	3,48	1,73	6,00	12,20	6,20
Железнодорожные транспортные услуги	24,00	52,00	28,00	-	-	-
Автомобильные и другие транспортные услуги (ООПТ и другие субъекты, в основном г. Инты)	29,00	49,30	20,30	1,52	3,36	1,52
Розничная торговля сувенирами	0,15	0,17	0,02	2,00	2,20	0,20
Итого	88,15	145,12	58,31	13,32	23,06	9,42

*Активный отдых Коми, NordUral Активный отдых на Урале, ИП Данько В.Ю., НП «Югыд ва», Печоро-Ильчский заповедник и другие субъекты туризма.
Источник: рассчитано авторами.

туризма определялись в ходе опроса руководителей и туристов, получавших услуги, а также исходя из программ туров. Экспертная оценка добавленной стоимости дестинаций ООПТ по фактическим показателям выручки и затрат туроператоров представлена в *таблице 1*.

Важнейшим звеном продуктовой цепочки на федеральных охраняемых территориях выступают транспортные услуги. Объем взаимодействия транспортных компаний с ООПТ по доставке туристов составляет 61,4% доходов дестинации (62,27 млн руб.). Туристическими фирмами обслужено лишь 27% туристов (около 3000 человек), посетивших указанные ООПТ, которые генерируют 42,5 млн руб. (41,8%) валовой добавленной стоимости дестинаций. При этом необходимо отметить что туроператор «Северный Урал» предоставляет услуги еще и по воздушной перевозке туристов, в первую очередь на плато Маньпупунер. Расчеты 2016 и 2018 гг., выполненные по рассмотренной схеме, дали следующие результаты. Валовая добавленная стоимость туристских дестинаций в 2016 году составила 91,10 млн руб. В 2018 году, когда туристический поток по сравнению с 2016 годом возрос на 32,3% (до 10500 чел.) и прибавился туроператор, она достигла 101,47 млн руб (см. табл. 1). Доля стоимости туристского продукта дестинаций в ВРП¹² в 2016 году

составила всего 0,02%. С позиций эффективного использования ресурсов и увеличения валовой добавленной стоимости приоритетным является рост туристских услуг, так как без количества и качества туристских товаров поток туристов не приносит доход, а лишь увеличивает затраты на содержание охранной и туристской инфраструктуры ООПТ. В связи с этим важно усилить взаимодействие администраций ООПТ с сервисными компаниями, обеспечивающими услуги питания и размещения туристов. На территории дестинации предоставляется только 0,2% питания, остальное закупается за ее пределами. Строительство качественной автомагистрали от г. Инты до национального парка смогло бы многократно уменьшить издержки на одного туриста (с 4000 до 1000 руб.). Кроме того, на территории дестинаций из-за малых мощностей и высоких затрат на содержание собираются низкие доходы от средств размещения (2,3% от доходов всей дестинации).

В отличие от ООПТ федерального значения региональные охраняемые территории, к которым относится 161 заказник, 67 памятников природы и один охраняемый природный ландшафт, генерируют 18,5 млн руб., но не формируют полноценные туристские дестинации с соответствующим уровнем развития туристской инфраструктуры (*табл. 2*). В настоящее время лишь в одном из двадцати районов региона (Княжпогостском) есть субъекты туризма на ООПТ, которые дают возможность рассматривать ее как протодестинацию, без соответ-

¹² В 2016 году ВРП составил 574,38 млрд руб.; в 2018 году – 665,74 млрд руб. (Финансы в Республике Коми: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2019. 240 с.).

Таблица 2. Валовая добавленная стоимость региональных ООПТ (экспертная оценка 2018 года), млн руб.

Вид деятельности по классификационной группе «Туризм»	Заказники		
	GVAT _д	OT _д	ICT _д
Услуги субъектов туристской деятельности, в том числе и туристских баз, находящихся в относительной близости от охраняемых территорий	25,0	30,2	5,2
Автомобильные и другие транспортные услуги	13,5	15,6	2,1
Товары охраняемых территорий (грибы, ягоды и др.)	-20,0	0,0	20,0
Итого	18,5	45,8	27,3

Источник: рассчитано авторами.

ствующей организационной структуры. Реализацией государственной политики в сфере развития региональных республиканских охраняемых территорий, в том числе и экологического туризма, занимается ГБУ РК «Центр по ООПТ», не рассматривающий охраняемые объекты с позиций формирования туристских дестинаций.

Особенность туристского потока на этих территориях составляют посещения жителей г. Сыктывкара, г. Ухты и г. Воркуты с целью рекреации и сбора ягод, грибов и других ресурсов (около 10 тыс. чел.). Услуги субъектов туризма заключаются в доставке и сопровождении туриста до ООПТ и возможности проживания на сопредельных территориях. В целом субъекты туризма получают от этого вида деятельности 25 млн руб.

В такой ситуации весьма специфична роль охраняемых территорий регионального значения, которые являются базовыми территориями, не получающими денег от туризма, отдающими свои ресурсы другим пользователям безвозмездно (минус 20 млн руб., см. табл. 2).

Вследствие этого необходимо заострить внимание на изменении роли региональных ООПТ и перераспределении доходов от туризма, во всяком случае, частичной компенсации потерь от сбора ресурсов ООПТ и создания соответствующей туристской инфраструктуры с повышением доходов дестинаций.

Специфика авторского расчета состоит во включении экосистемных услуг в доходную составляющую ООПТ, в силу зависимости качества и наличия услуг территории для проведения отдыха. Суть экономической оценки сводится к расчету ЭУ через произведение натуральных и стоимостных величин. Порядок расчета определяют методы и ключевые параметры, рассмотренные ранее в автор-

ских публикациях [17; 31]. Так, первоначально отобраны, а далее рассчитаны ключевые регулирующие ЭУ (водорегулирование, депонирование CO₂, водоочистка, защита почв от эрозии, сохранение биоразнообразия, поглощение загрязнений из воздуха). В оценке услуг преобладает метод компенсационных или альтернативных затрат за исключением услуги депонирования CO₂, для которой применена косвенная рыночная оценка. ЭУ рассчитывались в пределах лесничеств и административных районов, а для ООПТ – пропорционально занимаемой ими площади в лесничествах и административных районах (табл. 3).

Высокая способность лесных экосистем поглощать пыль и вредные вещества из атмосферы (9 т/га вредных выбросов; 51 т/га пыли в год) объясняет максимальное значение в расчетах предоставляемых ЭУ (89,1%). Лесные экосистемы сдерживают эрозийные процессы, экономическая значимость этой функции составляет 6,9% от общей суммы экономического эффекта.

При анализе стоимостных величин ценности ООПТ важно осознавать цели и задачи такого рода действия. Очевидно, что для оценки ООПТ необходимо руководствоваться правилом выбора тех выгод, которые остаются в регионе, тем самым образуя региональный продукт. В связи с этим в следующем разделе мы предлагаем обсудить выбор этих услуг.

Обсуждение результатов

Основная задача ООПТ заключается в охране природных экосистем и сохранении биоразнообразия, проведении научных исследований на разрешенных зонах – экологического туризма и рекреации населения. Очевидно, что лишь туризм и отдых граждан образуют реальный доход, следовательно, вносят вклад в ВРП. Несмотря на значительный потенциал экологи-

Таблица 3. Экономическая оценка экосистемных услуг ООПТ (расчетные данные за 2018 год), млн руб.

ООПТ	Площадь, тыс. га	Экосистемные услуги*						
		ВР	Д	ВО	З	БР	ПЗ	Всего
Заповедник	721,3	87,1	105,3	57,7	461,2	17,0	2904,8	3633,1
Национальный парк	1894,1	208,6	104,5	50,5	698,8	16,5	10219,4	11298,3
Заказники	1281,8	202,0	67,3	115,1	775,3	72,0	11768,8	13000,5
Итого	3894,8	497,7	277,1	223,3	1935,3	105,5	24893,0	27931,9
Доля от общих значений, %		1,8	1,0	0,8	6,9	0,4	89,1	100,0

* Водорегулирование (ВР); Деponирование углерода (Д); Водочистка (ВО); Защита от эрозии (З); Сохранение биоразнообразия (БР); Поглощение загрязнений из воздуха (ПЗ).

Источники: рассчитано авторами по данным СНиП 23-01-99. Таблица 2. Климатические параметры теплого периода года. РФ. Кемеровская обл., Кировская обл., Республика Коми и т. д. и СНиП 23-01-99. Строительная климатология. Таблица 1. Климатические параметры холодного времени года. РФ. Кемеровская обл., Кировская обл., Республика Коми и т. д.; Атлас Республики Коми. М.: Феория, 2011. 294 с.; Красная книга Республики Коми. Сыктывкар: Институт биологии Коми НЦ УрО РАН, 2009. 791 с.; Лесной план Республики Коми, 2019 г. 314 с.; О состоянии окружающей среды Республики Коми в 2019 году: Государственный доклад / Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми, ГБУ РК «Территориальный фонд информации Республики Коми». Сыктывкар, 2020. 162 с.

ческого туризма в Республике Коми и наличие в ней объектов мирового уровня, в частности «Девственные леса Коми» (объект природного наследия ЮНЕСКО), Столбы выветривания Маньпупунер, гора Народная (высшая точка Уральских гор), пока не удается получить достаточный экономический эффект от экологического туризма на ООПТ республики.

В настоящее время предпринята попытка получить средства от федерального проекта «Экология» (подпрограмма «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма») ¹³ через механизм участия во Всероссийском конкурсе инвестиционных проектов по развитию потенциала ООПТ ¹⁴. По заказу министерства культуры, туризма и архивного дела Республики Коми была подготовлена конкурсная заявка «Туристско-рекреационный кластер „Седьмое чудо света”» (территориально заметно выходящий за пределы объекта ЮНЕСКО «Девственные леса Коми») с бюджетом в 26,7 млрд рублей. В рамках проекта выделено четыре зоны функционально-планировочной организации

туристско-рекреационного кластера: 1 – «Плато Маньпупунер», 2 – «Лесная (с. Якша)», 3 – «Горнолыжная зона Тима-из», 4 – «Желанное». В частности, в зоне 4 «Желанное» (район Приполярного Урала) предполагается создание туристских баз (глэмпингов на 20 человек) у подножия горы Народной (бюджет составляет 22 млн рублей), горы Манараги (22 млн рублей); реконструкция базы Санавож на 50 человек (50 млн рублей) и кварцевой штольни (20 млн рублей); обустройство вертолетных площадок (12 млн рублей). Ключевым проектом кластера является строительство автомобильной дороги (137 км, с бюджетом 7,7 млрд рублей) с мостами (в том числе через р. Кожим – 2,5 млрд рублей) от г. Инты до подножия горы Народной для обеспечения доставки туристов к достопримечательностям. Проект вышел в финальную стадию отбора Всероссийского конкурса инвестиционных проектов по развитию потенциала особо охраняемых природных территорий.

Создатели заявки «Туристско-рекреационный кластер „Седьмое чудо света”» утверждают, что при общей грандиозности планов к настоящему времени 30% инфраструктуры существует. Очевидно, это серьезное преувеличение. Можно предполагать, что ожидаемые потоки увеличены в несколько десятков раз, как и инвестиции (с 0,2 до 5 млрд рублей). Тем не менее проект туристско-рекреационного кластера при доработке профессионалами с определением группы первоочередных локальных проектов может быть реализован.

¹³ Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/ (дата обращения 16.01.2019).

¹⁴ Всероссийский конкурс на создание туристско-рекреационных кластеров и развитие экотуризма в России // Агентство стратегических инициатив. 16.06.2020. URL: <https://priroda.life/> (дата обращения 07.10.2020).

Большой вопрос вызывает и функциональное зонирование территории туристско-рекреационного кластера в свете современных подходов к управлению охраняемыми территориями [32]. В мире накоплен обширный опыт международных практик развития ООПТ с использованием, в том числе, и кластерных подходов. Одним из интересных объектов, находящихся в схожих с Республикой Коми климатических условиях, является геопарк «Рокуа», расположенный в Финляндии, в 200 км южнее Полярного круга. Его посещают около 200 000 человек, бюджет парка в 2013 году составлял 500 000 евро, из которых субсидии Европейского фонда регионального развития – 50%, собственные средства – около 30% и 20% – субвенции правительства Финляндии. В геопарке «Рокуа» расположены объекты рекреационной инфраструктуры (отели, гостевые дома, кафе, информационные центры), создана развитая сеть дорог и туристских троп. Сервисное наполнение туристских зон совпадает с функциональным зонированием геопарка. Деятельность парка обеспечивается согласованием интересов органов государственной власти и местных сообществ, туристов за счет создания понятных механизмов вовлечения и кооперации. Уделяется большое внимание поддержке местного бизнеса, в частности дается право на использование своего логотипа, желающим открыть свой бизнес на территории «Рокуа» выдаются кредиты. В парке располагаются пять компаний по производству продуктов питания (сборы из трав, грибы, ягоды, фермерские продукты) и действуют организации по установке IT-систем, производству сувениров и электросетей. Геопарк «Рокуа» не является единым природоохранным комплексом. Охранным статусом обладает только расположенный на его территории национальный парк «Рокуа». Управляющей организацией парка выступает Humanpolis Ltd., созданная тремя муниципалитетами. В менеджменте и финансировании участвуют Главное лесное управление Финляндии и Фонд здоровья и реабилитации «Рокуа»¹⁵.

¹⁵ Международный опыт развития экологического туризма на ООПТ. Руководство по развитию ООПТ. Агентство стратегических инициатив. 2015. URL: <https://mpr.rkomi.ru/page/20017/> (дата обращения 20.04.2020).

В настоящее время по туристскому потоку и доходам федеральные ООПТ Республики Коми сильно уступают ведущим российским и зарубежным аналогам и по туристскому потоку сопоставимы с крупнейшим в Канаде национальным парком «Вуд-Баффало». Однако если в 2018 году правительство Канады выделило парку 27 млн канадских долларов (1,38 млрд рублей), то в России в рамках федерального проекта «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» в 2019 году на развитие туристской инфраструктуры выделено всего 100,14 млн руб. Лидером по количеству посетителей в России в 2019 году стал национальный парк «Кисловодский» (более 1,5 млн человек); более 1,1 млн человек посетили Красноярские столбы, почти полмиллиона – национальный парк «Русский Север» (Вологодская область)¹⁶. Одним из самых посещаемых парков в мире является Национальный парк Йеллоустоун в США (свыше 3 млн человек в год).

Таким образом, необходимо отметить, что основными причинами успеха ООПТ в мире выступают гибкий механизм взаимодействия охраняемых территорий с бизнесом и населением, активное использование инструмента экологического просвещения, транспортная доступность и формирование компромисса между сохранением природы и развитием туризма, выраженного, в том числе, с помощью эффективного функционального зонирования территории ООПТ.

Особо охраняемые территории предоставляют экологические услуги, имеющие сдерживающий или предотвращающий экологически негативные эффекты характер: резкие перепады стока во время весенних половодий близлежащих территорий и населенных пунктов, особенно ниже по течению рек; поглощение вредных веществ (пыли, загрязняющих веществ выбросов и т. д.) лесными экосистемами; разбавление ливневых загрязнений; предотвращение ветровых и ландшафтных эрозийных

¹⁶ Популярность экотуризма в России растет. В 2019 году количество посетителей ООПТ превысило 8 млн человек // Минприроды России. 07.02.2020. URL: http://www.mnr.gov.ru/news/populyarnost_ekoturizma_v_rossii_rastet_v_2019_godu_kolichestvo_posetiteley_oopt_prevysilo_8 mln_che (дата обращения 20.04.2020).

процессов. Широко известно, что водоохранно-регулирующая функция лесов заключается в аккумуляции воды в лесных почвах и, как следствие, защите прилегающих территорий от наводнений и переувлажнения почв; увеличении интенсивности формирования грунтовых вод. Сохранение рекреационных качеств ландшафтов, их рекреационной емкости, продуктивности биоресурсов и способности к самовосстановлению способствует развитию рекреации, экологического и познавательного туризма. Помимо прямого дохода от качества природной среды существующих в регионе ООПТ есть косвенный доход, который не учитывается в данном расчете. Он может быть образован за счет таких экосистемных услуг, как опыление трав насекомыми, гнездование перелетных птиц, местообитание диких оленей, хранение углерода и метана в зоне мерзлоты водно-болотных угодий и лесных экосистем (зоны притундровых лесов и редкостойной тайги). Роль таких услуг велика и может ощущаться исключительно в момент их потери. Именно в связи с этим многие экологи консолидируют усилия для экономических и других современных оценок, создания моделей и схем использования природных ресурсов [1; 14].

Однако существует мнение о неуместном включении ценности ЭУ в расчеты ключевых финансовых показателей экономики. Так, осо-

знаявая роль ЭУ в экономических процессах развития общества, Ю.Г. Пузаченко доказывает малый вклад природных ресурсов в рыночную стоимость и интегральные показатели (например ВВП) [33]. Традиционно «зеленые» индексы строятся на вычитании из ВВП потерь природного капитала и потенциальных затрат на предотвращение и устранение загрязнения атмосферы, водного бассейна и почв. Тем не менее зарубежные авторы видят в этом нарушение корректности оценок и получаемое в результате искажение информации [34]. Основная причина такого искажения – гипотетичность или замена показателей, лишь косвенно отражающих ситуацию, а также низкая достоверность информации. По утверждению Д.В. Касимова: «Важно понимать, что экономическая и особенно денежная оценка всегда будет охватывать только часть действительной или общей стоимости экосистемы или ее услуг. Несмотря на улучшения, все еще существуют большие пробелы в знаниях и необходимость совершенствования подходов, моделей и баз данных для расчета общей экономической стоимости всего комплекса экосистемных услуг» [4].

Важной составляющей экономической оценки ЭУ становится выявление получателей выгод от их использования. Именно этот факт позволяет провести отбор для последующей оценки ООПТ (табл. 4).

Таблица 4. Распределение получателей выгод от использования экосистемных услуг

Экосистемная услуга	Получатели выгод	Позитивный эффект
Депонирование углерода	Мировое сообщество	Поглощение углекислого газа из атмосферы
Водорегулирование	Блилежащие районы региона; предприятия, зависимые от качества воды ниже по течению; территории с/х назначения	Регулирование стока малых рек, ручьев; предотвращение наводнений
Водоочистка		Естественная очистка ливневых и сточных вод, попадающих в водные объекты
Защита почв от эрозии		Предотвращение ущерба от сноса грунта реками; сохранение естественного плодородия почв
Сохранение биоразнообразия	Страна, регион	Сохранение видового разнообразия, свойственного данной природной зоне; регуляция численности и обилия разных групп растений и животных (например, некоторых видов грызунов, хищников и копытных); снижение риска инвазий чужеродных видов, развития природно-очаговых заболеваний, возникновения конфликтных ситуаций в сельском хозяйстве
Поглощение загрязнений из воздуха (пыли, взвешенных частиц)	Блилежащие районы территории региона	Предотвращение заболеваний населения; улучшение психического состояния здоровья населения; сокращение затрат на очистку воздуха
Источники: Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 1. Услуги наземных экосистем / ред. Е.Н. Букварева, Д.Г. Замолодчиков. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2016. 148 с.; Millennium Ecosystem Assessment. 2005. Ecosystems and Human Well-being. UNEP, Island Press, Washington DC, 2005. 283 p.; Erfassung und Bewertung von Ökosystemdienstleistungen (ÖSD) / K. Grunewald [et al.]. Bundesamt für Naturschutz. 2014. 374 p.		

Как видно из таблицы, лишь одна функция природного капитала – депонирование углерода – по критерию получателей выгод может быть исключена из числа величин расчета. Для определения ценности территории она имеет глобальное значение, однако для выгод региона без внедрения рыночных механизмов торговли, как это происходит в других странах, данная экоуслуга не может быть включена в расчет показателя «ООПТ» формулы (1).

Водорегулирующая и водоочистная услуги чрезвычайно важны для близлежащих территорий, а также предприятий, расположенных ниже по течению рек. Лесные и водные экосистемы за счет аккумуляции воды в подземном стоке и очистки загрязнений болотными экосистемами позволяют экономить те средства, которые бы были необходимы для очистки стоков и предотвращения наводнений при паводках.

Для того чтобы оценить степень значимости этих функций, можно воспользоваться критериями Е.Н. Букваревой. Она утверждает, что для получателей выгод от услуг водорегулирования и водоочистки актуальность определяется плотностью населения, особенно сельского, и развитостью сельского хозяйства [2]. Защитная функция лесных экосистем от эрозии почв близлежащих территорий обычно важна при активном использовании этих земель для сельскохозяйственного назначения. Учитывая факт расположения близлежащих районов (Интинский, Печорский, Вуктыльский и Троицко-Печорский), прилегающих к национальному парку и заповеднику, в зоне слабого сельского развития и малой плотности населения, считаем возможным уменьшить расчетные значения наполовину. Очистка воздуха растительностью (поглощение загрязнений и пылеосаждение) относится к ЭУ регулирования климата и атмосферы и позволяет предприятиям эконо-

мить на очистке воздуха пылеулавливающими установками. Производственные объекты, которые вырабатывают загрязнения техногенного характера и находятся в непосредственной близости от крупных ООПТ региона, отсутствуют. Таким образом, наиболее вероятно, что ООПТ поглощают загрязнения трансграничного переноса по воздуху. Регулирующие услуги региональных заказников могут участвовать в оценке ООПТ в полном объеме, за исключением услуги депонирования углерода. Несмотря на слабое развитие сельскохозяйственных отраслей экономики в районах Республики Коми, они выполняют важную стабилизирующую роль сохранения природного капитала [36]. Наличие крупных производственных объектов, проживание городского и сельского населения в близости от заказников позволяют включить в расчет регулирующие услуги. Таким образом, за исключением услуги депонирования углерода в расчетах используются ЭУ в полном объеме для заказников регионального значения (комплексные и лесные); для ООПТ федерального значения – в половинном объеме.

Следовательно, принцип комбинирования включает в себя сумму регулирующих экосистемных услуг и валовой добавленной стоимости туристских дестинаций ООПТ региона ($GVATId$). Таким образом, оценка ООПТ в расчете скорректированных чистых накоплений для Республики Коми имеет следующий вид:

$$ООПТ = ЭУ + GVATId, \quad (3)$$

где в число ЭУ входят водорегулирование, водоочистка, защита почв от эрозии, сохранение биоразнообразия, поглощение загрязнений из воздуха. В *таблице 5* объединены два подхода к оценке ООПТ для расчета скорректированных чистых накоплений.

Таблица 5. Оценка ООПТ для расчета скорректированных чистых накоплений

ООПТ	Площадь, тыс. га	Ценность экосистемных услуг, млн руб.	Валовая добавленная стоимость туристских дестинаций, млн руб.	Оценка ООПТ, млн руб.
Заповедник	721,3	1763,9	88,2	1852,1
Национальный парк	1894,1	5596,9	13,3	5610,2
Заказники	1281,8	12933,2	18,5	12951,7
Итого	3897,2	20294,0	120,0	20414,0
Источник: рассчитано авторами.				

Согласно предложенному подходу оценка ООПТ составляет 20,4 млрд руб. по данным 2018 года; при этом доля ЭУ – более 90%.

Принцип комбинирования оценки ценности экоуслуг и валовой добавленной стоимости туристских дестинаций может быть использован и для других регионов. Стоимостные величины регулирующих услуг могут изменяться в зависимости от величины плотности населения близлежащих территорий, развитости сельскохозяйственной отрасли и наличия крупных промышленных объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду.

Значимость включения ЭУ в оценку ООПТ заключается не в том, чтобы эти ресурсы «продать» или получить компенсацию за их утрату. Стоимость ЭУ в денежном выражении является оценкой их выгод для общества – выгод, которые будут потеряны в случае их уничтожения [16]. Таким образом, включенность стоимостной оценки ценности экосистемных услуг для общества может служить мощным инструментом для принятия более эффективных и сбалансированных решений.

Заключение

В настоящее время подход к оценке охраняемых территорий в региональном разрезе не в полной мере учитывает роль ООПТ как резервата для сохранения экосистемных функций природных экосистем, так и объекта хозяйственной деятельности. В результате появляется качественная недооценка экосистемных услуг охраняемых территорий и ключевых видов хозяйственной деятельности, в частности туризма. Представленный подход в рамках корректировки чистых накоплений путем определения ценности регулирующих экосистемных услуг и измерения добавленной стоимости туристских дестинаций ООПТ позволяет более корректно определить вклад охраняемых территорий в региональную экономику. Водоохранно-регулирующие и водо-

очистные услуги экосистем, защита почвенного покрова от эрозии, сохранение биоразнообразия, поглощение загрязняющих веществ из атмосферы лесными экосистемами могут применяться для расчетов ценности ООПТ на уровне региона. Благодаря им создаются условия для ведения допустимой хозяйственной деятельности на самих ООПТ и сокращения производственных расходов на сопредельных территориях при наличии промышленных объектов и аграрных хозяйств (личных и государственных), вследствие чего именно эти функции участвуют в качестве ресурсов при оценке ООПТ и ее эффективности. Сохранение данного потенциала должно стать нормой ведения допустимой хозяйственной деятельности на охраняемых объектах. При этом в целях роста эффективности объектов необходимы условия для развития туризма, заключающиеся в усилении взаимодействия администраций ООПТ с сервисными компаниями, обеспечивающими качественный фактор инфраструктуры, доступность до объектов и услуги питания.

В результате оценки ООПТ была получена величина в размере 20,4 млрд руб за 2018 год, которая может применяться для последующих расчетов при корректировке чистых накоплений. Экономический вклад особо охраняемых природных объектов в части использования регулирующих экосистемных услуг и туристско-рекреационной деятельности составил 3,2% валового регионального продукта 2018 года. Таким образом, предложенный подход позволяет отразить социально-экономический и экологический вклад ООПТ в экономику Республики Коми. В настоящее время услуги, предоставляемые экосистемами, невозможно выставить на продажу, как, например, древесину, ягоды или грибы, ресурсы охоты или рыболовства, однако раскрытие их потенциала в системе ценности ООПТ рассматривается в качестве одного из шагов в сторону ресурсоэффективности.

Литература

1. Costanza R., de Groot R., Braat L., Kubiszewski I., Fioramonti L., Sutton P., Farber S., Grasso M. Twenty years of ecosystem services: How far have we come and how far do we still need to go? *Ecosystem Services*, 2017, vol. 28, pp. 1–16. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecoser.2017.09.008>
2. Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 1. Услуги наземных экосистем / ред. Е.Н. Букварева, Д.Г. Замолотчиков. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2016. 148 с.

3. Мекуш Г.Е., Ушакова Е.О. Оценка ценности экосистемных услуг для развития рекреации и туризма // Вестник Сибир. гос. ун-та геосистем и технологий. 2016. № 1 (33). С. 200–209.
4. Касимов Д.В., Касимов В.Д. Некоторые подходы к оценке экосистемных функций (услуг) лесных насаждений в практике природопользования. М.: Мир науки, 2015. 91 с.
5. Тарасов С.Н., Григорян А.Р. Организация устойчивого жизнеобеспечения населения на особо охраняемых природных территориях: концептуальные основы и практическое руководство. Красноярск: ПРООН, 2009. 112 с.
6. Экономическая оценка особо охраняемых природных территорий Камчатки: практические результаты и их значение для сохранения биоразнообразия (на примере природного парка «Быстринский») / Г.А. Фоменко, М.А. Фоменко, А.В. Михайлова, Т.Р. Михайлова. Ярославль: АНО НИПИ «Кадастр», 2010. 156 с.
7. Тихонова Т.В. Экосистемные услуги: роль в региональной экономике и подходы к оценке // Известия Коми НЦ. 2016. № 3 (27). С. 134–143. Available at: 10.19110/1994-5655-2018-4-122-135
8. Ценность лесов. Плата за экосистемные услуги в условиях «зеленой» экономики. ООН. Женева, 2014. 94 с.
9. Peña-Lévano L.M., Taheripour F., Tyner W.E. Climate change interactions with agriculture, forestry sequestration, and food security. *Environmental and Resource Economics*, 2019, vol. 74, pp. 653–675. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10640-019-00339-6>
10. Smith G., Day B., Binner A. Multiple-purchaser payments for ecosystem services: an exploration using spatial simulation modeling. *Environmental and Resource Economics*, 2019, vol. 74, pp. 421–447. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10640-019-00324-z>
11. Якубовский Е.В. Использование платежей за экосистемные услуги в сфере управления природоохранной деятельностью // Новая экономика. 2015. № 2. С. 234–238.
12. Ríos C.A., Amorochó R., Villarreal C.A., Mantilla W., Velandia F.A., Castellanos O.M., Muñoz S.I., Atuesta D.A., Jerez J.H., Acevedo O., Agrs M., Caballero V.M., Goso C.A., Brigg A. Chicamocha Canyon Geopark project: a novel strategy for the socio-economic development of Santander (Colombia) through geoeducation, geotourism and geoconservation. *International Journal of Geoheritage and Parksjournal*, 2020, vol. 8, pp. 96–122. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijgeop.2020.05.002>
13. Grunewald K., Bastian O., Drozdov A., Grabovsky V. *Erfassung und Bewertung von Ökosystemdienstleistungen (ÖSD)*. Bonn: Bundesamt für Naturschutz, 2014. 374 p.
14. Costanza R. Valuing natural capital and ecosystem services toward the goals of efficiency, fairness, and sustainability. *Ecosystem Services*, 2020, vol. 43, pp. 1–7. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecoser.2020.101096>
15. Sónia M. Ribeiro C., Filho B., Costa W., Bachi L., Oliveira A., Bilotta P., Saadi A., Lopes E., O’Riordan T., Pennacchio H., Queiroz L., Hecht S., Rajão R., Oliveira U., Sampaio C. Can multifunctional livelihoods including recreational ecosystem services (RES) and non timber forest products (NTFP) maintain biodiverse forests in the Brazilian Amazon? *Ecosystem Services*, 2018, vol. 31, pp. 517–526. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecoser.2018.03.016>
16. Groot R., Brander L., Ploeg S., Costanza R., Bernard F., Braat L., Christie M., Crossman N., Ghermandi A., Hein L., Hussain S., Kumar P., Vittie A., Portela R., Rodriguez L., Brinkm P., Beukering P. Global estimates of the value of ecosystems and their services in monetary units. *Ecosystem Services*, 2012, vol. 1, pp. 50–61. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ecoser.2012.07.005>
17. Тихонова Т.В., Щенявский В.А. Корректировка индикаторов ресурсной эффективности на примере особо охраняемых природных объектов // Часопис економічних реформ. 2019. № 2 (34). С. 86–94. DOI: 10.32620/cher.2019.2.10
18. Эколого-экономический индекс регионов РФ / С.Н. Бобылев, В.С. Минаков, С.В. Соловьева, В.В. Третьяков; Всемирный фонд дикой природы (WWF) и РИА Новости, 2012. 152 с.
19. Font X., Garay L., Jone S. Sustainability motivations and practices in small tourism enterprises in European protected areas. *Journal of Cleaner*, 2016, Production 137, pp. 1439–1448. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.01.071>
20. Татаринев А.А., Фоменко Г.А., Фоменко М.А. Проблемы внедрения Системы природно-экономического учета в России // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 3. С. 68–78.

21. Экосистемные услуги охраняемых природных территорий / В.В. Снакин, Е.В. Еськов, Г.В. Митенко, Ю.В. Оспенников // Жизнь земли. 2015. Т. 37. С. 98–102.
22. Меркуш Г.Е., Ушакова Е.О. Оценка ценности экосистемных услуг для развития рекреации и туризма // Вестник СГУГиТ. 2016. Вып. 1. № 1 (33). С. 200–209.
23. *Millennium Ecosystem Assessment. Ecosystems and Human Well-being*. UNEP, Island Press, Washington DC, 2005. 283 p.
24. Болдырева С.Б. Влияние туризма на социально-экономическое развитие региона: обобщение российского и зарубежного опыта // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 5. С. 972–988. DOI: org/10.24891/re.16.5.972
25. Шкиперова Г.Т. Оценка эколого-экономического эффекта особо охраняемых природных территорий // Социальное пространство. 2018. № 3 (15). DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.5
26. Spenceley A., Meyer D. Tourism and poverty reduction: theory and practice in less economically developed countries. *Journal of Sustainable Tourism*, 2012, vol. 20, pp. 297–317.
27. Дец И.А. Туризм и другие источники доходов особо охраняемых природных территорий: возможности и перспективы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12. № 3. С. 43–51. DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10304
28. Портер М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016. 946 с.
29. Меллер К., Райала А. Рост стратегических сетей – новые модели создания ценности // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. № 4. С. 113–140.
30. Рубцова Н.В. Социально-экономическая эффективность туристской деятельности: теория, методология, практика. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. 212 с.
31. Тихонова Т.В. Проблемы оценки ущерба при принятии хозяйственных решений на северных территориях // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 95–107. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.7
32. Job H., Becken S., Lan B. Protected Areas, Sustainable Tourism Neo-liberal governance policies: issues, management and research. *Journal of Sustainable Tourism*, 2017, vol. 25, issue 12. Available at: <https://doi.org/10.1080/09669582.2017.1377432>
33. Пузаченко Ю.Г. Общие основания концепции устойчивого развития и экосистемных услуг // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 3. С. 22–39.
34. Vic Li, Lang Gr. China's "Green GDP" experiment and the struggle for ecological modernization. *J. Contemporary Asia*, 2010, vol. 40, no. 1, pp. 44–62.
35. *Erfassung und Bewertung von Ökosystemdienstleistungen (ÖSD) / K. Grunewald [et al.] Bundesamt für Naturschutz*, 2014. 374 p.
36. Тихонова Т.В. Оценка экосистемных услуг сельских территорий Республики Коми // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 5 (61). С. 171–183. Available at: 10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.167-179

Сведения об авторах

Татьяна Вячеславовна Тихонова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru)

Виталий Анатольевич Щенявский – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: scvit@list.ru)

Tikhonova T.V., Schenyavskii V.A.

Accounting of Ecosystem Services in the Resource Efficiency Assessment of Specially Protected Natural Territories of the Komi Republic

Abstract. One of the integral methods for assessing resource efficiency is the adjustment of net savings. It happens due to many indicators, including the assessment of specially protected natural territories. The author's opinion is associated with the assessment of tourism activities at these sites and consideration of the value of regulating ecosystem territories' services. The objectives of the study are the identification of approaches and assessment of protected areas; selection of "profitable" ecosystem services in regional protected areas; and submission of proposals for the effective usage of these territories. The calculation involves a combination of two methods: assessment of the gross value added of tourist destinations in protected areas and the value of regulatory ecosystem services. Tourism efficiency from the position of creating value chains destinations reflects the rate of gross value added, which is calculated as the difference between the proceeds from sales of tourist services entities and their material costs. To determine the economic value of regulatory services, the methods of market indirect assessment and compensation costs were used. During the calculation of ecosystem services, we selected those with beneficiaries located in the region. Increasing efficiency of facilities requires conditions for the development of recreation and new activities. These conditions are shown in the strengthening of interaction between administrations of protected areas with service companies that provide a quality factor of infrastructure, availability of facilities and food services. The economic contribution of specially protected natural areas from the usage of regulating ecosystem services and tourist and recreational activities amounted to 20.4 billion rubles, or 3.2% of gross regional product, in 2018. The proposed approach allows us to show the socio-economic and environmental contribution of specially protected natural areas to the economy of the Komi Republic.

Key words: gross regional product, gross value added, monetary value assessment, specially protected natural areas, tourist destinations, ecosystem services.

Information about the Authors

Tatyana V. Tikhonova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of Laboratory, Komi Federal Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: tikhonova@iespn.komisc.ru)

Vitalii A. Schenyavskii – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Komi Federal Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: scvit@list.ru)

Статья поступила 13.10.2020.

Анализ тенденций подготовки высококвалифицированных кадров в интересах стратегического развития Арктической зоны РФ

**Константин Сергеевич
ЗАЙКОВ**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация

e-mail: k.zaikov@narfu.ru

ORCID: 0000-0001-6479-416X

**Николай Александрович
КОНДРАТОВ**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация

e-mail: n.kondratov@narfu.ru

ORCID: 0000-0002-7763-1797

**Никита Михайлович
КУПРИКОВ**

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Москва, Российская Федерация

e-mail: nkuprikov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3152-0941

**Михаил Юрьевич
КУПРИКОВ**

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Москва, Российская Федерация

e-mail: kuprikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5296-7630

Для цитирования: Анализ тенденций подготовки высококвалифицированных кадров в интересах стратегического развития Арктической зоны РФ / К.С. Зайков, Н.А. Кондратов, Н.М. Куприков, М.Ю. Куприков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 125–140. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.9

For citation: Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu. Analyzing trends in training highly qualified personnel in the interests of strategic development of the Arctic zone of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 125–140. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.9

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена реализацией предусмотренных Основами государственной политики России в Арктике до 2035 года и Стратегией развития Арктической зоны РФ до 2020 года инвестиционных проектов по разработке минерально-сырьевой базы и развитию транспортной инфраструктуры, решению долгосрочных задач социально-экономического развития, обеспечению национальной безопасности Российской Арктики. Одним из приоритетов является подготовка высококвалифицированных кадров для работы в экстремальных природных и экономических условиях Арктики, что позволит повысить эффективность результатов труда и обеспечит комплексную безопасность населения. Цель исследования – количественный и качественный анализ подготовки высококвалифицированных кадров в интересах развития Российской Арктики в 2015–2018 гг. Научная новизна и теоретическая значимость статьи заключаются в том, что с использованием социологического и аналитического методов осуществлен мониторинг реализации российскими вузами, в том числе входящими в Национальный арктический научно-образовательный консорциум, образовательных программ «арктической» направленности. По итогам исследования и с опорой на имеющийся опыт предложены способы повышения качества подготовки кадров, среди которых актуализация образовательных стандартов, применение сетевых форм высшего образования, развитие института целевого обучения, развитие инновационной научно-исследовательской инфраструктуры, создание научно-образовательного центра мирового уровня на базе университетов Арктической зоны РФ. Сделаны выводы о возможности использования результатов исследования при разработке мер региональной политики управления трудовыми ресурсами, а также формирования экспертно-аналитического мнения об особенностях подготовки высококвалифицированных кадров в организациях высшего образования Арктической зоны РФ. Материалы статьи неоднократно апробированы и могут применяться в образовательном процессе в вузах. Дальнейшее направление научного поиска может быть связано с попыткой сравнительного анализа особенностей подготовки кадров университетами Арктической зоны РФ и Университетом Арктики.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, высшее образование, трудовые ресурсы.

Введение

Арктическая проблематика не теряет актуальность несколько десятилетий. Одна из причин этого – происходящие в арктическом регионе необратимые перемены, полного понимания которых не сложилось. Трансформации климата обуславливают попытки арктических стран изменить свое геополитическое положение, способствуют активизации их экономической деятельности в Арктике, а также касаются труднопросчитываемых в сверхдолгосрочной перспективе (от 50 до 100 лет) рисков управления арктическими (северными) территориями многих государств.

Актуальность исследования основана на том, что в России в XXI веке формируется политика управления социально-экономическим развитием Арктической зоны РФ (далее – АЗРФ, Арктическая зона). Смысл российской арктической стратегии заключается в инновационной модернизации экономики и социальной сферы в рамках использования интеллектуальных ресурсов и формирования передовых

знаний¹. Основы государственной политики России в Арктике до 2035 года (утверждены Указом Президента России в марте 2020 г.) развивают положения Основ государственной политики России в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу². Развитие человеческого капитала, подготовка кадров в системе высшего образования (далее – ВО) и среднего профессионального образования (далее – СПО), в т. ч. в среде коренного населения, сохранение социальных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и постоянно проживающих в АЗРФ, являются приоритетами политики России в Арктике. В 2020 году одной

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://government.ru/info/> (дата обращения 22.02.2019).

² Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (утверждены Указом Президента РФ 5 марта 2020 г. № 164). URL: <http://government.ru/info/> (дата обращения 25.03.2020).

из целей такой политики объявлено «ускорение экономического развития территорий Арктической зоны Российской Федерации»³. На государственном уровне необходимо сосредоточить усилия на элементах, использование которых обеспечит синергетический эффект при реализации приоритетов развития АЗРФ. Одним из таких элементов выступает подготовка кадров в системе ВО. С началом развертывания масштабных инвестиционных проектов по разработке минерально-сырьевой базы и развитию транспортной инфраструктуры в Российской Арктике (далее – мегапроектов) ресурсные и транспортные корпорации, органы государственного управления, образовательные и научно-исследовательские организации АЗРФ сталкиваются с дефицитом высококвалифицированных специалистов, способных жить и эффективно работать в экстремальных условиях Арктики. Их нехватка является следствием оттока населения, слабой вовлеченности бизнеса в целевую подготовку и повышение квалификации сотрудников, слабости научно-образовательного пространства (на некоторых территориях Российской Арктики, в частности в Ненецком автономном округе, отсутствуют учреждения ВО) и информационно-аналитического сопровождения его функционирования [1].

Вопросы подготовки кадров в субъектах АЗРФ активно анализируются многими исследователями. С участием российских экспертов в Арктическом Совете публикуется доклад о состоянии, социально-экономических и демографических характеристиках человеческого капитала в Арктике [1]. Б.А. Ревич, Т.Л. Харькова, Е.А. Кваша [2] оценивают демографическую ситуацию и качество человеческих ресурсов в субъектах Северного экономического района. Н.Г. Меньших отмечает, что дефицит кадров препятствует устойчивому социально-экономическому развитию не только Крайнего Севера и Арктики, но и всего государства. Количественный и качественный дисбаланс на рынке труда ставит под угрозу реализацию мегапроектов и национальных проектов

в Арктической зоне. Проблему нехватки кадров не решает приток специалистов из других регионов страны и зарубежья. Автор констатирует существование двух групп задач, необходимых для решения проблемы, связанной с подготовкой кадров в интересах АЗРФ. «Первая группа – обеспечение инновационного характера базового образования, обновление структуры сети образовательных учреждений, формирование интегрированных научно-образовательных структур; обеспечение компетентностного подхода, понимаемого через укрепление взаимосвязи теоретических знаний и практических умений; развитие вариативности образовательных программ, в том числе создание системы прикладного бакалавриата. Вторая группа задач – создание системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки кадров, в том числе: создание системы поддержки потребителей услуг непрерывного профессионального образования; поддержка корпоративных программ подготовки и переподготовки профессиональных кадров; создание системы поддержки организаций, предоставляющих услуги непрерывного профессионального образования» [3, с. 98].

А.В. Симакова, И.С. Степуть, Е.А. Питухин анализируют потенциал вузов по подготовке кадров в целях развития Российской Арктики и итоги опроса работодателей в ключевых отраслях экономики АЗРФ. По результатам опроса был сформирован перечень востребованных профессий, в большинстве относящихся к системе СПО. Однако в субъектах АЗРФ подготовка по многим направлениям не ведется. С использованием экспертных методов авторы оценивают покрытие потребностей работодателей в высококвалифицированных трудовых ресурсах как в целом, так и в разрезе специальностей и направлений подготовки. Уделено внимание проблеме миграции выпускников за пределы арктического региона и ее влиянию на кадровый потенциал территории. На примере вузов и предприятий Республики Карелии показана целесообразность развития международной кооперации в рамках Баренцева Евро-Арктического региона с целью формирования у российских выпускников передовых профессиональных компетенций [4; 5; 6; 7].

³ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (утверждены Указом Президента РФ 5 марта 2020 г. № 164). URL: <http://government.ru/info/> (дата обращения 25.03.2020).

О.М. Островская подчеркивает, что миссия российских университетов — «наращивать интеллектуальный потенциал для развития страны», обеспечивать обществу постоянный приток современно мыслящих и социально ответственных молодых граждан. Автор сопоставляет процессы подготовки кадров высшей школы в советском прошлом и в настоящее время. Рассмотрены условия, не всегда способствующие повышению качества и доступности образования, но в которых вузам следует осуществлять образовательный процесс и стремиться оказывать содействие трудоустройству выпускников. Представлены актуальные формы реализации обучения и сотрудничества вузов, предприятий, науки и органов власти. Сделаны выводы о необходимости разрыва дистанции между содержанием подготовки в университете и перспективными кадровыми потребностями экономики [8].

М.В. Иванова и О.В. Шабалина рассматривают взаимосвязь высшего образования с возможностями реализации государственной политики на Севере и в АЗРФ на современном этапе. Среди факторов, препятствующих эффективной подготовке кадров в субъектах Арктики, отмечается дисбаланс между спросом и предложением в территориальном и профессиональном отношении. На рынке труда наблюдаются взаимоисключающие тенденции: с одной стороны, дефицит рабочей силы, с другой — сложности трудоустройства. Реформирование ВО не в полной мере решило проблему закрепления молодежи в северных регионах и удовлетворения потребностей региональных рынков труда. В статье представлен исторический опыт вовлечения молодежи в освоение Арктики, который свидетельствует о важности высшего образования, начатого в советский период. «Подготовка специалистов, силами которых совершенствовалась теоретическая, материально-техническая база российской науки и накапливались эмпирические данные ..., позволила России в XVIII — начале XX вв. реализовать большое число государственных задач в целях защиты своих экономических и геополитических интересов в Арктике» [9, с. 200].

В.П. Игнатьев, А.П. Богушевич, А.А. Дарамаева при рассмотрении вопросов, связанных с подготовкой кадров для Арктической зоны Республики Саха (Якутия), исходят из того,

что при освоении территории должен использоваться системный подход. Для подготовки кадров, способных работать в экстремальных условиях Арктики, требуется с участием работодателей актуализировать (кое-где создать) образовательные и профессиональные стандарты, разработать дисциплины, формирующие особые компетенции, необходимые для трудовой деятельности в Арктике. Авторы предлагают перечень таких компетенций, а также примеры образовательных программ ВО для подготовки специалистов, в т. ч. в сетевой форме [10].

О.В. Будзинская отмечает, что в проектах по освоению месторождений, значительная часть которых еще не запущена в реальный сектор экономики, остро ощущается нехватка специалистов, владеющих умениями настройки роботизированных систем, модернизации (иногда создания) информационно-телекоммуникационных технологий на сухопутных территориях Российской Арктики. Анализ показал, что для АЗРФ характерна самая разветвленная и глубокая в арктическом регионе сеть по подготовке специалистов в учреждениях СПО и ВО [11].

Особенности арктического рынка труда и подготовки специалистов в интересах развития грузоперевозок по Северному морскому пути (далее — СМП) анализируют Е.А. Смягликова и И.И. Костылев [12; 13]. В.Г. Цуприк, А.Б. Афонин, П.А. Гарибин подчеркивают, что подготовка кадров в субъектах АЗРФ является востребованной с учетом деятельности России и зарубежных стран по добыче ресурсов на шельфах морей Северного Ледовитого океана, строительству инфраструктуры, развитию СМП. Авторы приводят примеры партнерств на национальном и международном уровнях в сфере кадрового обеспечения устойчивого социально-экономического развития северных территорий [14].

Зарубежные эксперты и исследователи не так широко, как российские коллеги, рассматривают проблемы высшего образования и подготовки кадров в районах Крайнего Севера. Их привлекают частные аспекты, например отраслевые стандарты среднего и высшего образования. Использование социологических методов для изучения системы образования часто ограничено школьным образованием, исследователи анализируют мнение подростков и учителей по вопросам организации и перспектив

обучения и воспитания. Большое внимание уделяется анализу образовательного пространства в среде коренных народов. Заметим, что статьи в российских источниках лишены сопоставлений «образование – закрепление на Севере – геополитика», которые часто встречаются в зарубежных публикациях [15; 16]. Ученые из Эстонского университета прикладных наук и предпринимательства, анализируя процесс подготовки кадров в высшей школе, сформировали перечень специфических навыков и изучили мнение студентов о роли «северных» навыков в учебной программе. Выявлено, что студенты высоко оценивают важность навыков и акцентируют внимание на необходимости их приобретения и развития в процессе получения высшего образования [17].

В статьях [18; 19] представлен опыт формирования перечня профессий с учетом приоритетов развития Арктики и критериев, сформированных на основе данных мониторинга вакансий служб занятости населения, прогноза кадровой потребности работодателей. S. Moller исследует модели децентрализованного сестринского образования на циркумполярном Севере, рассматривая образовательные программы в Гренландском университете [20]. M. Salo анализирует создание на Крайнем Севере Финляндии высокотехнологичного «Технопарка Оулу» – одного из первых на Севере Европы на основе коллаборации государства, Университета Оулу и корпорации Nokia [21]. O.A. Misund [22] подходит к рассмотрению важности сохранения и развития высшего образования на Шпицбергене с позиций закрепления на нем Норвегии и реализации положений национальной арктической стратегии. J. McDonnell, J. Kohut, O. Schofield и другие [23] фокусируют внимание на платформе Polar ICE (www.polar-ice.org), комплексной образовательной и информационной программе обеспечения виртуального доступа к полярным регионам для преподавателей средней школы и ученых университетов с целью улучшения понимания полярной науки. E.V. Vania и S.E. Kvermo [24] изучают особенности психического здоровья коренных саамов и некоренной молодежи в социокультурном пространстве сельских и городских районов Крайнего Севера Норвегии. Цель статьи K. Black [25] –

анализ особенностей развития послевузовского образования в Западной и Восточной Арктике в 1945–1990 гг. и уточнение роли канадских университетов в реализации социально-экономических целей национального строительства на севере Канады.

Наша статья подготовлена в продолжение исследования, которое авторы предпринимали в 2016–2017 гг., однако в ней не ставится цель провести подробное сопоставление итогов двух исследований. Нами было установлено, что разворачивание мегапроектов и эмиграция трудоспособного населения из субъектов АЗРФ могут рассматриваться как факторы формирования потребности в трудовых ресурсах [26]. Одним из выводов стала констатация необходимости совершенствования государственной политики в сфере подготовки кадров для реализации арктической стратегии России. Это формирует задачу организации и проведения исследований системы подготовки кадров с высшим образованием для работы в АЗРФ.

В 2018 году осуществлено исследование с целью количественного и качественного анализа подготовки высококвалифицированных кадров в интересах развития Российской Арктики в 2015–2018 гг. Под количественным анализом подразумевается установление числа реализуемых образовательных программ арктической направленности и их распределение по уровням подготовки (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура), количества выпускников по образовательным программам и доли лиц из их числа, обучающихся по договорам целевого обучения, распределение образовательных программ по некоторым укрупненным группам специальностей / направлений подготовки (далее – УГСН) и тематическим группам, определенных Стратегией научно-технологического развития РФ, в организациях ВО, принявших участие в мониторинге в 2015–2018 гг.⁴ Качественный анализ предполагал установление направлений, в рамках которых осуществляется подготовка кадров в интересах развития АЗРФ организациями ВО, принявшими участие в мониторинге.

⁴ О Стратегии научно-технологического развития РФ (Указ Президента Российской Федерации 01.12.2016 № 642). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения 10.03.2020).

Исследование охватило 121 организацию ВО, в том числе впервые ассоциацию «Национальный арктический научно-образовательный консорциум» (далее – НАНОК). НАНОК был создан в 2016 году на базе ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (далее – САФУ имени М.В. Ломоносова). Цель ассоциации – консолидация государственных и частных ресурсов (в т. ч. научных инициатив) в сфере научного и кадрового обеспечения устойчивого социально-экономического развития арктических и северных территорий РФ. «НАНОК ориентирован на создание единого научно-образовательного пространства, обеспечивающего информационно-аналитическое сопровождение проектов развития АЗРФ, в т. ч. координацию научно-образовательной деятельности»⁵. Научные исследования в ассоциации охватывают фундаментальные и прикладные аспекты естественных, общественно-гуманитарных и инженерных наук. НАНОК является организатором научно-образовательной экспедиции «Арктический плавучий университет» (организаторы – САФУ, РГО, Росгидромет, российские и зарубежные научно-образовательные учреждения), занимается поддержкой талантливых студентов (ежегодный Всероссийский конкурс студенческих научных работ по арктической тематике), студенческой мобильности (ежегодные научные стажировки призеров этого конкурса), развитием информационного обмена (мониторинг и публикация новостей на сайте НАНОК), созданием массовых открытых онлайн-курсов (МООС) по арктической тематике, участвует в разработке профессиональных образовательных и отраслевых стандартов для подготовки высококвалифицированных специалистов⁶.

Методология исследования. Основными методами исследования стали социологический (опрос) и аналитический (системный анализ). Поскольку федеральная статистика по проблеме отсутствует, для выявления вузов, реализующих программы арктической направленности, авторы опирались на итоги выполнения в 2016–

⁵ Ассоциация «Национальный арктический научно-образовательный консорциум». URL: <http://arctic-union.ru/contacts/> (дата обращения 28.03.2020).

⁶ Там же.

2018 гг. государственных заданий Министерства образования и науки РФ (далее – МОН), исполнителем по которым был назначен САФУ имени М.В. Ломоносова⁷.

Методологическим базисом исследования выступил структурно-функциональный подход, позволивший рассматривать систему подготовки высококвалифицированных кадров через набор реализуемых функций и видов деятельности. С использованием аналитического метода и системного подхода был проведен анализ учебно-методической документации вузов (учебных планов, основных профессиональных образовательных программ, рабочих программ дисциплин), нормативных документов (федеральных государственных образовательных стандартов, далее – ФГОС, профессиональных и отраслевых стандартов). Применение методов обобщения и анализа помогло оценить содержание немногочисленных зарубежных и российских статистических, информационных и научных источников по изучаемой теме.

Программа исследования включала составление анкеты с параметрами, позволяющими выявить организации ВО, реализующие образовательные программы арктической направленности, а также определить количественные и качественные характеристики подготовки кадров для работы в Арктике. Сбор данных осуществлялся в дистанционном формате с использованием информационно-коммуникационной сети Интернет.

Перечень реализуемых вузами и научными организациями научных направлений в интересах АЗРФ подготавливался поэтапно. На первом этапе на основе рубрикатора научно-технической информации и номенклатуры направлений и специальностей подготовки

⁷ Государственное задание МОН № 27.262.2016/НМ «Информационно-аналитическое сопровождение научно-образовательного пространства Арктической зоны Российской Федерации» (2016 г.), Государственное задание МОН № 27.9701.2017/НМ «Разработка системы мониторинга подготовки кадров с высшим образованием для работы и проведения научных исследований в Арктической зоне РФ» (2017 г.), Государственное задание МОН № 27.12661.2018/12.1 «Экспертно-аналитическое сопровождение реализации государственной политики в сфере подготовки кадров для работы в Арктической зоне Российской Федерации и международного сотрудничества в рамках Университета Арктики» (2018 г.).

был составлен перечень направлений подготовки. На следующем этапе проведена экспертная оценка тематического поля выполняемых вузами и научными организациями проектов, что позволило провести их классификацию и систематизацию.

Мониторинг охватил 121 образовательную организацию ВО, в том числе университеты НАНОК. К критериям, определяющим арктическую направленность образовательной программы, отнесены следующие параметры:

- к реализации образовательной программы привлекаются организации-партнеры, осуществляющие экономическую деятельность на территории АЗРФ;
- предусмотрено прохождение обучающимися производственных практик в таких организациях (наличие договора на организацию и прохождение практики);
- проводятся исследования, принимается участие в проектах по арктической тематике в кооперации с российскими и международными партнерами;
- наличие базовых кафедр на базе университетов и предприятий АЗРФ;
- наличие в основных образовательных программах, рабочих программах дисциплин, фондах оценочных средств по анализируемым направлениям подготовки «арктикоориентированных» компетенций (например, в САФУ:

профиль «Полярная метеорология» направления подготовки 05.03.04 Гидрометеорология, профиль «Природно-ресурсный потенциал Арктики» направления подготовки 05.03.06 Экология и природопользование и другие).

Результаты и обсуждение

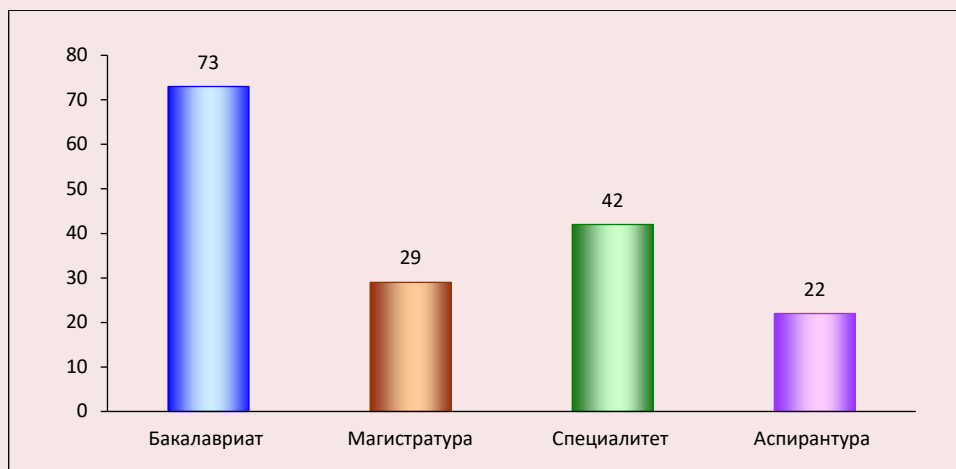
По итогам мониторинга в 2018 году выяснено, что из 121 организации ВО 32 (13 входят в НАНОК) реализуют программы арктической направленности. Общее количество направлений подготовки, по которым реализуются программы арктической направленности в университетах АЗРФ, составляет 166. Их распределение по уровням подготовки представлено на *рисунке 1*.

В *таблице* показано распределение образовательных программ по некоторым УГСН.

Результаты мониторинга показали, что в 92% образовательных программ арктической направленности включены арктические модули / дисциплины. Научно-исследовательские работы обучающихся 83% образовательных программ уровня магистратуры образовательных организаций, входящих в НАНОК, отражают арктическую специфику.

Более 90% (свыше 360 единиц) образовательных программ арктической направленности реализуется по направлениям, определенным Стратегией научно-технологического развития РФ. 52,4% (218 единиц) связаны

Рисунок 1. Распределение образовательных программ арктической направленности по уровням подготовки кадров в организациях ВО, 2018 г., ед.

Составлено по: данные мониторинга.

Распределение образовательных программ ВО арктической направленности по некоторым УГСН, 2018 г.

УГСН	Количество образовательных программ по уровням образования, ед.			
	бакалавриат	специалитет	магистратура	аспирантура
08.00.00 Техника и технологии строительства	17	6	10	–
21.00.00 Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия	15	12	4	–
44.00.00 Образование и педагогические науки	27	–	–	–
15.00.00 Машиностроение	19	20	6	–
05.00.00 Науки о земле	5	–	7	6
06.00.00 Биологические науки	6	–	6	4
31.00.00 Клиническая медицина	–	4	–	5
13.00.00 Электро- и теплоэнергетика	5	–	3	–
20.00.00 Техносферная безопасность и природообустройство	6	–	–	–
26.00.00 Техника и технологии кораблестроения и водного транспорта	6	–	–	–

Составлено по: данные мониторинга.

с подготовкой кадров для реализации перехода к цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, использования роботизированных систем, машинного обучения и искусственного интеллекта, систем обработки больших данных. 11,8% (49 единиц) направлены на формирование эффективного ответа общества на глобальные вызовы, возникающие при взаимодействии человека, технологий и окружающей среды, развитие социальных институтов, в т. ч. с применением методов гуманитарных и социальных наук. 10,6% (44 единицы) ориентированы на переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышению эффективности добычи и глубокой переработки минерального сырья, созданию новых источников энергии, способов ее транспортировки и хранения. Более 50% (свыше 200 единиц) образовательных программ арктической направленности составляют образовательные программы в области инженерии. Они распределяются по УГСН: 08.00.00 Техника и технология строительства (17,1%, 35 программ), 21.00.00 Прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия (16,2%, 30 программ), 13.00.00 Электро- и теплоэнергетика (8,3%, 18 программ), 26.00.00 Техника и технология кораблестроения и водного транспорта (6,9%, 15 программ), 09.00.00 Информатика и вычислительная техника (3,7%, 8 программ), 23.00.00 Техника и технология наземного транспорта (3,7%, 8 программ), 15.00.00 Машиностроение (3,7%, 8 программ).

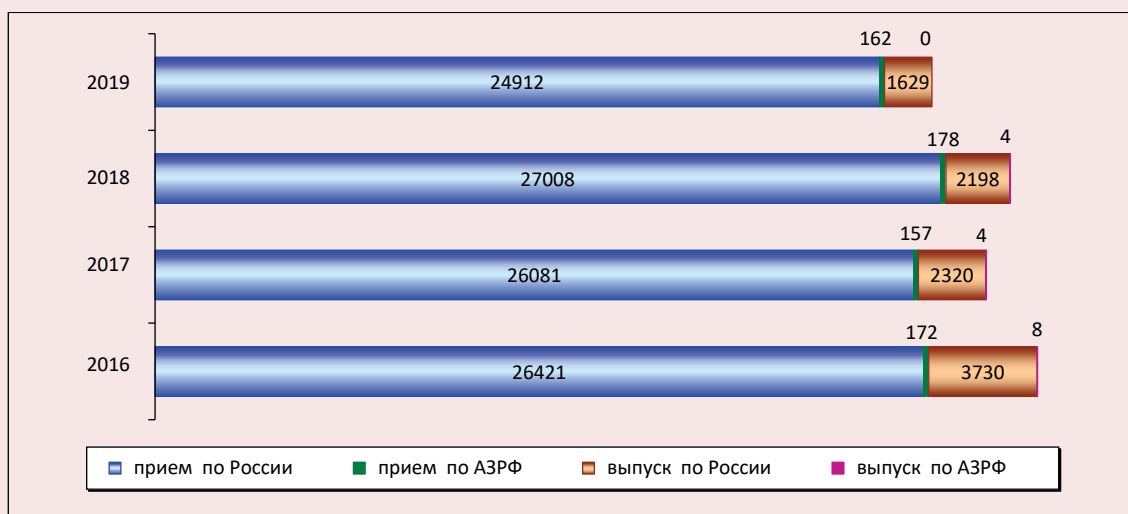
Общее количество выпускников по образовательным программам арктической направленности в организациях ВО в 2015–2018 гг. составило 23871 человек. Из них по договорам о целевом обучении обучались 760 человек: в бакалавриате – 40%, специалитете – 5,2%, магистратуре – 2,5%. Таким образом, около 3% от общего количества выпускников по образовательным программам арктической направленности обучались по договорам о целевом обучении, из них 62% – в университетах, входящих в АЗРФ. Такие результаты позволяют сделать вывод о том, что организации ВО недостаточно используют возможности предприятий всех форм собственности для реализации образовательных программ при организации целевого обучения. Опросы показали, что при реализации более 90% образовательных программ арктической направленности предусмотрена возможность прохождения практик на предприятиях, осуществляющих хозяйственную деятельность на территории АЗРФ.

Проанализировать некоторые качественные показатели подготовки кадров высшей квалификации для работы в университетах и научно-исследовательских организациях РФ и ее Арктической зоны можно с помощью данных официальной статистики (рис. 2–5). Не сравнивая показатели с общероссийскими, отметим, что практически по всем из них в субъектах АЗРФ наблюдается отрицательная динамика. Этот фактор может влиять на то, что удельный вес наукоемких инновационных

товаров, работ (услуг) организаций в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ (услуг) в субъектах АЗРФ в три-пять раз ниже среднероссийского уровня. Объем инновационных товаров, работ, услуг, производимых на предприятиях АЗРФ, уменьшается. На этом фоне внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки (далее –

НИОКР) в субъектах Российской Арктики несущественно выросли: с 4272,5 млн руб. в 2016 году (российский показатель – 873878,9 млн руб.) до 4579,9 млн руб. в 2018 году (российский показатель – 960667,9 млн руб.) Затраты на технологические инновации в субъектах АЗРФ в 2016–2018 гг. увеличились примерно в пять раз⁸.

Рисунок 2. Количество обучающихся, принятых в аспирантуру и выпущенных из нее, 2016–2019 гг., чел.

Рассчитано по: Региональная статистика. Арктическая зона Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/regional_statistics (дата обращения 30.03.2020).

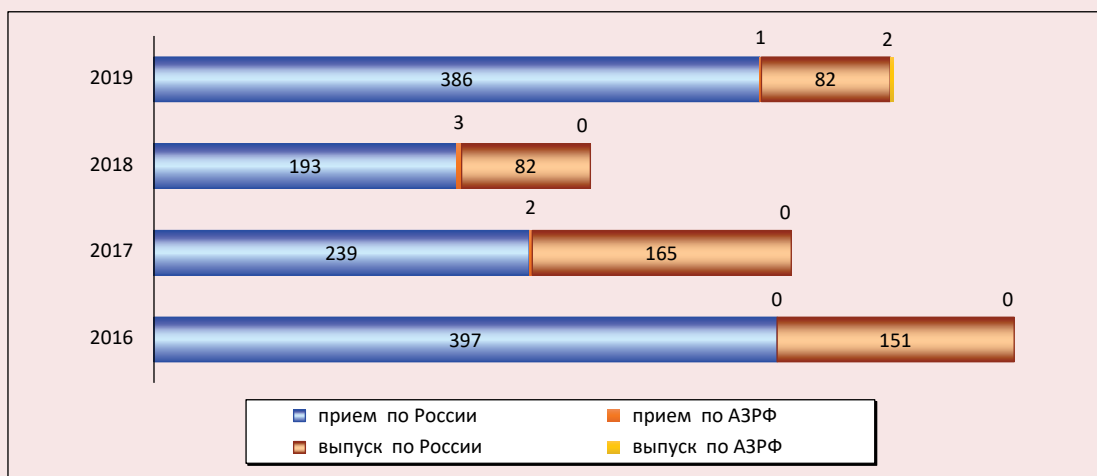
Рисунок 3. Количество организаций, имеющих аспирантуру, в РФ и АЗРФ, 2016–2019 гг., ед.

Рассчитано по: Региональная статистика. Арктическая зона Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/regional_statistics (дата обращения 30.03.2020).

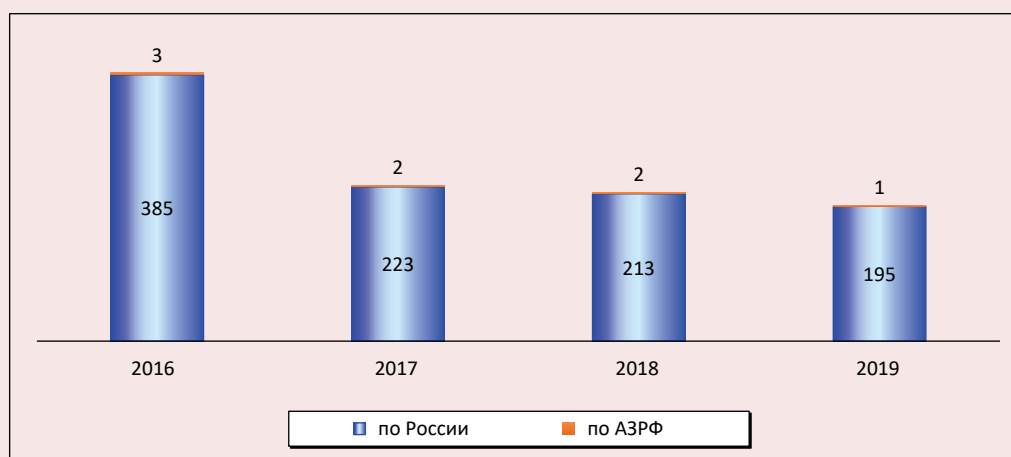
⁸ Региональная статистика. Арктическая зона Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/arc_zona.html (дата обращения: 10.03.2020).

Рисунок 4. Количество обучающихся, принятых в докторантуру и выпущенных из нее, 2016–2019 гг., чел.

Рассчитано по: Региональная статистика. Арктическая зона Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/regional-statistics> (дата обращения 30.03.2020).

Рисунок 5. Количество организаций, имеющих докторантуру, в РФ и АЗРФ, 2016–2019 гг., ед.

Рассчитано по: Региональная статистика. Арктическая зона Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/regional-statistics> (дата обращения 30.03.2020).

Выводы и рекомендации. По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Как отмечалось нами ранее: «Текущая потребность в трудовых ресурсах, имеющих высшее образование, составляет 6198 чел. (из них: уровня бакалавриата – 3680 чел., уровня специалитета – 1364 чел., магистратуры – 1145 чел.). Среднесрочная (до 2022 г.) потребность составляет 8261 чел. (из них: уровня бакалавриата – 4658 чел., уровня специалитета – 1836 чел., уровня магистратуры – 1753 чел.).»

В региональном разрезе наибольшую потребность в трудовых ресурсах показали Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ и Республика Коми. Наименьшие показатели кадровой потребности демонстрируют Ненецкий и Чукотский автономные округа и Республика Саха (Якутия)» [26, с. 189]. Сравнивая эти данные с теми, которые были получены по итогам настоящего исследования (число выпускников по образовательным программам арктической направленности в организациях ВО

в 2015–2018 гг. – 23871 чел.), можно утверждать, что в количественном отношении число выпускников организаций ВО в несколько раз превосходит кадровую потребность в них. Это может способствовать росту безработицы, оттоку трудоспособного населения, в т. ч. высококвалифицированных трудовых ресурсов. Указанные факторы в конечном итоге могут привести к дальнейшей отсрочке реализации мегапроектов, предусмотренных российской арктической стратегией, негативно сказаться на темпах социально-экономического развития субъектов АЗРФ. Вместе с тем работодателей не всегда устраивает качество подготовки молодых специалистов, часто их приходится «доучивать» на рабочем месте [26]. В связи с этим, по итогам исследования и с опорой на имеющийся опыт, для повышения качества подготовки высококвалифицированных кадров для работы в АЗРФ полагаем целесообразным применение следующих мер:

1. Актуализация ФГОС. С 2017 года Министерство образования и науки РФ (далее – МОН) ведет работу по включению требований профессиональных стандартов в образовательную практику университетов. Однако такие стандарты утверждены не по всем УГСН, например, отсутствуют по гидрометеорологии (05.00.00 группа УГСН). Практический интерес представляет разработка собственных образовательных стандартов федеральным университетом АЗРФ (САФУ). Это позволит увеличить долю прикладного бакалавриата, целенаправленно отвечать за запросы работодателей. Опыт такой деятельности имеется у авторов исследования.

2. Модернизация инструментов целевого обучения. С 2016 года МОН разрабатывает новую форму договора о целевом приеме и обучении между вузом, заказчиком (работодателем) и абитуриентом⁹. Государственный подход предполагает взаимную ответственность всех сторон, в т. ч. «отработку» различной продолжительности выпускника на предприятии либо выплату им неустойки за неисполнение этого обязательства. Институты целевого приема и

обучения могут получить развитие при участии предприятий и бизнеса в фундаментальных и прикладных научных исследованиях. В этом случае возникает практическая польза как для вуза, так и для предприятия, в интересах которого будут проводиться исследования.

3. Развитие базовых кафедр. Задача базовой кафедры – приближение учебного процесса к потребностям предприятия, сокращение периода «доучивания» молодого специалиста на рабочем месте. Базовые кафедры появились в России в начале 2000-х гг. В 2013 году стало возможно организовать их на предприятиях для реализации практикоориентированного обучения (прикладного бакалавриата). МОН с 2017 года использует особый подход к лицензированию образовательной деятельности организаций, создающих базовые кафедры. В частности, закрепляется возможность лицензирования таких структурных подразделений в составе вуза, что снимает избыточные требования к базовым подразделениям в части необходимости реализации на их площадках образовательной программы. Будет разрешено привлекать к руководству такими кафедрами руководителей предприятий, на базе которых они создаются [8, с. 66].

4. Организация образовательной деятельности с использованием сетевых форм. Сетевая форма, как отмечает О.М. Островская, по определению МОН предполагает организацию обучения с использованием ресурсов не только образовательных, в т. ч. иностранных, но при необходимости – иных организаций. «...Сетевая форма применяется в целях повышения качества образования, расширения доступа обучающихся к современным образовательным технологиям и средствам обучения, предоставления возможности выбора профилей подготовки и специализаций, углубленного изучения учебных модулей / дисциплин, формирования и развития профессиональных компетенций за счет изучения опыта ведущих образовательных и производственных организаций, повышения конкурентоспособности выпускников на российском и международном рынках образовательных услуг и труда...» [8, с. 60]. На основе опубликованных рекомендаций МОН в САФУ реализуется несколько таких образовательных программ на всех уровнях подготовки.

⁹ О повышении эффективности целевого обучения и целевого приема. URL: <http://government.ru/news/24903/> (дата обращения 10.03.2020).

5. Развитие инновационной инфраструктуры. Фундаментом построения знаниевой экономики Российской Арктики является инновационная инфраструктура, которая представлена технопарками, бизнес-инкубаторами, венчурными компаниями, университетами, федеральными научными центрами, колледжами (как опытно-экспериментальными площадками для пилотных проектов). Она способствует устойчивому функционированию научно-образовательного пространства, используется для создания системы интеллектуального присутствия в Арктике в долгосрочной перспективе, обеспечивает релевантный уровень научных исследований и проектной экспертизы.

6. В современных условиях вуз представляет организацию, «... которая аккумулирует материальные, экономические, научно-технические, финансовые, информационные, интеллектуальные ресурсы и трансформирует их в конечный продукт – общекультурные и профессиональные компетенции выпускников, инновационные образовательные программы, НИОКР...» [3, с. 101]. М.К. Есеев обращается к тематике создания научно-образовательного центра в Архангельской области, но на межрегиональной основе (например, в сотрудничестве с образовательными организациями и промышленными предприятиями Мурманской области и других субъектов РФ) [27]. Появляющиеся в соответствии с целями национальных проектов к 2024 году на конкурсной основе НОЦ должны составить конкуренцию ведущим зарубежным университетам и научно-исследовательским организациям¹⁰. Российским НОЦ следует связать в единую цепь отбор талантливых абитуриентов, их обучение, формирование передовых «арктических» профессиональных компетенций, организацию и проведение прорывных научных исследований, в т. ч. в экспедиционной форме, ускоренное внедрение НИОКР в реальный сектор экономики. Освоение Арктики – стратегическая цель развития РФ на долгосрочную перспективу, поэтому внедрение в систему ВО новых конвергентных тех-

нологий, использование адаптивных материалов и средств обучения и производства, проведение исследований мирового уровня будут иметь решающее значение для устойчивого социально-экономического развития Арктики. НОЦ можно использовать для создания благоприятного имиджа университетов на международном, федеральном и региональном уровнях, что будет способствовать росту интереса к вузу со стороны абитуриентов и профессионального сообщества.

Исследование развивает представление о подготовке трудовых ресурсов с высшим образованием для развития АЗРФ. Впервые использованы данные НАНОК. Сопоставление материала может быть осуществлено только в содержательном контексте с экспертно-аналитическими материалами Университета Арктики, Арктического Совета, рабочей группы по образованию и науке Совета Баренцева Евро-Арктического региона. Они, однако, не отличаются полнотой характеристик Российской Арктики. В этом заключается новизна исследования.

Материалы статьи имеют теоретическое значение, они неоднократно апробированы и могут быть использованы в научно-образовательном процессе в вузах.

Мониторинг позволил получить практические результаты:

- определить университеты, реализующие образовательные программы арктической направленности;
 - проанализировать образовательные программы арктической направленности в образовательных учреждениях НАНОК;
 - сформировать перечень компетенций специалистов, востребованных для работы в арктических условиях;
 - проанализировать объем и структуру целевого приема и целевого обучения студентов в 2018 году по образовательным программам арктической направленности;
- а также другие, не рассматриваемые в настоящей статье по причине ограниченности ее объема:
- выявить вклад регионов РФ в реализацию научных исследований в интересах развития АЗРФ;

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 (п.10). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/2> (дата обращения 08.04.2020); Научно-образовательные центры мирового уровня. URL: <https://www.ноц.рф/about> (дата обращения 08.04.2020).

– создать перечень реализуемых вузами и научными организациями научных направлений в интересах развития АЗРФ.

Выводы исследования могут быть рекомендованы к использованию органами исполнительной власти (в т. ч. на межрегиональном уровне, например между Архангельской областью и Ненецким автономным округом) при выработке политики в сфере образования, организации научно-исследовательской деятельности, управления научно-образовательным пространством, подготовки кадров для удовлетворения кадровой потребности субъектов Арктической зоны. Проведенное исследование может способствовать восполнению вакуума в статистической и аналитической информации в целях осуществления мониторинга социально-экономического развития АЗРФ.

По его итогам создана информационно-аналитическая база данных, включающая перечень и карту организаций высшего образования, осуществляющих подготовку кадров и научные исследования в интересах развития Российской Арктики¹¹, а также база данных работодателей АЗРФ¹².

Дальнейшее направление научного поиска в рамках избранной темы может заключаться в анализе подготовки кадров для ключевых отраслей экономики на территориях зарубежной Арктики (например, сетевым Университетом Арктики), сопоставлении такой информации с российскими аналогами, обосновании развития международного сотрудничества в научно-образовательной сфере и обмена опытом подготовки кадров в университетах и колледжах арктического региона.

Литература

1. Потребность субъектов Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах / К.С. Зайков, Н.А. Кондратов, Е.В. Кудряшова, А.М. Тамицкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 184–202.
2. Демографические процессы, динамика трудовых ресурсов и риски здоровью населения Европейской части Арктической зоны России / Б.А. Ревич, Т.Л. Харьковская, Е.А. Кваша, Д.Д. Богоявленский, А.Г. Коровкин, И.Б. Королев. М.: ЛЕНАНД, 2016. 304 с.
3. Меньших Н.Г. Роль подготовки кадров в инновационном развитии Арктической зоны РФ // Арктика и Север. 2014. № 15. С. 95–102.
4. Симакова А.В., Степуть И.С., Питухин Е.А. Система образования и кадровая потребность арктических регионов России: профессиональный разрез // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 492–502.
5. Сигова С.В., Степуть И.С. Кадровое обеспечение приоритетов развития Арктической зоны России – вклад системы высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 5 (99). С. 19–29.
6. Степуть И.С. Стратегическое развитие экономики Арктического макрорегиона и его обеспеченность кадрами со средним профессиональным образованием // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 11. С. 66–80.
7. Шаббаева С.В., Степуть И.С., Хотеева И.А. Возможности субарктических вузов для решения кадровых проблем Арктики // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 4 (110). С. 106–115.
8. Островская О.М. Условия и формы реализации, обеспечивающие подготовку кадров в современных организациях высшего образования // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4 (55). С. 59–68.

¹¹ Территориальная карта образовательных учреждений и образовательных программ, реализуемых в вузах АЗРФ. URL: <http://arctic-union.ru/napravleniya/base> (дата обращения 07.12.2019).

¹² Территориальная карта предприятий, ведущих экономическую деятельность в АЗРФ. URL: <http://arctic-union.ru/napravleniya/kompanii-rabotodateli> (дата обращения 07.12.2019).

9. Иванова М.В., Шабалина О.В. Институт высшего образования как инструмент обеспечения доминирования России в арктическом регионе // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 4 (51). С. 199–209.
10. Игнатъев В.П., Богушевич А.П., Дарамаева А.А. Подготовка кадров для Арктической зоны Республики Саха (Якутия) // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. № 4. С. 3265–3274.
11. Будзинская О.В. Образовательный аспект кадрового обеспечения ТЭК в арктическом регионе // Микроэкономика. 2019. № 6. С. 64–69.
12. Смягликова Е.А. Развитие традиций морского образования для арктических проектов // Транспортная стратегия – XXI век. 2016. № 35. С. 11.
13. Костылев И.И. Кадровая обеспеченность арктических проектов // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 55–65.
14. Цуприк В.Г., Афонин А.Б., Гарибин П.А. Подготовка инженерных кадров для развития водных путей при освоении арктических регионов // Вестник государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. 2018. Т. 10. № 4. С. 742–761.
15. Glomsrod S., Aslaksen I. *The Economy of the North*. Oslo – Kongsvinger, 2006. 99 p.
16. Stenersen M., Larsen J. *E-educating the Educators Lessons Learned by Moving Towards Open, Free and Self-Paced Online Resources in Higher Education*. Edulearn 16: 8th international conference on education and new learning technologies. 2016. С. 1942–1945.
17. Õunapuu T., Einpaul P. *Generic Skills in Higher Education Curriculum Design: Students' Perceptions*. Proceedings of INTED2018 Conference 5–7 March, 2018, Valencia, Spain. 2018. URL: <https://library.iated.org/view/OUNAPUU2018GEN> (дата обращения 10.03.2020).
18. Shabaeva S.V., Stepus I.S. *Increasing Russian Arctic Zone Employability*. Proceedings of EDULEARN 17 Conference 3rd-5th July 2017, Barcelona, Spain. 2017. URL: <https://library.iated.org/view/SHABAEVA2017INC> (дата обращения 10.03.2020).
19. Smaller N.G. The role of training in the innovative development of the Arctic zone of the Russian Federation. *A&S*, 2014, no. 15, pp. 95–102.
20. Moller S. Nursing education in Greenland. *Northern Review*, 2016, no. 43, pp. 129–133.
21. Salo M. High-Tech Centre in the Periphery: The Political, Economic and Cultural Factors behind the Emergence and Development of the Oulu ICT Phenomenon in Northern Finland. *Acta Borealia*, 2014, vol. 31, is. 1, pp. 83–107.
22. Misund O.A. Academia in Svalbard: an increasingly important role for research and education as tools for Norwegian policy. *Polar Research*, 2017, vol. 36, pp. 12–27.
23. McDonnell J., Kohut J., Schofield O., Hunter-Thomson K., Ferraro C., Hotaling L., Dyk P.V. *Polar ICE: Bringing the poles to classrooms*. Conference on OCEANS, Anchorage. 2017.
24. Bania E.V., Kvermo S.E. Tertiary education and its association with mental health indicators and educational factors among Arctic young adults: the NAAHS cohort study. *International Journal of Circumpolar Health*, 2016, vol. 75, pp. 43–56.
25. Black K. Extracting Northern Knowledge: Tracing the History of Post-Secondary Education in the Northwest Territories and Nunavut. *Northern Review*, 2015, no. 40, pp. 35–61.
26. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov M.Y., Kuprikov N.M., Tamickaya E. *Need Analysis of College-Educated Labor Resources in the Subjects of the Russian Arctic*. The I international scientific practical conference «Breakthrough technologies and communications in industry». 20–21 November 2018, Volgograd, Russian Federation / IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, vol. 483, no. 1. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/483/1/012016> (дата обращения 10.03.2020).
27. Есеев М.К. Арктический НОЦ: Новые материалы, технологии и методы исследования // Neftegaz. 2019. № 8. С. 62–64.

Сведения об авторах

Константин Сергеевич Зайков — кандидат исторических наук, проректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Николай Александрович Кондратов — кандидат географических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа естественных наук и технологий (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Никита Михайлович Куприков — кандидат технических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Институт № 1 «Авиационная техника» (125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4; e-mail: nkuprikov@mail.ru)

Михаил Юрьевич Куприков — доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Институт № 9 «Общеинженерной подготовки» (125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4; e-mail: kuprikov@mail.ru)

Заиков К.С., Кондратов Н.А., Куприков Н.М., Куприков М.Ю.

Analyzing Trends in Training Highly Qualified Personnel in the Interests of Strategic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation

Abstract. The research urgency is caused by implementing the investment projects for the development of raw material base and transport infrastructure, solution of the long-term goals of socio-economic development, ensuring national security of the Russian Arctic which are provided by the Basic Principles of Russian Federation State Policy in the Arctic to 2035 and the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation up to 2020. One of the priorities is training of highly qualified personnel for work in the extreme natural and economic conditions of the Arctic, which will increase the efficiency of labor results and ensure comprehensive safety of the population. The purpose of the study is a quantitative and qualitative analysis of highly qualified personnel training in the interests of the development of the Russian Arctic in 2015–2018. The scientific novelty and theoretical significance of the article is due to the fact that the implementation of the so-called “Arctic” educational programs by Russian universities, including those belonging to the National Arctic Scientific and Educational Consortium, is monitored using sociological and analytical methods. Based on the results of the study and the existing experience, the authors propose the ways to improve the quality of training, including updating educational standards, using network forms of higher education, developing targeted training and innovative research infrastructure, and creating a world-class research and education center based on the universities in the Arctic zone of the Russian Federation. The researchers make a conclusion about the possibility of using the study results when developing the measures of regional labor management policy, as well as the formation of expert and analytical opinion on the issues of highly qualified personnel training at the institutes of higher education in the Arctic zone of the Russian Federation. The materials of the article have been repeatedly tested and can be used in the educational process at universities. A further scientific search may be associated with an attempt to compare the features of personnel training at the universities of the Arctic zone of the Russian Federation and the University of the Arctic.

Key words: Arctic zone of the Russian Federation, higher education, labor resources.

Information about the Authors

Konstantin S. Zaikov – Candidate of Sciences (History), Vice-Rector, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: k.zaikov@narfu.ru)

Nikolai A. Kondratov – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Higher School of Natural Sciences and Technologies (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Nikita M. Kuprikov – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), Institute 1 “Aeronautical Engineering” (4, Volokolamskoye Highway, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: nkuprikov@mail.ru)

Mikhail Yu. Kuprikov – Doctor of Sciences (Engineering), Professor, Head of Department, Moscow Aviation Institute (National Research University), Institute 9 “General Engineering Training” (4, Volokolamskoye Highway, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: kuprikov@mail.ru)

Статья поступила 23.04.2020.

Потенциал сферы туризма и рекреации Европейского Севера: оценка и направления развития в условиях освоения Арктики

Виктория Станиславовна

ОРЛОВА

Вологодский государственный университет

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ovs2177@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2154-5742; ResearcherID: AAK-6769-2020

Аннотация. В статье рассмотрены потенциал и вектор развития сферы туризма и рекреации Европейского Севера в современных реалиях. Представлены результаты исследования, цель которого заключалась в определении уровня потенциала сферы туризма и рекреации Европейского Севера и разработке на этой основе направлений ее развития в условиях освоения Арктики. Названы объекты туристской привлекательности арктических зон. Показаны памятники культурно-исторического и природного наследия Европейского Севера. Проведен критический анализ методик для определения уровня туристского потенциала, выявлены их преимущества и недостатки. Обоснована необходимость разработать эффективные методические подходы к исследованию ресурсного потенциала сферы туризма и рекреации. В качестве критериев оценки туристского потенциала северных регионов предложены такие его компоненты, как имидж туристского региона, степень развития туристской инфраструктуры, трудовой потенциал туризма, транспортная доступность и экологическая благоприятность территории, комфорт и безопасность туриста, конкурентная, институциональная и инновационная составляющие туристской сферы. На основе результатов, полученных после апробации авторской методики для оценки ресурсного потенциала туризма, предусматривающей проведение экспертной оценки с учетом значимости и выраженности компонентов турпотенциала, выявлены северные территории, которые имеют наиболее высокий туристский потенциал. Они служат основой для проектирования туристско-рекреационных зон и формирования новых туристских дестинаций. Обозначены

Для цитирования: Орлова В.С. Потенциал сферы туризма и рекреации Европейского Севера: оценка и направления развития в условиях освоения Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 141–153. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.10

For citation: Orlova V.S. Potential of the tourism and recreation sphere in the European North: evaluation and development vector in terms of the Arctic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 141–153. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.10

проблемы и перспективы развития туристской деятельности на территории Европейского Севера. Обосновано, что в современных условиях вектором развития сферы туризма и рекреации северных туристских территорий должна стать проблемно-ориентированная концепция. Определена значимость проведенного исследования для теории туризма. Разработаны рекомендации по применению полученных результатов в практике управления и развития сферы туризма и рекреации Европейского Севера.

Ключевые слова: сфера туризма и рекреации, развитие туризма, оценка туристского потенциала, Европейский Север, Арктика.

Введение

В свете мировых тенденций, негативно воздействующих на внешнюю и внутреннюю среду, возникает необходимость стабилизации и повышения уровня социально-экономического положения российских регионов. При этом перспективным направлением является развитие туристской сферы, полноценная реализация потенциала которой позволит в дальнейшем преобразовать воспроизводственную структуру экономики. Так, одной из приоритетных стратегических целей развития северных территорий России, определенных в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации до 2020 г., выступает арктический туризм¹. Арктическая зона характеризуется уникальным природным потенциалом и культурно-историческим наследием, определяющими эксклюзивность туров в Арктику. В связи с этим высокую значимость в современных условиях освоения Арктики приобретает процесс изучения туристского потенциала северных регионов. Цель предпринятого исследования заключается в оценке ресурсного потенциала сферы туризма и рекреации Европейского Севера и определении на этой основе направлений ее развития в условиях освоения Арктики. Для достижения цели решены следующие задачи:

- раскрыты сущность и особенности туристского потенциала территории (ресурсного потенциала сферы туризма и рекреации);
- проведен критический анализ подходов и методов исследования туристского потенциала;
- выявлены особенности современного состояния сферы туризма и рекреации Европейского Севера;

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации до 2020 г. URL: <http://government.ru/news/432/> (дата обращения 08.12.2019).

- проведена оценка ресурсного потенциала сферы туризма и рекреации субъектов Европейского Севера;

- выделены проблемы, препятствующие эффективной реализации туристского потенциала северных территорий;

- определены перспективы развития сферы туризма и рекреации Европейского Севера в условиях освоения Арктики.

Европейский Север, являясь крупнейшим туристским регионом России, объединяет территории Вологодской, Архангельской и Мурманской областей, республик Карелии и Коми, а также Ненецкого автономного округа. Определить дальнейшую перспективу развития сферы туризма позволит исследование туристского потенциала Европейского Севера.

Туристский потенциал (ресурсный потенциал сферы туризма и рекреации) представляет собой ресурсную основу туристского региона, которая формирует способность удовлетворять потребности туристов и достигать целей туризма. Уровень развития ресурсного потенциала сферы туризма и рекреации определяется комплексом качественных и количественных характеристик. Величина туристского потенциала отражает всю совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических ресурсов, формирующих привлекательность территории для путешественников. Однако стоит отметить, что в настоящее время существует проблема оценки туристского потенциала территории, связанная с расхождением взглядов ученых и специалистов разных областей знаний на его составляющие. При этом результаты критического анализа существующих подходов к исследованию туристского потенциала территории позволяют утверждать, что наиболее разработанной является оценка отдельных его компонент, в частности природных ресурсов [1–6].

Сложность структуры туристского потенциала определяет множество исследовательских подходов к выделению компонентов и критериев его оценки (табл. 1). Так, в соответствии с подходом И.А. Башалханова и Л.Б. Башалханова

критериями оценки туристского потенциала служат первозданность, необычность и самобытность рекреационных ресурсов, качество отдыха, удовлетворение потребности человека в общении с «дикой природой», а также возмож-

Таблица 1. Компонентный состав и критерии оценки туристского потенциала территории в подходах исследователей

Исследователь	Компоненты и критерии оценки	Преимущества и недостатки оценки
Башалханов И.А., Башалханова Л.Б.	Критерии: 1) качество отдыха, которое обеспечивается многообразием возможностей (лечебных, спортивных, познавательных, эстетических и др.); 2) первозданность, необычность, самобытность рекреационных ресурсов; 3) удовлетворение потребности человека в общении с «дикой природой»; 4) возможность восстановления природных рекреационных ресурсов	Преимущества оценки – широкий спектр компонентов природного потенциала, а также учет его роли в процессе удовлетворения потребностей туриста. Недостатки: – отсутствие количественной оценки; – не включены культурно-исторические и инфраструктурные ресурсы, социально-экономическая составляющая
Дроздов А.В.	1) Природные и культурные ландшафты. 2) Средства и условия осуществления туров (местность, рекреационная нагрузка, транспорт, объекты общественного питания, информационные материалы и др.)	Преимущества методики: – оценивается фиксированный набор компонентов; – для расчета итоговой величины используется качественная шкала; – обозначены территориальные рамки сравнения. Недостатки: – направленность на применение в условиях особо охраняемых природных территорий национальных парков; – отсутствие количественной оценки
Колбовский Е.Ю.	1) Объекты исторического наследия. 2) Уникальные природные и связанные с культурным ландшафтом объекты. 3) Места, выбранные населением для отдыха самостоятельно. 4) Потенциальные виды туризма. 5) Объекты, используемые для целей туризма. 6) Приоритетные виды туристской деятельности. 7) Турмаршруты.	К достоинствам данной методики можно отнести возможность комплексного изучения туристского потенциала и выявления проблем, препятствующих его развитию. Недостаток методики заключается в том, что она не предполагает количественной, а также общей интегральной оценки
Худеньких Ю.А.	Природная, историко-культурная и социально-экономическая составляющие	Преимуществом методики является исследование совокупности основных компонент туристского потенциала. Недостатки: – сложность расчета корректирующих коэффициентов; – не учитываются показатели деятельности предприятий сервиса и гостеприимства; – транспортная составляющая рассматривается без учета качества применяемого туристского транспорта
Рейтинговое агентство «Эксперт-РА»	Природно-рекреационный, историко-культурный, инфраструктурный и развлекательный потенциалы	Достоинство метода заключается в использовании опыта экспертов в процессе оценки туристского потенциала территории. Недостатки: – отсутствует социально-экономическая составляющая; – субъективизм, так как показатели рассчитываются с учетом их значимости, определяемой экспертами

Окончание таблицы 1

Исследователь	Компоненты и критерии оценки	Преимущества и недостатки оценки
Карачевская Е.Н.	Ресурсный, экологический, инфраструктурный, потребительский факторы	Преимущество методики заключается в определении воздействия факторов с учетом регионально значимых критериев. Однако не включаются показатели, характеризующие природные ресурсы территории, а также ее социально-экономическое развитие
Расковалов В.П.	Природный, историко-культурный, транспортный потенциалы	Достоинство методики определяется тем, что в процессе оценки туристского потенциала учитывается комплекс факторов природной среды, ограничивающих развитие туризма. При этом не принимаются во внимание инфраструктурные ресурсы, социально-экономическое развитие и экологическая благоприятность территории
Источник: составлено автором на основе методических разработок исследователей [1–6].		

ность восстановления природных рекреационных ресурсов [1]. А.В. Дроздовым [2] выделены подлежащие количественной оценке основные компоненты туристского потенциала: природные и культурные ландшафты, средства и условия осуществления туров. Итоговая суммарная величина при этом преобразуется в качественную характеристику. Е.Ю. Колбовский усовершенствовал данный подход, предложив рассматривать не отдельный участок территории, а относительно большую по площади административную область или район.

Ю.А. Худеньких на основе балльной оценки определяет величину природного и историко-культурного компонентов с учетом ценности наследия территории [2]. Итоговым результатом является доля каждой конкретной территории в природном, историко-культурном и социально-экономическом компонентах потенциала. Рейтинговое агентство «Эксперт-РА» ежегодно в рамках оценки инвестиционного потенциала регионов России рассчитывает и туристский потенциал как его важнейшую составляющую.

С помощью обобщенного индекса и интегральных характеристик ресурсного, экологического, инфраструктурного, потребительского факторов оценивает туристский потенциал и Е.Н. Карачевская [3]. В соответствии с подходом В.П. Расковалова комплексный потенциал территории складывается из четырех неравнозначных частей (блоков): природный, историко-культурный, транспортный потенциалы и комплекс факторов природной среды, ограничивающих развитие туризма [4]. Стоит отметить, что

все рассмотренные подходы имеют достоинства и недостатки, а также «узкие места», посредством которых существенное влияние на оценку оказывает субъективный фактор.

В трудах А. Pashkevich, G. Fay, P. Maher, P. Mason, Ю.Ф. Лукина [7–18] раскрыты ресурсный потенциал и особенности организации арктического туризма, названы проблемы и возможности осуществления туристской деятельности на северных территориях. Однако исследователи не представляют конкретных методик оценки потенциала сферы туризма и рекреации применительно к указанным территориям. В связи с этим нами разработан авторский подход к исследованию туристского потенциала северных регионов, позволяющий проводить комплексную оценку. Новизна подхода обеспечивается сформированной системой оценочных критериев для раскрытия содержательного наполнения категории «туристский потенциал» и определения уровня его развития с учетом важности и выраженности каждого компонента применительно к северным туристским территориям.

Методология исследования туристского потенциала территории

Разработанная система оценочных критериев для выявления уровня туристского потенциала северных территорий основывается на следующих компонентах турпотенциала: общий имидж туристской территории, ее инфраструктурное и транспортное обеспечение, трудовой потенциал сферы туризма, экологическая благоприятность территории, комфорт и безопасность туриста, а также конкурентная, институ-

циональная и инновационная составляющие туристской сферы. С помощью определенного нами набора составляющих туристского потенциала можно проводить не фрагментарную оценку, в чем заключается недостаток большинства представленных методик, а комплексный анализ с учетом особенностей северных территорий. Вместе с тем предложенная методика позволяет учитывать значимость каждой из компонент туристского потенциала.

Имидж туристской территории формируется на основе таких показателей, как наличие объектов туристского интереса (природных и культурно-исторических), степень разработанности и известности туристских проектов, узнаваемость бренда. Важное значение при этом имеют объекты туристской привлекательности – аттракторы. Так, большой интерес у путешественников вызывает Северный полюс. Туристы на вертолете и круизном лайнере посещают острова арктического архипелага Земля Франца-Иосифа [19]. Маршрут начинается от крупного портового города Мурманска (рис. 1).

На территории горных массивов – Хибин и Ловозёрские тундры – успешно развиваются

горнолыжный спорт и отдых, альпинизм, организуются походы, прогулки на горных велосипедах и собачьих упряжках. Пользуются спросом активные туры на байдарках и снегоходах, рафтинг по северным рекам. Основой для формирования культурно-познавательных туров служат объекты ЮНЕСКО – природно-культурные комплексы Архангельской области, Республики Карелии, Республики Коми.

Национальные парки, заповедники и памятники природы Европейского Севера открывают возможности для развития экологического туризма. На территории Республики Коми расположен национальный парк «Югыд ва». На архипелагах Земля Франца-Иосифа и Новая Земля в 2009 году основан национальный парк «Русская Арктика».

Развитие туристской инфраструктуры характеризуется наличием соответствующих объектов: коллективные средства размещения (отели, гостевые дома, базы отдыха и т. п.); туристские организации; предприятия общественного питания и др. Транспортная доступность туристского центра обеспечивается функционированием системы автомобильных дорог,

Рисунок 1. Туристский маршрут от г. Мурманска к Северному полюсу

Источник: Официальный сайт туроператора «Poseidon cruise». URL: http://poseidoncruise.ru/puteshestvie_na_severnyj_poljus_vozmozhnye_kruizy/

воздушных и водных путей. Наряду с туристской инфраструктурой важнейшим элементом ресурсного обеспечения и фактором развития туристской сферы выступает ее трудовой потенциал, который включает в себя целый комплекс реальных и потенциальных способностей жителей туристского региона, обеспечивающих деятельность по организации туризма [20]. Кроме того, в современных условиях при нестабильной эпидемиологической ситуации, а также при низких температурах на северных территориях значимыми компонентами туристского потенциала являются комфорт и безопасность туристов, включая наряду с криминогенной обстановкой психологический комфорт путешественника, уровень благоустройства территории и другие факторы. Вместе с тем важнейшая составляющая турпотенциала – экологическая обстановка в регионе. Она определяется объемом выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и водные объекты, величиной затрат на охрану окружающей среды и т. п.

Детерминантами конкурентной составляющей туристского рынка выступают комплекс факторов туристского производства и спроса, родственные и поддерживающие отрасли («кластеры»), стратегии управления, структура и характер соперничества туристских фирм. Сформированная система указанных детерминантов создает условия для успешного функционирования организаций сферы туризма.

Институциональную составляющую туризма определяют следующие условия и факторы: стабильность институтов сферы туризма; подходы к управлению туристской сферой; сформированность законодательной базы; научное сопровождение развития туризма; симметричность территориально-регионального представительства туристских организаций по продвижению турпродукта; комплекс стратегических целей и операционных задач по активизации межрегионального сотрудничества в туристской сфере.

Инновационная составляющая туризма сочетает внутренние характеристики и внешние условия инновационного процесса в туристской отрасли. Внутренняя инновационная компонента включает инновационный потенциал, который формируется посредством материальных, финансовых, интеллектуальных, информационных, научно-технических

и иных ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности в туризме. При определении уровня инновационного потенциала учитываются данные о количестве сотрудников, занятых научно-исследовательскими разработками, финансовых затратах на научные исследования и разработки, а также инновационная активность, измеряемая через количество заявок на патенты и объем инновационных технологий. Внешнюю инновационную компоненту определяет национальная инновационная система, содействующая инновационному развитию сферы туризма.

Выделенные составляющие туристского потенциала послужили основой для проведения его оценки в декабре 2019 года. Она осуществлялась семью экспертами – региональными туроператорами, функционирующими на рынке туризма более 10 лет – применительно к территориям Европейского Севера. Все эксперты (руководители, их заместители и специалисты) компетентны в рассматриваемой области, что и было принято в качестве главного критерия для отбора участников экспертной группы. Для оценки использовалась 10-балльная шкала. На первом этапе оценивался каждый из выделенных компонентов туристского потенциала субъектов. При этом для выявления их относительной значимости и уровня их выраженности применялись групповые оценки экспертов. Групповая экспертиза осуществлялась с помощью метода Дельфи. На втором этапе определялся интегральный показатель потенциала туристских территорий. Общий индекс туристского потенциала рассчитывался посредством следующей формулы:

$$P_t = \sum_{k=1}^n \frac{S_{vk} \times U_{vk}}{S_{vk}},$$

где:

P_t – индекс туристского потенциала территории;

S_{vk} – степень важности компонента (k) туристского потенциала;

U_{vk} – уровень выраженности компонента (k) туристского потенциала;

n – число компонентов (k) туристского потенциала.

На заключительном этапе формировались сравнительные характеристики туристских регионов Европейского Севера. При этом выяв-

лялись проблемы, сдерживающие развитие туризма на северных территориях. Коэффициент конкордации составил 0,79, что доказывает согласованность мнений экспертов и позволяет считать выбранное количество экспертов достаточным для принятия обоснованного решения.

Результаты оценки туристского потенциала Европейского Севера и их интерпретация

Выявленные оценочные характеристики позволили распределить территории Европейского Севера по уровню ресурсного потенциала сферы туризма и рекреации (рис. 2).

Наибольшим уровнем ресурсного потенциала сферы туризма и рекреации характеризуются Вологодская область и Республика Карелия (Pt = 6), причем расхождение между значениями индекса потенциала субъектов незначительно и не превышает 0,8. Степень формирования туристской инфраструктуры и уровень развития трудового потенциала в большинстве субъектов оценены экспертами как средние (5–6 баллов), что подтверждается недостатком отвечающих требованиям международных стандартов коллективных средств размещения и объектов общественного питания (преимущественно на территории сельских поселений), невысоким уровнем качества обслуживания туристов.

Среди субъектов Европейского Севера в 2018 году наибольший рост (в 2,2 раза) числа коллективных средств размещения (КСР) по сравнению с 2013 годом отмечается в Вологодской области. Это связано с формированием и развитием туристского кластера в регионе (табл. 2). Однако количество туристов, принятых коллективными средствами размещения области, увеличилось в рассматриваемом периоде лишь на 42% (табл. 3). В целом на территории Европейского Севера число коллективных средств размещения в 2018 году по отношению к 2013 году возросло на 75,4%, туристов, размещенных в КСР – на 22,5%

Стоит отметить, что на территории Европейского Севера в 2013–2018 гг. возросло и число туристских организаций, составившее в 2018 году 691 ед., что на 27,7% больше, чем в 2013 году. Лидерами по данному показателю являлись Архангельская область и Республика Карелия (179 и 176 турфирм соответственно; табл. 4). Наименьшим количеством турфирм (85 ед.) характеризовалась Мурманская область.

Субъекты Европейского Севера имеют ограниченную транспортную доступность, что доказывают итоги экспертной оценки (4 балла). Слабым развитием транспортной сети харак-

Рисунок 2. Уровень ресурсного потенциала сферы туризма и рекреации Европейского Севера

Источник: составлено автором на основе результатов экспертной оценки.

Таблица 2. Число коллективных средств размещения на территории Европейского Севера в 2013–2018 гг., ед.

Субъект	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2013 г., %
Вологодская область	131	120	200	210	266	291	в 2,2 раза
Республика Карелия	129	133	182	198	213	238	184,5
Архангельская область	112	145	166	152	150	173	154,5
Республика Коми	86	87	132	134	139	131	152,3
Мурманская область	118	119	143	117	197	179	151,7
Европейский Север, всего	581	611	830	818	970	1019	175,4

Источник: Туризм в Вологодской области: стат. сб. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2019. 104 с.

Таблица 3. Численность лиц, принятых коллективными средствами размещения Европейского Севера в 2013–2018 гг., тыс. чел.

Субъект	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2013 г., %
Вологодская область	353,7	318,0	412,3	382,1	455,3	502,3	142,0
Мурманская область	216,2	214,5	216,4	240,1	302,2	300,0	138,8
Республика Карелия	372,0	377,1	411,6	420,2	414,6	461,5	124,1
Архангельская область	281,6	286,3	352,8	282,1	272,1	309,6	109,9
Республика Коми	221,9	199,9	272,2	212,5	198,4	210,8	95,0
Европейский Север, всего	1463,6	1413,3	1686,3	1549,7	1650,2	1793,1	122,5

Источник: Туризм в Вологодской области: стат. сб. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2019. 104 с.

Таблица 4. Число туристских организаций на территории Европейского Севера в 2013–2018 гг., ед.

Субъект	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2013 г., %
Республика Карелия	85	102	104	171	140	176	в 2,1 раза
Архангельская область	127	136	132	132	157	179	140,9
Мурманская область	65	81	58	71	87	85	130,8
Вологодская область	132	145	90	103	116	141	106,8
Республика Коми	127	135	115	110	114	108	85,0
Европейский Север, всего	541	606	504	590	618	691	127,7

Источник: Туризм в Вологодской области: стат. сб. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2019. 104 с.

теризуется значительная часть сельских территорий. Результаты оценки подтверждаются исследованиями российской независимой инвестиционной компании «InfraOne», которая определяет «транспортный индекс» на основе статистических отчетов о количестве и качестве транспортной инфраструктуры в регионах Российской Федерации. На период проведения экспертной оценки индекс развития транспортной инфраструктуры субъектов Европейского Севера не превышал 3,3 (при максимально возможном значении 10; табл. 5).

Таблица 5. Индекс развития транспортной инфраструктуры на территории субъектов Европейского Севера

Субъект	Индекс
Мурманская область	3,24
Республика Коми	2,99
Вологодская область	2,94
Республика Карелия	2,76
Архангельская область	2,70

Источник: Индекс развития инфраструктуры России. 2019. URL: https://infraone-research.ru/index_id/2019_regions

Экологическая обстановка на территории Европейского Севера, по мнению экспертов, в целом благоприятная (7–8 баллов). Однако стоит отметить, что в национальном экологическом рейтинге регионов России Архангельская область в 2019 году занимала 44 место, обусловленное невысоким природоохранным индексом (табл. 6).

Уровень комфорта и безопасности туристов во всех регионах оценен на 7 баллов. Это свидетельствует о достаточной степени психологического комфорта путешествующих по Европейскому Северу. Снижают уровень комфорта и безопасности имеющиеся проблемы с благоустройством сельских территорий, суровый климат арктических зон, а также криминальная ситуация в некоторых субъектах. При этом в рейтинге криминогенности регионов России, проводимом Институтом региональных проблем (на период экспертной оценки), среди территорий Европейского Севера самой неблагоприятной криминальной обстановкой характеризовались республики Коми и Карелия (2 и 6 позиции соответственно), что связано с высоким уровнем преступности, включая преступления с применением насилия и экономические преступления (табл. 7).

Конкурентная составляющая туристского рынка Европейского Севера, как показали результаты исследования, находится на стадии развития (4–5,8 балла). Вместе с тем оценки экспертов (6–6,5 балла) свидетельствуют о необходимости повышать уровень институционального обеспечения туристской сферы. Самый низкий средний балл (2–3 балла) получила инновационная компонента, что определяет значимость преобразований в туристской отрасли.

Полученные результаты согласуются по ключевым аспектам с аналитическими исследованиями рейтингового агентства «РАЕХ», определяющего в рамках оценки инвестиционного потенциала уровень трудового, институционального, инновационного и туристского потенциалов регионов России (табл. 8). По данным агентства, представленным на 2019 год, наибольшим туристским потенциалом среди субъектов Европейского Севера обладают Республика Карелия и Вологодская область (21 и 24 место в рейтинге соответственно). При этом все регионы Европейского Севера характеризуются невысоким уровнем трудового, институционального, инновационного потенциалов.

Таблица 6. Позиции субъектов Европейского Севера в экологическом рейтинге регионов России

Субъект	Место в рейтинге
Республика Коми	9
Мурманская область	12
Вологодская область	27
Республика Карелия	37
Архангельская область	44

Источник: Экологический рейтинг субъектов Российской Федерации. URL: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=388>

Таблица 7. Позиции субъектов Европейского Севера в рейтинге криминогенности регионов России

Субъект	Место в рейтинге
Республика Коми	2
Республика Карелия	6
Архангельская область	25
Мурманская область	42
Вологодская область	56

Источник: Рейтинг криминогенности регионов. URL: <https://www.irpr.ru/2019/05/31/pervyj-rejting-kriminogennosti-regionov>

Таблица 8. Позиции субъектов Европейского Севера в рейтинге по уровню трудового, институционального, инновационного и туристского потенциалов регионов России

Субъект	Трудовой потенциал (ранг)	Институциональный потенциал (ранг)	Инновационный потенциал (ранг)	Туристский потенциал (ранг)
Республика Карелия	73	57	50	21
Вологодская область	55	40	45	24
Архангельская область	56	49	48	47
Республика Коми	65	52	59	55
Мурманская область	61	55	61	60

Источник: составлено автором на основе данных рейтингового агентства «РАЕХ». URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2019/att3>

Среди основных проблем, сдерживающих развитие и реализацию ресурсного потенциала северных туристских территорий, можно выделить невысокую степень транспортной доступности и сформированности туристской инфраструктуры, слабо развитую инновационную деятельность в сфере туризма.

В оценках важности и выраженности компонентов туристского потенциала большинства регионов значительные расхождения (4,6–5,5 ед.) наблюдаются по инновационной составляющей сферы туризма. Это доказывает актуальность проблемы формирования благоприятных условий для появления нововведений в отрасли. Наименьшее расхождение между значениями важности и выраженности (менее 0,5 ед.) прослеживается в оценках институциональной составляющей. Необходимо отметить, что при формировании институциональной среды особое внимание должно уделяться неразрешенной в настоящее время проблеме правовой определенности и легитимности статуса территорий Арктики.

Развитие и реализация потенциала сферы туризма и рекреации Европейского Севера в условиях освоения Арктики

Эффективному функционированию и развитию туристской сферы Европейского Севера, устранению проблем, выявленных в ходе оценки туристского потенциала, на наш взгляд, будет способствовать создание соответствующих современным международным стандартам туристско-рекреационных комплексов, объектов туристской инфраструктуры, разработка межрегиональных туристских маршрутов и формирование новых дестинаций, включающих арктические зоны. С целью увеличения и равномерного распределения туристского потока целесообразно в рамках туристских проектов объединять северные регионы с разным уровнем туристского потенциала. Так, например, предлагается разработать межрегиональный туристский проект на территории Вологодской и Архангельской областей. Туристский маршрут будет проходить в Котласском муниципальном районе Архангельской области и Великоустюгском муниципальном районе Вологодской области, где реализуется проект «Великий Устюг – Родина Деда Мороза», привлекающий значительный туристский поток.

Активизации инновационно-инвестиционной деятельности в туристской отрасли будут способствовать комплексное освоение северных территорий, разработка и реализация региональных целевых программ, а также образование особых экономических зон. Вместе с тем эффективным направлением дальнейшего развития и использования туристского потенциала Европейского Севера может стать реализация в рамках сотрудничества межрегиональных и межмуниципальных туристских проектов.

Главным вектором развития северных туристских территорий в современных условиях, с нашей точки зрения, должна выступать реализация проблемно-ориентированной концепции, которая направлена на разрешение трудностей, препятствующих развитию и эффективному использованию туристского потенциала Европейского Севера. При этом важно своевременно принять комплекс мер по корректировке стратегических направлений развития сферы туризма и рекреации Европейского Севера в условиях повышенной динамичности внешней среды. Современная тенденция быстрой смены окружающей обстановки вызвана рядом факторов, влияющих на развитие туризма: изменением социально-экономической и эпидемиологической ситуации в стране и мире, ухудшением экологической благоприятности, проблемами и перспективами освоения арктических зон. В связи с этим реализовать проблемно-ориентированный подход позволит осуществление следующих шагов:

- стимулирование инновационно-инвестиционных процессов на северных туристских территориях, включая разработку и реализацию новых туристских проектов (в том числе и межрегиональных), создание турпродукта с применением инновационных технологий (например, искусственного интеллекта, смешанной и дополненной реальности и т. п.) и др.;

- развитие туристской инфраструктуры (преимущественно сельских территорий) всех субъектов Европейского Севера, включая расширение сети коллективных средств размещения и объектов общественного питания, повышение уровня транспортной обеспеченности туристских территорий, модернизацию причалов, морских портов, аэропортов;

– формирование ресурсной базы для диверсификации туристского продукта в условиях пандемии путем активного использования цифровых технологий, разработки внутренних туров для малых групп, расширения географии туристских маршрутов, а также посредством реализации индивидуального подхода к туристам и актуализации экологического аспекта турпродукта;

– повышение и контроль качества туристских услуг, в том числе предоставляемых при экстремальных погодных условиях;

– развитие трудового потенциала туристской сферы, повышение уровня его коммуникативно-творческой компоненты, способствующей появлению нововведений в туризме;

– рост уровня институционального обеспечения, эффективности управления туристской сферой на северных территориях; разработка комплекса стратегических целей и задач по активизации межрегионального сотрудничества в сфере туризма и рекреации на территории Европейского Севера;

– разработка и реализация комплекса мер по поддержке и стимулированию внутреннего туризма на северных территориях, в том числе по развитию детского и молодежного туризма, туризма для пенсионеров;

– сохранение природных ресурсов, культурно-исторического наследия, традиций и промыслов северных народов; поддержание экологической благоприятности субъектов Европейского Севера;

– формирование системы информационного обеспечения и сопровождения туристской деятельности на северных территориях; цифровизация туристских сервисов;

– активизация процесса продвижения потенциала сферы туризма и рекреации Европейского Севера.

Проработка и детализация предложенных направлений определена нами как основная

задача дальнейших исследований по рассматриваемой проблеме.

Выводы

Обобщая изложенное, можно заключить, что разработанная в рамках исследования и апробированная применительно к северным территориям методика выявления уровня туристского потенциала развивает и продолжает существующие теоретические изыскания в этой области. Авторская методика позволяет проводить комплексную оценку ресурсного потенциала сферы туризма и рекреации северных территорий, что определяет ее специфику и научную новизну. Оригинальность методики связана с системой критериев, которая включает имидж туристской территории, степень развития туристской инфраструктуры, трудовой потенциал туристской отрасли, транспортную доступность и экологическую благоприятность региона, комфорт и безопасность туриста, конкурентную, институциональную и инновационную составляющие туристской сферы. Результаты оценки позволяют определить проекцию развития сферы туризма и рекреации Европейского Севера. Выявлены основные трудности северных туристских территорий, среди них низкий уровень инфраструктурной и транспортной обеспеченности, невысокая инновационная активность организаций туристской отрасли. Для решения выделенных проблем необходимо разработать и реализовать комплекс мер в рамках проблемно-ориентированного подхода как основного вектора развития туризма Европейского Севера в условиях освоения Арктики. Практическая значимость исследования заключается в возможности применять его результаты региональными органами власти и управления с целью принятия своевременных управленческих решений, определения стратегических направлений, разработки программ и проектов развития северных территорий.

Литература

1. Башалханова Л.Б., Башалханов И.А. Проблемы оценки природно-рекреационного потенциала территории // Проблемы и перспективы развития туризма в странах с переходной экономикой. Смоленск: СГУ, 2000. С. 154–156.
2. Кусков А.С. Туристское ресурсоведение. М.: Академия, 2008. 208 с.

3. Карачевская Е.Н. Методическое обеспечение регионального развития и пространственной дифференциации туризма в Гомельской области // Проблемы региональной экологии. 2008. № 4. С. 155–161.
4. Расковалов В.П. Оценка и географический анализ ресурсного потенциала природноориентированного туризма. URL: <https://dlib.rsl.ru/01005010308> (дата обращения 01.11.2019).
5. География туризма / под ред. А.Ю. Александровой. М.: КНОРУС, 2009. 592 с.
6. Квартальнов В.А. Биосфера и туризм: Глобальное взаимодействие и экология, география научных исследований территорий туристского назначения, культура мира, система туристских миграций, педагогика, социология и стратегия управления. В 5 т. Т. 1: Теория и практика туристских исследований. М.: Наука, 2002. 271 с.
7. Ribeiro J.C., Vareiro L.C. *The Tourist Potential of the Minho-Lima Region (Portugal). Visions for Global Tourism Industry. Creating and Sustaining Competitive Strategies*. Rijeka: InTech, 2012. Pp. 339–356.
8. Pashkevich A. *Arctic Tourism: Realities & Possibilities*. 2014. Available at: https://www.researchgate.net/publication/275945995_Arctic_Tourism_Realities_Possibilities
9. Fay G., Karlsdyttir A. Social indicators for Arctic tourism: Observing trends and assessing data. *Polar Geography*, 2011, no. 34, pp. 63–86.
10. Maher P. Arctic tourism: a complex system of visitors, communities, and environments. *Editorial Foreword to Special Issue of Polar Geography*, 2007, no. 30, pp. 1–2.
11. Mason P., Johnston M., Twynam D. The world wide fund for nature arctic tourism project. *Journal of Sustainable Tourism*, 2000, no. 8, pp. 305–323.
12. Johnston M. *Impacts of Global Environmental Change on Tourism in Polar Regions*. In S. Gosling & C.M. Hall (eds.) *Tourism and global environmental change: ecological, social, economic and political interrelationships*. New York: Routledge, 2006. Pp. 37–53.
13. Kajan E. Arctic tourism and sustainable adaptation: community perspectives to vulnerability and climate change. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, 2014, no. 14, pp. 60–79.
14. Pashkevich A., Stjernström O. *Making Russian Arctic Accessible for Tourists: Analysis of the Institutional Barriers*. *Polar Geography*. 2014. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Making-Russian-Arctic-accessible-for-tourists>
15. Воробьева А.С. Арктический туризм в России: проблемы и перспективы // Наука и образование в жизни современного общества: сб. науч. трудов по материалам Международной науч.-практ. конф. 30 апреля 2015 г.: в 14 т. Т. 5. Тамбов: Консалтинговая компания «Юком», 2015. С. 35–36. URL: <http://ucom.ru/doc/conf/2015.04.30.05.pdf> (дата обращения 02.12.2019).
16. Лукин Ю.Ф. Арктический туризм в России // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 211–216. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.211
17. Лукин Ю.Ф. Арктический туризм: рейтинг регионов, возможности и угрозы // Арктика и Север. 2016. № 23. С. 96–123. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.23.96
18. Севастьянов Д.В. Арктический туризм в Баренцевоморском регионе: современное состояние и границы возможного // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 26–36. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.26
19. Орлова В.С. Арктический туризм – инновационный импульс развития Европейского Севера // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 4. С. 40–43.
20. Orlova V. *Portrait of the Organizer of Provincial Tourism: Through an Economy Prism*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 96 p.

Сведения об авторе

Виктория Станиславовна Орлова – кандидат экономических наук, и. о. заведующего кафедрой, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, 15; e-mail: ovs2177@mail.ru)

Orlova V.S.

Potential of the Tourism and Recreation Sphere in the European North: Evaluation and Development Vector in terms of the Arctic Development

Abstract. The article examines the potential and development vector of the tourism and recreation sphere in the European North in current conditions. We present the results of the research aimed at defining the potential level of the European North's tourism and recreation sphere and developing areas of its growth within the Arctic development on this basis. We name the objects of tourist attraction in the Arctic zones and show the monuments of cultural, historical, and natural heritage in the European North. We conduct a critical analysis of methodologies for defining the tourist potential level and reveal its pros and cons. We justify the necessity to develop efficient methodological approaches to studying the resource potential of the tourism and recreation sphere. We propose the following criteria for evaluating the tourist potential of northern regions: image of the tourist region, degree of the tourist infrastructure development, labor potential of tourism, transport accessibility and environmental friendliness of the territory, comfort and safety of tourists, competitive, institutional, and innovative components of the tourism sector. We reveal northern territories with the highest tourist potential on the basis of the results received after testing the author's methodology for evaluating the tourism resource potential, which implies the carrying out of the expert assessment considering the importance and manifestation of the tourist potential components. They are the basis for designing tourist and recreation zones and forming new tourist destinations. We mark the problems and prospects of developing tourist activity in the European North. It is justified that problem-oriented concept should be the development vector of the tourism and recreation sphere of northern tourist territories in modern conditions. We determine the significance of the study for the theory of tourism. We develop recommendations on the application of the obtained results in management and development of tourism and recreation in the European North.

Key words: tourism and recreation sphere, tourism development, tourism potential assessment, European North, Arctic.

Information about the Author

Viktoria S. Orlova – Candidate of Sciences (Economics), Interim Deputy Head of Department of Tourism and Hospitality at the Institute of Culture and Tourism, Vologda State University (15, Lenina Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: ovs2177@mail.ru)

Статья поступила 15.07.2020.

Проблема формирования экспертных групп в регионах с разным уровнем социокультурного развития*

**Владимир Сергеевич
БОГДАНОВ**

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
e-mail: valarf@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0176-1007; Researcher ID: AAV-2997-2020

**Александр Анатольевич
ПОЧЕСТНЕВ**

Московский авиационный институт
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: apochestnev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4287-3654; Researcher ID: AAV-7260-2020

Аннотация. Актуальность изучения роли экспертного группообразования в ходе подготовки и осуществления национальных проектов обусловлена тем, что их реализация зависит не только от работы самих звеньев властно-управленческой вертикали, но и от способности привлечь к деятельности заинтересованные в общем деле целевые группы специалистов. На практике органы власти привлекают для этой роли узкий круг известных им лиц под конкретные задачи. В итоге возникает проблема адекватного подбора состава экспертов в группы принятия решений. Цель исследования состоит в выявлении экспериментальным путем характера реального

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 19-18-00345 «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года». Руководитель проекта д. социол. н., проф. А.В. Тихонов.

Для цитирования: Богданов В.С., Почестнев А.А. Проблема формирования экспертных групп в регионах с разным уровнем социокультурного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 154–168. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.11

For citation: Bogdanov V.S., Pochestnev A.A. Problem of forming expert groups in regions with different levels of socio-cultural development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 154–168. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.11

экспертного группобразования, используемого в практике принятия региональных решений, и потенциального (латентного) группобразования как ресурса социальной активности населения. Научная новизна исследования связана с попыткой определения таких структур экспертов, которые позволяют качественно реализовывать национальные проекты и программы реформирования государственного управления в регионах. Основанием для привлечения экспертов выступает их принадлежность к различным социально-профессиональным группам, а также установление оценочных позиций по отношению к деятельности органов власти и управления. В работе использовался онлайн-опрос квалифицированных специалистов в четырех пилотных регионах РФ с разным уровнем социокультурной модернизации. Для анализа данных применялись корреляционный анализ и построение таблиц сопряженности.

Ключевые слова: реальное и потенциальное экспертное группобразование, социальное группобразование, региональные системы управления, социокультурная модернизация регионов, онлайн-опрос специалистов как потенциальных экспертов, национальные проекты.

Введение

В центре внимания нашего исследования находится процесс экспертного группобразования в условиях реализации «прорывных» национальных проектов и программ модернизации территорий и управления в регионах. По мнению разработчиков, они должны осуществляться через конкретные стратегические мероприятия с широким привлечением целевых групп для обеспечения наиболее сбалансированной и эффективной социально-экономической и социокультурной модернизации регионов.

Актуальность изучения данного феномена обусловлена рядом причин, однако центральное место среди них занимает тот факт, что в настоящее время в практике управления не используются научно-обоснованные (рациональные) процедуры выявления и отбора целевых групп экспертов-стейкхолдеров. Исходя из этого можно сделать предположение о деформации процессов формирования групп решений, ведущей к отчуждению большого числа заинтересованных граждан, потенциальных экспертов, от процедур разработки и реализации программных мероприятий в рамках национальных проектов и программ модернизации управления. Это прослеживается в современных работах, посвященных анализу проблемы соучастия населения в национальных проектах на региональном и муниципальном уровнях [1; 2], а также информационного и организационного сопровождения их реализации [3]. Сегодня мы сталкиваемся с практической и научно-методологической проблемой отбора

стейкхолдеров в качестве участников экспертных групп принятия управленческих решений.

В этом контексте актуализируется цель нашего исследования, связанная с определением структур реальных экспертных групп принятия решений, а также латентных экспертов, через установление их социолого-управленческих признаков и качественных характеристик.

Концептуальные основания

Мы полагаем, что в ходе реализации национальных проектов и программ модернизации регионов могут участвовать группы, состоящие из различных социальных агентов (субъектов). Последние могут различаться по своим характеристикам и функционалу, но при этом демонстрировать общие социально-экономические, социально-политические и социально-профессиональные позиции. Выделим три типа таких групп.

А) Первым типом являются *реальные группы*, способные реализовывать проекты и программы по развитию региона. Это действенные группы, представляющие собой властные органы, трудовые коллективы, различного типа общественные организации, бизнес-структуры и т. д. Исследованиями таких типов групп занимался Э. Мейо в рамках Хоторнского эксперимента [4].

Б) Второй тип – различные *ассоциативные коммуникационные группы*, формирующие общественное мнение. Их в том или ином виде изучали Г.П. Щедровицкий [5], П. Бурдые [6], коллектив под руководством А.В. Тихонова [7], который в рамках лонгитюдного исследования

диагностирует степень поддержки населением способности властно-управленческой вертикали успешно осуществлять свои функции.

В) Третий тип – *экспертные группы*, принимающие участие в анализе технических, экономических и социокультурных особенностей регионов, а также участвующие в разработке и реализации программных решений развития регионов. Этому типу групп посвящена наша статья.

Рассматривая экспертные группы, необходимо понимать, что они существенно отличаются по своей природе и свойствам, а именно коммуникативным, интерактивным и перцептивным процессам, от групп реализации первого типа [8]. Группы третьего вида представляют собой тип целевых групп, однако они создаются для осуществления функций контроля (оценки) объекта социальных преобразований или прогнозирования его изменений, планирования векторов изменений объекта. В случае создания экспертных групп для формирования стратегии развития деловых организаций, отраслей народного хозяйства или регионов к перечисленным функциям добавляется функция формирования групп первого типа [9].

Экспертные группы состоят из специфического набора участников, каждый из которых имеет свое представление относительно объекта социальных преобразований и преследует свою цель. Взаимодействие может осуществляться в процедуре экспертизы, предполагающей или не предполагающей коммуникацию между участниками. Такая группа также обладает структурой, отражающей ролевые позиции [9; 10].

Удачная реализация функций экспертной группы напрямую зависит от рассмотренных элементов. Это касается и достижения эффекта солидарности (согласованности мнений) [11], и правильной организации взаимодействия [12; 13].

Таким образом, состав и качество экспертных групп являются результатом процесса экспертного группового образования. Научная экспликация определения экспертного группового образования в отраслевых социологических дисциплинах на сегодняшний день отсутствует, поэтому мы вводим три определения, отвечающие целям и задачам нашего исследования:

1) общее, **социальное групповое образование** как спонтанное формирование групп населения из заинтересованных граждан с провластными и оппозиционными установками для реализации национальных проектов, обладающих общими и различными интересами в социальных преобразованиях на территории своего проживания; 2) **реальное экспертное групповое образование** – это фактическое распределение и состав экспертов в группах принятия решений относительно реализации национальных проектов и программ модернизации управления в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации; 3) **латентное (потенциальное) экспертное групповое образование** – потенциал участия респондентов как экспертов в группах принятия решений, устанавливаемый через специальные социологические процедуры измерения.

Отдельно следует отметить, что экспертные группы различны по своим характеристикам. В связи с этим для их идентификации можно воспользоваться следующими параметрами: мотивация людей к участию в группах, наличие постоянных взаимодействий участников, согласие (или разногласие) по подводу ключевых вопросов [14; 15; 16]. Именно они и были положены в основу определения эффекта экспертного группового образования в нашем исследовании.

С учетом выделенных параметров для изучения процессов группового образования мы опираемся на теорию взаимодействия, согласно которой в процессе частых контактов люди узнают друг друга и у них формируется чувство симпатии или антипатии, появляются устойчивые формы взаимодействия и признаки коллективной субъектности [13]. Помимо этого мы используем положения теории равновесия, в соответствии с которой объединению подвержены люди со схожими установками и ценностями. Отношения становятся неустойчивыми, если в них нет баланса [13; 17; 18].

Учитывается и опыт применения экспертных оценок в практике регионального управления. Имеются в виду вопросы организации экспертной оценки, подбор экспертов (критерии), определение типа взаимодействий экспертов (оффлайн или онлайн, коллективное обсуждение или индивидуальные оценки), способы обработки экспертных мнений для принятия окончательного решения [18; 19; 20].

В рамках нашего исследования внимание акцентируется на важности процедур подбора экспертов. К настоящему времени, по мнению ученых, унифицированной технологии подбора экспертов не существует [14; 21].

Многие исследователи отмечали в практике управления организациями или технологическом прогнозировании важность компетенции [22] или рекомендаций при выборе экспертов (набор экспертной группы по принципу «снежного кома»). Также часто рассматриваются уровень и профиль образования, опыт работы в предметной области, должностные компетенции для решения проблем, личные качества (гибкость ума, творческое мышление, социальная активность, авторитетность мнения эксперта) и практика работы в экспертных группах (объективность, независимость, вариативность в оценках) [23].

Однако в практике регионального управления данные подходы требуют доработки и реформатирования. Должен быть учтен принцип разнообразия позиций экспертов и активизации заинтересованности стейкхолдеров (субъектов) [24].

Довольно важной, на наш взгляд, является оценка ценностных ориентаций и отношения экспертов к деятельности региональных властей в ходе реализации программ развития региона. В связи с этим наиболее адекватными способами включения человека в экспертную группу будут не апостериорные и априорные методы оценки качества эксперта (участие или неучастие в прошлых экспертизах), а тестовые методы, определяющие позицию эксперта в системе ключевых агентов и их ценностных ориентаций [25].

Апробация и внедрение экспериментальных тестовых подходов по выявлению структур реальных групп принятия решений и латентных (потенциальных) экспертов становятся главной задачей нашего исследования и могут, без сомнения, улучшить качество регионального управления и ключевые стратегические решения.

Дизайн и методология исследования

Первостепенная задача нашего исследования заключается в том, чтобы при помощи методологии социологии управления апробировать возможности социологического измерения

экспертного группообразования как механизма управления в регионах с разным уровнем социокультурного развития.

Признаков группообразования может быть довольно много, часто они труднофиксируемые, поэтому мы остановились на самых важных, поддающихся определению методом экспертного опроса. Прежде всего речь идет о выявлении наличия взаимодействия экспертов при решении определенного круга проблем. Так как контекст нашей задачи связан с решением управленческих проблем развития региона, этот параметр косвенно может быть зафиксирован путем оценки участия экспертов в деятельности того или иного проекта или программы модернизации региона (государственные программы модернизации региональных систем управления и национальные проекты). Участие в них определяет вектор активности или пассивности экспертов.

Вторым параметром группообразования является схожесть взглядов и идентичность мнений экспертов в контексте решения вопросов социокультурной модернизации и стратегического развития регионов. Эти основания стали ключом для построения шкалы «поддерживающие решения» – «не поддерживающие решения», репрезентации данных через интерпретацию экспертных оценок функционирования и решений различных звеньев властно-управленческой вертикали, «поддержки – неподдержки» общего политического и управленческого курса органов власти и управления. По сути, мы определяем провластную группу экспертов (поддерживающие) и оппозицию (не поддерживающие).

Разработка инструментария по установлению и фиксации сочетания этих двух групп в практике принятия решений становится научно-методической задачей нашего исследования.

Для нахождения баланса в группе решения мы применяем подход, заимствованный из рационализирующих социальных диагностических технологий (А.В. Тихонов, В.В. Щербина [26]). Согласно этому подходу для формирования социально-ориентированных целей в практике управления и преодоления непредвиденных последствий от принимаемых управленческих решений необходимо исполь-

зовать специальные рационально-познавательные процедуры, позволяющие диагностировать характер управления (на разных уровнях общества: социальном, институциональном, региональном, менеджерально-корпоративном и местного самоуправления) и проектировать достижение сбалансированных групп решений с последующим выходом на создание инфокоммуникативных технологий обратной связи.

В итоге осуществляется экспериментальная разработка интегральных признаков экспертного группообразования, которые позволяют диагностировать и выделить не только реальные, но и латентные (потенциальные) группы решений. Эта точка зрения может как совпадать с точкой зрения властей, так и быть оппозиционной.

Ход исследования

Исследование проводилось в 2019 году в четырех пилотных регионах из 12 (табл. 1), отобранных по версии рейтинга социокультурной модернизации регионов Н.И. Лапина [27].

В целом была собрана и проработана база данных по 347 экспертам из четырех регионов, 59,6% (207) из которых приняли участие в опросе и дали качественные развернутые ответы на открытые вопросы.

Достигнут показатель не менее 50 экспертов из каждого региона с учетом географической принадлежности, различных направлений де-

ятельности и статусной характеристики (руководители, специалисты).

Результаты исследования

В связи с тем что мы выбрали два типа проектов, в которых могли участвовать эксперты, необходимо было проанализировать сочетание активности (табл. 2). Участие экспертов в обоих проектах свидетельствует о постоянстве группы и взаимодействии ее членов, т. е. подтверждает сформированность экспертной группы согласно теории взаимодействия.

Только 6,3% экспертов активно участвуют в двух программах (см. табл. 2). По сути, это активное и постоянное ядро. Однако к указанной группе можно добавить 21,3% экспертов, которые участвуют в реализации национальных проектов и хотели бы участвовать в программах по реформированию государственного управления. Их неучастие в программе реформирования скорее свидетельство закрытости группы субъектов принятия решений. Всего насчитывается 27,6% активных экспертов, т. е. почти треть от всей опрошенной экспертной аудитории.

Просматривается довольно значимая группа экспертов (33,9%), среди которых находятся те, кто потенциально настроен на участие в программах модернизации регионов, но, по независящим от них причинам, их не включили в активные группы. Это также подтверждает

Таблица 1. Субъекты Федерации, в которых проводится исследование

№ п/п	Название региона	Статус субъекта Федерации	Федеральный округ	Уровень социокультурной модернизации в баллах и текстовых сокращениях (2016 г., по данным ЦИСИ ИФ РАН)*	Рейтинг социально-экономического положения регионов РФ, в баллах (2020 г., по данным РИА-рейтинг)**
1	Московская область	Область	Центральный	6 (В)	77,595
2	Республика Башкортостан	Республика	Приволжский	3 (С)	60,505
3	Белгородская область	Область	Центральный	(1) (НС)	57,103
4	Республика Калмыкия	Республика	Южный	(1) (Н)	17,361

* Интегральные показатели (в баллах) социокультурного и социально-экономического уровней исследуемых регионов в целом коррелируют в соответствии с представленными данными рейтингов.

** Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2020 // Официальный сайт «Агентства РИА Рейтинг». URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html> (дата обращения 20.01.2021).

Оценки уровней социокультурной модернизации взяты из трудов ЦИСИ ИФ РАН под руководством Н.И. Лапина (источник: Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. С. 346–348), его соавторов или указаны им лично; балльные оценки в скобках взяты с Карты-схемы модернизации регионов России (2010 г.); URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/01/28/1251412165/Lapin.pdf> (дата обращения 25.07.2017). Подробное описание отбора регионов для исследования представлены в: Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов: монография / А. В. Тихонов и др.; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 36–41.

Сокращения: В – высокий, ВС – выше среднего, Н – низкий, НС – ниже среднего, С – средний.

Таблица 2. Участие экспертов в реализации национальных проектов и программах реформирования регионального управления (агрегированные данные экспертных оценок четырех пилотных регионов), % от числа экспертов

Принимает участие в программах реформирования государственного управления	Принимаете ли Вы участие в реализации национальных проектов?				
	Принимаю участие в разработке или реализации	Не участвую, но хотел бы	Не предполагаю своего участия	Затрудняюсь ответить	Всего
Уже участвую	6,3				6,3
Да	12,1	15,5	1,4	1,0	30,0
Скорее да, чем нет	9,2	18,4	6,3	3,9	37,7
Скорее нет, чем да	1,4	2,9	6,8	1,4	12,6
Нет	0,5	0,5	3,9	1,0	5,8
Затрудняюсь ответить	1,5	2,4	1,4	2,4	7,7
Всего (207 экспертов)	30,9	39,6	19,8	9,7	100,0

Источник: исследование авторов.

актуальность механизма набора экспертных групп «сверху». Проявилась и группа экспертов, обладающих информацией о состоянии дел в регионе и характере управления, но не заинтересованных участвовать в группах решения. Это пассивная часть экспертной аудитории, составляющая 10,7%.

Есть затруднившиеся с ответом: среди них 7,7% выбрали этот вариант ответа в отношении вопроса совершенствования регионального управления и 9,7% – по вопросу участия в национальных проектах. Затруднение идентификации экспертной позиции по обоим проектам зафиксировано лишь у 2,4% экспертов. Эта группа при определенных обстоятельствах может быть активизирована для участия в управлении регионом.

В итоге из всей экспертной группы доля активных экспертов составляет 30,9%, потенциально активных – 52,2% и пассивных – 14,5%. Полученные данные говорят о существовании экспертного группообразования в делах гражданского управления региональным развитием, а также свидетельствуют о большом потенциале, т. е. присутствии латентного экспертного группообразования в регионах.

Далее рассматривался второй признак экспертного группообразования – «поддерживающие решения» и «не поддерживающие решения». Он рассчитывался как отношение к деятельности властей, а именно через оценки удовлетворенности и доверия властям в обла-

сти управления регионом и страной в целом. Данный параметр позволяет определить характер существующих групп, согласованность их ценностных ориентаций, которые важны при принятии управленческих решений. Это отношение мы зафиксировали через определение позиции экспертов относительно деятельности различных органов власти и управления.

Для определения структуры оценок первоначально был проведен корреляционный анализ оценок деятельности властей с использованием коэффициента Кендала, т. к. оценки представляли собой порядковую пятибалльную шкалу. Он показал, что все оценки значительно коррелируют между собой на уровне значимости $p < 0,01$. Однако не все корреляции демонстрировали заметную связь. Были отобраны те связи, которые имели коэффициент корреляции более 0,51. В итоге удалось построить плеяду, отражающую структуру взаимосвязей оценок.

Оценки отчетливо разбиваются на две группы. В первую входят оценки федеральных органов власти, во вторую – региональных. Схожесть экспертных оценок органов власти и управления свидетельствует об определенной и потенциально возможной интеграции как внутри региональных органов власти, так и внутри федеральных структур. При этом деятельность федеральных органов власти отличается от деятельности региональных, т. е. фиксируется некий разрыв в работе вертикали власти.

Довольно интересно, что во вторую группу также входят оценки деятельности органов внутренних дел (полиция). Видимо, эксперты оценивают их деятельность, исходя из регионального опыта. Оценки администрации предприятий слабо коррелировали с другими оценками, т. к. параметр имел маленькую вариацию. Довольно интересными оказались оценки судебной системы и региональных СМИ. Эти параметры являются тем звеном, которое связывает две выделенные группы. Судебная система оценивалась сверху вниз, поэтому она отражает деятельность федерального и регионального уровней. Что касается региональных СМИ, то они, с одной стороны, ориентируются на практику работы центральных СМИ, а с другой, показывают интересы городской власти. Этот факт дает нам основание предположить, что деятельность региональных СМИ в большей степени зависит от местных властей, что, в свою очередь, исключает возможность трансляции в них разносторонних точек зрения о решении тех или иных проблем региона.

Анализ экспертных мнений позволил интегрировать оценки рассматриваемых параметров в каждой группе и произвести агрегацию оценок работы федеральных и региональных властей на основе средних арифметических оценок. В связи с тем что параметры «администрация предприятий», «судебная система» и «региональные СМИ» были тесно связаны с обеими группами, они исключены из индексов, что в итоге помогло добиться большей чистоты оценок двух главных групп.

Далее оценочные индексы были преобразованы в номинальную шкалу по градациям (отрицательные и положительные оценки), создано их сочетание. В итоге получено четыре группы экспертов. Первая состояла из экспертов, удовлетворенных деятельностью всех властей. Вторая группа довольна работой федеральных органов и не довольна деятельностью региональных. Третья группа довольна деятельностью региональных властей и не довольна деятельностью федеральными властями. Четвертая группа экспертов не довольна деятельностью всех органов власти. Также была создана пятая группа. В нее вошли эксперты, которые затруднились дать оценки деятельности органов власти и управления.

Таблицы 3–6 дают возможность оценить баланс распределения экспертного группобразования в рамках реализации стратегических решений национальных проектов с учетом приверженности (одобрения) экспертов курсу федерального и регионального управления.

Далее стоит рассмотреть структуру группы субъектов, принимающих решения. Она покажет, от чего зависит успех управления регионом.

Оказалось, что доля активных экспертов в Московской области – 27,4%, Башкортостане – 26,0%, Белгородской области – 33,3%, Калмыкии – 40,0%. Прежде всего, эти данные свидетельствуют о том, что в регионах существует реальное экспертное группобразование. Вероятно, важные стейкхолдеры включены в практику управления субъектами. Однако в более развитых регионах процент действующих экспертов меньше, т. е. в экспертную группу попадают люди после определенного отбора. Что касается латентного группобразования, то его эффекты присутствуют во всех регионах. В Московской области доля желающих принимать участие в управлении регионом составляет 52,9%, Башкортостане – 46,0%, Белгородской области – 64,7%, Калмыкии – 50,0%. Периферийность и отчужденность этой латентной группы экспертов от управления, возможно, являются следствием распространенности в регионах «авторитарно-кланового» стиля управления и ориентации на отчетность перед вышестоящими органами власти, что установлено в нашем прошлом исследовании (проект РНФ 2015–2017 гг.).

Процент экспертов, включенных в разработку и принятие решений на постоянной основе (ядро группы), довольно мал: 9,8% в Московской области, 6% в Башкортостане, 7,8% в Белгородской области и 2% в Калмыкии. Низкие процентные показатели свидетельствуют о постоянной переструктуризации экспертной группы под решение определенных типов проблем, что является адекватным в практике управления (Г. Саймон). Однако в Московской области, как регионе высокого уровня социокультурной модернизации, процент ядра немного больше по сравнению с другими субъектами.

Наличие латентных групп, представляющих собой экспертов с разными ценностными ориентациями, позволяет управлять группой решения и реструктурировать ее в зависимости от задач. Эта возможность существует во всех регионах, т. к. соотношение провластных и оппозиционных экспертов примерно равное. Но отметим, что в Башкортостане доля потенциально активных и оппозиционно настроенных экспертов (критикующих все органы власти) среди всего экспертного массива довольно мала (6%).

По нашему мнению, в группах решения (эксперты, участвующие в реализации программ модернизации) необходимо достигнуть баланса распределения экспертных групп, имеющих разные установки и оценки по поводу деятельности органов власти и управления. Это позволит добиться взвешенного и конструктивного характера принятия стратегических решений на уровне регионов. В результате, можно ожидать реальных социальных эффектов с наименьшими негативными последствиями. В связи с тем что Московская область является более развитой территорией, на нее приходится наиболее оптимальное распределение экспертных групп (табл. 3).

В ядро решения входят не только те эксперты, которые полностью разделяют намеченный курс органов власти и их текущую деятельность на всех этажах властно-управленческой вертикали (3,9%), но и экспертная группа, которая ставит отрицательные оценки всем органам власти и системно критикует их функционирование (3,9%; см. табл. 3).

В итоге соотношение экспертов в ядре составляет 40:20:40, т. е. существует баланс проправительственных и оппозиционных групп, при этом 20% составляют неопределившиеся эксперты, которые при принятии решения склоняются на сторону тех, чьи аргументы являются более значимыми.

Однако, если рассматривать всю активную группу экспертов, то пропорция изменяется (50:14:36). Видимо, при принятии решений возникает проблема отсутствия единого мнения. Для ее устранения происходит добор экспертов таким образом, что половина из них поддерживает программы, предложенные властями. Треть составляет оппозиция, которая может привлечь на свою сторону колеблющихся и, таким образом, изменить ход голосования. Эта оппозиция представлена в большей степени

Таблица 3. Группы экспертов, включенных / не включенных в группы решения, в соответствии с их оценками федеральным, региональным и муниципальным органам власти (агрегированные данные экспертов Московской области, 2019 г.), %

Группы включенных / не включенных в группы решения	Положительная оценка всем органам власти	Положительная оценка федеральным органам власти и отрицательная региональным	Положительная оценка региональным органам власти и отрицательная федеральным	Отрицательная оценка всем органам власти	Затруднились с ответом	Всего	Провластная группа	Колеблющаяся группа	Оппозиционная группа	Всего
Распределение по всему массиву данных										
В ядре решения	3,9			3,9	2,0	9,8				
Активная экспертная группа	9,8		5,9		2,0	17,6	13,7	4,0	9,8	27,4
Желающие, но не участвующие	23,5	3,9	9,8	15,7		52,9	23,5	0,0	29,4	52,9
Пассивная аудитория экспертов	5,9	2,0	3,9	5,9	2,0	19,6	5,9	2,0	11,8	19,6
Всего	43,1	5,9	19,6	25,5	5,9	100,0	43,1	5,9	51	100,0
Распределение в группе активных экспертов										
Ядро	40,0			40,0	20,0	100,0				
Активная экспертная группа	55,6		33,3		11,1	100,0	50,0	14,3	35,7	100,0
Желающие, но не участвующие	44,0	7,4	18,5	29,6		100,0	44,4		55,6	100,0
Источник: исследование авторов.										

экспертами, разделяющими курс региональных властей, и в меньшей степени «чистыми» оппозиционерами (критикующими все этажи власти). Возникает ситуация, когда число провластных экспертов начинает превалировать, увеличивается вероятность принятия решений в пользу власти, но мнение оппозиции, разделяющей региональные интересы, учитывается. Немногочисленная «чистая» оппозиция выступает группой, которая доносит альтернативную (неудобную для властей) информацию, но ее мнение также учитывается при принятии решения.

Московская область обладает латентными экспертными группами, представляющими различные точки зрения на практику управления регионами. Они составляют базу для управления группой решения (ее переструктурирования).

Отметим, что это не идеальная картина, а скорее наиболее удовлетворительная по сравнению с другими регионами, связанная с балансом экспертного группообразования в группах решения.

В Республике Башкортостан, которая находится на более низком уровне социокультурного развития, картина немного другая (табл. 4).

В ядро входит группа, положительно оценивающая деятельность властей (2%). Однако просматриваются и две другие группы, первая из которых положительно оценивает только работу региональных властей (2%), вторая – отрицательно оценивает деятельность всех органов власти (2%). В итоге получается сочетание экспертов 33:0:67. Явно преобладает оппозиционная группа. Она может действовать в своих интересах, и их вектор не всегда направлен на гуманизацию. Вместе с тем процент ядра невелик, и при рассмотрении всей активной группы соотношение будет примерно 70:7:23. Мы видим, что добор группы происходит таким образом, чтобы большинство оказались провластными экспертами. Затем идут большая группа оппозиционеров, разделяющая политику региональных властей, и менее значительная группа «чистых» оппозиционеров. Однако в Башкортостане доля провластных экспертов значительно выше, чем в Московской области.

Таблица 4. Группы экспертов, включенных / не включенных в группы решения, в соответствии с их оценками федеральным, региональным и муниципальным органам власти (агрегированные данные экспертов Республики Башкортостан, 2019 г.), %

Группы включенных / не включенных в группы решения	Положительная оценка всем органам власти	Положительная оценка федеральным органам власти и отрицательная региональным	Положительная оценка региональным органам власти и отрицательная федеральным	Отрицательная оценка всем органам власти	Затруднились с ответом	Всего	Провластная группа	Коллеблющаяся группа	Оппозиционная группа	Всего
Распределение по всему массиву данных										
В ядре решения	2,0		2,0	2,0		6,0	18,0	2,0	6,0	26,0
Активная экспертная группа	16,0		2,0		2,0	20,0				
Желающие, но не участвующие	24,0	2,0	2,0	6,0	12,0	46,0	24,0	12,0	10,0	46,0
Пассивная аудитория экспертов	26,0	2,0				28,0	26,0	0,0	2,0	28,0
Всего	68,0	4,0	6,0	8,0	14,0	100,0	68,0	14,0	18,0	100,0
Распределение в группе активных экспертов										
Ядро	33,3		33,3	33,3		100,0	69,2	7,7	23,1	100,0
Активная экспертная группа	80,0		10,0		10,0	100,0				
Желающие, но не участвующие	52,2	4,3	4,3	13,0	26,1	100,0	52,2	26,1	21,7	100,0

Источник: исследование авторов.

В регионе, по нашему мнению, происходит осознанное «выдавливание» оппозиции из группы решения. Возможности исправления баланса не существует, т. к. в латентных группах количество «чистых» оппозиционеров относительно всего массива невелико (6%), а потенциал для рекрутирования оппозиционеров из числа пассивных экспертов отсутствует.

В Белгородской области ядро представлено только провластными экспертами (7,8%; табл. 5). Если рассматривать всю активную группу экспертов, то соотношение будет 88:0:12. Здесь очевидно смещение в сторону провластного мнения, и добор экспертов не изменяет ситуацию в ядре. Выявленное смещение можно исправить за счет латентных групп, т. к. потенциал экспертного группобразования достаточно большой.

Белгородская область занимает особое положение, т. к. независимо от невысокого уровня социокультурного развития по версии ЦИСИ ИФ РАН Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН выявлена достаточно качественно организованная система управления, достигающая намеченные стратегические цели на уровне региона

(по мнению экспертов). Также на этой территории действует активная аудитория независимых социальных субъектов (агентов), готовых включиться в разработку и реализацию управленческих решений как на уровне своих муниципальных образований, так и региона в целом. Этот факт подтверждают и данные нашего исследования: доля потенциально активных экспертов равняется 64,7%. Выявленная латентная группа – смешанная. Оппозицию составляют 15,7% тех экспертов, которые дают положительные оценки региональным органам власти и отрицательные – федеральным, а также 11,8% абсолютно оппозиционно настроенных экспертов. Последнюю группу не допускают к управлению. Возможно, если бы это было не так, то регион находился бы выше в рейтинге социокультурной модернизации.

В Республике Калмыкии ядро составляют только 2% экспертов, т. е. в регионе, по сути, не представлены реальные экспертные группы (табл. 6). Группы каждый раз модифицируются, причем таким образом, что общая доля экспертов, принимающих решение, больше по сравнению с остальными регионами в целом, она составляет 40%.

Таблица 5. Группы экспертов, включенных / не включенных в группы решения, в соответствии с их оценками федеральным, региональным и муниципальным органам власти (агрегированные данные экспертов Белгородской области, 2019 г.), %

Группы включенных / не включенных в группы решения	Положительная оценка органам власти	Положительная оценка федеральным органам власти и отрицательная региональным	Положительная оценка региональным органам власти и отрицательная федеральным	Отрицательная оценка органам власти	Затруднились с ответом	Всего	Провластная группа	Коллеблющаяся группа	Оппозиционная группа	Всего
Распределение во всему массиву данных										
В ядре решения	7,8					7,8	29,4	0,0	4,0	33,3
Активная экспертная группа	21,6	2,0	2,0			25,5				
Желающие, но не участвующие	33,3	2,0	15,7	11,8	2,0	64,7	33,3	2,0	29,5	64,7
Пассивная аудитория экспертов			2,0			2,0	0,0	0,0	2,0	2,0
Всего	62,7	3,9	19,6	11,8	2,0	100,0	62,7	2,0	35,3	100,0
Распределение в группе активных экспертов										
Ядро	100,0					100,0	88,2		11,8	100,0
Активная экспертная группа	84,6	7,7	7,7			100,0				
Желающие, но не участвующие	51,5	3,0	24,2	18,2	3	100,0	51,5	3	45,5	100,0
Источник: исследование авторов.										

Таблица 6. Группы экспертов, включенных / не включенных в группы решения, в соответствии с их оценками федеральным, региональным и муниципальным органам власти (агрегированные данные экспертов Республики Калмыкии, 2019 г.), %

Группы включенных / не включенных в группы решения	Положительная оценка всем органам власти	Положительная оценка федеральным органам власти и отрицательная региональным	Положительная оценка региональным органам власти и отрицательная федеральным	Отрицательная оценка всем органам власти	Затруднились с ответом	Всего	Провластная группа	Коллеблющаяся группа	Оппозиционная группа	Всего
Распределение во всему массиву данных										
В ядре решения	2,0					2,0	22,0	0,0	18,0	40,0
Активная экспертная группа	20,0	8,0		10,0		38,0				
Желающие, но не участвующие	20,0	10,0		12,0	8,0	50,0	20,0	8,0	22,0	50,0
Пассивная аудитория экспертов	4,0			2,0	4,0	10,0	4,0	4,0	2,0	10,0
Всего	46,0	18,0		24,0	12,0	100,0	46,0	12,0	42,0	100,0
Распределение в группе активных экспертов										
Ядро	100,0					100,0	55,0		45,0	100,0
Активная экспертная группа	52,6	21,1		26,3		100,0				
Желающие, но не участвующие	40,0	20,0		24,0	16,0	100,0	40,0	16,0	44,0	100,0
Источник: исследование авторов.										

Можно предположить, что в группы по решению определенных вопросов в Калмыкии приглашают «лишних» экспертов, которые могут изменять решение в неконструктивную сторону. Они подбираются примерно таким же образом, что и в Московской области. Их соотношение составляет 55:0:45. Можно отметить небольшой перевес провластных экспертов и достаточно большую оппозиционную группу. Потенциально сбалансированной группы не прослеживается. При этом отметим, что в оппозиционной группе «чистых» оппозиционеров лишь 10%. В отличие от Московской области, где есть достаточно большая группа оппозиционных экспертов, разделяющих политику региональных властей, в рассматриваемом регионе такой группы нет. Она заменена на группу, поддерживающую федеральные власти, т. е. мнение смещено в сторону поддержки федеральных властей. При решении вопросов именно регионального развития наблюдается имитация рассмотрения различных точек зрения. Потребности региона представлены в малой степени. Потенциал рекрутирования оппозиционеров из числа латентных групп в регионе есть.

В итоге на основе общего анализа данных мы закономерно фиксируем тот факт, что в регионах с более высоким социокультурным развитием (Московская область) группа принятия решения по вопросам управления содержит довольно большую долю оппозиционных экспертов, позволяющих посмотреть на проблемную ситуацию с иной стороны. Оппозиционные группы дают больше релевантной информации и чаще представляют интересы активной части населения в принятии решений. Менее развитые регионы создают экспертные группы таким образом, чтобы в них прослеживалась доминанта провластных экспертов, которые поддерживают точку зрения властей и будут ее транслировать в массы. В Московской области соотношение провластных и оппозиционных экспертов составило 50% и 50%, в Башкортостане – 69% и 23%, в Вологодской области – 88% и 11% соответственно. Однако эту закономерность нарушают эксперты Республики Калмыкии. Здесь соотношение провластных и оппозиционных экспертов оказалось 55% на 45%, поэтому выявленную закономерность нужно будет подтвердить на большем массиве данных других субъектов Федерации.

В настоящее время удачное сочетание групп, принимающих решение, составляет 3:2:1 (провластные, поддерживающие региональные власти, «чистые» оппозиционеры). Такое сочетание: а) позволяет регионам не идти вразрез с федеральной политикой и тем самым сохранять внутреннюю интеграцию страны; б) учитывать и, по возможности, отстаивать интересы региона; в) получать неожиданную информацию от абсолютно оппозиционных групп. Оппозиция может продуцировать нерациональные (опасные) решения, идущие вразрез с курсом провластных стратегий, поэтому доля «чисто» оппозиционно настроенных экспертов в группе решения всегда меньше по сравнению с остальными группами. Ориентируясь на экспертное соотношение в Московской области, стоит учесть и еще одно распределение – 2:1 (уверенные в своей позиции, колеблющиеся; см. табл. 3), для того чтобы в группе колеблющихся можно было бы сформировать положительное мнение за счет более доказательной аргументации провластной или оппозиционной групп.

Наличие латентных групп активных экспертов, представляющих различные позиции и установки, говорит о возможности управления экспертным группообразованием. К тому же регионы не практикуют использование единой ангажированной группы (только ядра) экспертов по решению всех вопросов. Потенциалом управления (наличие латентных экспертных групп с разными ценностными ориентациями) обладают все рассмотренные субъекты, за исключением Башкортостана, где латентная группа большая, но доля оппозиции невелика.

Что касается всей экспертной группы в целом, то в развитых регионах она менее активна, чем в неразвитых. Доля пассивных экспертов в Московской области и Башкортостане составляет 19,6 и 28% соответственно, а в Белгороде и Калмыкии – 2 и 10%. Это можно интерпретировать следующим образом: в более развитых регионах уже сформировалась институциональная система управления, не требующая ручного управления, в том числе и приглашения большого количества экспертов. Развитие и управление идут своим путем, поэтому многие эксперты заняты профессиональными обязанностями и не видят смысла участвовать в экспертных группах решения.

Заключение

На основе экспликации экспертных оценок нам удалось установить характер и состояние реального и латентного экспертного группообразования в четырех пилотных регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. В частности, рассмотрены социологические признаки экспертного группообразования в разрезе «активность vs пассивность», а также «поддерживающие решения» и «не поддерживающие решения».

Анализ данных показал, что установленный характер экспертного группообразования зависит от степени социокультурного развития регионов. Более развитые регионы обладают более разнообразными группами решений, с экспертами, имеющими наибольший диапазон мнений и установок. Включение оппозиционных экспертов в основную группу позволяет достигать наиболее конструктивных решений в практике реализации национальных проектов и программ модернизации регионов. Однако эта закономерность проявилась только в трех регионах из четырех, для ее подтверждения требуются данные по большему количеству субъектов.

Также мы зафиксировали, что в четырех пилотных регионах действительно имеется большая активная группа экспертов, занятая в практике принятия управленческих решений. Она видоизменяется в зависимости от характера разрабатываемых решений на уровне конкретной области. Что касается группы решения, то ее ядром являются чаще те эксперты, чьи мнения и установки отражают и поддерживают стратегический курс органов федеральной, региональной и муниципальной власти (исключение составляет Московская область).

Предполагается, что в ходе дальнейшего исследования будут собраны необходимые данные, которые позволят подтвердить верность выделенного баланса экспертных оценок и группировок. Помимо этого, в перспективе планируется рассмотреть когерентность экспертных оценок деятельности органов власти и управления, а также оценок политических решений, позволяющих определить суть недовольства или поддержки. Возможно, эти данные потребуют корректировки признаков выделенного баланса групп.

В практике управления система оценок баланса групп решений может стать основой для исследования потенциала кандидатов в экспертные группы. На наш взгляд, это важная практическая управленческая и научно-исследовательская задача отраслевой научной дисциплины социологии управления.

Литература

1. Соучастие населения региона в реализации национальных проектов: ретроспектива и перспектива / Е.А. Кранзеева, А.В. Орлова, Н.В. Нятина, Н.Н. Григорик // Регионоведение. 2020. № 3 (112). С. 490–515.
2. Кох И.А. Социологическое сопровождение реализации национальных проектов в муниципальном образовании // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 2 (31). С. 77–88.
3. Каминская Т.Л., Чаусов А.И. Национальные проекты и медиасфера: продвижение и восприятие // Власть. 2020. № 3. С. 31–36.
4. Mayo E. *The Social Problems of an Industrial Civilisation*. Routledge, 2007. 200 p.
5. Щедровицкий П.Г. Очерк основных идей системомыследеятельностной педагогики // Очерки по философии образования. М. 1993. С. 125–144.
6. Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
7. Тихонов А.В., Мерзляков А.А. Управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 176–183.
8. Корнилович В.А., Холин А.Н. Коммуникативная динамика малой группы: информационное сопровождение управленческих решений (на примере группового ситуационного анализа) // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 1. С. 99–110.
9. Карасев О.И., Муканина Е.И. Метод экспертных оценок в форсайт-исследованиях // Статистика и экономика. 2019. Т. 16. № 4. С. 4–13.
10. Орлова Э.А. Организация экспертизы социальной эффективности инновационных проектов // Культура культуры. 2015. № 4 (8). С. 4–19.
11. Raikov A. Convergent networked decision-making using group insights. *Complex & Intelligent Systems*. 2016, pp. 1–12.
12. Дюйзен Е.Ю. Комплексный анализ ситуаций при принятии руководителем качественных управленческих решений // Лидерство и менеджмент. 2015. № 2 (1). С. 19–34.
13. Копайгородский А.Н. Управление Е-знаниями при поддержке принятия коллективных решений // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2016. № 4-1. С. 16–26.
14. Экспертные процедуры в форсайте: особенности взаимодействия с экспертами в проектах по долгосрочному прогнозированию / О.И. Карасев, А.Е. Китаев, И.И. Миронова, Т.В. Шинкаренко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10. № 2. С. 169–184.
15. Сорокин А.А. Формирование базы правил системы нечеткого вывода в условиях несогласованных мнений экспертов // Управление большими системами: сборник трудов. 2019. № 81. С. 26–49.
16. Fu C., Yang J., Yang S. A group evidential reasoning approach based on expert reliability. *European Journal of Operational Research*, 246 (3), 2015, pp. 886–893. DOI: 10.1016/j.ejor.2015.05.042
17. Богущ А.Р. Методология формирования экспертных групп // Биомедицинская инженерия и электроника. 2015. № 3 (10). С. 15–18.
18. Kovalenko I., Shved A. Development of a Technology of Structuring Group Expert Judgments Under Various Types of Uncertainty. *Eastern-European Journal of Enterprise Technologies*, 2018, vol. 3, no. 4, pp. 60–68.
19. Kovalenko I.I., Shved A.V. Clustering of group expert estimates based on measures in the theory of evidence. *Naukovyi Visnyk Natsionalnoho Hirnychoho Universytetu*, 2016, iss. 4, pp. 71–77.
20. Krejci J. Pairwise comparison matrices and their fuzzy extension: multi-criteria decision making with a new fuzzy approach. *Fuzziness and Soft Computing*. Springer International Publishing, 2018, vol. 366, 288 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-77715-3>

21. Sharoda A. Find an Expert: Designing Expert Selection Interfaces for Formal Help-Giving. *CHI '16 Proceedings of the 2016 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, 2016, pp. 3038–3048. DOI: <https://doi.org/10.1145/2858036.2858131>
22. Лясковский В.Л., Смирнов С.С., Пронин А.Ю. Выбор экспертов для оценки проектов программных документов // Компетентность. 2017. № 4. С. 4–15.
23. Масленников Е.В. Возможности использования экспертного знания в качестве источника концепций развития организаций // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 2. С. 229–250.
24. Vukasovic M. Stakeholder Organizations in the European Higher Education Area: Exploring Transnational Policy Dynamics. *Policy and Society*, 2017, no. 1, pp. 109–126. DOI: <https://doi.org/10.1080/14494035.2017.1286741>
25. Галиева Г.И. Формирование распределенной группы риск-менеджмента // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 25 (3). С. 51–58.
26. Щербина В.В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии / ФНИСЦ РАН. М.: Новый хронограф, 2018. 416 с.
27. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / под ред. Н.И. Лапина М.: Весь Мир, 2016. 356 с.

Сведения об авторах

Владимир Сергеевич Богданов – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт социологии (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5; e-mail: valarf@mail.ru)

Александр Анатольевич Почестнев – кандидат социологических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4); старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт социологии (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5); доцент, Российский государственный гуманитарный университет (125993, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; e-mail: apochestnev@yandex.ru)

Bogdanov V.S., Pochestnev A.A.

Problem of Forming Expert Groups in Regions with Different Levels of Socio-Cultural Development

Abstract. The relevance of studying the role of expert group formation in the preparation and implementation of national projects is due to the fact that their realization depends not only on the work of the links of the power and management vertical, but on the ability to attract target groups of specialists interested in a common cause. In practice, the authorities attract an inner circle of known people for this role for specific tasks. As a result, there is a problem of adequate selection of experts in decision-making groups. The purpose of the research is to experimentally identify the nature of real expert group formation, used in regional decision-making, and potential (latent) group formation as a resource of population's social activity. The scientific novelty of the research is related to the attempt to identify expert structures that allow qualitatively realizing national projects and programs for public administration reform in the regions. The basis for experts' involvement is their membership in various socio-professional groups, and the establishment of evaluation positions in relation to the activities of regulatory and administrative authorities. The authors use an online survey of qualified specialists in four pilot regions of the Russian

Federation with different levels of socio-cultural modernization. To analyze these data, we use the correlation analysis and construct contingency tables.

Key words: real and potential expert group formation, social group formation, regional administration systems, regions' socio-cultural modernization, online survey of specialists as qualified experts, national projects.

Information about the Authors

Vladimir S. Bogdanov – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology (build. 5, 24/35, Krzhizhanovskii Street, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: valarf@mail.ru)

Aleksandr A. Pochestnev – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Moscow Aviation Institution (National Research University) (4, Volokolamskoe Highway, Moscow, 125993, Russian Federation); Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology (build. 5, 24/35, Krzhizhanovskii Street, Moscow, 117218, Russian Federation); Associate Professor; Russian State University for the Humanities (6, Miuskaya Square, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: apochestnev@yandex.ru)

Статья поступила 26.08.2020.

Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе*

Юлия Викторовна

УХАНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru

ORCID: 0000-0001-7307-9520; ResearcherID: Q-7225-2017

Даниэль

ЛЕОН

Университет Лейпцига

Лейпциг, Федеративная Республика Германия

e-mail: dleon011@fuu.edu

ORCID: 0000-0003-0637-9480

Ренате Зигрид

ШЕЛЬВАЛЬД

Университет Билефельда

Билефельд, Федеративная Республика Германия

e-mail: r.s.schelwald@students.uu.nl

ORCID: 0000-0002-8712-8976

* Исследование выполнено частично при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00724.

Для цитирования: Уханова Ю.В., Леон Д., Шельвальд Р. Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.12

For citation: Ukhanova Yu.V., Leon D., Schelwald R. Charity work of local community: results of the sociological research in the Russian region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.12

Аннотация. В последние годы тема участия граждан в решении социальных проблем, самоорганизации общества становится все более значимой исследовательской повесткой. Общественные практики воспринимаются как важнейший ресурс социально-экономического развития на государственном и местном уровне. Цель работы – выявление уровня развития и особенностей мотивации участия/неучастия в благотворительной деятельности с позиции локального сообщества российского региона. На основе критического анализа научной литературы представлен подход к сущности и составляющим элементам благотворительности. Посредством апробации авторского социологического инструментария (массовый опрос общественного мнения на территории Вологодской области, 2019 год; N = 1900) выявлен уровень вовлеченности локального сообщества в отдельные формы благотворительности (помогающее поведение, денежные пожертвования, волонтерство в рамках деятельности общественных организаций). Обращают на себя внимание низкий уровень участия населения в формальных благотворительных практиках, связанных с работой добровольных ассоциаций, и высокая неформальная благотворительная активность в различных форматах помогающего поведения. С применением факторного анализа скрытых переменных определено, что социальные нормы и религиозные ценности выступают одним из основных факторов, побуждающих локальное сообщество к занятиям благотворительностью. Кроме того, выяснено, что сформированная установка о преобладании социальной ответственности других субъектов (в первую очередь государства) и недоверчивое отношение к системе благотворительности становятся серьезными препятствиями включения локального сообщества в благотворительную деятельность. Исследование текущего состояния благотворительной деятельности в местных сообществах России может дать эмпирическую основу и теоретический импульс как для фундаментальных исследований в этой области, так и для практической работы, направленной на изучение конкретных видов деятельности, в целях повышения вовлеченности населения в местную благотворительность.

Ключевые слова: благотворительность, локальное/местное сообщество, развитие территорий, социальный капитал, помогающее поведение, денежные пожертвования, волонтерство.

Введение

В современном мировом сообществе вовлеченность населения в решение общественно значимых задач воспринимается как важнейший ресурс развития на государственном и местном уровне. Именно посредством общественной самоорганизации широкие слои населения становятся все более значимым субъектом, желающим, готовым и способным оказывать влияние на изменение условий жизни.

Одним из главных направлений участия населения в общественной жизни выступает благотворительная деятельность, которая может осуществляться как посредством добровольных ассоциаций (главным образом НКО), так и в неформальной (ситуативной) форме. Благотворительность охватывает множество инициативных проявлений действенного альтруизма, способствующих, в том числе, развитию образования, науки и культуры, сохранению традиций и укреплению социальных инноваций, гармонизации общественной жизни [1]. Таким образом, суть

благотворительной деятельности заключается не только в помощи нуждающимся, но и в содействии инновационному развитию, повышению качества жизни, укреплению нравственных основ, солидарности в обществе. Как справедливо отметил П. Сингер, благотворительность может быть одной из важнейших форм нравственного поведения в современном мире [2].

Значимость благотворительных практик возрастает как на этапе качественных изменений, так и в кризисные периоды мирового сообщества. От благотворительного участия граждан в решении социальных проблем, сплоченности общества во многом будет зависеть, насколько успешно правительства стран справятся с пандемией COVID-19. Исследования крупнейшего международного благотворительного фонда «CAF» свидетельствуют о том, что в связи с распространением коронавирусной инфекции спрос на благотворительные цели выше, чем когда-либо: как со стороны людей, непосредственно пострадавших от пандемии,

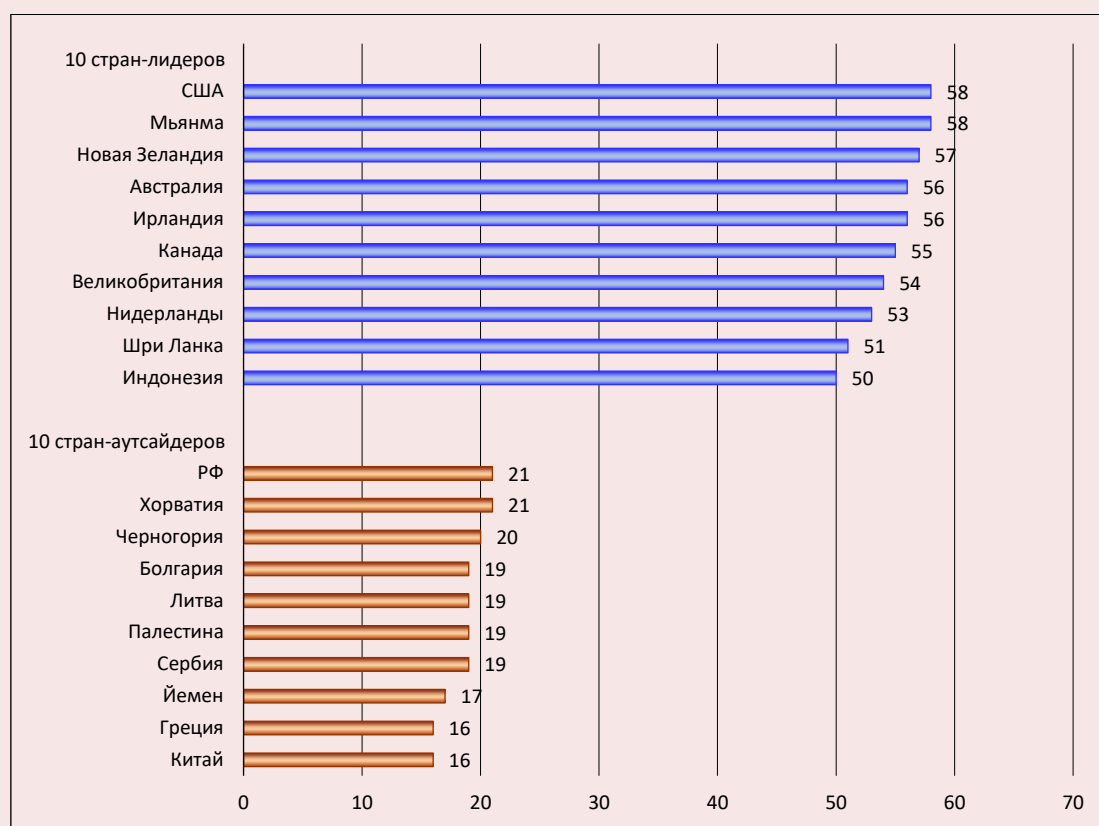
так и со стороны разрушительных последствий экономической и социальной жизни¹.

Вместе с тем в межстрановом сравнении уровни развития благотворительности значительно различаются. Социологические данные проекта CAF World Giving Index демонстрируют наличие с 2009 по 2019 год в рейтинге 143 государств с наибольшим и наименьшим показателем вовлеченности населения в благотворительную деятельность стран из разных континентов, с различным уровнем социально-экономического развития и разной религией (рис. 1).

Кроме общих тенденций развития благотворительных практик в межстрановом сравнении заметно отставание России: согласно рейтингу CAF World Giving Index за 2009–2019 гг. она входит в десятку стран-аутсайдеров по уровню развития благотворительности. Это обусловило исследовательский интерес к изучению благотворительной деятельности в России.

Учитывая значимость благотворительности как разнопланового ресурса социального развития, крайне актуально рассмотреть состояние этой сферы российского гражданского общества. Особый интерес представляет анализ

Рисунок 1. Страны с наибольшим и наименьшим уровнем благотворительности в среднем за 2009–2019 гг. (совокупный показатель по таким практикам, как помощь незнакомцу, денежные пожертвования, волонтерство в общественных организациях), %*

* CAF World Giving Index основывается на простом усреднении ответов на три вопроса об участии в практиках. Они задавались в каждой стране. Представлены оценки в процентах, на основе которых странам был присвоен соответствующий ранг. Далее были посчитаны средние баллы за 10 лет.

Источник: CAF World Giving Index. Ten years of giving trends, October 2019.

¹ A COVID-19 Philanthropy Stimulus Package: Unlocking further giving in the UK to support civil society at a time of crisis. CAF, 2020. URL: <https://www.cafonline.org/about-us/caf-campaigns/a-champion-for-charities/policy-briefings-and-consultations-library/covid-19-philanthropy-stimulus-package> (дата обращения 06.02. 2020).

проблематики на уровне локальных сообществ, где возникают плотные горизонтальные и вертикальные социальные связи. Исследователи отмечают глокализацию сферы гражданского общества, проявляющуюся в усилении роли местных (локальных) сообществ, несмотря на общемировые тенденции к транснационализации [3].

Существуют разнообразные трактовки понятия «локальное сообщество». Под сообществом («local community») обычно понимаются как местность, так и реальные социальные группы с особым качеством взаимоотношений. Оно «ощущается более непосредственным, чем общество», включает в себя различные виды действия местных организаций и инициатив [4].

Безусловно, во многих совместных инициативах деятельность выходит за рамки сообщества, очерченного географическими границами, развиваются сообщества по интересам. Тем не менее, на наш взгляд, именно сообщество, состоящее из людей, живущих и работающих в определенном месте, выступает самой важной группой, которая будет участвовать в деятельности, сосредоточенной на развитии конкретной территории [5, с. 93].

Целью нашего исследования стало выявление уровня, а также мотивации и препятствий вовлеченности локального сообщества в различные формы благотворительности. Для этого отобран субъект Северо-Западного федерального округа РФ – Вологодская область. Как демонстрируют статистические данные, по большинству проанализированных социально-экономических показателей область отстает от уровня развития общероссийской ситуации². Эти выводы свидетельствуют о значимости использования различных ресурсов развития, связанных с благотворительной активностью населения в исследуемом регионе.

Проблема благотворительности в научном дискурсе

Представленное исследование вносит вклад в богатый список работ, авторы которых пытаются понять связь между участием граждан в решении социально значимых проблем и развитием местных территорий [6; 7; 8; 9]. Ученые

доказывают, что вовлеченность населения в благотворительные практики помогает достичь равновесия между элитным и массовым поведением, т. к. сообщества направляют внимание и ресурсы на решение социальных проблем [8; 10; 11].

Однако связь благотворительности и социально-экономического развития не всегда является прямой. В литературе достаточно доказательств того, что благотворительная деятельность может способствовать социально-экономическому развитию, но также может провоцировать развитие зависимых отношений между донорами и бенефициарами, препятствуя инвестициям в долгосрочную производственную деятельность [12; 13]. В связи с этим некоторые ученые утверждают, что благотворительность становится социально полезной только тогда, когда ее целью является оказание чрезвычайной помощи во время конъюнктурных кризисов, но не для достижения долгосрочных целей развития [13].

Благотворительность трактуется зачастую как форма «нечистого альтруизма». В этом случае благотворитель выступает не просто как даритель, действующий на благо других людей, но и как человек, которому альтруистическая деятельность приносит моральное удовлетворение или благотворное общественное признание [14]. Другими словами, стремление заниматься благотворительностью понимается авторами как одна из форм социального капитала, относящаяся к социальным активам, в которые люди вкладывают средства с целью повысить свой социальный статус (например, получение общественного признания посредством каких-либо коллективных или индивидуальных действий). Таким образом, участие в благотворительной деятельности – это способ для членов общества получить социальное признание путем добровольного использования своих человеческих или финансовых ресурсов на общее благо [15; 16].

В рамках концепции социального капитала определяющее значение имеет обращение к изучению установок, таких как социальное доверие и нормы, мотивирующих благотворительную практику [7; 8; 17; 18]. Ученые доказывают, что социально-психологические основы в обществе: доверие, готовность помогать другу, общественное одобрение, вера в справед-

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.

ливость, необходимость заботы, лояльность в группе, уважение к власти — оказывают влияние на уровень потенциала и реального участия в благотворительной деятельности [19].

Наличие социального капитала может привести к высокому уровню социального доверия, когда формальные и неформальные благотворительные организации в обществе достигают своих заявленных целей [6; 10]. Напротив, достижение заявленных целей благотворительными сообществами означает, что они имеют положительный опыт совместной работы, при этом демонстрирует их участникам, что они могут рисковать, вкладывая свои ресурсы, относительно других членов сообщества, поскольку эти социальные инвестиции, скорее всего, принесут отдачу в будущем [20; 21]. Мотивация к участию в благотворительности, по мнению исследователей, должна положительно коррелировать с уровнем доверия [7].

В научной литературе также ведется дискуссия, как религиозные и светские нормы влияют на мотивацию к благотворительной деятельности. То, что лица твердо придерживаются религиозной веры, которая обычно соответствует консервативным политическим взглядам, объясняет их более частое участие в благотворительных организациях или совершении благотворительных пожертвований [22; 23; 24; 25]. С другой стороны, люди со светскими наклонностями, которые обычно соответствуют прогрессивным политическим взглядам, также нацелены действовать просоциально, поскольку они мотивированы помогать или решать структурные социальные проблемы, такие как бедность или неравенство [26].

Ученые доказывают, что социально-демографические и экономические условия тоже влияют на мотивацию к благотворительности. Имеются данные о положительной корреляции между уровнем образования, финансовыми ресурсами и проживанием в городе с участием в благотворительной деятельности [22; 27; 28]. Более того, благотворительная активность стремится к росту в странах, где нет надежной системы социальной защиты, финансируемой государством [29]. Во многих странах благотворительность местных сообществ компенсирует недостаток или отсутствие социального государства. Однако нет достаточных доказательств того, что социально-демографические условия

обладают большей объяснительной силой для понимания отношения к благотворительности, чем, к примеру, социальные нормы.

Проблематика российской благотворительности также затронута в научной литературе. Ученые проводят как комплексные исследования истории и современных тенденций в сфере благотворительности России в сравнении с опытом других стран [30], так и рассматривают отдельные сюжеты: освещение тематики благотворительности в интернет-среде [31], благотворительность пожилых [32], влияние доверия на уровень благотворительности [33], отношение регионального сообщества к благотворительным организациям [34].

Несмотря на значительное количество работ по теме благотворительности местного сообщества, в большинстве как западных, так и российских исследований зачастую предметом анализа становятся отдельные аспекты или формы благотворительности, что затрудняет понимание данного явления как целостного. Кроме того, при изучении благотворительности возникает проблема, связанная с ограничением эмпирических данных: с одной стороны, доступных статистических материалов о различных аспектах благотворительной деятельности много, с другой — используются разные методы сбора данных, в итоге цифры зачастую существенно отличаются друг от друга. Соответственно, актуализируется изучение субъективных оценок местного сообщества относительно уровня своей благотворительной активности, мотивов участия/неучастия в благотворительных практиках, чему посвящено наше исследование.

Информационная база и методы социологического исследования

Основой эмпирической базы послужили результаты авторского социологического опроса, проведенного Вологодским научным центром РАН в мае — июне 2019 г. по репрезентативной выборке взрослого населения (старше 18 лет) Вологодской области (N = 1900; далее — опрос ВолНЦ РАН)³. Используется трехступенчатая территориальная стратифицированная выборка: первая ступень — отбор административных

³ Социологический инструментальный опрос разработан авторским коллективом гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00724 (руководитель — Ю.В. Уханова).

районов области по уровню социально-экономического развития (методика группировки районов разработана под руководством профессора д.э.н. Т.В. Усковой), вторая ступень — отбор избирательных участков, третья — отбор домохозяйств маршрутным методом. Отбор респондента в домохозяйстве проводился с применением квот по полу и возрасту (связная квота). Ошибка выборки не превышает 3%. Опрос осуществлялся согласно формализованной анкете по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS версия 25 (статистический пакет для социальных наук).

Для достижения поставленной цели применялись как общенаучные методы исследования: дискурс-анализ, сравнение, синтез, обобщение, индукция/дедукция и т. д., так и специальные методы работы с массовыми социологическими данными: построение и анализ линейных (одномерных) и парных (двумерных) частотных распределений и таблиц, однофакторный дисперсионный анализ, факторный анализ.

Результаты исследования

Согласно российскому законодательству благотворительность — это добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, безвозмездному выполнению работ, оказанию иной поддержки⁴. В Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года закреплена роль благотворительной деятельности как внутреннего фактора развития страны, при этом сделан упор на распространение массовой благотворительности⁵.

В целом общий вектор господдержки направлен на активизацию потенциала благотворительности как ресурса, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности,

⁴ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11.08.1995 (ред. от 18.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения 01.07.2020).

⁵ О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 15 ноября 2019 г. № 2705-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72943544/> (дата обращения 01.07.2020).

позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев⁶.

При рассмотрении благотворительности первоочередным вопросом является суть этого социального феномена. Благотворительная деятельность локального/местного сообщества многогранна: может включать добровольные пожертвования финансовых и материальных ресурсов, безвозмездное использование способностей, времени и энергии людей в индивидуальной или коллективной форме. Опираясь на методику международного проекта CAF World Giving Index, мы анализируем благотворительную деятельность по трем основным направлениям: индивидуальная помощь нуждающимся (ситуативное неорганизованное помогающее поведение), денежные пожертвования и формальное волонтерство в рамках деятельности общественных организаций.

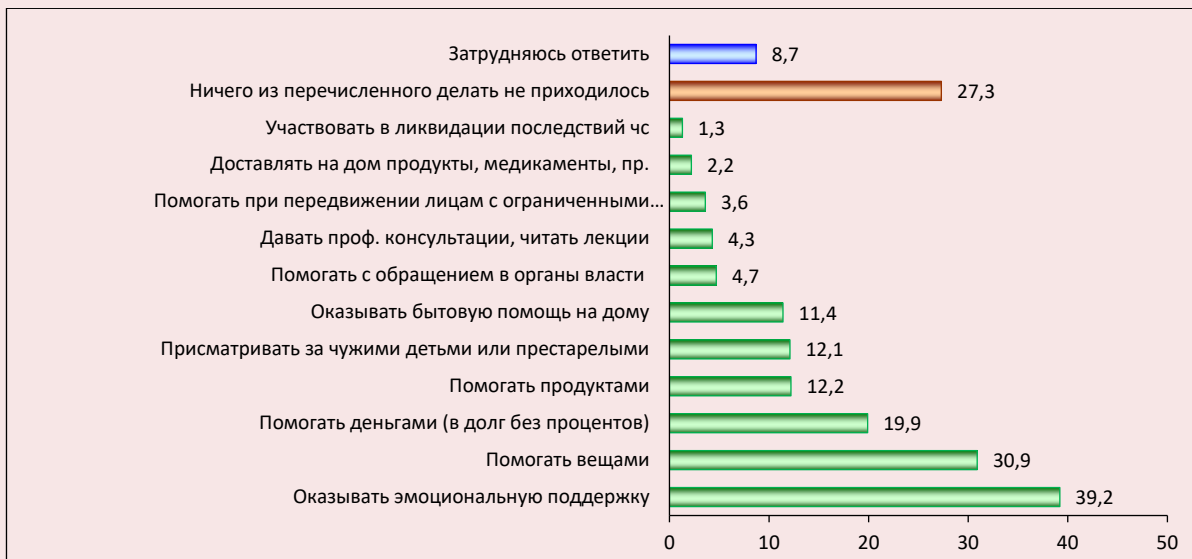
Помогающее поведение

Как демонстрируют данные авторского опроса, проведенного на территории Вологодской области в 2019 году, большая часть локального сообщества так или иначе вовлечена в различные формы помогающего поведения: только 27% респондентов не оказывали помощь нуждающимся, еще 9% — затруднились с ответом (рис. 2). Наиболее распространенными практиками (в отношении не членов семьи, родственников и близких друзей) выступают эмоциональная поддержка (39%), помощь вещами (31%), помощь денежными средствами (в долг без процентов — 20%).

В целом обращает на себя внимание более высокий уровень включенности местного населения в практики, направленные на моральную и материальную помощь нуждающимся, чем, к примеру, в интеллектуальные практики: бесплатное предоставление профессиональных услуг, передачу знаний и умений, в том числе при обращении в органы власти (4–5%) или участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, чрезвычайных ситуаций (1%).

⁶ Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / В.Б. Беневоленский, В.А. Иванов, Н.В. Иванова и др.; под ред. И.В. Мерсиановой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 120 с.

Рисунок 2. Участие локального сообщества в различных практиках помогающего поведения, Вологодская область, 2019 г. (доля положительных ответов по каждому суждению), %

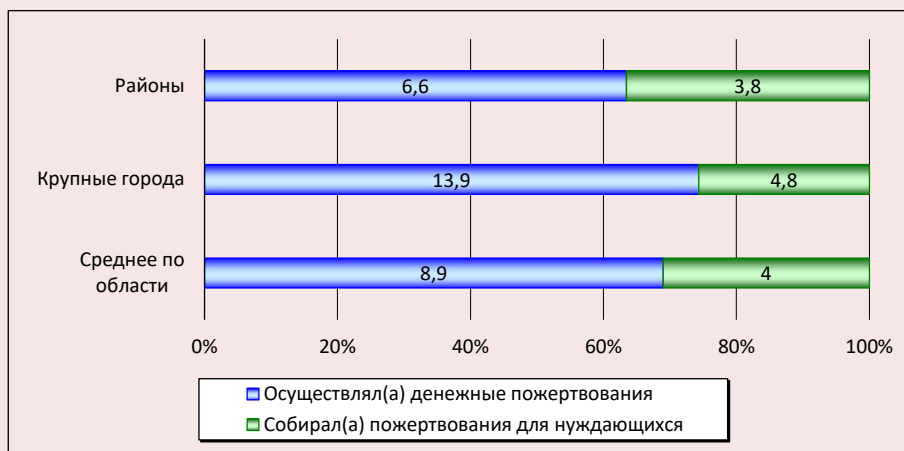
Источник: социологический опрос ВолнЦ РАН, 2019 г.

Денежные пожертвования

В 2019 году давали нуждающимся людям деньги (безвозмездно) всего 9% опрошенных жителей региона, при этом денежные пожертвования чаще делает население, проживающее в крупных городах, чем в районах (14 против 7%; рис. 3). Кроме того, выделяется незначи-

тельная часть местного сообщества, которая непосредственно организует сбор пожертвований (4%). В целом, как демонстрируют данные, денежная благотворительность не получила широкое распространение среди местного сообщества.

Рисунок 3. Уровень вовлеченности локального сообщества в практики денежных пожертвований, Вологодская область, 2019 г., % от числа опрошенных

Источник: социологический опрос ВолнЦ РАН, 2019 г.

Волонтерская деятельность в рамках общественных организаций

Значимым направлением развития благотворительности является волонтерская деятельность. В Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года поясняется, что это «деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях решения социальных задач...»⁷. Л. Саломон, опираясь на набор критериев, разработанных и описанных Международной организацией труда (МОТ), выделяет пять функциональных особенностей, определяющих волонтерство: 1) приносит пользу другим; 2) не является случайным видом деятельности, ведется в течение значимого периода времени; 3) не оплачивается; 4) не направлено на то, чтобы приносить пользу членам семьи или близким родственникам; 5) не является обязательной деятельностью [35].

Волонтеры (добровольцы) могут осуществлять свою деятельность как индивидуально (согласно используемой методике эту форму благотворительности мы отнесли к помогающему поведению), так и в составе некоммерческих организаций. Вместе с тем полагаем, что отдельного внимания заслуживает рассмотрение волонтерства именно в рамках деятельности общественных организаций, т. к. подобная благотворительная активность обладает наибольшими устойчивыми связями, требует определенной регулярности и принадлежности.

По данным опроса ВолНЦ РАН, в течение года только 13% местного сообщества Вологодской области принимали участие в волонтерской деятельности через некоммерческие организации, при этом на регулярной основе (не менее двух раз) этот показатель еще меньше (не более 7%)⁸. В то же время 20% жителей Вологодской области допускают волонтерскую деятельность в НКО в будущем, что свидетельствует об имеющемся потенциале для развития волонтерства посредством формирования культуры самопомощи и поддержки в повседневной жизни локального сообщества.

Дескриптивный анализ различий уровня вовлеченности локального сообщества в благотворительные практики в зависимости от информированности и доверия к НКО показал, что чаще, чем в среднем, в благотворительной деятельности участвует население, которое знает про НКО, а также доверяет им (43 и 53% против 33% в целом по выборке; *табл. 1*). Следовательно, несмотря на то что в регионе наблюдаются низкая вовлеченность населения в формальное добровольчество, связанное с деятельностью в какой-либо организации, и высокая неформальная добровольческая активность, некоммерческие организации играют значительную роль в развитии социальной взаимопомощи на местах.

Таким образом, наше исследование показало, что местное сообщество Вологодской области в большей степени вовлечено в такое направление благотворительности, как помо-

Таблица 1. Взаимосвязь уровня информированности населения об НКО и доверия к ним и участия локального сообщества в благотворительной деятельности, % от числа ответивших

Уровень информированности и доверия к НКО	Да, участвую	Нет, не участвую
Знаете ли Вы о деятельности НКО в Вашем городе (районе)?		
Да, хорошо знаю; что-то слышал	43,3	56,7
Нет, не знаю	21,2	78,8
Насколько Вы доверяете НКО?		
Полностью и в основном доверяю	52,9	47,1
Полностью и в основном не доверяю	27,1	72,9
Среднее по выборке	32,8	67,2
Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2019 г.		

⁷ Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950. URL: <http://static.government.ru/media/files/e6LFLgABRP4MyQ8mW7HCICGR8esYBYgq.pdf> (дата обращения 09.03.2020).

⁸ Социологический опрос ВолНЦ РАН, 2019 г. Ответ на вопрос «Сколько раз за последние 12 месяцев Вы работали в качестве волонтера НКО?».

гающее поведение вне каких-то институциональных структур (64%), менее развита вовлеченность в волонтерскую деятельность в рамках некоммерческих организаций (13%) и особенно в практики денежной благотворительности (9%; рис. 4).

В целом полученные по региону выводы коррелируют с общероссийской ситуацией. Согласно данным международного исследования CAF World Giving Index за последние 10 лет россияне чаще оказывают помощь незнакомцам (35%)⁹, реже вовлечены в волонтерскую работу через НКО (16%), в меньшей степени осуществляют денежные пожертвования — 12% (табл. 2). Мировое сообщество в среднем также в большей степени вовлечено в такую практику, как помогающее поведение незнакомцам (48%), однако на международном уровне

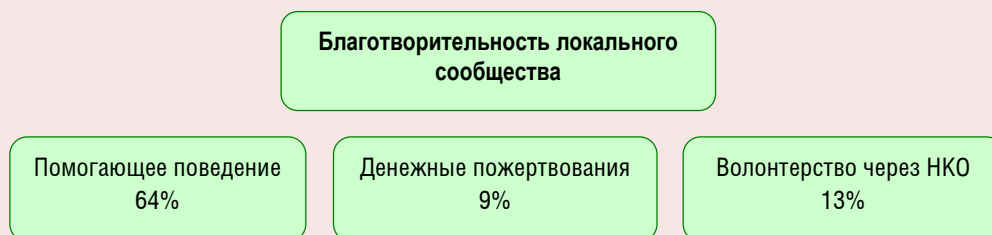
более распространено осуществление денежных пожертвований, чем, к примеру, волонтерская деятельность в общественных организациях (26 против 20%).

Мотивация и препятствия благотворительной деятельности локального сообщества

При изучении благотворительности важнейшим вопросом является исследование не только текущего уровня благотворительной активности локального сообщества, но и мотивов участия/неучастия в подобной деятельности.

Треть населения региона (32%) связывает основные мотивы участия в благотворительности с солидарными установками («с каждым может случиться беда»), еще треть респондентов (28%) через благотворительную активность стремится получить общественное при-

Рисунок 4. Уровень вовлеченности локального сообщества в благотворительную деятельность по трем направлениям, % от числа опрошенных

Источник: составлено авторами по результатам социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.

Таблица 2. Развитие благотворительности в странах по трем направлениям за 2009–2019 гг. (среднее значение за период), % от числа ответивших

Помощь незнакомцам		Денежные пожертвования		Волонтерство в общественных организациях	
Страна	%	Страна	%	Страна	%
Либерия	77	Мьянма	81	Шри Ланка	46
Сьерра-Леоне	74	Великобритания	71	Туркменистан	43
США	72	Мальта	71	Мьянма	43
Кения	68	Тайланд	71	Либерия	43
Замбия	67	Нидерланды	71	США	42
Справочно: РФ	35	Справочно: РФ	12	Справочно: РФ	16
Среднее по 143 странам	48	Среднее по 143 странам	26	Среднее по 143 странам	20

Источник: CAF World Giving Index. Ten years of giving trends, October 2019.

⁹ Согласно методике опроса ВолНЦ РАН учитывалась не только помощь незнакомцам, но и знакомым, соседям и т. д. Это обусловлено тем, что выборка охватывает, в том числе, малые города, где местное сообщество, как правило, знакомо друг с другом.

Таблица 3. Мотивы участия/неучастия в благотворительности по самооценкам локального сообщества региона, % от числа ответивших по каждому суждению*

Мотив участия	%	Мотив неучастия	%
С каждым может случиться беда	32	Помощь людям должно оказывать государство, а не благотворители	51
Желание заслужить одобрение общества (друзей, знакомых, близких)	28	Я не верю, что моя помощь действительно дойдет до адресата, будет использоваться по назначению	37
Возможность получить связи, контакты	20	У меня и моей семьи много своих проблем, нет времени заниматься благотворительностью	20
Мне хочется сделать что-то полезное, помочь людям	15	Мне это не интересно	12
Потому что сам(а), мои родные, близкие когда-то оказывались в тяжелой ситуации	12	Не уверен(а) в пользе общественной деятельности	11
У меня много свободного времени, мне нечего делать	5	Это не способствует решению собственных проблем и проблем членов моей семьи	9
Получить материальное вознаграждение	3	Такая деятельность не дает мне возможности личностного роста	9

* Распределение ответов респондентов на вопросы «Почему Вы участвуете в благотворительной деятельности?» и «Почему Вы не участвуете в благотворительной деятельности?».
Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2019 г.

знание, для каждого пятого (20%) – это способ для расширения социальных связей (табл. 3). Важнейшая причина неучастия в благотворительности, по самооценкам населения, связана с убеждением, что помощь людям должно оказывать государство, а не благотворители (51%). Кроме того, барьеры вовлеченности в благотворительные практики определяются недоверием к благотворительности и благотворительным организациям: 37% респондентов не верят, что их помощь действительно дойдет до адресата.

Исследователи, признавая влияние благотворительной деятельности на широкий круг заинтересованных сторон: добровольцев, благополучателей, сообщества и общество в целом, много внимания уделяют изучению причинно-следственной связи между участием в благотворительных практиках и отдельными сферами жизни человека (социальной, культурной, психологической, экономической) [36].

С целью углубленного понимания, какие факторы влияют на мотивацию вовлеченности населения в благотворительность, авторами посредством методики факторного анализа были выделены латентные переменные (далее – факторы) мотивации благотворительной деятельности локального сообщества. Латентные переменные или факторы – не измеряемые напрямую конструкты, представленные посредством двух или более наблюдаемых переменных, коррелирующих друг с другом. Группировка наблюдаемых признаков и фиксация их в латентные переменные приводит к независимости показателей [37].

Для выявления факторов, определяющих мотивацию локального сообщества к участию в благотворительности, мы провели латентно-структурный анализ с помощью методики факторного анализа¹⁰. В результате были выделены латентные переменные (факторы) мотивации благотворительной деятельности локального сообщества. Факторный анализ осуществлен по коррелирующим переменным (по методу «Корреляция Пирсона»).

Основываясь на анализе обширной научной литературы по проблеме благотворительности, мы отобрали широкий перечень независимых переменных, отражающих ценностные установки, убеждения респондентов, их социально-демографические характеристики. В качестве зависимой переменной применен показатель, характеризующий опыт участия локального сообщества в благотворительности. Он фиксировался в ходе ответа на вопрос «За последний год Вы участвовали в каком-либо виде благотворительной деятельности (помогающее поведение,

Основаваясь на анализе обширной научной литературы по проблеме благотворительности, мы отобрали широкий перечень независимых переменных, отражающих ценностные установки, убеждения респондентов, их социально-демографические характеристики. В качестве зависимой переменной применен показатель, характеризующий опыт участия локального сообщества в благотворительности. Он фиксировался в ходе ответа на вопрос «За последний год Вы участвовали в каком-либо виде благотворительной деятельности (помогающее поведение,

¹⁰ С помощью программы SPSS матрица данных была подвергнута процедуре факторного анализа Extraction Method: Principal Component Analysis (по методу отбора главных компонент). Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization (Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера). Число факторов определялось при помощи критерия Кайзера.

денежные пожертвования, добровольная, безвозмездная работа)?». В результате использования эмпирического подхода количество переменных уменьшено и выделено три фактора, имеющих значение больше единицы и объяснительную способность на уровне 65,7%. При анализе факторной структуры значимой нагрузкой считалась нагрузка 0,35 по каждой шкале фактора.

Первый выявленный фактор (объясняет 46,7% суммарной дисперсии) объединил переменные, характеризующие жизненные установки и ценности: важность религии, общественного признания, карьеры в жизни человека, а также уровень гражданской активности (табл. 4). Максимальный вес в его формировании имеет такой показатель, как религиозность («в моей жизни важна религия»), со значением факторной нагрузки на уровне 0,796. Менее весомым оказался индикатор самооценки гражданской активности (0,52). Условно мы обозначили этот фактор как социальные нормы.

Во второй фактор (7,4% дисперсии) вошли те положения, которые указывают на социально-демографические характеристики субъектов благотворительности: возраст, наличие детей, материальное положение, семейное положение (женат/замужем). Наименьшее значение нагрузки в этом факторе имеют показатели, характеризующие семейное положение респондентов (0,401). Два индикатора отрицательно нагружают фактор: возраст (-0,662) и материальное положение (-0,501).

Положительное значение третьего фактора (10,8% дисперсии) свидетельствует о влиянии на мотивацию к участию в благотворительных практиках психологических установок, таких как удовлетворенность жизнью («полностью и в основном удовлетворен», нагрузка переменной 0,672), самодостаточность (положение «могу обойтись без поддержки государства», нагрузка переменной 0,631), социальное доверие (положение «большинству людей можно доверять», нагрузка переменной 0,543), доверие некоммерческим организациям (положение «полностью и в основном доверяю», нагрузка переменной 0,4). Он обозначен как «психологические установки». Положительное значение фактора свидетельствует о значимости для вовлеченности в благотворительность субъективного благополучия и доверия. Как видно из полученных данных, первый фактор (социальные нормы) имеет наибольшее влияние на вовлеченность локального сообщества в благотворительность, фактор, объединяющий социально-демографические характеристики, наименьшее.

Обсуждение

В научной литературе благотворительная деятельность увязывается с положительными социальными, культурными, психологическими и экономическими последствиями для местного общества. Мы стремились проанализировать уровень развития, мотивацию и препятствия вовлеченности локального сообщества в общественную жизнь посредством благотворительной деятельности на примере российского

Таблица 4. Результаты факторного анализа благотворительности локального сообщества

Фактор (латентная переменная)	Переменная	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Социальные нормы	Z11 – Религиозность	,796		
	Z12 – Общественное признание	,730		
	Z13 – Карьера	,682		
	Z5 – Гражданская активность	,520		
Социально-демографические характеристики	Z3 – Возраст		-,662	
	Z9 – Наличие детей		,619	
	Z7 – Материальное положение		-,501	
	Z8 – Семейное положение		,401	
Психологические установки	Z10 – Удовлетворенность жизнью			,672
	Z14 – Самодостаточность			,631
	Z6 – Социальное доверие			,543
	Z15 – Доверие НКО			,400

В фазе анализа используются только наблюдения, для которых $v_{2101} = 1$ («да, участвую в благотворительности»).

Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2019 г. (N = 1900).

региона. Однако, прежде чем перейти к обсуждению полученных результатов, обратимся к зарубежному опыту развития благотворительной активности.

Проведенный ранее анализ международных данных выявил, что высокие позиции по сравнению с другими странами по благотворительной деятельности занимают Нидерланды. Это обусловило исследовательский интерес к рассмотрению нидерландского опыта развития благотворительных практик. Как демонстрируют социологические данные, с 2012 по 2016 год почти половина жителей страны занималась волонтерской деятельностью не реже одного раза в год [38]. Высокий уровень участия в благотворительности наблюдается в Нидерландах не только в последние годы, но и в долгосрочной ретроспективе: в соответствии с данными голландского Центрального бюро статистики с 1977 года этот показатель всегда колебался между 42 и 45% [38]. Вследствие старения населения в Нидерландах активно растет спрос на услуги, связанные со здравоохранением, поэтому волонтерство в обозначенной сфере становится все более важной общественной деятельностью [39].

Осуществлять благотворительную работу в Нидерландах людей мотивируют альтруизм, чувство полезности, желание расширить социальные сети, получить новые навыки или чувство долга [40].

Есть определенные демографические группы, которые чаще занимаются благотворительностью, чем другие. Большинство волонтеров имеют высшее образование. Очевидна разница между жителями сельской и городской среды: те, кто живет в сельской местности, чаще занимаются благотворительностью, чем жители городов.

Кроме того, важнейшим фактором являются особенности трудовой деятельности (или ее отсутствие). Безработные, люди, занятые неполный рабочий день, а также те, кто не может работать в «стандартных» обстоятельствах из-за других обязательств или препятствий, занимаются благотворительностью чаще, чем среднестатистический голландец [41; 42].

П. Деккер подчеркивает, что безработные в Нидерландах часто оказываются на длинных траекториях, где от них ожидают волонтерской работы в качестве компенсации к пособию по

безработице. Этот вид благотворительной деятельности находится в серой зоне между добровольным и недобровольным. Часто сотрудник Агентства по страхованию (ОСТ) стимулирует благотворительную деятельность для безработных, тем самым способствуя не только эффективному использованию времени, но и их интеграции в социум [43].

Пример Нидерландов важен для сравнения, каковы условия, ведущие к высокому уровню участия в благотворительности. В целом опыт Нидерландов показывает, что наличие сильного и современного государства всеобщего благосостояния не вытесняет участие в благотворительности и наоборот (аргумент, распространенный в американской литературе). Полагаем, что рассмотрение и сопоставление успешного опыта развития благотворительности в различных странах представляет научный интерес и является перспективным направлением исследований.

Как было отмечено выше, по уровню развития благотворительности Россия отстает от других стран. Описательная статистика показывает, что Вологодская область находится в аналогичной ситуации относительно участия граждан в благотворительной деятельности: наибольшее распространение получает такое направление, как помогающее поведение — практики «малых дел». Особенностью подобных практик является то, что они малозатратные по времени, усилиям, финансам, ситуативные, минимально организованные и формализованные, с быстрыми результатами и ощутимой пользой. Этот тренд наблюдается и на мировом уровне: расширяется поле неформальных, самоорганизованных и децентрализованных инициатив, таких как группы самопомощи, инициативы местного сообщества, а также индивидуальных форм помогающего поведения и поддержки [44].

Между тем следует констатировать негативную тенденцию: несмотря на укрепление роли благотворительности как значимого социального явления, в российском обществе присутствует недоверие граждан к организованным формам и видам благотворительной деятельности; у россиян отсутствуют ассоциации с благотворительностью и волонтерством, когда речь идет о конкретной безвозмездной помощи нуждающемуся человеку без участия каких-либо организаций [45].

В ходе исследования определено, что локальное сообщество связывает основные мотивы участия в благотворительности не только с солидарными установками и желанием помочь, но и со стремлением получить общественное признание, расширить социальные связи. В этом плане благотворительность воспринимается как поощряемое явление, приносящее людям авторитет и уважение общества. Можно говорить о перспективе формирования в общественном мнении россиян образа благотворительности не просто как некоего индивидуального альтруистического акта, а именно как социально полезной системной активности, направленной на достижение общего блага¹¹.

Основная причина неучастия в благотворительности связана с тем, что респонденты рассматривают в роли коллективного агента, ответственного за обеспечение благосостояния общества, в первую очередь государство, а не местное сообщество (см. табл. 3). В связи с этим постсоветское российское общество характеризуется парадоксальным сочетанием недоверия к альтруистическим устремлениям других людей и в то же время ожидания государственного альтруизма [30]. Следовательно, исторические институты бывшей советской России обладают высокой степенью преемственности.

Вторым важным препятствием вовлеченности локального сообщества в благотворительные практики выступает недоверчивое отношение населения к благотворительности и благотворительным организациям, опасение, что помощь не дойдет до адресата (см. табл. 3), поэтому борьба с мошенничеством является острой проблемой для имиджа российской благотворительности. В последнее время учащаются случаи призывов к сбору частных пожертвований, за которыми стоят недобросовестные люди¹². Безусловно, каждый такой случай уменьшает степень доверия к благотворительным организациям и в целом дискредитирует саму систему благотворительности.

¹¹ Неинституциональная социальная активность граждан: формы реализации и возможной поддержки. Основные выводы по результатам комплексного исследования (15.10.2018). ЦИРКОН. М., 2019.

¹² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 г. М.: Общественная палата РФ, 2019. С. 61–62.

Из углубленного анализа следует, что основными факторами, мотивирующими местное население на участие в благотворительной деятельности, являются личные и социальные установки, такие как религиозность респондентов, общественное признание, карьера, удовлетворенность жизнью и самодостаточность (см. табл. 4). Все коэффициенты для этих факторов – выше 0,6. Это показывает их сильную корреляцию с участием в благотворительной деятельности. В литературе утверждается, что существует положительная связь между благотворительностью и повышением удовлетворенности жизнью, личными достижениями, социальными сетями и отношениями, личным и карьерным развитием [46]. П. Деккер и А. Брук констатируют, что готовность населения к социальной активности все больше зависит от личных интересов и потребностей, чем от чувства ответственности перед обществом [47]. Индивидуалистические представления, как и коллективные, также могут стимулировать просоциальное поведение [48; 49], хотя приводят к изменению моделей участия от строго формализованных к неформальным [50].

Религиозность и участие в религиозных организациях могут выступать значимым источником социального капитала. Это помогает объяснить, почему ценность религии способствует вовлеченности в благотворительную деятельность [51]. В литературе утверждается, что участие в религиозных организациях или сообществах увеличивает удовлетворенность жизнью, самодостаточность и эффективность, поскольку религиозные сообщества создают нормальные, часто вертикально организованные социальные сети [8; 52; 53]. Отметим, что социальные сети, созданные благодаря участию в религиозных организациях, действительно мотивируют участников заниматься благотворительной деятельностью, но за счет всеобщего социального доверия. Мы призываем исследователей продолжить изучение взаимосвязи между религиозностью и социальным доверием в целях подтвердить или опровергнуть нашу интерпретацию.

Выявлено, что финансовое положение имеет отрицательную корреляцию как фактор мотивации к занятию благотворительностью. Эта особенность может быть результатом личных и

общественных норм и ценностей, превосходящих социально-экономические детерминанты участия в благотворительности. Однако теоретически возможен вариант, когда локальные сообщества должны сначала достичь относительно высокой степени материального благополучия, чтобы иметь свободные человеческие и финансовые ресурсы для занятия благотворительностью [22; 27; 28]. Следовательно, это альтернативное объяснение указывало бы на эндогенную взаимосвязь между благотворительностью и социально-экономическим развитием местных территорий, которую следует изучить в будущем.

Заключение

Благотворительность как практика гражданского участия выступает важнейшим ресурсом общественного развития. Его суть заключается не только в помощи нуждающимся, но и в содействии инновационному развитию, повышению качества жизни, укреплению нравственных основ, солидарности, социальной сплоченности в обществе. На основе сравнения результатов международных социологических измерений выявлено, что по всем представленным практикам благотворительности Россия заметно отстает от других стран: по рейтингу CAF World Giving Index Россия за 2009–2019 гг. входит в десятку государств с наименьшим уровнем развития благотворительности. Это обусловило исследовательский интерес к более глубокому изучению российской благотворительности.

Как показал проведенный анализ, в большей степени локальное сообщество практикует

различные формы помогающего поведения, чем, например, осуществляет денежные пожертвования. Обращает на себя внимание низкий уровень участия населения в формальных благотворительных практиках, связанных с деятельностью общественных организаций, и высокая неформальная благотворительная активность. В то же время выявлено, что некоммерческие организации играют значительную роль в развитии социальной взаимопомощи на местах.

В результате факторного анализа определено, что наибольшее влияние на вовлеченность локального сообщества в благотворительность оказывает фактор, связанный с жизненными установками и ценностями, такими как важность религии, общественного признания, карьеры в жизни человека и т. д. Основные барьеры участия населения в общественной деятельности во многом определяются убеждением в том, что власть, а не люди, должна нести ответственность за решение социальных проблем на местах, а также порой недоверчивым отношением к существующей системе благотворительности и благотворительным организациям.

Полагаем, что теоретическое осмысление и анализ обширной эмпирической базы благотворительной деятельности локального сообщества могут дать толчок как для фундаментальных исследований в этой области, так и работ практического характера, направленных на изучение конкретных мероприятий с целью роста вовлеченности населения в благотворительность на местном уровне.

Литература

1. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2010. 419 с.
2. Singer P. *The Life you Can Save: Acting Now to End World Poverty*. New York: Random House, 2009. 107 p.
3. Артамонова А.С. Барьеры развития некоммерческого сектора: зарубежный опыт // Вестник НГИЭИ. 2020. № 9 (112). С. 41–53. DOI: 10.24411/2227-9407-2020-10083
4. Williams R. *Keywords*. London: Fontana, 1988. 270 p.
5. Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
6. Fukuyama F. Social capital, civil society and development. *Third World Quarterly*, 2001, no. 22 (1), pp. 7–20. Available at: <https://doi.org/10.1080/01436590020022547>
7. Glanville J.L., Paxton P., Wang Y. Social capital and generosity: A multilevel analysis. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2016, vol. 45 (3), pp. 526–547. Available at: <https://doi.org/10.1177/0899764015591366>

8. Putnam R.D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press. 1994. Available at: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691037387/making-democracy-work>
9. Wang L., Graddy E. Social capital, volunteering and charitable giving. *Voluntas*, 2009, vol. 19 (1), pp. 23–42.
10. Fukuyama F. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. New York: Farrar, Straus and Girouz. 2014, 658 p.
11. Weingast B. R. The political foundations of democracy and the rule of law. *The American Political Science Review*, 1997, vol. 91 (2), pp. 245–263.
12. Andor M., Osberghaus D., Simora M. Natural disasters and governmental aid: Is there a charity hazard? *Zentrum für Europäische Wirtschaftsforschung (ZEW) Discussion Papers*, 2017, no. 17-065. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:180-madoc-438784>
13. Buchanan J.M. *The Samaritan's Dilemma. Altruism, Morality, and Economic Theory*. Russel Sage Foundation, New York, USA, 1975. 120 p.
14. Becker G.S. A theory of social interaction. *Journal of Political Economy*, 1974, vol. 82 (6), pp. 1063–1093.
15. Lewicka M. Ways to make people active: The role of place attachment, cultural capital, and neighborhood ties. *Journal of Environmental Psychology*, 2005, vol. 25 (4), pp. 381–395.
16. Mohammad G., Mohsen N., Fatemeh E.R. Participation in charity work and dedication, a prelude to sustainable development. *Journal of Studies of Socio-Cultural Development*, 2015, vol. 3 (4), pp. 24–45.
17. Berger B. Political theory, political science and the end of civic engagement. *Perspectives on Politics*, 2009, vol. 7 (02), pp. 335–350. DOI: 10.1017/S153759270909080X
18. Putnam R. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, 1995, no. 6 (1), pp. 65–78.
19. Nilsson A., Erlandsson A., Västfjäll D. Moral foundations theory and the psychology of charitable giving. *European Journal of Personality*, 2020, vol. 34 (3), pp. 431–447.
20. Sampson R.J., Raudenbush S.W. Systematic social observation of public spaces: A new look at disorder in urban neighborhoods. *American Journal of Sociology*, 1999, vol. 105 (3), pp. 603–651.
21. Leon D.S. *Violence in the Barrios of Caracas: Social Capital and the Political Economy of Venezuela*. Springer, 2020.
22. Bekkers R., Wiepking P. A literature review of empirical studies of philanthropy: Eight mechanisms that drive charitable giving. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2011, no. 40 (5), pp. 924–973.
23. Brooks A. *Who Really Cares: The Surprising Truth about Compassionate Conservatism*. New York: Basic Books, 2007. 230 p.
24. Wang H. The role of charity care and primary care physician assignment on ED use in homeless patients. *American Journal of Emergency Medicine*, 2015, no. 33, pp. 1006–1011. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ajem.2015.04.026>.
25. Zagefka H., James T. The Psychology of Charitable Donations to Disaster Victims and Beyond. *Social Issues and Policy Review*, 2015, no. 9, pp. 155–192. Available at: <https://doi.org/10.1111/sipr.12013>.
26. Piurko Y., Schwartz S.H., Davidov E. Basic personal values and the meaning of left-right political orientations in 20 countries. *Political Psychology*, 2011, no. 32, pp. 537–561. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2011.00828.x>.
27. Bekkers R. Who gives what and when? A scenario study of intentions to give time and money. *Social Science Research*, 2010, no. 39, pp. 369–381.
28. Gittel R., Tebaldi E. Charitable giving: Factors influencing giving in the U.S. States. *Nonprofit Sector Quarterly*, 2006, no. 35, pp. 721–736.
29. Hodgkinson V.A., Weitzman M.S. *Giving and Volunteering in the United States: Findings From a National Survey, 1990 Edition*. Washington DC: Independent Sector, 1996.
30. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2010. 419 с.
31. Посты в интернете с тегами «благотворительность», «денежные пожертвования», «волонтерство», «добровольчество» в социальных сетях: что в них есть интересного? / под ред. И. В. Мерсияновой. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. 54 с.
32. Корнеева И.Е., Миннигалева Г.А. Благотворительность пожилых россиян (по результатам эмпирического исследования) // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 74–80.
33. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 145–159. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.09

34. Канаева Л.П. Отношение к благотворительным организациям жителей региона // Проблемы науки. 2018. № 7 (31). С. 99–100.
35. Salamon M.L., Sokolowski W. The size and scope of the European third sector. *TSI Working Paper*, no. 12, Seventh Framework Programme, European Union. Brussels: Third Sector Impact, 2016. 120 p.
36. Enjolras B. The Impact of Volunteering on Volunteers in 23 European Countries. *TSI working paper series*, no. 4. Seventh Framework Programme, European Union. Brussels: Third Sector Impact, 2015. 180 p.
37. Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11
38. Arts K., Te Riele S. Vrijwilligerswerk. *Sociale samenhang: Participatie, vertrouwen en integratie*. Den Haag/Heerlen: CBS, 2010. Pp. 53–70.
39. Beach B., McKenzie D. *Population Ageing & the Voluntary Sector: Key Figures and Projected Trends*. London: Commission on the voluntary sector & ageing, 2014.
40. Bekkers R., De Wit A., Hoolwerf B., Boezeman E. *Geven van tijd: vrijwilligerswerk*. Amsterdam: Reed Business, 2015. 154 p.
41. Krieg S., Lautenbach H., Schmeets H. Vrijwilligers met en zonder betaald werk. *Statistische Trends*, December 2017, pp. 1–19.
42. Schmeets H., Arends, J. Vrijwilligerswerk: wie doet het? *Statistische Trends*, December 2017, pp. 1–19.
43. Dekker P. Vrijwilligerswerk verkend. *Geron*, 2017, vol. 19 (4), pp. 6–10.
44. Theocharis Y., Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European Political Science Review*, 2018 vol. 10:1, pp. 139–163. DOI:10.1017/S1755773916000230
45. Певная М.В. Некоторые характеристики отношения российского населения к волонтерству // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (35). С. 64–69.
46. Rochester C., Paine E., Howlett A. *Volunteering and Society in the 21-st Century*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2010. 274 p.
47. Dekker P., Broek A. Civil society in comparative perspective: involvement in voluntary associations in North America and Western Europe. *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 1998, vol. 9, no. 1, pp. 11–37.
48. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2003, vol. 14, no. 2, pp. 167–187.
49. Lipset S.M. *American Exceptionalism*. New York, 1996. 268 p.
50. Stolle D., Hooghe M. Review article: Inaccurate, exceptional, one-sided or irrelevant? The debate about the alleged decline of social capital and civic engagement in western societies. *British Journal of Political Science*, 2005, pp. 149–167. DOI: 10.1017/S0007123405000074
51. Smidt C. *Religion as Social Capital: Producing the Common Good*. Baylor University Press, 2003.
52. Lim C., Putnam R.D. Religion, social networks, and life satisfaction. *American Sociological Review*, 2010, no. 75 (6), pp. 914–933. Available at: <https://doi.org/10.1177/0003122410386686>
53. Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Routledge. 1905.

Сведения об авторах

Юлия Викторовна Уханова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru)

Даниэль Леон – PhD, научный сотрудник, Университет Лейпцига (04109, Федеративная Республика Германия, Лейпциг, Nikolaistr. 6-10; e-mail: dleon011@fiu.edu)

Ренате Зигрид Шельвальд – научный сотрудник, Университет Билефельда (D-33501, Федеративная Республика Германия, Билефельд, Vox 10 01 31; e-mail: r.s.schelwald@students.uu.nl)

Ukhanova Yu.V., Leon D., Schelwald R.

Charity Work of Local Community: Results of the Sociological Research in the Russian Region

Abstract. In recent years, the participation of citizens in the solution of social problems and society's self-organization has become an important research agenda. Public practices are perceived as a crucial resource for socio-economic development at the state and local levels. The purpose of this paper is to identify the development level and features of motivation for participation/non-participation in charitable activities from the standpoint of the Russian region's local community. We present an approach to the essence and components of charity based on a critical analysis of academic literature. Through a mass public opinion survey in the Vologda Oblast, 2019; N=1900), we revealed the level of local community's involvement in certain charity forms (helping behavior, monetary donations, volunteerism as part of public organizations' activities). A low level of population's participation in formal charitable practices, related to work of voluntary associations, and high informal charitable activity in various forms of helping behavior draw some attention. Using a factor analysis of latent variables, the authors determined that social norms and religious values are among the main factors that encourage a local community to engage in charity work. In addition, we revealed that the formed idea about the predominance of other entities' social responsibility (primarily – the state) and suspicious attitude to a charity system become serious obstacles to the inclusion of a local community in charitable activities. The study on the current state of charitable activity in Russia's local communities can provide an empirical basis and theoretical impetus for basic research in this area and for practical work aimed at studying specific types of activities to increase population's involvement in local charity.

Key words: charity, local community, territorial development, social capital, helping behavior, monetary donations, volunteerism.

Information about the Authors

Yuliya V. Ukhanova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia; e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru)

Daniel Leon – PhD, Researcher, University of Leipzig (6-10, Nikolaistr., Leipzig, 04109, Federal Republic of Germany; e-mail: dleon011@fiu.edu)

Renate Sigrid Schelwald – Researcher, University of Bielefeld (D-33501, Box 10 01 31, Bielefeld, Federal Republic of Germany; e-mail: r.s.schelwald@students.uu.nl)

Статья поступила 07.10.2020.

DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.13
УДК 316.42:316.44, ББК 60.52:60.54
© Осадчая Г.И.

Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе

**Галина Ивановна
ОСАДЧАЯ**

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
e-mail: osadchaya111@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2597-9724

Аннотация. Цель исследования – разработка методологии социологического анализа и оценка на этой основе уровня социальной адаптации мигрантов, его влияния на решение ключевых проблем аккомодации, поведенческие реакции, социальные настроения, представления об адаптационных стратегиях России, личные стратегии аккультурации, поддержку интеграционных процессов в ЕАЭС. Новизна обусловлена отсутствием последовательной теоретической модели эмпирического измерения и объяснения этих сложных процессов, а также потребностью изучения молодых граждан Кыргызстана в Москве как наиболее сложно приспособляющейся группы, по сравнению с мигрантами из других государств – членов ЕАЭС. Анализ уровня адаптации молодых граждан Кыргызстана в Москве опирается на базовые идеи социологических теорий о приспособлении человека к изменяющейся социальной среде, о том, что социальная адаптация образует смысловое поле, объемлющее собой широкий спектр взаимодействия с такими феноменами, как аккомодация, аккультурация и интеграция, как результата успешной встроенности в структуры принимающих обществ, приспособления к нормам и представлениям большинства. Методическая стратегия включает структурированные интервью молодых мигрантов из Кыргызстана в Москве, отобранных методом снежного кома по определенным признакам: граждане Кыргызстана, приехавшие в Москву после 2015 года и прожившие в ней больше одного месяца, в возрасте 17–30 лет. В отличие от ранее опубликованных работ, в которых анализируются отдельные аспекты адаптации мигрантов из Кыргызстана в регионах

Для цитирования: Осадчая Г.И. Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 186–198. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.13

For citation: Osadchaya G.I. Assessing the level of social adaptation among young migrants in the megapolis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 186–198. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.13

России, представленное исследование создает условия для расширения изучения особенностей социальной адаптации молодых граждан КР, наполняет новым методологическим содержанием теорию социальной адаптации мигрантов, позволяет концептуально обеспечить реализацию дальнейших эмпирических исследований проблем социальной адаптации мигрантов из государств – членов ЕАЭС в России и дифференцированный подход при разработке социальными институтами Кыргызстана, России, Евразийской экономической комиссии адекватных инструментов и механизмов, создать продуктивные условия для социальной адаптации.

Ключевые слова: социальная адаптация, аккомодация, аккультурация, интеграция, мигранты, Евразийский экономический союз, уровень социальной адаптации.

Введение

По экспертным оценкам, в России в настоящее время трудится от 600 до 800 тысяч¹ и обучается около 16 тысяч граждан Кыргызстана, из них примерно половина – на квотной основе². Это, как правило, молодые люди, которые не нашли в стране работы, гарантирующей перспективы личностного и профессионального роста, достойного доходного статуса, или хотят получить качественное образование на русском языке, открывающее большие возможности трудиться на всем пространстве бывшего Советского Союза.

Создание на постсоветском пространстве в 2015 году Евразийского экономического союза обеспечило мигрантам из Кыргызстана равные с другими гражданами стран – членов ЕАЭС возможности трудовой и образовательной мобильности. Однако, как показывают наши исследования³, именно указанная группа по сравнению с мигрантами из других стран ЕАЭС наиболее сложно адаптируется в московском социуме. В этой ситуации важно оценить уровень и факторы социальной адаптации мигрантов из Кыргызстана, выявить проблемы и сформулировать предложения по созданию ресурсов для наиболее полной реализации их человеческого потенциала, устойчивого и комплексного взаимодействия с москвичами, понять, как уровень социальной адаптации влияет на настроения, установки, отношение к России

и москвичам, поддержку и развитие Евразийского союза.

Актуальность исследования обусловлена также потребностью уточнить категориальный аппарат для эмпирической оценки уровня социальной адаптации мигрантов. Дело в том, что в современной науке теория адаптации мигрантов так и не сложилась. В условиях активизации миграционных процессов в середине XX – начале XXI века, характеризовавшихся интенсивной эмиграцией и массовой иммиграцией граждан, включение большего числа исследователей разных стран и ученых, представляющих различные научные дисциплины, в изучение социальной адаптации мигрантов привело к формированию новых школ и концепций, в которых при анализе процессов не просто используются разные категории, но и в одни и те же понятия вкладывается разный смысл. Так, с учетом сложности этого процесса, его особенностей в разных государствах разработано множество теоретических моделей, объясняющих адаптацию мигрантов в принимающих обществах (ассимиляция, сегментная ассимиляция, кросскультурная адаптация, мультикультурализм, транснационализм, методологический национализм, поликультурализм, интеркультурализм). Со временем в их рамках при анализе социальной адаптации и интеграции мигрантов возникло множество синонимов или используемых в качестве синонимов категорий: аккультурация, абсорбция, аккомодация, ассимиляция, включение, инкорпорация и т. п., появились различия в определении структуры, функций и факторов социальной адаптации. Исследователи оперируют разными определениями, которые варьируются от простых до сложных абстрактно-теоретических конструкций. В связи с этим цель исследования –

¹ Власти Киргизии назвали количество мигрантов в России. URL: <https://www.interfax.ru/russia/629250> (дата обращения 01.06.2020)

² Сколько кыргызстанцев учится в России, рассказали в МИД. URL: https://24.kg/obschestvo/104718_skolko_kyrgyzstantsev_uchitsya_vrossii_rasskazali_vmid/ (дата обращения 01.06.2020)

³ Мониторинг интеграционных процессов в ЕАЭС ведется ИСПИ ФНИСЦ РАН с 2015 г. Руководитель проекта Г.И. Осадчая.

разработать методологию социологического анализа и дать оценку факторов социальной адаптации мигрантов из Кыргызстана, выявить проблемы, разработать предложения по созданию условий для наиболее полной реализации мигрантами из Кыргызстана их человеческого потенциала. Научная новизна характеризуется наполнением методологического содержания теории социальной адаптации мигрантов, концептуальным обеспечением реализации дальнейших эмпирических исследований проблем социальной адаптации мигрантов из государств — членов ЕАЭС в России и оценкой уровней социальной адаптации, их влияния на установки, ценности, поведение.

Методология и характеристика методов. В предлагаемом исследовании социологический анализ уровня адаптации молодых граждан Кыргызстана в Москве опирается на базовые идеи социологических теорий о приспособлении человека к изменяющейся социальной среде: Э. Дюркгейма [1], рассматривающего социальную адаптацию как усвоение (интериоризацию) индивидом социальных норм в континууме «норма — патология», М. Вебера [2], утверждающего, что лучше адаптирован человек рациональный, а не нормативный, Т. Парсонса [3], понимающего под адаптацией баланс взаимных ожиданий индивида и социальной среды, Р. Мертона [4], отмечающего дисбаланс (противоречия общекультурных и институциональных норм) в структуре нормативной системы общества, считающего, что адаптация не обязательно предполагает усвоение человеком социальных норм и направлена не от социума к индивиду, а от индивида к социуму, чикагских социологов Р. Парка, У.И. Томаса и Ф. Знанецкого [5; 6], положивших начало изучению проблем адаптации мигрантов в принимающем социуме, доказавших важность разработки адаптационной стратегии, американских ученых Р. Редфилда, Р. Линтона и М. Херсковица [7], понимавших под адаптацией результат социального взаимодействия между группами, деятельность, когда приспособляются обе стороны — и мигранты, и члены принимающего сообщества, обосновавших необходимость различать понятие «аккультурация» и «ассимиляция».

Методология исследования опирается на наше представление о том, что социальная адаптация образует смысловое поле, объемлющее собой широкий спектр взаимодействия с такими феноменами, как **аккомодация**, **аккультурация**, в рамках которых возникает взаимодействие как отдельных индивидов, так и целых социальных групп с инокультурным окружением, и **интеграция**, как результата успешной адаптации, встроенности в структуры принимающих обществ, приспособления к нормам и представлениям большинства [8–19].

Социальную адаптацию мы изучаем в широком социальном контексте, в различных сферах социальной жизнедеятельности, поскольку она может иметь избирательный характер и избирательные эффекты. Несмотря на то что в статье анализируются уровни социальной адаптации молодых мигрантов из Кыргызстана, полагается, что в основе изучения лежит социальная адаптация каждой личности и ее особенности.

Методическая стратегия включает опрос молодых мигрантов из Кыргызстана в Москве (структурированные интервью мигрантов из Кыргызстана в рамках проекта «Мониторинг интеграционных процессов в ЕАЭС», руководитель проекта Г.И. Осадчая), проведенный в октябре — декабре 2019 г. и январе — феврале 2020 г. Опрошено 823 человека, отобранных методом снежного кома по определенным признакам: граждане Кыргызстана, приехавшие в Москву после 2015 года и прожившие в ней больше одного месяца, в возрасте 17–30 лет. Выбор эмпирического объекта обусловлен социально-демографическими характеристиками мигрантов из Кыргызстана, количество опрошенных — потребностью выделить в ходе анализа статистически значимые группы молодых мигрантов из Кыргызстана по уровню социальной адаптации.

Обсуждение результатов

Социальная адаптация мигрантов из Кыргызстана в последние годы рассматривалась исследователями в контексте позитивных и негативных последствий трудовой миграции из КР как для отдающей, так и принимающей стран — Казахстана и России [20], оценки итогов выработки условий и переходных положений по применению Кыргызской Республикой

договорно-правовой базы Евразийского экономического союза, в том числе в части свободы перемещения рабочей силы в ЕАЭС [21].

Ряд статей посвящен непосредственно проблемам адаптации трудовых мигрантов из Кыргызстана в конкретных регионах России, например, Сибири, Саратове. В них выявляются «условия приживаемости» мигрантов [22], детерминанты изменения социальных установок и ценностных ориентаций, обосновываются факторы этнокультурной идентификации кыргызов с учетом локальной специфики [23]. В работах по адаптации мигрантов в Москве анализируются ее отдельные аспекты: возможные «карьерные траектории» от позиции арендующего койко-места до позиции «хозяина», модели проживания мигрантов, каждая из которых предполагает разную степень привязанности к месту жительства [24]; инфраструктуру трудовых мигрантов (этно-мигрантские объединения, «этнические» кафе и медицинские центры, посреднические фирмы и мигрантские сети) [25]. Учеными анализировалась кыргызская диаспора в России как новый этап межкультурного взаимодействия. Отмечается, что вопросы формирования современной кыргызской диаспоры, возникшей как следствие миграционных процессов в постсоветский период, еще не исследованы [26]. Таким образом, системно проблемы социальной адаптации молодых граждан Кыргызстана в Москве не изучались.

Результаты исследования, их анализ и пояснение

Приезжая из Кыргызстана в Москву, молодой человек попадает из предсказуемой, понятной ему среды, где устоявшиеся способы поведения гарантируют достижение поставленной им перед собой цели, в ситуацию неопределенности. В связи с этим одной из первейших адаптивных потребностей личности становится приведение в соответствие с его возможностями и представлениями условий для повседневной жизнедеятельности — поиск жилья и работы, обустройство досуга. Затем относительно быстро молодежь осваивает манеру одеваться, практики повседневного поведения. Наиболее консервативными по отношению к изменениям остаются системы ценностей.

Все эти проблемы приезжие граждане Кыргызстана решают с разным успехом и разной

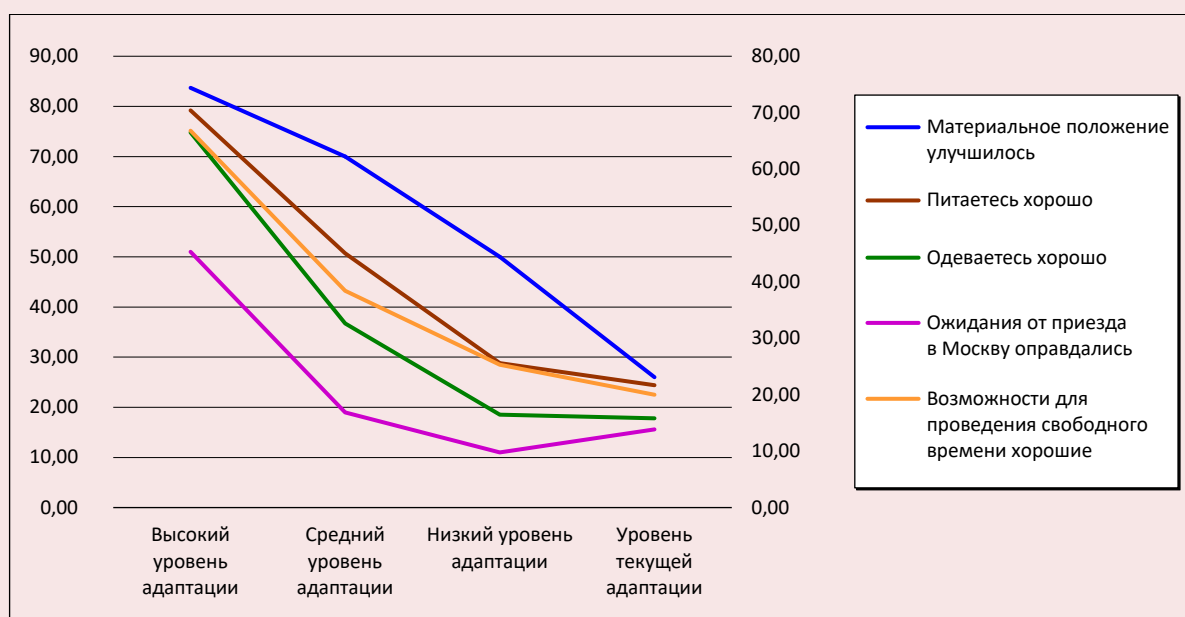
скоростью, демонстрируя персональные уровни социальной адаптации. Анализ полученных нами эмпирических данных позволил выделить четыре группы мигрантов: с высоким уровнем адаптации, представленную примерно 25% информантов, средним — 52%, низким — 18% и небольшую группу текущей адаптации — 5%, характеризующие поведенческие реакции опрошенных, решенность ключевых проблем приспособления к новым условиям.

Уровень адаптации тесно связан с оценкой мигрантами различных сторон повседневной жизнедеятельности в Москве: материального положения, качества питания, одежды, организации свободного времени, удовлетворенности результатами переезда, и характеризует асимметрию возможностей мигрантов в процессе адаптации. Чем он выше, тем в большей мере способствует выравниванию образа жизни мигрантов с молодежью принимающего общества (рис. 1).

Уровень адаптации сказывается на социальных настроениях. У наиболее успешно вписавшихся в московский социум молодых граждан Кыргызстана по сравнению с мигрантами с низким уровнем адаптации в три раза чаще преобладает хорошее и оптимистическое настроение (высокий уровень — 36,6%, средний — 21,4%, низкий — 12,3%), они реже испытывают беспокойство, раздражение (высокий уровень — 8,4%, средний — 9,8%, низкий — 19,9%). Особые социальные настроения присутствуют в группе текущей адаптации. Здесь по сравнению с третьей группой больше доля информантов-оптимистов (20,0%), но примерно равное количество тех, кому неспокойно и кто раздражен (17,8%).

Мигранты из группы наиболее успешно адаптировавшихся чаще чувствуют уверенность в завтрашнем дне (варианты ответа «Да», «Скорее да, чем нет»: высокий уровень — 78,2%, средний — 70,4%, низкий — 56,9%, текущей адаптации — 51,2%). Они чаще испытывают чувство гордости за Россию (высокий уровень адаптации — 13%, средний — 8,0%, низкий — 3,4%), удовлетворенность деятельностью российской власти (высокий уровень — 42,0%, средний — 33,0%, низкий — 26,0%, текущей адаптации — 13,3%), чаще в позитивном ключе отзываются о молодых москвичах. Очень

Рисунок 1. Оценка молодыми гражданами Кыргызстана различных сторон жизни в Москве в зависимости от уровня адаптации, % от числа опрошенных

Источник: разработано автором.

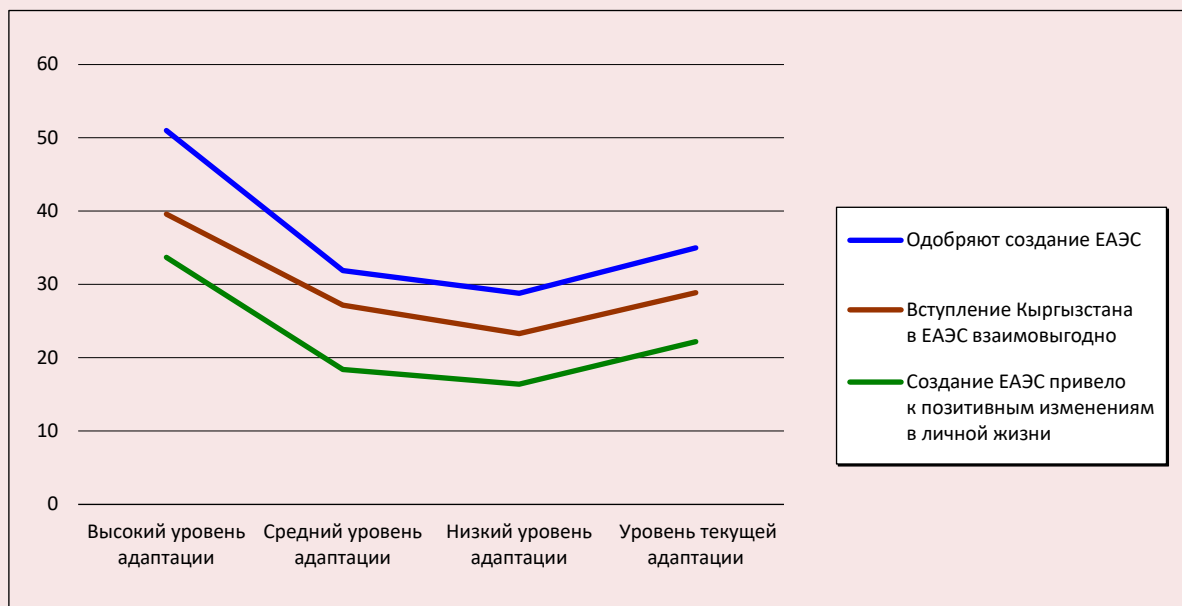
положительное и в целом хорошее впечатление о москвичах сложилось у 82% мигрантов с высоким уровнем адаптации, 74,2% – средним, 53,4% – низким и 57,8% – текущей адаптации.

Уровень адаптации мигрантов влияет также на отношение к проблемам евразийской интеграции. Наиболее успешно адаптированные респонденты чаще поддерживают создание на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза («Да, одобряю» – 51%), что примерно на 20 п. п. больше по сравнению с группой со средней (31,9%) и низкой (28,8%) адаптацией. К этим оценкам следует добавить оценку тех, кто ответил «Скорее одобряю». В целом одобрение строительства ЕАЭС находится на уровне 69%, наибольшее – в группе с высоким уровнем адаптации – 77,8% и текущей адаптации – 73,4%. Эти информанты более высоко оценивают взаимовыгодность процесса объединения государств в Евразийский экономический союз («Да» и «Скорее да» у мигрантов с высоким уровнем адаптации – 75,2%, низким – 65,7%) и вступление в него Кыргызстана («Да» и «Скорее да» у мигрантов с высоким уровнем – 78,2%, низким – 63,7%), а также

те результаты, которых удалось достичь лично им в процессе функционирования единых и общих рынков экономического союза («Да» и «Скорее да» у мигрантов с высоким уровнем адаптации – 67,4%, низким – 42,4%; рис. 2).

Уровень адаптации сказывается на представлениях молодежи о том, какой должна быть адаптационная стратегия России. По мнению 44,1% опрошенных, представляющих группу с высокой степенью адаптации, и 32,9% – с низкой, гармонизация индивида и среды, обеспечивающая приведение в соответствие потребностей, интересов, установок, ценностных ориентаций, связана с политикой ассимиляции. При этом ассимиляцию они понимают не «как полное растворение, а как ослабление этнического разделения и следующее за этим снижение культурных и социальных различий, пересечение социальных границ, принимающего общества» [27] за счет усвоения атрибутов новой идентичности. Эти мигранты готовы идти навстречу принимающему обществу, что усиливает их адаптационный потенциал и обеспечивает интеграцию в принимающее общество.

Рисунок 2. Доля респондентов, поддерживающих интеграционные процессы, в каждой из групп по уровню социальной адаптации, % от числа опрошенных

Источник: разработано автором.

От 40,1 до 45,6% респондентов считают, что следует активно включать мигрантов в жизнь местного сообщества, признавая их национальную и культурную самобытность. То есть они ориентированы на политику бикультурализма, что означает усвоение доминирующих норм при взаимодействии со старыми и на этой основе конструирование собственной системы, которую каждый из них принимает. А от 3,0 до 6,7% опрошенных полагают, что наиболее продуктивное взаимодействие москвичей с мигрантами из Кыргызстана возможно в рамках политики сегрегации. Следовательно, чем лучше адаптирован мигрант, тем более он склонен поддерживать политику России по адаптации мигрантов в режиме ассимиляции. Отметим, чем ниже уровень адаптации информанта, тем больше доля тех, кто затруднился ответить на этот вопрос.

Исследование свидетельствует о зависимости образа России от уровня адаптации мигрантов. Для кыргызстанцев с высоким и средним уровнем адаптации Россия ассоциируется, прежде всего, с возможностью хоро-

шего заработка (51,5–54,2%) и комфортной жизни для них и членов их семьи (26,7–23,7%). В группе с низким уровнем выше доля ответов «С необходимостью испытывать определенные трудности и проблемы, чтобы обеспечить себя и свою семью» (16,3%). Образ России у мигрантов, отнесенных нами к группе текущей адаптации, чаще связывается с получением качественного образования (33,3%), возможностью миграции в третьи страны (8,9%), постоянными проблемами и общей неустроенностью (6,7%).

Однако есть переменные, не детерминированные уровнем адаптации. В первую очередь они связаны с ценностными ориентациями, являющимися наиболее консервативными и сложно изменяемыми. Мигранты приехали в Москву со своими нормами, представлениями, образцами поведения, стандартами образа жизни, принятыми в Кыргызстане или сконструированными самими мигрантами, предпочитаемыми ими, которые в силу недолгого пребывания мигрантов в Москве быстро измениться не могли.

Уровень адаптации, например, не влияет на выбор страны или объединения стран для проживания. Рейтинг предпочтений выглядит следующим образом: Россия (36%), Кыргызстан (34%), Евразийский союз (14,5%), за исключением небольшой группы текущей адаптации. Здесь предпочтения выглядят следующим образом: Кыргызстан (51,1%), Россия (24,4%), ЕАЭС (13,3%).

Не влияет уровень адаптации и на идентификацию. Гражданином своей страны и гражданином Евразийского союза или гражданином Евразийского союза и гражданином своей страны считают себя только 11,5% информантов независимо от успешности. Отметим, что двойная идентичность (национальная и общеевразийская) – важнейшее условие жизнеспособности евразийской идеи, показатель результативности интеграционных процессов в ЕАЭС.

Интерес представляет ориентация мигрантов на степень освоения культуры принимающего общества, влияющая на адаптационный потенциал молодых кыргызстанцев. Оценка стратегических предпочтений мигрантов в отношении баланса между принятием доминирующей культуры и сохранением старой дает основания выделить три типа установок на аккультурацию. Первый тип (около 20%) – ориентация на свою культуру и отсутствие принятия новой культурной среды («Я считаю, что все люди в мире разделяют или должны разделять одинаковые ценности, такие, которые приняты в моей стране» + «Я считаю, что ценности чужой для меня культуры угрожают привычному порядку вещей и моему образу жизни»). Такая установка, если не изменится, может способствовать непризнанию этой частью опрошенных ценностей принимающего общества, а в перспективе не позволит адаптироваться в московском социуме, приведет к конфликтности. Эта установка порождает личностную стратегию, которую можно назвать стратегией маргинализации в московском социуме.

Второй тип установок связан с объединяющей возможностью разных культур и черт межгруппового контакта, включает освоение мигрантами культуры принимающего общества. Примерно 42% опрошенных считают важным сохранить связь с родной культурой при освоении основных ценностей культуры при-

мающего общества («Я считаю, что в каждой культуре есть что-то общее, всегда нужно искать объединяющие разные культуры черты» + «Я могу сказать, что хорошо знаю российскую культуру и готов воспринимать ее основные ценности»). Этот тип ориентирован на сохранение связи с родной культурой и освоение элементов культуры принимающего общества. Такую стратегию можно назвать стратегией взаимодополняемости.

Третий тип представлений мигрантов о балансе между принятием доминирующей культуры и сохранением старой разделяют 38% молодых кыргызстанцев. Около 23% считают, что могут спокойно жить, соблюдая правила, нормы и ценности российской культуры, еще 15% не разделяют для себя кыргызскую и российскую культуру и, можно сказать, уже сами являются представителями российской культуры. Данную стратегию можно назвать стратегией усвоения доминирующих норм.

Социальная адаптация обеспечивается множеством факторов и схем. В нашем случае на адаптационный процесс молодежи из Кыргызстана оказывает позитивное влияние созвучность ценностей, ценностных ориентаций, смыслов жизни молодых кыргызстанцев и молодежи Москвы. В некоторой степени это можно объяснить трансляцией значимости ценностей старшими поколениями, имеющими советский социокультурный опыт, младшим (табл. 1).

Значимым фактором адаптивных процессов является акцент в коммуникации с этническим сообществом и членами принимающего общества на российских СМИ. Молодые граждане Кыргызстана, находясь в Москве, в 1,5–2 раза чаще просматривают российские новостные интернет-ресурсы и в 2,5–3 раза – контент российских телевизионных программ по сравнению с кыргызстанскими (табл. 2).

При этом адаптационный потенциал самих мигрантов до некоторой степени снижает относительно высокая ассоциированность мигрантов с представителями своей диаспоры, что не способствует сокращению культурных и этнических границ между мигрантами и принимающим социумом и может вести к селективной адаптации. От 47,0 до 61,0% опрошенных преимущественно поддерживают дружеские связи

Таблица 1. Наиболее значимые ценности, ценностные ориентации молодых кыргызстанцев, % от числа опрошенных, ранг

	Высокий уровень адаптации	Средний уровень адаптации	Низкий уровень адаптации	Текущий уровень адаптации
Ценности				
Семья	65,3 Ранг 1	70,7 Ранг 1	64,4 Ранг 1	55,6 Ранг 1
Здоровье	49,0 Ранг 2	56,0 Ранг 2	50,7 Ранг 2	40,0 Ранг 2
Деньги	28,2 Ранг 3-4	24,0 Ранг 3-5	28,8 Ранг 3-4	26,7 Ранг 3-4
Карьера, работа	30,7 Ранг 3-4	25,6 Ранг 3-5	26,7 Ранг 3-4	28,9% Ранг 3-4
Представления о том, что значит хорошо жить				
Быть материально обеспеченным	53,5 Ранг 1-2	57,2 Ранг 1-2	58,2 Ранг 1-2	53,3 Ранг 1
Иметь хорошую семью, детей	54,0 Ранг 1-2	59,3 Ранг 1-2	54,1 Ранг 1-2	42,2 Ранг 2-3
Иметь интересную работу, честно трудиться	37,1 Ранг 3-4	37,1 Ранг 3-4	20,5 Ранг 5-6	20,0 Ранг 5-6
Жить в условиях мира и социальной справедливости	20,3 Ранг 5-6	17,0 Ранг 6	19,9 Ранг 5-6	6,7
Быть здоровым, иметь здоровых близких людей	40,1 Ранг 3-4	43,0 Ранг 3-4	39,7 Ранг 3	39,7 Ранг 2-3
Важно лично для респондента				
Крепкая семья, хорошие дети	55,4 Ранг 1	67,3 1 ранг	56,6 Ранг 1	60,0 Ранг 1
Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты	41,1 Ранг 2	34,1 Ранг 3-4	25,5 Ранг 5-6	42,2 Ранг 2
Быть богатым человеком, чтобы ни в чем себе не отказывать	32,2 Ранг 3-5	27,6 Ранг 5-6	33,1 Ранг 3-4	22,2 Ранг 4-6
Уважение со стороны окружающих	33,2 Ранг 3-5	32,0 Ранг 3-4	31,7 Ранг 3-4	20,0 Ранг 4-6
Уверенность в завтрашнем дне, наличие благоприятных перспектив	31,2 Ранг 3-5	42,3 2 ранг	48,3 Ранг 2	24,4 Ранг 4-5
Источник: разработано автором.				

Таблица 2. Характеристика коммуникации молодых граждан Кыргызстана в Москве, % от числа опрошенных

	Высокий уровень адаптации	Средний уровень адаптации	Низкий уровень адаптации	Текущий уровень адаптации
Посещают российские новостные интернет-ресурсы во время пребывания в Москве				
Ежедневно	62,4	47,9	50,0	57,8
Не посещают	12,4	20,5	21,2	11,1
Посещают кыргызские новостные интернет-ресурсы во время пребывания в Москве				
Ежедневно	29,7	32,8	37,0	48,9
Не посещают	25,2	24,2	25,3	17,8
Смотрят российское телевидение во время пребывания в Москве				
Ежедневно	54,5	47,7	47,9	48,9
Не смотрят	20,3	17,2	23,3	35,6
Смотрят кыргызское телевидение во время пребывания в Москве				
Ежедневно	18,8	16,5	15,1	28,9
Не смотрят	52,0	52,1	55,5	48,9
Источник: разработано автором.				

со своими соотечественниками. При этом чем ниже уровень адаптации, тем больше доля информантов, сохраняющих коммуникативную связь со своей культурной группой.

Около 15% опрошенных посещают кыргызские клубы (организации) или места (рестораны и т. д.), где кыргызы любят встречаться во время текущего пребывания в Москве, что обеспечивает дополнительную поддержку тесной связи с соотечественниками.

Важнейшим фактором адаптационного процесса является общий социальный контекст, т. е. отношения между кыргызами и принимающим сообществом. Московский социум по своей сути имеет миграционное происхождение, он многонационален, его этническая структура разнообразна. Он толерантен к множественному членству, перекрытию коллективных идентичностей, которые ранее существовали как взаимоисключающие, двойному гражданству, институционализации иммигрантских религий, включая их общественное признание. Несмотря на то что доминирующие ценности России, как принимающего общества, христианские, на территории Москвы расположены четыре крупных мечети, работает культурный центр, поэтому кыргызстанцы не ограничены в публичных отправлениях своей религии и не отчуждены от своей культуры. По их самооценке, от 25,7% (высокий уровень адаптации) до 33,6% (низкий уровень адаптации) в свободное время часто или регулярно посещают

мечеть. Если иммигрантская культура не будет способствовать адаптации молодых граждан в Москве, то удовлетворение религиозной и культурной потребностей мигрантов может затруднять адаптацию. По мнению ученых, чем больше мигранты отчуждены от национальной мусульманской религии, тем эффективнее их адаптация и интеграция [28].

Несмотря на то что многие опрошенные считают, что москвичи и представители власти (46,9 и 30% соответственно) встречают их дружелюбно и только 6,4 и 15% (соответственно) – недружелюбно, около половины информантов испытывали эмоциональное давление, психологический дискомфорт, получая в свой адрес оскорбления, угрозы. При этом чем ниже уровень адаптации, тем чаще такие события происходили с молодыми кыргызстанцами, что можно объяснить увеличением дистанции между повседневной культурой принимающего общества и культурными стандартами мигрантов выделенных нами групп.

Вышеперечисленные факторы адаптации являются общими (благоприятными или ограничивающими) для встраивания в московский социум мигрантов. Но в исследовании фиксируются и личностные дифференцирующие факторы, детерминирующие успешность. К ним следует отнести ориентацию на самореализацию в работе и самостоятельность, активность, открытость к принимающему социуму, общению с людьми разных национальностей (табл. 3).

Таблица 3. Личностные факторы успешной/неуспешной адаптации мигрантов в Москве, % от числа опрошенных

	Высокий уровень адаптации	Средний уровень адаптации	Низкий уровень адаптации	Текущий уровень адаптации
Что важно для Вас лично?				
Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты	41,1	34,1	25,5	42,2
Вашими друзьями в Москве преимущественно являются				
Русские	41,6	27,7	21,9	37,8
У меня нет друзей в Москве	2,0	3,3	6,8	6,7
Есть ли представители других национальностей в круге людей, с которыми Вы постоянно общаетесь?				
Да, есть, и общаюсь я с ними с удовольствием	73,3	70,2	61,0	62,2
Да, есть, но приятным это общение не назовешь	8,9	8,1	11,0	6,7
Да, есть, но все зависит от национальности: с одними мне приятно общаться, с другими – нет	14,4	18,4	24,0	22,2
В круге общения нет представителей других национальностей	3,5	3,3	4,1	8,9

Окончание таблицы 3

	Высокий уровень адаптации	Средний уровень адаптации	Низкий уровень адаптации	Текущий уровень адаптации
Рассматриваете ли Вы для себя возможность вступления в межнациональный брак?				
Да	37,6	25,1	19,2	17,8
Можете ли Вы представить ситуацию, что назовете своего ребенка русским именем?				
Да	35,6	21,6	17,8	17,8
Вы приехали в Россию				
Самостоятельно	64,9	56,7	50,0	44,4
Вас взяли с собой родственники, друзья	12,9	19,3	21,9	17,8
Вас пригласили уже находящиеся в России родственники, друзья	14,9	16,7	21,9	26,7
Где Вы проживаете в Москве?				
В арендованной комнате или квартире	67,8	51,9	47,9	35,6
У друзей или родственников	16,3	24,4	19,9%	15,6
В общежитии	14,9	22,8	31,5	48,9
Источник: разработано автором.				

Уровень адаптации мигрантов из Кыргызстана детерминирован образованием, профессиональным статусом, а также уровнем знания языка, возрастом, временем проживания в Москве. Отметим, что в исследовании молодых кыргызстанцев не фиксируется, в отличие от мигрантов старших возрастов, влияние численности населенного пункта, из которого приехал респондент.

Ключом к пониманию и объяснению успешности адаптации первой группы молодых мигрантов является большая доля среди респондентов тех, кто имеет высшее образование, высокий профессиональный статус, лучшее знание русского языка и более длительное время проживания и работы в Москве. Более оптимистические оценки, с одной стороны, и тревожность, с другой, у респондентов четвертой группы объясняются большей долей среди опрошенных (в два раза по сравнению с первой группой) респондентов в возрасте от 17 до 21 года, имеющих небольшой опыт жизни в Москве (группа 1: от 3 до 5 лет живет и работает в Москве – 53%, группа 4 – 26,7%). Треть из них приехала в столицу России только в 2019 году.

Самой проблемной с точки зрения адаптации является третья группа. Респонденты, представляющие ее, дали наиболее пессимистические оценки повседневности в Москве. Их адаптации препятствуют ограничения их личностных компетенций, имеющихся у них навыков и возможностей для обеспечения до-

статочного или ожидаемого уровня жизни в соответствии с принятыми в столице России стандартами. Они чаще выполняют неквалифицированную работу, не имеют высшего образования, хотя относительно долго живут в Москве (от 3 до 5 лет – 44,5%).

Успешность адаптации молодых мигрантов задается действиями социальных институтов Кыргызстана, России, Евразийской экономической комиссии, которые за прошедшие пять лет многое сделали для обеспечения выполнения гарантий свободы перемещения, предусмотренных Договором о ЕАЭС.

Однако у большинства мигрантов по-прежнему возникает множество проблем в Москве, что препятствует успешной адаптации. Не сталкивались с трудностями только треть опрошенных, успешно адаптировавшихся в столичном социуме (группа 1), около 15% из группы среднего уровня и 7% низкого уровня адаптации.

Главными проблемами остаются получение работы, поиск жилья, нехватка информации о правах и обязанностях, с нарастающим значением по мере снижения уровня адаптации. Каждый седьмой опрошенный отмечал дискриминационное поведение властей, включая полицию, около 15% респондентов, отнесенных к группам 2 и 3, – проблемы со здравоохранением, 15% респондентов группы 3 – напряженные отношения с соседями, а 18% представителей первой группы – трудности в развитии собственного бизнеса.

Решение этих проблем возможно по мере создания удобных для хозяйствующих субъектов и граждан наборов сервисов, взаимодействий по предоставлению межгосударственных электронных услуг, с прозрачными для потребителя правилами, требованиями и обязательствами, т. е. формирования цифровой платформы единого рынка труда [29].

Заключение

Предложенная методология эмпирической оценки уровня социальной адаптации мигрантов, в основе которой лежит представление о том, что социальная адаптация образует единое смысловое поле, объемлющее собой широкий спектр взаимодействия с такими феноменами, как аккомодация, аккультурация и интеграция, позволила выделить четыре группы мигрантов, характеризующихся решенностью ключевых проблем приспособления к условиям принимающего общества, особыми поведенческими реакциями опрошенных, социальными настроениями, представлениями молодежи о характере адаптационной политики России для гармонизации индивида и среды, зависимостью образа России от уровня успешности адаптации, поддержки интеграционных процессов в ЕАЭС, типом установок мигрантов на аккультурацию, порождающих личную адаптационную стратегию в московском социуме. Группа с высоким уровнем адаптации в исследовании составила примерно 25% информантов, средним – 52%, низким – 18% и текущей адаптации – 5%. К факторам благоприятной социальной адаптации следует отнести созвучность ценностей, ценностных ориентаций, смыслов жизни молодых кыргызстанцев и молодежи Москвы, акцент молодых кыргызов в коммуникации с этническим сообществом и членами принимающего общества на российских СМИ, общий позитивный социальный контекст Москвы,

толерантность отношений между гражданами Кыргызстана и москвичами.

Адаптационный потенциал мигрантов до некоторой степени ухудшается из-за их относительно высокой ассоциированности с представителями своей диаспоры, усиливающейся по мере снижения уровня адаптации. Препятствуют успешной адаптации эмоциональное давление, психологический дискомфорт в Москве, который испытали около половины опрошенных, получая в свой адрес оскорбления и угрозы; проблемы и трудности, связанные, прежде всего, с получением работы, поиском жилья, нехваткой информации о правах и обязанностях, нарастающие по мере снижения уровня адаптации. Уровень адаптации молодых мигрантов из Кыргызстана детерминирован образованием, профессиональным статусом, знанием языка, возрастом, временем проживания в Москве, а также личностными свойствами, дифференцирующими степень успешности: ориентация на самореализацию в работе, активность, открытость к принимающему социуму, общению с людьми разных национальностей.

Проведенная работа создает условия для расширения изучения особенностей социальной адаптации молодых граждан Кыргызстана, наполняет новым методологическим содержанием теорию социальной адаптации мигрантов, позволяет концептуально обеспечить реализацию дальнейших эмпирических исследований проблем социальной адаптации мигрантов из государств – членов ЕАЭС в России. А выявление уровней адаптации мигрантов и характеристика этих групп позволит социальным институтам Кыргызстана, России, Евразийской экономической комиссии обеспечить дифференцированный подход при создании продуктивных условий, разработке адекватных инструментов и механизмов социальной адаптации.

Литература

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 602–644.
3. Parsons T. A. Functional theory of change. In: *Social Change: Source, Pattern and Consequence*. Ed. by Etzioni A. N.Y., 1964, pp. 83–97.
4. Мертон Р. Социальная структура и аномия / пер. с франц. Е.А. Самарской; ред. перевода М.Н. Грецкий. // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
5. Park P. *Race and Culture*. Glencoe: Free Press, 1950. 456 p.

6. Thomas W.I., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 2. University of Illinois Press, 1996. 127 p.
7. Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. Memorandum for the study of acculturation. *American Anthropologist*, 1936, vol. 38, no. 1, pp. 149–152.
8. Бажан Т.А. Социокультурная интеграция иностранных граждан в системе государственной миграционной политики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 24–30.
9. Волох В.А., Суворова В.А. Теоретические основы изучения проблем адаптации и интеграции мигрантов в российский социум // Вестник университета. 2013. № 20. С. 202–208.
10. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 233 с.
11. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.
12. Овшинов А.Н. Общесоциологическая парадигма социальной адаптации // Вестник калмыцкого университета. 2014. № 4 (24). С. 81–96.
13. Хамидулин В.С. Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее общество // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 49–60.
14. Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *International Migration Review*, 1997, vol. 31 (4), pp. 826–874.
15. Berry J., Sam D. *Acculturation and Adaptation. Handbook of Cross-Cultural Psychology*. MA: Allyn and Bacon, 1997, vol. 3, pp. 291–326.
16. Kim Y.Y. Adapting to a new culture: An integrative communication theory. W. Gudykunst (Ed.). *Theorizing About Intercultural Communication*. In: Thousand Oaks: Sage. 2005. Pp. 375–400.
17. Kim Y.Y. Intercultural personhood: Globalisation and way of being. *International Journal of Intercultural Relations*, 2008, no. 32, pp. 359–368.
18. Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W. The adaptation of the immigrant second generation in America: A theoretical overview and recent evidence. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2009, no. 35 (7), pp. 1077–1104.
19. Schwartz S., Unger J., Zamboanga B., Szapocznik J. Rethinking the concept of acculturation: Implications for theory and research. *American Psychologist*, 2010, no. 65, pp. 237–25.
20. Эрешбаев У.Ж., Ешенова С.Е. Проблемы внешней трудовой миграции населения Кыргызстана // Народонаселение. 2016. № 1-1. С. 34–41.
21. Ажекбаров КА., Ишенов Б.Ч. Киргизская республика в составе ЕАЭС // Вестник финансового университета. 2016. № 2. С. 117–119.
22. Джамангулов Э. Проблема адаптации кыргызских трудовых мигрантов / Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 93–97.
23. Ягафова Е.А., Голованов В.В. Самарские киргизы: особенности этнической идентификации и социокультурной адаптации в полиэтническом городском пространстве // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3 (2). С. 553–556.
24. Рочева А.Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 2. С. 31–50.
25. Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. 2015. № 2. С. 129–151.
26. Шипилов А.В. Киргизская диаспора в России: новый этап межкультурного взаимодействия // Вестник КГУ. 2017. № 1. С. 75–77.
27. Alba R., Nee V. *Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration*. Cambridge. Mass.: Harvard University Press. 2003. 359 p.
28. Jacobson D., Deckard N.D. Surveying the landscape of integration: Muslim immigrants in the United Kingdom and France. *Democracy and Security*, 2014, vol. 10, no. 2, pp. 113–131.
29. Осадчая Г.И. Цифровая трансформация единого рынка труда ЕАЭС: запросы участников // Интеграционный и модернизационный потенциал Евразии: состояние, проекты и форматы реализации: сборник трудов VIII Казанского Евразийского научно-практического форума. 2019. С. 208–216.

Сведения об авторе

Галина Ивановна Осадчая – доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт демографических исследований (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Osadchaya G.I.

Assessing the Level of Social Adaptation among Young Migrants in the Megapolis

Abstract. The purpose of the research is to develop a methodology for a sociological analysis. It should also be a basis for assessing the level of migrants' social adaptation, its impact on the solution of key accommodation problems, behavior reactions, social sentiments, ideas about Russia's adaptation strategies, personal acculturation strategies, and support for integration processes in the EAEU. The novelty of the research is the lack of a consistent theoretical model for the empirical measurement and explanation of these complex processes, as well as the necessity to study young Kyrgyzstan citizens living in Moscow as a group with the most serious adaptation difficulties, compared to migrants from other EAEU member states. The analysis of young Kyrgyzstan citizens' adaptation in Moscow is based on basic ideas of sociological theories on adapting a person to changing social environment: social adaptation creates a conceptual field that encompasses a wide range of interaction with such phenomena as accommodation, acculturation and integration as a result of successful integration into the structures of host societies, adaptation to the norms and ideas of the majority. Methodological strategy includes structured interviews of young migrants from Kyrgyzstan who live in Moscow. We selected participants using the snowball sampling with the following criteria: Kyrgyzstan citizens, aged 17–30, who arrived in Moscow after 2015 and lived there for more than a month. Unlike our previous works that analyze certain aspects of adaptation of migrants from Kyrgyzstan in the Russian regions, the current study achieves several objectives. It creates opportunities for expanding the study on the social adaptation features of young citizens from the Kyrgyz Republic. Our research enhances the migrants' social adaptation theory with new methodological content. This work also allows ensuring the implementation of further empirical studies on the social adaptation issues of migrants from the EAEU member states in Russia conceptually. It provides a differentiated approach to the development of adequate tools and mechanisms by social institutions in Kyrgyzstan, Russia, The Eurasian Economic Commission and creation of productive environment for social adaptation.

Key words: social adaptation, accommodation, acculturation, integration, migrants, Eurasian Economic Union, level of social adaptation.

Information about the Author

Galina I. Osadchaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of Department, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute for Demographic Research (build. 1, 6, Fotieva Street, Moscow 119333, Russian Federation; e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Статья поступила 28.07.2020.

Дорожно-транспортная аварийность в России: основные социально-экономические факторы ее формирования и пространственно-временные особенности*

**Артур Игоревич
ПЕТРОВ**

Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Российская Федерация
e-mail: petrovai@tyuiu.ru
ORCID: 0000-0003-2634-0567

**Виктор Иванович
КОЛЕСОВ**

Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Российская Федерация
e-mail: vikolesov@yandex.ru

Аннотация. Уже более десятка лет российское государство активно занимается вопросами народосбережения, однако положительные эффекты этой работы проявились ненадолго (2014–2016 гг.) и тренд снова сменился на негативный. Первая (2006–2012 гг.) и Вторая (2013–2020 гг.) целевые федеральные программы по безопасности дорожного движения имели

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания в сфере науки на выполнение научных проектов, осуществляемых коллективами научных лабораторий образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России, по проекту «Новые закономерности и решения для функционирования городских транспортных систем в парадигме “Переход от владения личным автомобилем к мобильности как услуге”» (№ 0825-2020-0014, 2020–2022 гг.).

Для цитирования: Петров А.И., Колесов В.И. Дорожно-транспортная аварийность в России: основные социально-экономические факторы ее формирования и пространственно-временные особенности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 199–220. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.14

For citation: Petrov A.I., Kolesov V.I. Road traffic accident rate in Russia: main socio-economic factors of its formation and spatio-temporal features. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 199–220. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.14

целью уменьшение числа погибших в дорожно-транспортных происшествиях и внесли положительный вклад в дело народосбережения. Так, годовые показатели количества погибших в ДТП в период с 2006 по 2019 год снизились с 32724 до 16981 человек в год, или почти в два раза. Тем не менее в сфере обеспечения безопасности дорожного движения остается еще множество проблем. Одной из них является сложность системных процессов управления безопасностью дорожного движения в такой большой стране, как Российская Федерация, состоящей из 85 неоднородно развитых экономически и социально субъектов, на территории которых проживают представители 190 народов. В рамках статьи рассматривается широкий круг вопросов, связанных с оценкой влияния особенностей социоценоза на одну из важнейших характеристик дорожно-транспортной аварийности – тяжесть ДТП. Цель исследования – изучить влияние характеристик репрезентативных социально-экономических факторов на тяжесть ДТП в регионах России и разработать на этой основе максимально эффективный дифференцированный подход к финансированию региональных программ по безопасности дорожного движения. Научная новизна исследования заключается в модельном подтверждении ранее выдвинутых идей о положительном воздействии базовых социально-экономических институций, формирующих транспортное поведение участников дорожного движения, на его безопасность. Эти идеи рассмотрены применительно к России в целом и относительно связи региональной дорожно-транспортной аварийности с экономико-демографическими особенностями жизни россиян. Представлены ранговые модели влияния на тяжесть ДТП таких характеристик региональных социоценозов, как медианный возраст населения, доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, среднедушевые денежные доходы. Приведены концептуальные соображения по совершенствованию безопасности дорожного движения в Российской Федерации в пространственно-временном континууме.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-транспортная аварийность, Российская Федерация, управление безопасностью дорожного движения, тяжесть ДТП, региональный социоценоз, факторы влияния, пространственно-временные особенности.

Введение и актуальность проблемы

Безопасность жизнедеятельности – одна из самых важных современных общемировых ценностей¹. Ценность жизни индивида признана практически повсеместно [1], а ее экономический эквивалент может достигать величин в US\$ 5–10 млн [2; 3]. Дорожно-транспортная аварийность была и остается одной из основных причин смертности населения во всем мире. «Если не предпринять соответствующих действий, к 2025 г. дорожно-транспортный травматизм может стать третьим ведущим компонентом глобального бремени болезней и травм» [3, с. 16]. Отмечается, что социально-экономический ущерб от дорожно-транспортной аварийности в мире достигает сотен миллиардов долларов [3] (например, в США в 2016 году – US\$ 256 млрд, или около 1,5% ВВП [4]).

¹ Общечеловеческие ценности // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Мн.: В.М. Скакун, 1999. 896 с.

Актуальны проблема повышения безопасности дорожного движения (БДД) и вопросы дорожно-транспортной аварийности и для Российской Федерации². За последние три года (2017–2019 гг.) в России сформировался устойчивый тренд роста естественной убыли населения³. В 2019 году число умерших превысило число родившихся на 316,16 тыс. чел. (табл. 1). Весьма существенную роль в этом негативном процессе играет дорожно-транспортная аварийность. Количество погибших в дорожно-транспортных происшествиях (ДТП)

² Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 гг.». URL: <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2008/187>; Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 гг.» URL: <http://www.fcp-pbdd.ru>

³ Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2019/demo/edn12-19.htm

Таблица 1. Динамика численности населения России в 2014–2019 гг. и вклад дорожно-транспортной аварийности в смертность населения страны, чел./год

Год	Динамика населения		Естественный прирост (+), убыль (-)	Число погибших от внешних причин	Число погибших в ДТП	
	Число родившихся	Число умерших			Абсолютная величина	Доля от числа погибших от внешних причин, %
2014	1947301	1913613	33688	173523	26963	15,5
2015	1944136	1911413	32723	164276	23114	14,1
2016	1893256	1887913	5343	153517	20308	13,2
2017	1689884	1824340	-134456	138784	19088	13,8
2018	1604589	1827827	-223238	134916	18214	13,5
2019	1484517	1800677	-316160	128142	16981	13,3

Составлено по: Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/free_doc/2019/demo/edn12-19.htm; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2019 года. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2020. 21 с. URL: https://нцбдд.мвд.рф/dop_stranici/%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%D1%8B-%D0%B7%D0%B0-2019-%D0%B3%D0%BE%D0%B4

в 2019 году россиян составило 16,98 тыс. чел., или около 13,3% от числа погибших от внешних причин (см. табл. 1).

Несмотря на положительные в целом тенденции, выражающиеся в уменьшении общей смертности ($\approx -6\%$ в течение 2014–2019 гг.) и весьма впечатляющих результатах по снижению числа погибших от внешних причин ($\approx -26\%$ за 6 лет), структурная доля жертв ДТП в России оставалась все эти годы стабильной, составляя 13–14%. Известно, что социально-экономический ущерб РФ от дорожно-транспортной аварийности достигает 1,5–2 % ВВП⁴, т. е. не менее 1,5–2,0 трлн руб. / год⁵.

Реальная статистика свидетельствует о весьма серьезной роли БДД в жизни российского общества. Изучение причинно-следственных связей процесса обеспечения БДД и установление закономерностей влияния приоритетных факторов на формирование дорожно-транспортной аварийности выступают пружиной механизма реализации целевой функции по повышению качества жизни россиян, задекларированной в Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации⁶.

⁴ *Global status report on road safety 2015* / Geneva, World Health Organization. 2015. 326 p.

⁵ Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики № 48. Апрель 2019. Динамика и структура ВВП России. URL: <file:///C:/Users/E8E5~1/AppData/Local/Temp/21979-1.pdf>

⁶ Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 гг. URL: <file:///C:/Users/E8E5~1/AppData/Local/Temp/g6BXGgDI4fCEiD4x DdJUwIxdPATVC12-1.pdf>

Общепризнанный подход к анализу особенностей функционирования любой автомобильной системы (АТС) [5] предполагает ее дифференцирование на подсистемы «Водитель – Автомобиль – Дорога – Среда» (ВАДС). В течение последних 50–80 лет максимальное внимание ученых мира [6] было направлено прежде всего на особенности функционирования подсистем «Автомобиль» и «Дорога» (раздельно и во взаимосвязи), что способствовало качественному изменению конструкций транспортных средств и совершенствованию подходов к строительству и реконструкции дорог, в итоге – смене парадигм БДД. В то же время влияние на БДД факторов, связанных с подсистемами «Водитель» (правильнее было бы «Человек») и «Среда», до сих пор изучено недостаточно полно [6].

Е. van Veeck и соавторы показали, что множество внешних по отношению к автомобилю факторов можно условно дифференцировать на укрупненные группы «Экономические условия», «Социальные условия», «Особенности демографии» [7]. Эти факторы в той или иной степени взаимосвязаны между собой и оказывают косвенное, но весьма существенное влияние на фактический уровень БДД.

В нашей статье многократно используются такие термины, как «безопасность дорожного движения», «дорожно-транспортная аварийность», «социоценоз». В связи с этим необходимо привести их дефиниции.

Согласно Федеральному закону «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995

№ 196-ФЗ⁷, *безопасность дорожного движения — состояние процесса перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий.*

К сожалению, в ст. 2 «Основные термины» указанного закона не приведено определение понятия «дорожно-транспортная аварийность», однако специалисты МАДИ (ГТУ) — авторы Справочника дорожных терминов⁸ — считают, что «... термин «Аварийность» идентифицирует показатель безопасности дорожного движения в виде абсолютного числа дорожно-транспортных происшествий, числа погибших и раненых или в виде отношения количества ДТП к числу транспортных средств, численности населения или пробегу автомобилей за определенный промежуток времени».

На самом деле, в мировой практике используются и другие критерии для оценки дорожно-транспортной аварийности. Например, в 1949 году английский статистик Р. Смид [8] предложил использовать такие показатели, как транспортный (*TR*) и социальный (*HR*) риски, суть которых заключается в оценке удельных показателей «Число погибших в ДТП / 10 тыс. транспортных средств» и «Число погибших в ДТП / 100 тыс. жителей». Позже в практику оценки БДД вошел показатель «Тяжесть ДТП», отражающий долю погибших в общем числе пострадавших в ДТП [9].

Именно тяжесть ДТП выступает сегодня самым выразительным показателем для оценки состояния дорожно-транспортной аварийности [10–13]. Наиболее полное объяснение приоритетной важности данной оценочной характеристики состояния БДД среди других дал J.G.U. Adams: «Тяжесть ДТП является воплощением комплексного подхода к оценке фактического положения в сфере обеспечения БДД. Доля погибших среди пострадавших в ДТП косвенно указывает как на конструктивный уровень качества непосредственно транспортного средства (активная и послеаварийная безопасность),

используемого автомобилистами, так и на фактическое состояние системы спасения пострадавшего в ДТП силами медицинской помощи» [10, с. 83]. Именно поэтому мы присоединяемся к мнению указанных авторов и выбираем критерий «Тяжесть ДТП» в качестве важнейшей оценочной характеристики дорожно-транспортной аварийности.

Ценоз — ограниченное во времени и пространстве сообщество со слабыми связями и едиными целями [14]. Термин «ценоз» изначально пришел из биологии, однако в настоящее время различают уже 42 сущностно-подобных понятия с окончанием «ценоз», в их числе «техноценоз» — совокупность технических изделий, обобщенных по какому-либо признаку, и «социоценоз» — совокупность каких-либо объединенных отдельным признаком живых субъектов [14; 15; 16].

Социоценоз — любая совокупность социальных особей, ограниченная по какому-либо признаку. Особенностью ценозов является наличие нечетких границ между ними (как в технике, так и в социуме), их постоянное перемешивание в пространстве [15; 16]. Опыт показывает, что в социоценозах отдельные особи редко бывают не то что одинаковыми, а даже просто сопоставимыми по конкретным характеристикам. Тем не менее социоценозы значительно различаются между собой по каким-либо характеристикам. Так, например, медианный возраст — одна из характеристик социоценоза населения региона — весьма различается для Чеченской Республики (24,1 года в 2010 г. и 26,0 лет в 2018 г.) и Тамбовской области (42,3 года в 2010 г. и 43,7 года в 2018 г.)⁹.

Выбор факторов влияния, научная новизна, цель и задачи исследования

Один из важных вопросов исследования — выбор характеристик региональных социоценозов, оказывающих существенное влияние на дорожно-транспортную аварийность, в частности на тяжесть ДТП. Существует множество показателей социально-экономического развития территорий. Так, в сборнике «Регионы

⁷ О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/

⁸ Справочник дорожных терминов. URL: file:///C:/Users/E8E5~1/AppData/Local/Temp/spravochnik_dorozhnykh_terminov.pdf

⁹ Российский демографический лист 2016. URL: https://yandex.ru/search/?text=Russian%20demographic%20data%20sheet%202016&lr=55;Российский демографический лист 2019. URL: file:///C:/Users/E8E5~1/AppData/Local/Temp/RussianDemographicDataSheet2019_web.pdf

России. 2019»¹⁰ представлены сотни показателей, дифференцированных по 23 разделам. Анализ многолетней работы иностранных специалистов¹¹, а также экспертов Всемирной организации здравоохранения¹² позволил выделить из группы социально-экономических факторов влияния три важнейшие характеристики:

- медианный возраст населения;
- доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;
- среднедушевые денежные доходы населения.

Они часто упоминаются в самых разных источниках [7; 17–22] в контексте влияния на формирование потенциально опасных ситуаций на дороге в качестве весьма значимых. Попробуем аргументировать их выбор.

Л. Evans пишет: «Наибольший риск характерен для самых молодых водителей автомобиля» [17]. Это открытие настолько часто появлялось в исследованиях риска водителей, что его следует рассматривать как «закон природы».

А.В. Коротаев с соавторами провел глубокий анализ изменения ценностей под влиянием возраста в контексте психосоциальных теорий старения [18]. Проанализировав 75 авторитетных источников (А.В. Писарев, А.Б. Коган, R. Fischer, P.B. Baltes, J. Baltes, Brandtstädter, L.L. Carstensen, W.M. Evan, G.L. Zellman, J.C. Campbell и многие другие), посвященных изучению психосоциальных теорий развития в процессе взросления и старения, они показали, что с возрастом практически для любого человека увеличивается ценность вопросов безопасности, порядка и здоровья. Это оказывает существенное влияние на коррекцию поведения водителей за рулем.

Выбор в качестве репрезентативных по отношению к БДД характеристик «Доля насе-

ления с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» и «Среднедушевые денежные доходы населения» менее очевиден. Эти показатели относятся к группе экономических, каковых весьма много. Тем не менее их выбор определялся рекомендациями авторов, специализирующихся на данной теме исследований.

В разделе «The impact of economic development on road safety: a literature review» доклада, подготовленного специалистами International Traffic Safety Data and Analysis Group (IRTAD)¹³, детально рассмотрены результаты, полученные авторами 50 работ (среди них такие авторитетные специалисты в сфере дорожной безопасности, как E. van Beeck, R. Elvik, W. Evans, J.G. Graham, S.C. Partyka, S. Peltzman, A.C. Wagenaar, G.J.S. Wilde и другие). Опуская детали, приведем лишь общую концептуальную схему влияния экономических условий в стране на итоговые результаты в сфере дорожной безопасности (рис. 1). Весьма наглядно влияние экономического благополучия страны на безопасность дорожного движения представлено в работе M.J. Koornstra (рис. 2).

Глубокий анализ трудов зарубежных специалистов [7; 19–22] позволил аргументировать выбор в качестве репрезентативных показателей, характеризующих социум с экономических позиций, именно критерии «Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» и «Среднедушевые денежные доходы населения».

Научная новизна исследования заключается в модельном подтверждении идей J.G.U. Adams [10] и М.Я. Блинкина [6] о положительном влиянии базовых институций, формирующих транспортное поведение участников дорожного движения, на безопасность дорожного движения. В процессе работы мы попытались рассмотреть эти идеи применительно к России, учитывая ее региональное многообразие и связь региональной дорожно-транспортной аварийности с экономико-демографическими особенностями жизни россиян.

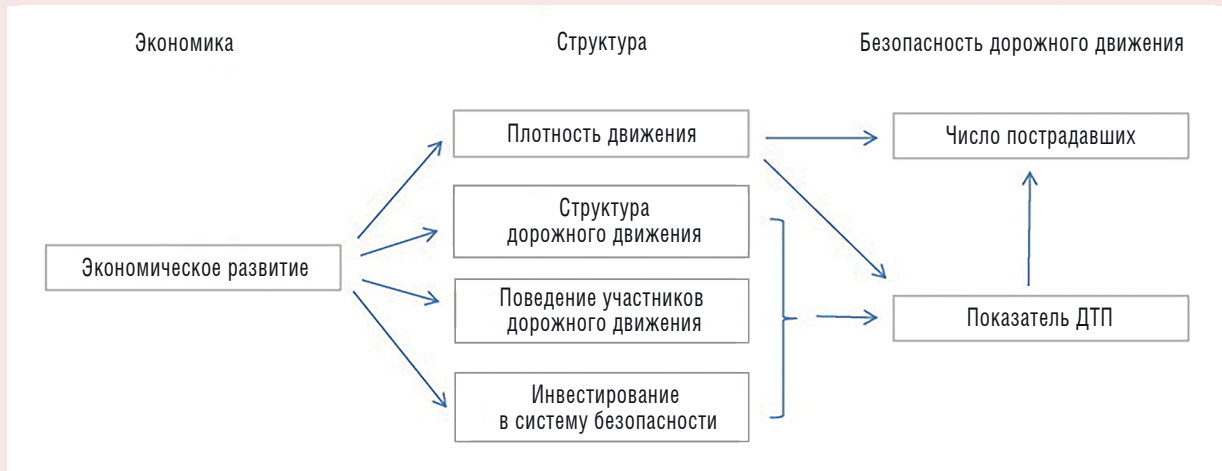
¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 15.07.2020).

¹¹ Справочник по безопасности дорожного движения. Обзор мероприятий по безопасности дорожного движения / Р. Эльвик, А.Б. Мюсен, Т. Ваа; под ред. В.В. Сильянова. Осло – Москва – Хельсинки, 2001. 754 с.

¹² Принципы и инструменты для повышения безопасности дорожного движения на дорогах общего пользования. Международный опыт. URL: www.ador.ru/data/files/static/bdd_01.pdf (дата обращения 19.07.2020).

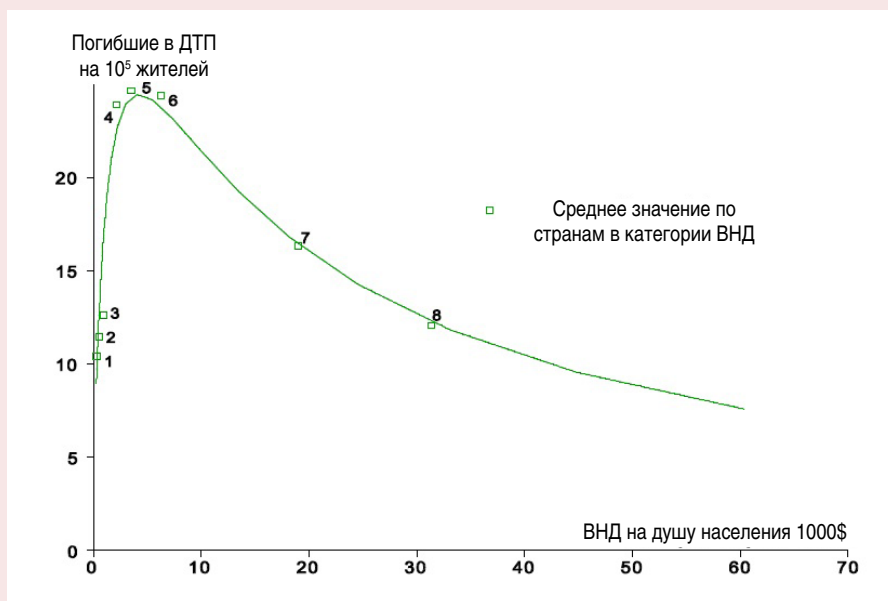
¹³ *Why Does Road Safety Improve When Economic Times Are Hard?* IRTAD Research Report. OECD / ITF 2015. 228 p. URL: www.itf-oecd.org/sites...docs/15irtadeconomictimes.pdf (дата обращения 22.07.2020).

Рисунок 1. Концептуальные основы связи экономики и безопасности дорожного движения

Источник: Evans L. Traffic Safety. Bloomfield, Mich.: Science Serving Society, 2004. 457 p.

Рисунок 2. Влияние удельного валового национального дохода на смертность граждан в ДТП

Источник: Koornstra M.J. Prediction of traffic fatalities and prospects for mobility becoming sustainable safe. Sadhana, 2007, vol. 32, pp. 365–395.

Гипотеза исследования сформулирована следующим образом: «Тяжесть ДТП в регионах России статистически связана с характеристическими особенностями регионального социума».

Цель исследования – изучение влияния на тяжесть ДТП в регионах России выбранных характеристик репрезентативных социально-

экономических факторов (медианного возраста населения региона; доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; среднедушевых денежных доходов населения) и разработка на этой основе максимально эффективного дифференцированного подхода к финансированию региональных программ по БДД.

Задачи исследования структурированы следующим образом.

1. Провести первичный анализ трендов изменения БДД в Российской Федерации в 1991–2019 гг.; сравнить российский тренд изменения БДД с аналогами в других странах.

2. Обосновать выбор ранговой модели с целью изучить влияние региональных социоценозов на особенности дорожно-транспортной аварийности.

3. Подготовить для анализа данные, обработать их и установить вид ранговых моделей $\text{Ранг тяжести ДТП} = f(\text{Ранг характеристики региональных социоценозов РФ})$.

4. Провести анализ полученных результатов в разрезе «пространство территории РФ – время (2010/2018 гг.)».

5. Представить концептуальные соображения по совершенствованию БДД в Российской Федерации в пространственно-временном континууме.

Для решения указанных задач была предложена методология, основанная на последовательном использовании таких инструментов, как методика ранжирования признаков [23]; методика проведения рангового анализа [24]; методика построения регрессионных ранговых моделей [25]; методика парного сравнения моделей [26].

Результаты исследования могут применяться при разработке Федеральной целевой программы РФ по БДД на период 2021–2030 гг., особенно в связи с необходимостью достижения целевых установок, отмеченных в Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации.

Первичный анализ трендов изменения БДД в 1991–2019 гг. в Российской Федерации. Сравнение российского тренда изменения БДД с аналогами в других странах

В 2019 году в РФ достигнут уровень социального риска $HR_{2019} = 11,57$ погибших в ДТП / 100 тыс. чел., а Тяжесть ДТП₂₀₁₉ составила 7,45%. В таблице 2 приведены статистические данные, характеризующие состояние БДД в России в течение 1970–2019 гг.

Данные таблицы 2 наглядно иллюстрируют положительную динамику показателей БДД в России в последние 15 лет. Одновременно с этим качественным образом менялась российская автотранспортная система. В течение 1991–2019 гг. парк транспортных средств в России вырос с 12,1 до 61,8 млн ед., т. е. более чем в пять раз. Однако протяженность автомобильных дорог в стране прирастала не столь интенсивно. В частности, в постсоветское время сеть дорог общего пользования в стране увеличилась с 455,4 тыс. км¹⁴ до 565,5 тыс. км¹⁵, или на 24%.

Таблица 2. Динамика показателей БДД в России в 1970–2019 гг.

Год	Население, тыс. чел.	Парк транспортных средств, тыс. ед.	Число ДТП, случаев/год	Число пострадавших в ДТП, чел./год	Число погибших в ДТП, чел./год	Тяжесть ДТП, %
1970 (РСФСР)	130079,2	2881,0	≈ 120000	≈ 140000	≈ 20000	14,29
1980 (РСФСР)	138126,6	7180,0	≈ 150000	167615	27615	16,48
1990 (РСФСР)	147665,1	11861,0	≈ 170000	250366	35366	14,13
1991 (РФ)	148273,7	12098,0	≈ 171200	262754	37875	14,41
2000 (РФ)	146890,1	24476,0	157596	208995	29594	14,16
2005 (РФ)	143474,2	33355,3	222475	307667	33858	11,00
2010 (РФ)	142856,3	41649,0	199083	276762	26544	9,59
2015 (РФ)	146267,3	56470,0	184000	254311	23114	9,09
2019 (РФ)	146780,7	61739,2	164358	227858	16981	7,45

Составлено по: Показатели состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт ГИБДД РФ. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения 31.07.2020).

¹⁴ Андриенко Л. Время перемен. Что принесли российским дорогам советские пятилетки. URL: <https://rg.ru/2010/10/18/avtoistoria.html>

¹⁵ Официальный сайт Федерального дорожного агентства «Росавтодор». URL: <https://rosavtdor.gov.ru/>

Согласно закону Р. Смиды [6; 8; 9], с ростом автомобилизации снижаются риски дорожно-транспортной аварийности, особенно в условиях дефицита пропускной способности улично-дорожной сети городов. Но это далеко не единственный и, что важно, не главный фактор влияния на характеристики БДД. Как можно заметить (см. табл. 2), годовое число погибших в ДТП в течение всего лишь четырех лет (2015–2019 гг.) снизилось с 23114 до 16981 чел. (или на 26%), при том что за это же время общая протяженность дорог в стране увеличилась с 528,2 до 565,4 тыс. км (или на 7%). В значительно большей степени этому процессу способствовали другие факторы, нежели характеристики автотранспортной системы. В частности, эксперты International Traffic Safety Data and Analysis Group (IRTAD) считают, что прерогативу по степени значимости перед другими факторами влияния имеют социально-экономические особенности или качество жизни населения. К ним же можно отнести демографические показатели, характеризующие качество жизни населения косвенно. Как аргумент можно привести пример изменения в постсоветское время макропсихологического индекса состо-

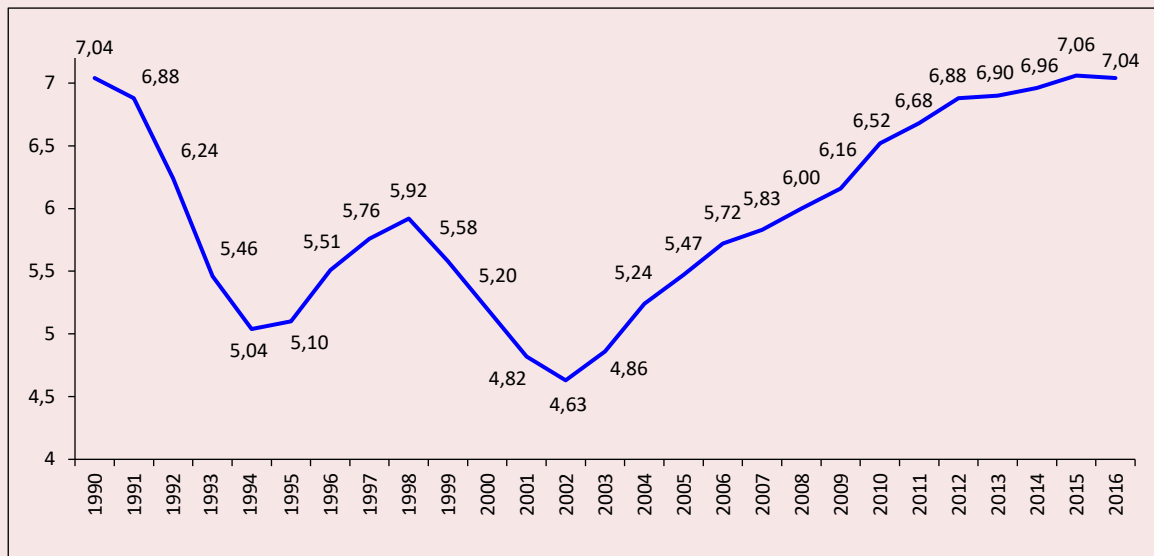
яния современного российского общества. По данным А.В. Юревича [27], значение индекса выросло в течение 2005–2016 гг. с 5,47 до 7,04 (рис. 3). Дорожно-транспортная аварийность при этом снижалась.

Оценивая общемировые тренды БДД и сравнивая с ними аналогичную российскую динамику, необходимо отметить следующие основные моменты:

- Во всех экономически развитых странах мира (особенно с удельным душевым ВВП более U\$ 30 тыс.) показатели, характеризующие дорожно-транспортную аварийность, поступательно снижаются последние 15–20 лет (рис. 4).

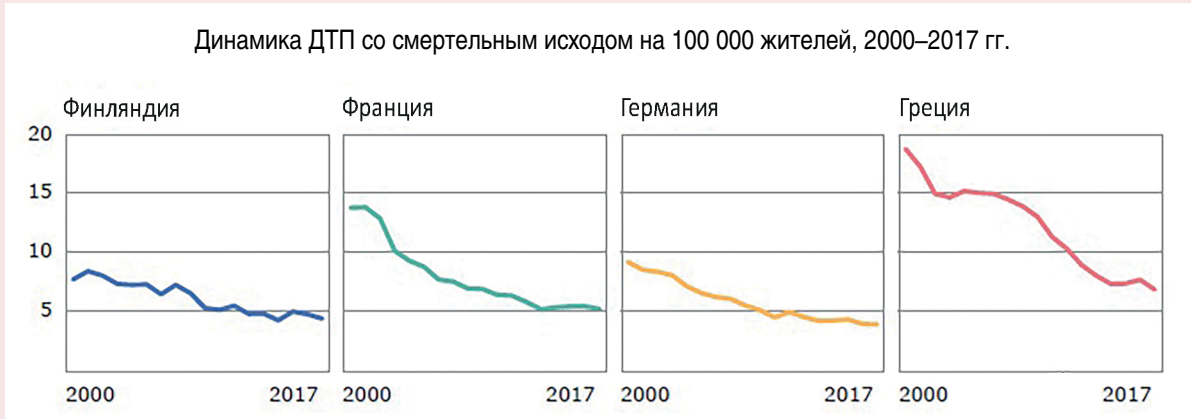
- Темп понижательного тренда (рис. 5Б) различается и зависит в основном от фактически достигнутого в стране уровня БДД (чем выше уровень БДД, тем ниже темпы снижения дорожно-транспортной аварийности). Лидерами в сфере обеспечения БДД выступают скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания), Швейцария и Великобритания, в которых социальный риск $HR_{2016-2018} = 2,0-3,2$ погибших в ДТП / 100 тыс. чел.; Тяжесть ДТП₂₀₁₈ = 2,0–3,5% (рис. 5А).

Рисунок 3. Динамика изменения макропсихологического индекса состояния современного российского общества

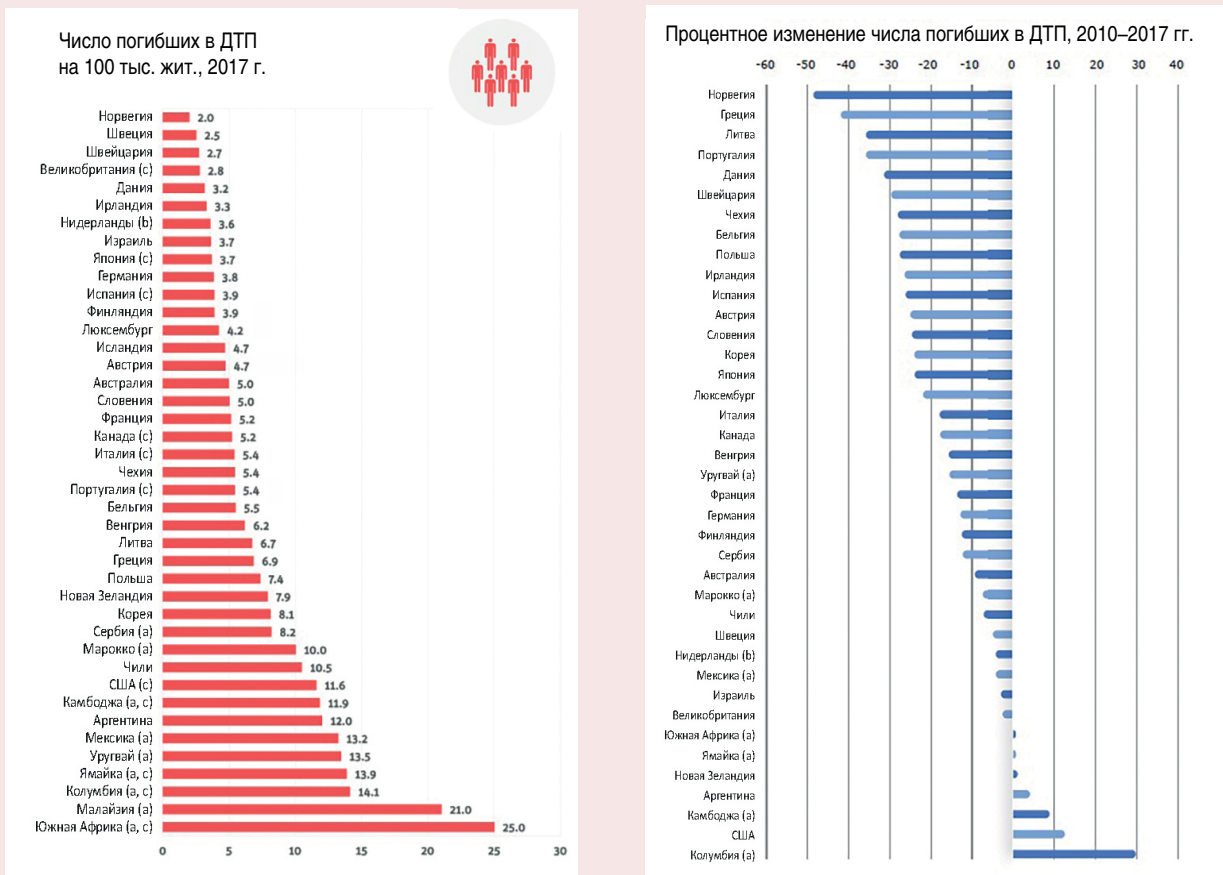
Источник: Юревич А.В. Методология количественной оценки психологического состояния современного российского общества // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 155–173.

Рисунок 4. Общая динамика изменения социального риска HR в европейских странах

Источник: Road Safety. Annual report 2019. IRTAD Research Report. OECD / ITF 2020. 60 p. URL: <https://www.itf-oecd.org/road-safety-annual-report-2019> (дата обращения: 31.07.2020).

Рисунок 5. Фактическая ситуация с дорожно-транспортной аварийностью в некоторых странах мира

А) Социальный риск HR (2017)

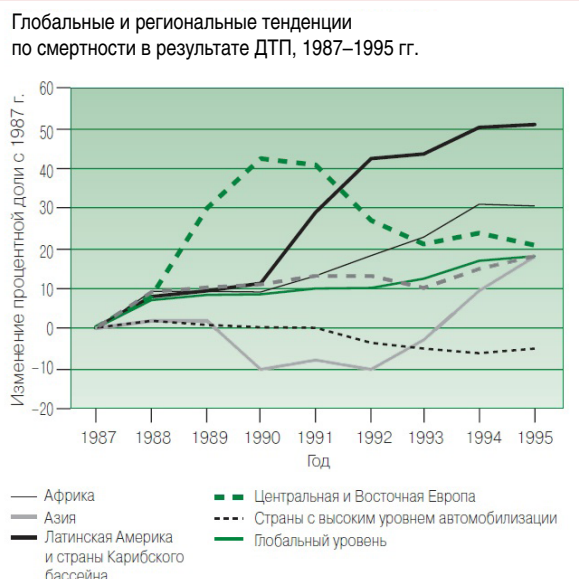
Б) Тренды изменения HR

Источник: Road Safety. Annual report 2019. IRTAD Research Report. OECD / ITF 2020. 60 p. URL: <https://www.itf-oecd.org/road-safety-annual-report-2019> (дата обращения 31.07.2020)

Рисунок 6. Сравнительная динамика изменения социального риска НР

Изменение уровня смертности в результате ДТП (количество смертей на 10 тыс. чел. населения), 1975–1998 гг.	
Страна или регион	Изменение (%)
Канада	-63,4
Китай	
САР Гонконг	-61,7
Провинция Тайвань	-32,0
Швеция	-58,3
Израиль	-49,7
Франция	-42,6
Новая Зеландия	-33,2
США	-27,2
Япония	-24,5
Малайзия	44,3
Индия	79,3 ^а
Шри-Ланка	84,5
Лесото	192,8
Колумбия	237,1
Китай	243,0
Ботсвана	383,8 ^б

А) В отдельных странах мира

Б) В континентальном разрезе

Источник: Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма / М. Педен и др. М.: Весь мир, 2004. 280 с.

• В большинстве стран Африки и Азии (за небольшим исключением), напротив, показатели дорожно-транспортной аварийности в последние 20–50 лет постепенно растут (рис. б), причем в большей степени в тех государствах, где удельный душевой ВВП не превышает US\$ 1–3 тыс., а медианный возраст населения не больше 20–22 лет¹⁶.

• В сфере обеспечения БДД Россия относится к группе стран догоняющего развития ($HR_{2019} = 11,57$ погибших в ДТП / 100 тыс. чел., а Тяжесть $ДТП_{2019} = 7,45\%$), постепенно приближаясь к странам-лидерам ($HR_{2019} = 2,0–2,5$ погибших в ДТП / 100 тыс. чел., а Тяжесть $ДТП_{2019} = 2–3\%$). Немаловажную роль в этом процессе играют постепенный рост качества жизни населения, улучшение макропсихологического состояния современного российского общества [27] и сопутствующие им эффекты (например, постепенное совершенствование качества парка транспортных средств с соответствующим повышением уровня его активной и

пассивной безопасности; снижение числа «пьяных ДТП»; общий рост культуры вождения).

Данные и методика их обработки. Преимущества ранговых моделей в исследовании особенностей социоценозов

Проблема качественной аналитики всегда связана с вопросами качества количественных оценок. Любое измерение чего-либо осуществляется с использованием соответствующих шкал, т. е. упорядоченного ряда отметок, соответствующих соотношению последовательных значений измеряемых величин. Существует пять видов шкал: наименований, порядка, интервалов, отношений и абсолютных значений.

Рассматривая связь особенностей социоценоза и региональной дорожно-транспортной аварийности, следует отметить, что наиболее приемлемый инструмент для ее оценивания — ранговые модели, основанные на применении порядковой шкалы (или ранговой, или неметрической). Места, занимаемые оцениваемыми величинами в шкале порядка, называются рангами. В такой шкале составляющие ее числа упорядочены по рангам (т. е. занимаемым местам), но интервалы между ними точно измерить нельзя. Шкала порядка, или ранговая

¹⁶ Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма / М. Педен и др. М.: Весь мир, 2004. 280 с.

шкала, позволяет определить характер неравенства в виде суждений «больше – меньше», «лучше – хуже» и т. п. С учетом того что у социоценозов нет точных границ и, к примеру, водители из конкретного региона вполне могут совершить ДТП при нахождении в другом регионе, использовать для построения моделей связи $\text{Тяжесть ДТП} = f(\text{Характеристики социально-экономического развития населения регионов РФ})$ шкалы отношений или абсолютных значений нерационально. С.Д. Хайтун говорит об этом следующим образом: «Ранговые модели показывают принципиальную тенденцию влияния фактора на результирующую, отбрасывая все мелкое, неважное для целей анализа» [28, с. 106].

Специфика параметрической идентификации функции распределения на основе рангового анализа рассмотрена в работе [29], а примеры идентификации моделей ранговых распределений в задачах анализа дорожной аварийности в [30].

Типовая методика проведения рангового анализа и последующего построения ранговых моделей включает следующие этапы-процедуры [31]:

- *Определение границ региональных социоценозов.* В нашем случае используется разбиение территории России и ее населения по субъектам Федерации.

- *Определение видообразующих признаков социоценоза.* В качестве таких признаков были выбраны медианный возраст населения региона РФ; доля населения региона с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; среднедушевые денежные доходы населения региона.

- *Параметрическое описание региональных социоценозов.* Необходимо создать базу данных

по региональным социоценозам и внести в нее все численные значения выбранной репрезентативной характеристики дорожно-транспортной аварийности тяжести ДТП Y и видообразующих признаков социоценоза X_i (указаны выше).

- *Построение рангового распределения в виде таблицы.* Табулированное ранговое распределение представляет собой таблицу из нескольких (в нашем случае четырех) столбцов: параметров региональной характеристики Y , выстроенных по рангу, и рангового номера r признаков социоценоза X_{1-3} . При этом соблюдается правило присвоения первого ранга тому региону РФ, который характеризуется максимальным рейтингом (значением параметра), и далее по убыванию. Важнейшее обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, – четкое обоснование принципиальной связи между предиктором и результирующей (рост или снижение Y при росте значений X).

- *Построение графического рангового распределения.* Этот этап желателен, но не обязателен.

- *Проведение процедуры аппроксимации искомой модели Ранг тяжести ДТП = f (Ранг видообразующего признака социоценоза).* Суть метода заключается в отыскании таких параметров аналитической зависимости, которые минимизируют сумму квадратов отклонений реально полученных в ходе рангового анализа социоценоза эмпирических значений Y от значений, рассчитанных по аппроксимационной зависимости.

В таблицах 3 (данные 2010 года) и 4 (данные 2018 года) представлены выборочные данные (первые и последние десять регионов РФ в учетном порядке), использованные в построении заявленных зависимостей.

Таблица 3. Тяжесть ДТП в субъектах Российской Федерации и значения репрезентативных характеристик региональных социоценозов, 2010 г.

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Тяжесть ДТП, погибшие / пострадавшие, %	Значения характеристик региональных социоценозов		
			Медианный возраст населения региона, лет	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	Среднедушевые денежные доходы населения, руб./мес.
1	Белгородская область	12,17	39,8	8,4	16993
2	Брянская область	10,85	39,9	13,6	13358
3	Владимирская область	9,16	41,0	18,3	12956
4	Воронежская область	10,02	41,4	19,1	13883
5	Ивановская область	6,28	40,8	20,5	11124

Окончание таблицы 3

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Тяжесть ДТП, погибшие / пострадавшие, %	Значения характеристик региональных социоценозов		
			Медианный возраст населения региона, лет	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	Среднедушевые денежные доходы населения, руб./мес.
6	Калужская область	10,24	40,7	11,4	15477
7	Костромская область	6,45	40,5	17,3	13315
8	Курская область	8,69	41,7	10,8	14685
9	Липецкая область	8,81	40,7	10,0	15936
10	Московская область	12,09	39,4	10,3	22641
.....					
76	Республика Саха (Якутия)	9,82	31,2	19,1	23088
77	Забайкальский край	13,41	32,9	19,3	14205
78	Камчатский край	8,04	36,1	19,8	27010
79	Приморский край	8,25	37,5	16,3	17298
80	Хабаровский край	9,39	36,3	15,8	22479
81	Амурская область	9,46	35,7	24,3	14323
82	Магаданская область	7,36	37,1	13,8	27801
83	Сахалинская область	10,02	37,1	10,9	30727
84	Еврейская автономная область	10,23	34,8	19,7	15348
85	Чукотский автономный округ	20,83	33,6	10,5	38147

Составлено по: Показатели состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт ГИБДД РФ. URL: <http://stat.gibdd.ru>; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14 p/Main.htm

Таблица 4. Тяжесть ДТП в субъектах Российской Федерации и значения репрезентативных характеристик региональных социоценозов, 2018 г.

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Тяжесть ДТП, погибшие / пострадавшие, %	Значения характеристик региональных социоценозов		
			Медианный возраст населения региона, лет	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	Среднедушевые денежные доходы населения, руб./мес.
1	Белгородская область	8,83	41,1	7,5	30778
2	Брянская область	10,56	41,6	13,6	26585
3	Владимирская область	7,69	42,1	13,1	23539
4	Воронежская область	10,31	41,7	8,9	30289
5	Ивановская область	4,45	41,9	14,7	24503
6	Калужская область	8,66	41,4	10,4	29129
7	Костромская область	6,24	41,4	12,7	23716
8	Курская область	8,98	42,2	9,9	27275
9	Липецкая область	9,52	42,0	8,7	30010
10	Московская область	11,44	39,3	7,3	44707
.....					
76	Республика Саха (Якутия)	8,52	33,1	18,6	42669
77	Забайкальский край	12,52	34,8	21,4	23992
78	Камчатский край	6,64	37,9	15,8	48758
79	Приморский край	7,91	39,2	13,9	34619
80	Хабаровский край	6,31	37,3	12,2	39084
81	Амурская область	8,10	37,4	15,6	30937
82	Магаданская область	8,70	39,0	9,5	59774
83	Сахалинская область	9,53	38,7	8,5	51783
84	Еврейская автономная область	9,61	37,2	23,7	24696
85	Чукотский автономный округ	5,71	36,1	8,8	78812

Составлено по: Показатели состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт ГИБДД РФ. URL: <http://stat.gibdd.ru>; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14 p/Main.htm

Они были подвергнуты обработке с целью построения соответствующих ранговых распределений. Например, для данных 2018 года были получены пары значений «Медианный возраст» – «Тяжесть ДТП» (первый и последний десяток значений), выстроенные в ранговом порядке (табл. 5).

Важно обратить внимание на то, что при построении рангового распределения необходимо заранее представлять себе принципиальный физический смысл связи между переменными X и Y . Например, для зависимости Тяжесть ДТП = f (Медианный возраст населения регионов РФ) крайние левые точки идентифицируют Чеченскую Республику (Y_1 – Тяжесть ДТП = 21,76 погибших / 100 пострадавших; X_1 – Медианный возраст населения = 26,0 года) и Республику Тыва (Y_2 – Тяжесть ДТП = 18,41 погибших / 100 пострадавших; X_2 – Медианный возраст населения = 28,4 года). Крайние правые точки ранговой зависимости идентифицируют большинство регионов Центрального федерального округа РФ, для которых Y_i имеют самые минимальные значения, X_i – самые высокие в совокупности данных значения. Т. е. для зависимости Ранг тяжести ДТП = f (Ранг медианного возраста населения регионов РФ) характерна обратно пропорциональная линейная связь.

Последующий анализ показал, что для зависимости Ранг тяжести ДТП = f (Ранг доли населения регионов РФ с доходами ниже прожиточного уровня) характерна прямо пропорцио-

нальная линейная связь, а для зависимости Ранг тяжести ДТП = f (Ранг среднедушевого месячного дохода населения) – степенная связь.

Результаты исследования и их анализ

В данном разделе представлены ранговые модели влияния на тяжесть ДТП таких характеристик региональных социоценозов, как медианный возраст населения; доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; среднедушевые денежные доходы населения.

На рисунках 7–12 графически изображены ранговые модели. Для удобства идентификации временных изменений ситуации в сфере БДД модели построены для совокупности данных 2010 и 2018 гг.

Сравнивая модели Ранг тяжести ДТП = f (Ранг характеристики социоценоза) 2010 и 2018 гг. (табл. 6, 7, 8), можно отметить основной для всех трех моделей факт: в целом тяжесть исхода ДТП в 2018 году несколько снизилась по сравнению с 2010 годом. Об этом позволяет судить значение параметра a моделей (1)–(3). В то же время для каждой из моделей характерна определенная специфика.

Модель Ранг тяжести ДТП = f (Ранг медианного возраста населения регионов РФ). На рисунках 7–8 приведены графические изображения модели (1).

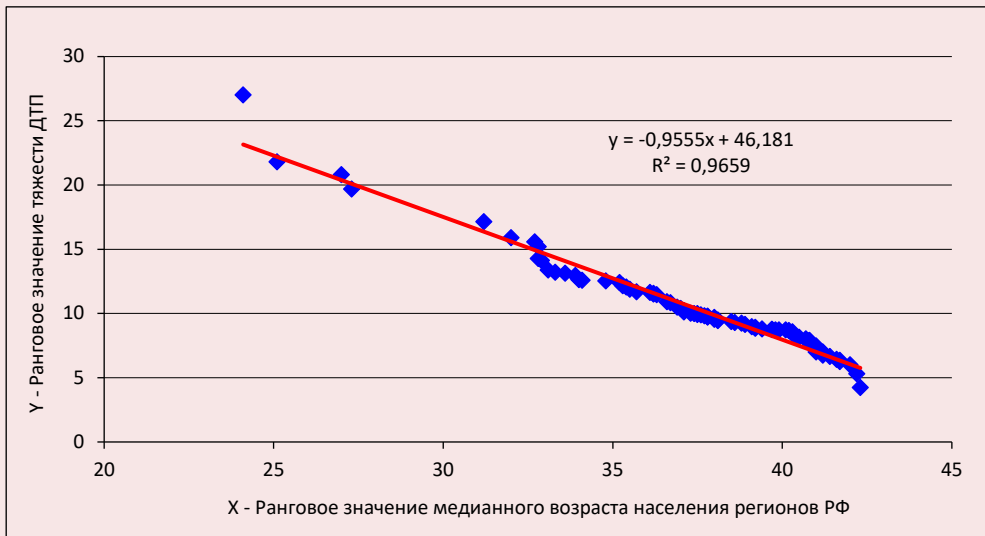
В таблице 6 представлены численные значения параметров модели (1), характерные для сравниваемых баз данных с учетом медианного возраста региональных социоценозов.

Таблица 5. Выборочные данные, использованные в построении ранговых зависимостей, 2018 г.

№	Медианный возраст населения региона, лет	Тяжесть ДТП, погибшие / пострадавшие, %	№	Медианный возраст населения региона, лет	Тяжесть ДТП, погибшие / пострадавшие, %
1	26,0	21,76	76	42,1	5,86
2	28,4	18,41	77	42,2	5,71
3	28,8	14,39	78	42,2	5,67
4	30,4	13,55	79	42,2	5,52
5	33,1	12,52	80	42,3	5,22
6	33,6	12,27	81	42,3	5,21
7	34,4	11,44	82	42,7	4,65
8	34,8	10,82	83	42,8	4,45
9	34,8	10,56	84	43,2	4,25
10	34,9	10,56	85	43,7	2,93

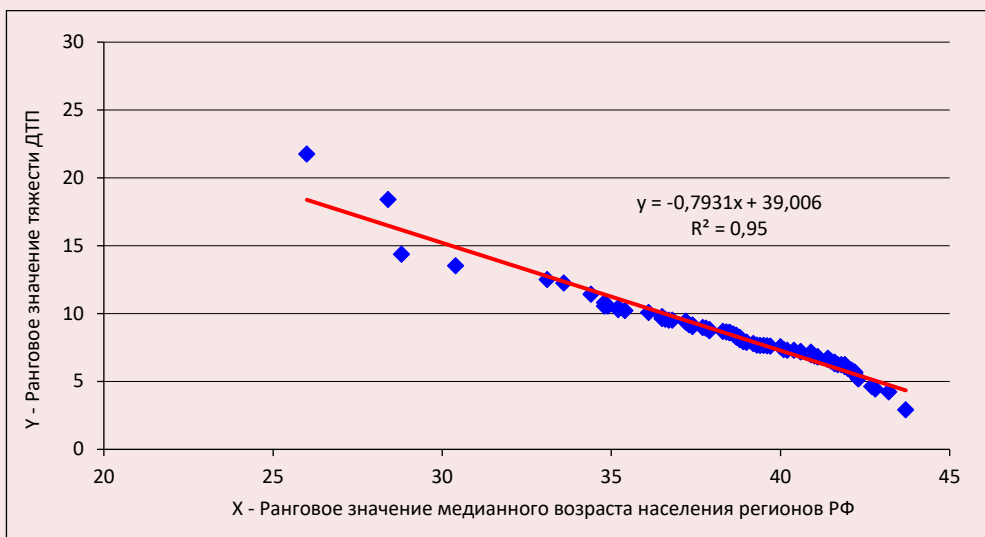
Составлено по: Показатели состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт ГИБДД РФ. URL: <http://stat.gibdd.ru/>; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14_p/Main.htm; URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14_p/Main.htm

Рисунок 7. Ранговая модель (по данным 2010 года)
 Ранг тяжести ДТП = f (Ранг медианного возраста населения регионов РФ)

Источник: разработано авторами.

Рисунок 8. Ранговая модель (по данным 2018 года)
 Ранг тяжести ДТП = f (Ранг медианного возраста населения регионов РФ)

Источник: разработано авторами.

Сравнивая модели Ранг тяжести ДТП = f (Ранг медианного возраста населения регионов РФ) 2010 и 2018 гг., можно отметить следующее:

- В 2018 году медианный возраст играл уже значительно меньшую роль в формировании исхода ДТП по степени тяжести, чем в 2010 году. Об этом говорит значение параметра b модели (1).

- И в 2010, и в 2018 году в ряде регионов России (около 10% от общего числа) тяжесть ДТП значительно отличалась от характерного общероссийского уровня. В основном это национальные республики с достаточно молодым населением.

Таблица 6. Параметры и коэффициент детерминации R^2 модели (1)
 Ранг тяжести ДТП = f (Ранг медианного возраста населения регионов РФ)

Год	Численные значения параметров модели (1) $Y = a - b \cdot X$		R^2
	a	b	
2010	46,18	0,955	0,965
2018	39,00	0,793	0,950

Источник: рассчитано авторами.

Модель Ранг тяжести ДТП = f (Ранг доли населения регионов РФ с доходами ниже прожиточного уровня). На рисунках 9–10 приведены графические изображения модели (2).

В таблице 7 даны численные значения параметров искомой модели (2).

Сравнивая модели Ранг тяжести ДТП = f (Ранг доли населения регионов РФ с доходами ниже прожиточного уровня) 2010 и 2018 гг., можно отметить следующее:

- В 2018 году доля населения регионов РФ с доходами ниже прожиточного уровня играла существенно меньшую роль в формировании исхода ДТП по степени тяжести, чем в 2010 году. Об этом говорит значение параметра b модели (2).

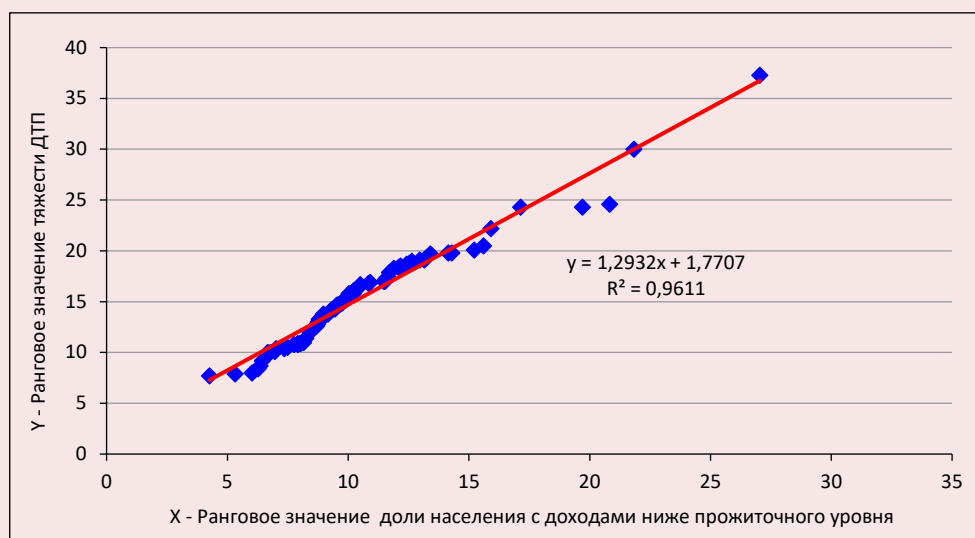
- В модели 2018 года число регионов РФ, в которых тяжесть ДТП существенно отличается от характерного общероссийского уровня, несколько снизилось по сравнению с 2010 годом.

Т. е. влияние на тяжесть ДТП фактора «доля нищего населения» в 2018 году несколько нивелировалось по сравнению с 2010 годом.

Модель Ранг тяжести ДТП = f (Ранг среднедушевого месячного дохода населения). На рисунках 11–12 приведены графические изображения модели (3). В таблице 8 даны численные значения параметров модели (3) Ранг тяжести ДТП = f (Ранг среднедушевого месячного дохода населения).

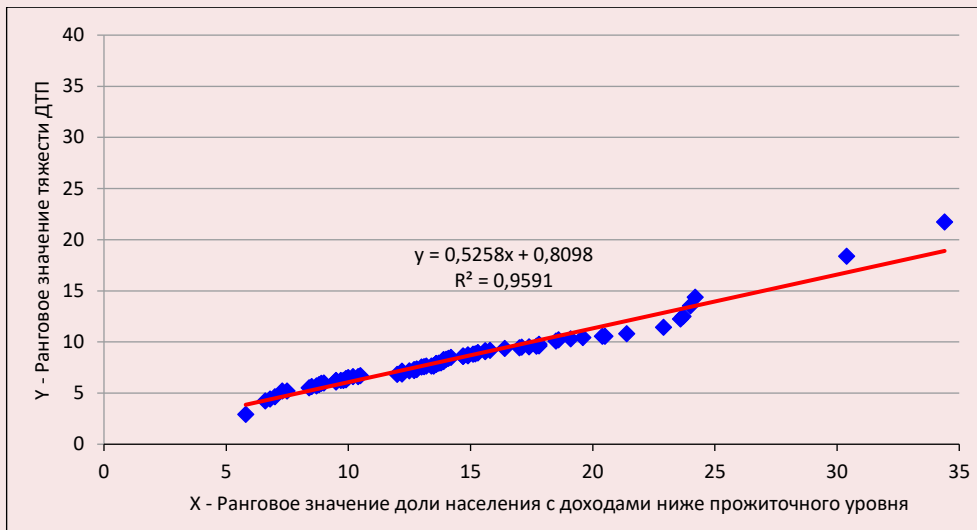
Необходимо отметить, что численные значения показателя степени моделей (показатель b) для 2010 и 2018 гг. одинаковы ($b = -0,82$). Это говорит о том, что пространственная неоднородность региональной тяжести ДТП в отношении среднедушевого месячного дохода населения не изменилась. «Правый хвост» зависимости удлинился, что характеризует как повышение уровня жизни населения, так и инфляционные процессы в регионах РФ.

Рисунок 9. Ранговая модель (по данным 2010 года)
 Ранг тяжести ДТП = f (Ранг доли населения регионов РФ с доходами ниже прожиточного уровня)

Источник: разработано авторами.

Рисунок 10. Ранговая модель (по данным 2018 года)
 Ранг тяжести ДТП = f (Ранг доли населения регионов РФ с доходами ниже прожиточного уровня)

Источник: разработано авторами.

Таблица 7. Параметры и коэффициент детерминации R^2 модели (2)
 Ранг тяжести ДТП = f (Ранг доли населения регионов РФ с доходами ниже прожиточного уровня)

Год	Численные значения параметров модели (2) $Y = a + b \cdot X$		R^2
	<i>a</i>	<i>b</i>	
2010	1,770	1,293	0,961
2018	0,809	0,525	0,959

Источник: рассчитано авторами.

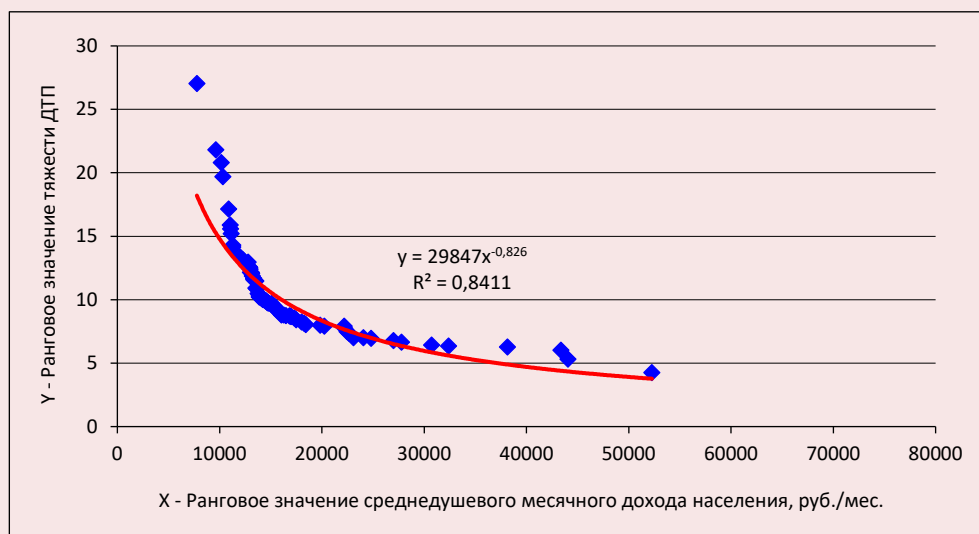
Концептуальные соображения по совершенствованию БДД в Российской Федерации в пространственно-временном континууме

Цели, поставленные в Стратегии по БДД, весьма конкретны – достижение Россией в сфере БДД целевых уровней социального риска 4,0 погибших в ДТП / 100 тыс. чел. (или около 6 тыс. погибших в ДТП в год) к 2024 г. и 0 погибших в ДТП / 100 тыс. чел. к 2030 г. – и невероятно амбициозны. На двукратное снижение годового числа погибших России понадобилось полтора десятилетия (2005–2019 гг.), а на дальнейшее трехкратное (с 16,9 до 5,9 тыс. чел. / год) отводится не более пяти лет. Достичь уровня нулевой смертности практически невозможно. В наиболее безопасных с позиции БДД странах: Норвегии, Швеции, Дании, Великобритании, Швейцарии – уровень социального риска в 2017–2018 гг. равнялся 2,0–3,2

погибших в ДТП / 100 тыс. чел. (при том что в скандинавских странах так называемая «Концепция Зеро» (Vision Zero), или концепция нулевой смертности, действует уже более 20 лет [32]). Сегодня, обсуждая дальнейшие перспективы работы в направлении достижения нулевой смертности, зарубежные специалисты приходят к выводу о том, что дорожно-транспортная аварийность в странах Европы приобретает специфический этнический и экономико-социальный характер [32; 33].

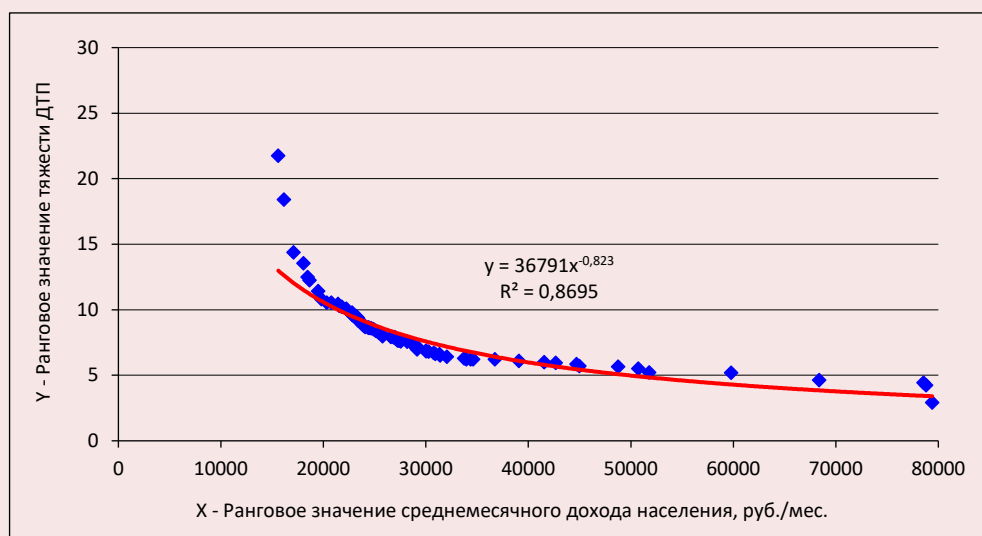
Используя методы синектики [34] и аналогий [35], а также результаты авторских исследований [36; 37], мы вполне можем констатировать: проблематика совершенствования БДД в пространственно-временном континууме Российской Федерации во многом определяется демографической и социально-экономической спецификой жизни населения российских

Рисунок 11. Ранговая модель (по данным 2010 года)
 Ранг тяжести ДТП = f (Ранг среднедушевого месячного дохода населения)

Источник: разработано авторами.

Рисунок 12. Ранговая модель (по данным 2018 года)
 Ранг тяжести ДТП = f (Ранг среднедушевого месячного дохода населения)

Источник: разработано авторами.

Таблица 8. Параметры и коэффициент детерминации R² модели (3)
 Ранг тяжести ДТП = f (Ранг среднедушевого месячного дохода населения)

Год	Численные значения параметров модели (3) $Y = a \cdot X^b$		R ²
	a	b	
2010	29847	- 0,82	0,841
2018	36791	- 0,82	0,869

Источник: рассчитано авторами.

регионов. Вряд ли можно ожидать, что относительно молодой и сравнительно бедный социум республик Северного Кавказа будет исповедовать в обыденной жизни принципы безопасного поведения на дорогах в той же мере, как и сравнительно более возрастные и экономически успешные граждане, формирующие основу социоценоза регионов Центрального и Северо-Западных федеральных округов РФ. В связи с этим хотим отметить необходимость дифференцирования государственной политики в сфере обеспечения БДД с учетом региональных особенностей поведения населения федеральных округов и даже отдельных регионов России. В настоящее время принципы федерализации подразумевают РФ как единое государственное политико-правовое законодательное пространство, в границах которого единообразны все аспекты государственного управления. Однако, несмотря на некоторое незначительное сближение регионов страны по характеристикам дорожно-транспортной аварийности, разрыв между относительно безопасными субъектами Федерации и их антиподами – регионами с высокой степенью риска гибели в ДТП – все еще очень высок. Статистика ГИБДД МВД РФ и модель (2) показывают четырехкратную разницу в величине тяжести ДТП между наиболее и наименее безопасными регионами. Известно, что сегодня все мероприятия по совершенствованию БДД в регионах имеют три источника финансирования – из федерального, региональных и муниципальных бюджетов. Срав-

нительно редко средства на мероприятия по совершенствованию БДД выделяются из внебюджетных источников. Как правильно образом определять долю бюджетных расходов по статьям, связанным с обеспечением БДД? В настоящее время в большинстве регионов РФ доля бюджетных затрат на обеспечение реализации региональных программ не превышает 0,1–0,3% от объема бюджетных ресурсов. Так, по данным ФЦП по БДД (2013–2020 гг.)¹⁷, в 2017 году максимальный размер фактических расходов по Программе по БДД среди регионов был зафиксирован в Республике Татарстан – 1722 млн руб. при годовых бюджетных расходах в сумме 231088 млн руб.¹⁸ Удельные затраты на мероприятия по совершенствованию БДД в Республике Татарстан в 2017 году составили 0,745% от общей суммы годовых бюджетных расходов. Возможно, именно это позволяет ей уже десятилетие находиться в группе регионов-лидеров по БДД. Конечно же, региональные возможности бюджетирования, весьма различные для субъектов РФ, учитывать необходимо. Тем не менее именно субъекты Федерации должны нести основной груз ответственности за решение региональных задач и именно региональный бюджет должен быть рационально структурирован.

В таблице 9 приведены предложения авторов по удельной величине бюджетных расходов по статье «Обеспечение БДД» с учетом фактического состояния дорожно-транспортной аварийности в регионах.

Таблица 9. Дифференцированный подход к финансированию региональных программ по БДД

Группа субъектов РФ	Пример представительного субъекта РФ	Фактически достигнутый (2018) уровень тяжести ДТП	Размер доли расходов регионального бюджета по статье «Обеспечение БДД», %
I	Москва	4,25	0,20
II	Республика Татарстан	6,24	0,35
III	Республика Башкортостан	9,06	0,50
IV	Забайкальский край	12,52	0,65
V	Чеченская Республика	21,76	0,80

Источник: разработано авторами.

¹⁷ Оценка эффективности реализации ФЦП 2013–2020 // Сайт ФЦП по БДД. URL: <http://www.fcp-pbdd.ru/achievements/efficiency>

¹⁸ Об исполнении бюджета Республики Татарстан за 2017 год: Закон Республики Татарстан от 28.05.2018 № 36-ЗРТ. URL: https://minfin.tatarstan.ru/byudzhets-2017.htm?pub_id=1411001

Заключение

Резюмируя представленные выше результаты в форме итоговых выводов, отметим следующее.

Дорожно-транспортная аварийность, как объективное проявление достигнутого в стране уровня безопасности дорожного движения, изменяется во времени и пространстве, специфика этого изменения во многом зависит от особенностей динамики характеристик социоценоза. В свою очередь социоценоз изменяется во времени и пространстве, прежде всего сущностно, на уровне общечеловеческих ценностей. Этот вывод подтверждается не только результатами, представленными в статье, но и данными R. Fisher и D. Voeg [38].

Россия в последние годы (2010–2019 гг.) достигла в сфере обеспечения БДД достаточно серьезных успехов, однако пока входит в число стран догоняющего развития.

Тяжесть ДТП, являясь весьма репрезентативным показателем дорожно-транспортной аварийности, в российских регионах варьирует в очень широком диапазоне значений (даже без рассмотрения городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга в 2018 году этот диапазон составлял [4,5–21,5]). Этот факт лишней раз характеризует Россию как самую большую в мире и крайне неоднородную в проявлениях жизненных коллизий страну.

Модели $\text{Ранг тяжести ДТП} = f(\text{Ранг характеристики социоценоза})$ идентифицируют статистическую связь демографических и социально-экономических условий жизни в российских регионах и дорожно-транспортной аварийности как обобщенной абстрактной результирующей проявлений качества жизни населения.

Анализ моделей $\text{Ранг тяжести ДТП} = f(\text{Ранг характеристики социоценоза})$ показал, что в 2018 году по сравнению с 2010 годом несколько изменилась степень влияния особенностей российского социоценоза на формирование дорожно-транспортной аварийности. В частности, численные значения параметра b моделей,

идентифицирующего степень связи между предиктором и результирующей, снизились для случаев влияния медианного возраста и доли населения с доходами ниже прожиточного уровня. В то же время в течение 2010–2018 гг. влияние на тяжесть ДТП региональных среднедушевых месячных доходов населения не изменилось. Этот факт лишней раз говорит о том, что критерий «Среднедушевые месячные доходы населения» не может в полной мере служить экономическим индикатором.

Модели $\text{Ранг тяжести ДТП} = f(\text{Ранг характеристики социоценоза})$ иллюстрируют и пространственные особенности проявления дорожно-транспортной аварийности в России. В частности, тяжесть ДТП весьма широко варьирует именно в пространственном разрезе, достигая максимальных значений в национальных пограничных регионах (республики Северного Кавказа, Калмыкия, Тыва, Бурятия).

Предлагаемая нами дифференциация региональных подходов к требуемому финансированию программ по БДД основана на итогах изучения статистической связи между достигнутыми к 2018–2020 гг. результатами в сфере обеспечения БДД и фактическими характеристиками социоценоза. Ожидается, что в случае фокусирования в регионах РФ управленческого внимания на вопросах необходимости совершенствования БДД (осознание их важности, формирование целевых подходов, повышение финансирования) в стране сформируются объективные условия для достижения амбициозных целей Стратегии по БДД РФ.

Резюмируя, отметим, что методы и практики управления БДД в субъектах Российской Федерации должны учитывать региональную специфику не только в вопросах финансирования региональных программ БДД, но и на уровне организации движения транспортных и пешеходных потоков, средств воздействия на нарушителей требований Правил дорожного движения и в других специфических аспектах обеспечения БДД.

Литература

1. Прохоров Б.Б., Шмаков Д.И. Оценка стоимости статистической жизни и экономического ущерба от потерь здоровья // Проблемы прогнозирования. 2002. № 3. С. 125–135.
2. Прохоров Б.Б., Шмаков Д.И. Причины гибели людей в мирное время и экономическая стоимость потерь // Проблемы прогнозирования. 2013. № 4 (139). С. 139–147.

3. Быков А.А. О методологии экономической оценки жизни среднестатистического человека (пояснительная записка) // Проблемы анализа риска. 2007. Т. 4. № 2. С. 178–191.
4. Blincoe L.J., Miller T.R., Zaloshnja E., Lawrence B.A. *The Economic and Societal Impact of Motor Vehicle Crashes*. Washington DC: National Highway Traffic Safety Administration. 2010. 304 p.
5. Ротенберг Р.В. Основы надежности системы Водитель – Автомобиль – Дорога – Среда. М.: Машиностроение, 1986. 216 с.
6. Блинкин М.Я. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институции. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 240 с.
7. Beeck E. van, Borsboom G.J.J., Mackenbach J.P. Economic development and traffic accident mortality in the industrialized world, 1962–1990. *International Journal of Epidemiology*, 2000, vol. 29, pp. 503–509. DOI: 10.1093/intj Epidemiology/29.3.503
8. Smeed R.J. Some statistical aspects of road safety research. *Journal Royal Statistics*, 1949, A (I), pp. 1–34.
9. Smeed R.J. Variations in the pattern of accident rates in different countries and their causes. *Traffic Engineering and Control*, 1968, no. 10, pp. 364–371.
10. Adams J.G.U. *Risk and Freedom: the Record of Road Safety Regulation*. Cardiff: Transportation Publishing Projects, 1985. 202 p.
11. Chang L.-Y., Chen W.-C. Data mining of tree-based models to analyze freeway accident frequency. *Journal of Safety Research*, 2005, vol. 36, no. 4, pp. 365–375.
12. Chong M.M., Abraham A., Paprzycki M. Traffic accident analysis using machine learning paradigms. *Informatica*, 2005, vol. 29, no. 5, pp. 89–98.
13. Abellan J., Lopez G., de Ona J. Analysis of traffic accident severity using decision rules via decision trees. *Expert Systems with Applications*, 2013, vol. 40, no. 15, pp. 6047–6054.
14. Гнатюк В.И. Философские основания техноценологического подхода. Калининград: Изд-во КИЦ «Техноценоз», 2014. 284 с.
15. Кудрин Б.И. Исследования технических систем как сообществ изделий – техноценозов // Системные исследования: методологические проблемы. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 236–254.
16. Кудрин Б.И. Проблемы создания и управления ценозами искусственного происхождения // Кибернетические системы ценозов: Синтез и управление. М.: Наука, 1991. С. 5–17.
17. Evans L. *Traffic Safety*. Bloomfield, Mich.: Science Serving Society, 2004. 457 p.
18. Влияние старения населения на глобальную систему ценностей и политическую динамику / А.В. Коротаев [и др.]. М.: РАНХ и ГС при Президенте РФ, 2018. 47 с.
19. Koornstra M. J. Prediction of traffic fatalities and prospects for mobility becoming sustainable safe. *Sadhana*, 2007, vol. 32, pp. 365–395.
20. Elvik R. A review of game-theoretic models of road user behavior. *Accident Analysis & Prevention*, 2014, vol. 62, pp. 388–396.
21. Reinfurt D.W., Stewart J.R., Weaver N.L. The economy as a factor in motor vehicle fatalities, suicides and homicides. *Accident Analysis and Prevention*, 1991, vol. 23, pp. 453–462.
22. Wagenaar A.C. Effects of macroeconomic conditions on the incidence of motor vehicle accidents. *Accident Analysis and Prevention*, 1984, vol. 16, pp. 191–205.
23. Shashua A., Levin A. Ranking with large margin principle: Two approaches. In *Proceedings of Advances in Neural Information Processing Systems* / Ed. by NIPS. 2003, no. 6, pp. 961–968.
24. Хеттманспергер Т. Статистические выводы, основанные на рангах. М.: Финансы и статистика, 1987. 332 с.
25. Кузьминов А.Н. Концептуальная модель ценологического управления в социально-экономических системах // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 2. Ч. 2. С. 28–32.
26. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Математико-статистические методы экспертных оценок. М.: Статистика, 1974. 264 с.
27. Юревич А.В. Методология количественной оценки психологического состояния современного российского общества // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 155–173.
28. Хайтун С.Д. Проблемы количественного анализа науки. М.: Наука, 1989. 280 с.

29. Колесов В.И., Данилов О.Ф. Ранговая аналитика в технологических задачах // Состояние, тенденции и проблемы развития нефтегазового потенциала Западной Сибири: мат-лы междунар. конф. Тюмень: ТИУ, 2018. С. 274–279.
30. Колесов В.И. Идентификация моделей ранговых распределений в задачах анализа дорожной аварийности в стране // Энергосбережение и инновационные технологии в топливно-энергетическом комплексе: мат-лы междунар. науч.-практич. конференции. Тюмень: ТИУ, 2016. С. 275–280.
31. Петров А.И. Техноценозы, социоценозы, ранговые и Парето-распределения в оценке региональных особенностей безопасности дорожного движения. Тюмень: ТИУ, 2019. 179 с.
32. Christie N., Ward H., Kimberlee R., Lyons R., Towner E., Hayes M., Robertson S., Rana S., Brussoni M. *Road Traffic Injury Risk in Disadvantaged Communities: Evaluation of the Neighbourhood Road Safety Initiative*. Department for Transport: London, 2010.
33. Lyons R., Jones S., Deacon T., Heaven M. Socioeconomic variation in injury in children and older people: a population based study. *Injury Prevention*, 2003, no. 9, pp. 33–37.
34. Gordon W.J.J. *Sinectics: The Development of Creative Capacity*. New York. 1961. 180 p.
35. Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования. М.: Наука, 1970. 264 с.
36. Петров А.И. Особенности формирования автотранспортной аварийности в пространстве и времени. Тюмень: Изд. ТюмГНГУ, 2015. 254 с.
37. Колесов В.И., Петров А.И. Анализ транспортной культуры населения // Транспорт. Наука, техника, управление. 2015. № 6. С. 20–22.
38. Fisher R., Boer D. Values: the dynamic nexus between biology, ecology and culture. *Current Opinion in Psychology*, 2016, no. 8, pp. 155–160. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.12.009

Сведения об авторах

Артур Игоревич Петров – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры, ведущий научный сотрудник, Тюменский индустриальный университет (625027, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Мельникайте, д. 72; e-mail: petrovai@tyuiu.ru)

Виктор Иванович Колесов – кандидат технических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (625027, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Мельникайте, д. 72; e-mail: vikolesov@yandex.ru)

Petrov A.I., Kolesov V.I.

Road Traffic Accident Rate in Russia: Main Socio-Economic Factors of its Formation and Spatio-Temporal Features

Abstract. For more than a decade, the Russian state has been actively engaged in issues of preservation of people, but the positive effects of this work quickly disappeared (2014–2016), and the trend again changed to a negative one. The First (2006–2012) and the Second (2013–2020) Federal Target Programs on Road Safety were aimed at reducing the number of deaths in road traffic accidents, and made a positive contribution to the field of preservation of people. For instance, in 2006–2019, the annual number of deaths in road traffic accidents decreased from 32,724 to 16,981 people per year, or almost twice. Nevertheless, there are still many problems in ensuring road safety. One of them is the complexity of the system processes of road safety management in such a large country as the Russian Federation. Russia consists of 85 heterogeneously developed economically and socially entities on the territory of which representatives of 190 peoples live. The article analyses a wide range of issues related to the assessment of the impact of the sociocenos features on one of the most important characteristics of road traffic accident rate – the severity. The purpose of the research is to study the influence of the characteristics of representative socio-economic factors on road traffic accident severity in Russian regions, and to develop

the most effective differentiated approach to the financing of regional road safety programs on this basis. The scientific novelty of the research consists in the model confirmation of the previously put forward ideas about the positive impact of the basic socio-economic institutions that shape road users' transport behavior on its safety. The authors consider these ideas in relation to Russia as a whole and to the relationship of regional road traffic accident rate with the economic and demographic characteristics of Russians' life. The paper presents the rank patterns of influence on road traffic accident severity of such characteristics of regional sociocenosis as the population's median age, the share of population with income below the minimum wage, and the average monthly income. We show the conceptual considerations for improving road safety in the Russian Federation in the spatiotemporal continuum.

Key words: road safety, road traffic accident, Russian Federation, road safety management, road traffic accident severity, regional sociocenosis, impact factor, spatio-temporal features.

Information about the Authors

Artur I. Petrov – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Associate Professor of Department, Leading Researcher, Industrial University of Tyumen (72, Mel'nikaite Street, Tyumen, 625027, Russian Federation; e-mail: petrovai@tyuiu.ru)

Viktor I. Kolesov – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Industrial University of Tyumen (72, Mel'nikaite Street, Tyumen, 625027, Russian Federation; e-mail: vikolesov@yandex.ru)

Статья поступила 06.08.2020.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (февраль 2021 г.), а также за период с декабря 2019 по февраль 2021 г. (последние 6 опросов).

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2020 гг.

За период с декабря 2020 по февраль 2021 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился. Доля положительных оценок составляет 50–52%, отрицательных – 31–33%, что несколько хуже, чем в феврале 2020 г., когда удельный вес положительных оценок деятельности главы государства составлял 54% (отрицательных 31%)².

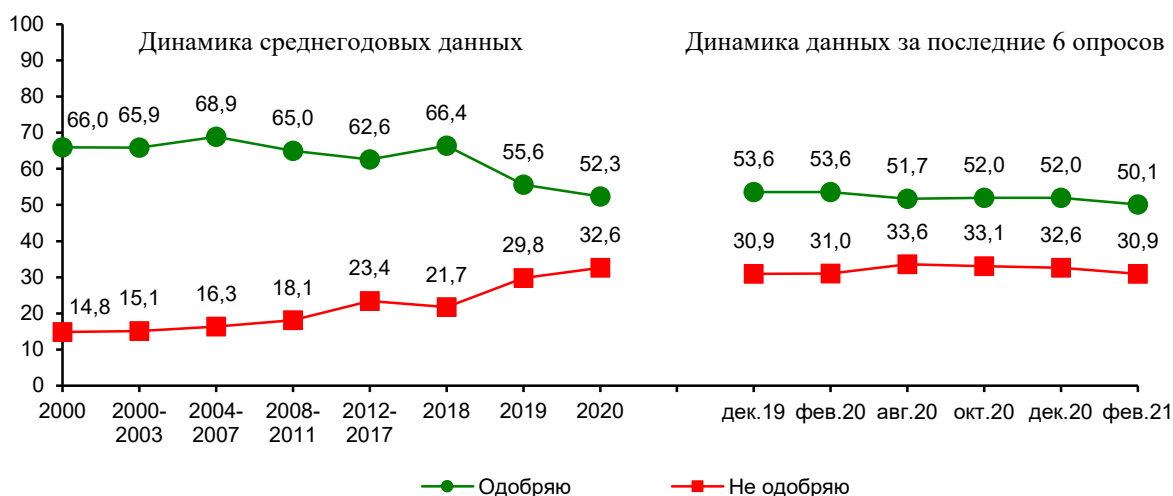
В годовой динамике отмечается постепенное снижение доли позитивных суждений: в 2018 г. – 66%, 2019 г. – 56%, 2020 г. – 52%; в феврале 2021 г. – 50%.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

² Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в феврале 2021 г., с результатами «волны» мониторинга годичной давности (февраль 2020 г.).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодových данные за 2000, 2018, 2019, 2020 гг., а также среднегодových данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодových данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), фев. 2021 к фев. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	
Президент РФ														
Одобр.ю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	55,6	52,3	53,6	53,6	51,7	52,0	52,0	50,1	-4
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	29,8	32,6	30,9	31,0	33,6	33,1	32,6	30,9	0
Председатель Правительства РФ*														
Одобр.ю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	41,1	38,7	41,1	37,9	38,9	38,8	39,1	37,6	0
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	38,4	40,4	38,9	40,9	40,9	40,8	38,8	38,8	-2
Губернатор														
Одобр.ю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,7	35,0	35,6	36,2	35,2	35,5	32,9	33,9	-2
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	40,2	42,5	40,8	41,8	41,9	42,1	44,2	42,4	+1

* Вопрос задается с 2008 г. В 2020 г. первый опрос проходил в период с 24 января по 12 февраля. Действующий Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин только вступил в свою новую должность (16 января 2020 г.), поэтому у респондентов спрашивалось мнение относительно деятельности бывшего премьер-министра Д.А. Медведева.

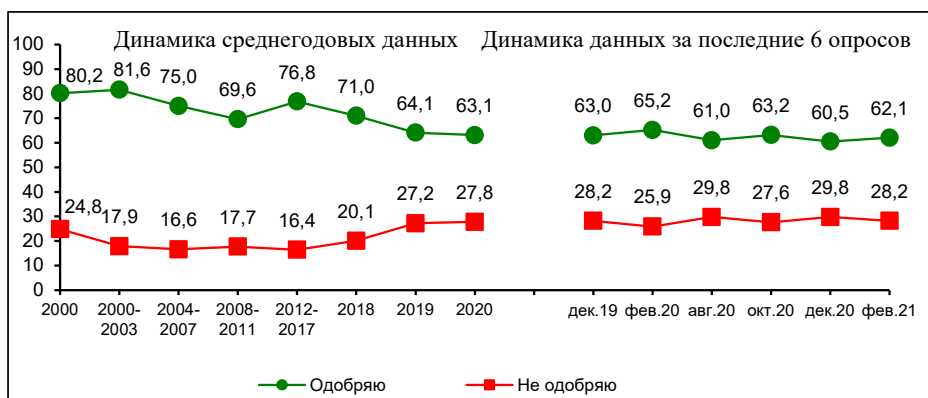
Для справки:

По данным ВЦИОМ за декабрь 2020 – первую половину февраля 2021 г.³ уровень одобрения деятельности Президента составил 61–62%, доля негативных суждений – 28–30%.

По последним данным Левада-Центра (ноябрь 2020 – январь 2021 г.⁴) оценка деятельности главы государства также не изменилась: доля положительных суждений составляет 64–65%, отрицательных – 34%.

При этом по данным и ВЦИОМа, и Левада-Центра в годовой динамике наблюдаются постепенные негативные изменения (с периода 2012–2017 гг.).

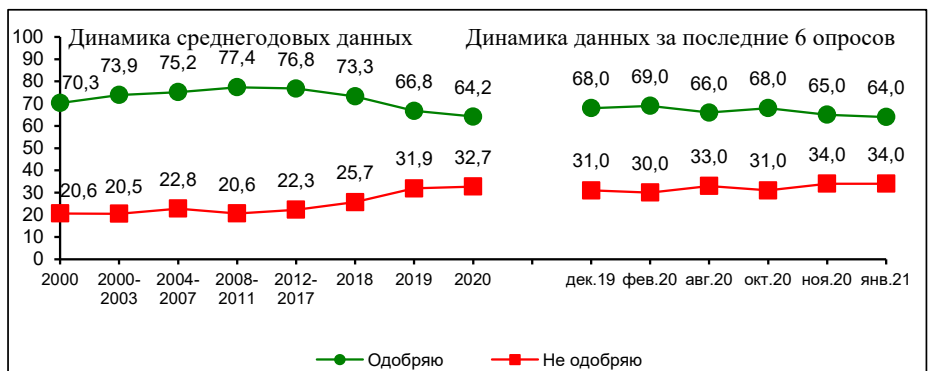
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобрению	-3
Не одобряю	+2

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>
Данные за февраль 2021 г. – среднее за два опроса: от 07.02.2021 и от 14.02.2021.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?
(в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра)

Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобрению	-5
Не одобряю	+4

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/>

³ На момент подготовки материала последние данные ВЦИОМ – от 14 февраля 2021 г. Источник: ВЦИОМ. Рейтинги. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/>

⁴ Источник: Левада-Центр. Индикаторы. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/>

В динамике оценок успешности решения Президентом ключевых проблем страны за период с декабря 2020 по февраль 2021 г. существенных изменений не произошло:

- ✓ 46% жителей области считают успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России (доля противоположных мнений составляет 34%);
- ✓ 41% граждан положительно оценивают работу Президента по наведению порядка в стране (противоположной точки зрения придерживаются 43–44% жителей области);
- ✓ 32% населения считают, что Президент успешно справляется с проблемой защиты демократии и укрепления свобод граждан (удельный вес отрицательных характеристик значительно выше – 48%);
- ✓ 25% людей находят успешными действия В.В. Путина по подъему экономики и росту благосостояния граждан (доля разделяющих противоположную точку зрения с августа 2020 г. стабильно составляет 61–62%).

По сравнению с февралём 2020 г. доля положительных оценок успешности работы Президента снизилась фактически по всем ключевым проблемам:

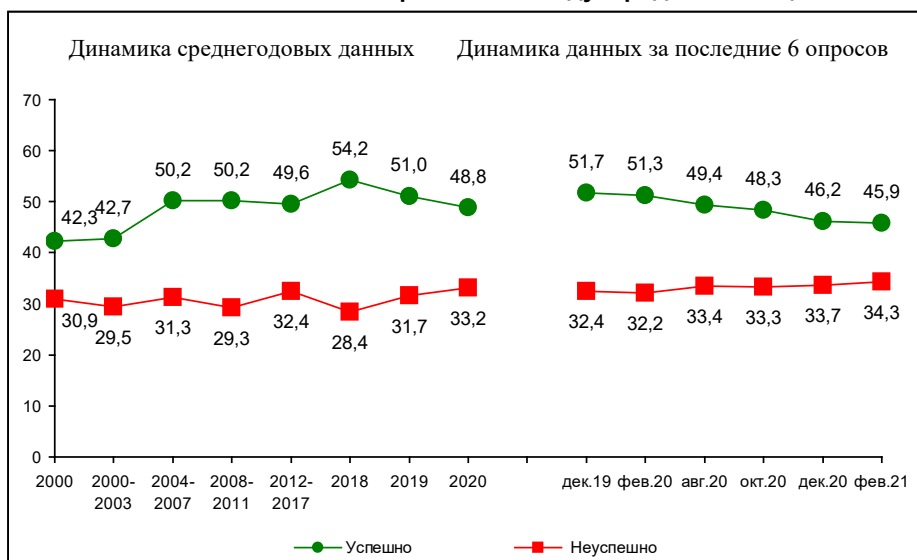
- ✓ по укреплению международных позиций России – на 5 п. п. (с 51 до 46%);
- ✓ по наведению порядка в стране – на 3 п. п. (с 44 до 41%);
- ✓ по защите демократии и укреплению свобод граждан – на 3 п. п. (с 35 до 32%);
- ✓ по подъему экономики и росту благосостояния граждан – на 1 п. п. (с 26 до 25%; существенных изменений нет, однако следует учитывать, что положительную оценку работе главы государства по решению данного вопроса по-прежнему даёт наименьшее число жителей области – 24–26%).

В динамике годовых данных негативные тенденции отмечаются с 2018 г.; при этом в отношении успешности работы главы государства по подъему экономики и укреплению материального положения людей – с середины 2000-х гг. (с периода 2004–2007 гг.).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?

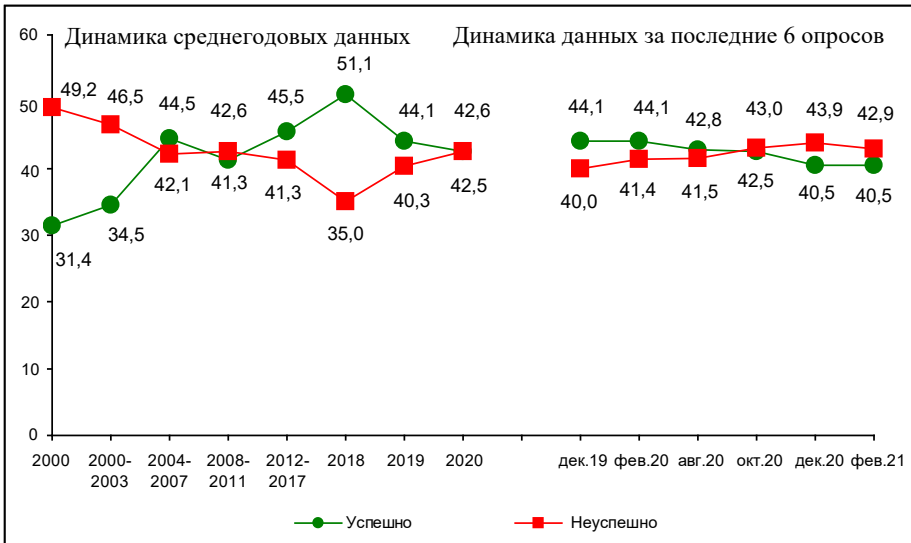
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

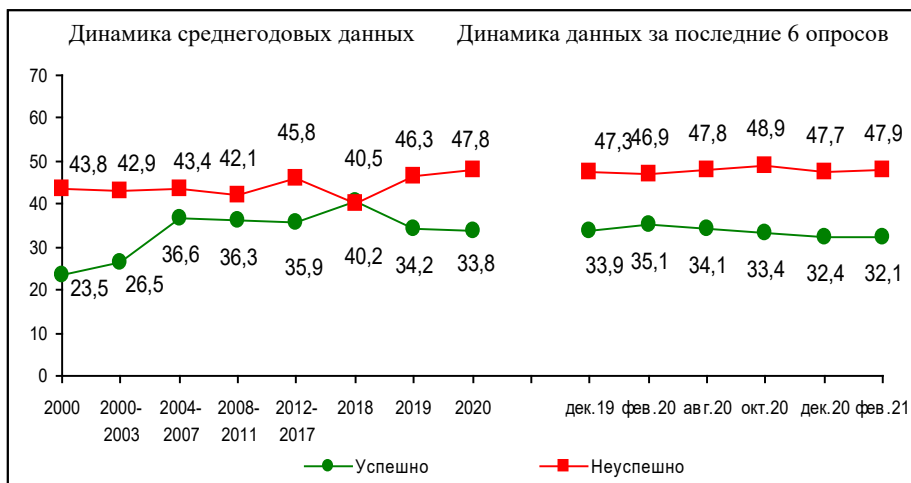
Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-5
Неуспешно	+2

Наведение порядка в стране

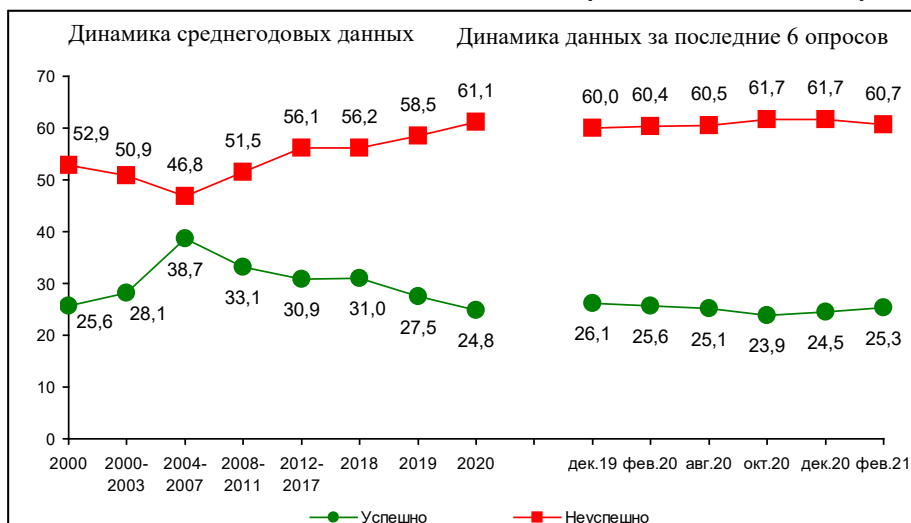
Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-3
Неуспешно	+2

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-3
Неуспешно	+1

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-1
Неуспешно	+1

Ощутимых изменений в структуре партийно-политических предпочтений жителей Вологодской области за период с декабря 2020 по февраль 2021 г. не произошло. В ней по-прежнему доминирует «Единая Россия» (доля её сторонников составляет 31%), поддержка остальных партий значительно меньше: 10% – ЛДПР, 8% – КПРФ, 4% – «Справедливая Россия».

Вместе с тем наиболее распространённая точка зрения среди жителей Вологодской области заключается в том, что ни одна из политических сил, представленных на сегодняшний день в Государственной Думе, не отражает их интересы. Доля разделяющих это мнение стабильно составляет 34–36%.

Аналогичная структура партийно-политических предпочтений наблюдалась в феврале 2020 г., а также в среднем за 2019 и 2020 гг.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), фев. 2021 к фев. 2020
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2019	2020	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	33,8	31,5	33,7	33,2	30,9	31,1	30,9	30,5	-3
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,8	8,4	9,2	8,9	8,6	8,8	7,3	8,3	-1
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,1	9,5	9,4	9,9	9,3	9,4	9,5	10,1	0
Справедливая Россия	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	3,4	4,7	4,0	4,7	4,8	4,3	5,0	3,6	-1
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,3	0,5	0,1	0,6	0,4	0,3	0,7	0,2	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	33,7	34,2	34,3	34,0	33,6	33,8	35,3	35,9	+2
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,0	11,1	9,3	8,7	12,4	12,2	11,2	11,3	+3

В начале 2021 г. сохраняется стабильная динамика оценок социального самочувствия:

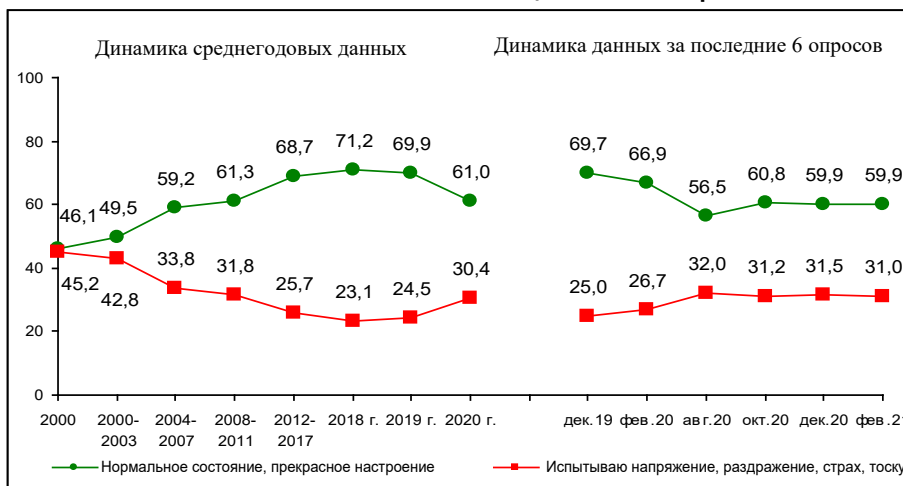
- ✓ доля людей, положительно характеризующих своё эмоциональное состояние, составляет 60% (противоположные характеристики дают 31–32% населения);
- ✓ удельный вес тех, кто считает, что «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть» – 70% (низким запасом терпения обладают 20–21% жителей региона);
- ✓ около 40% населения субъективно причисляет себя к категории людей «среднего достатка» (к «бедным и нищим» относит себя 48–49%);
- ✓ незначительно (на 2 п.п.) вырос индекс потребительских настроений (с 83 до 85 п.).

На фоне фактически отсутствия каких-либо изменений в оценках социального самочувствия за последние два месяца в целом отмечаются негативные тенденции по сравнению с февралем 2020 г.:

- ✓ доля положительных оценок эмоционального состояния сократилась на 7 п. п. (с 67 до 60%);
- ✓ доля людей с высоким уровнем запаса терпения – на 5 п. п. (с 75 до 70%);
- ✓ индекс потребительских настроений снизился на 6 п. п. (с 91 до 85 п.);
- ✓ доля «бедных и нищих» фактически не изменилась (40%).

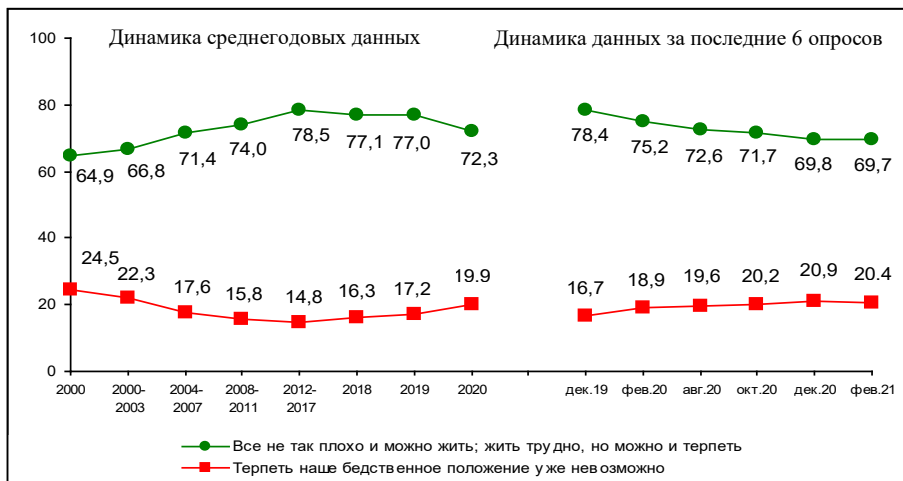
Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Социальное настроение

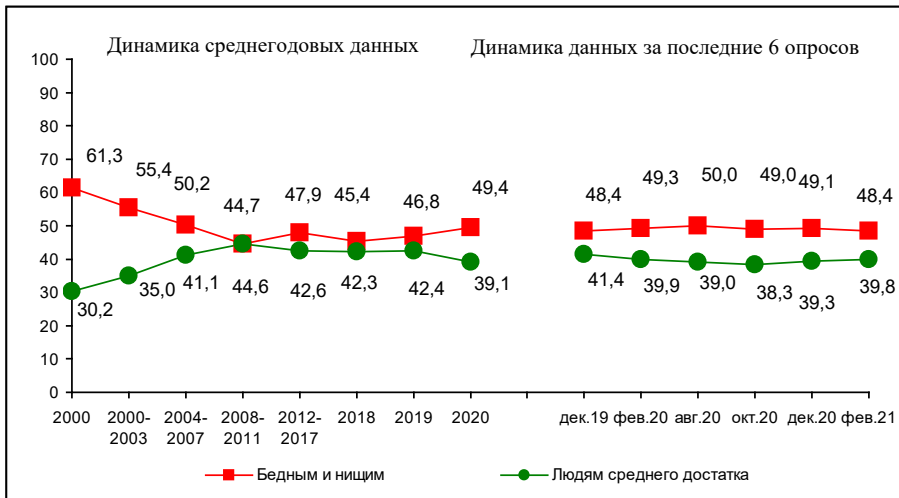
Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-7
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+4

Запас терпения

Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Все не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	-5
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	+2

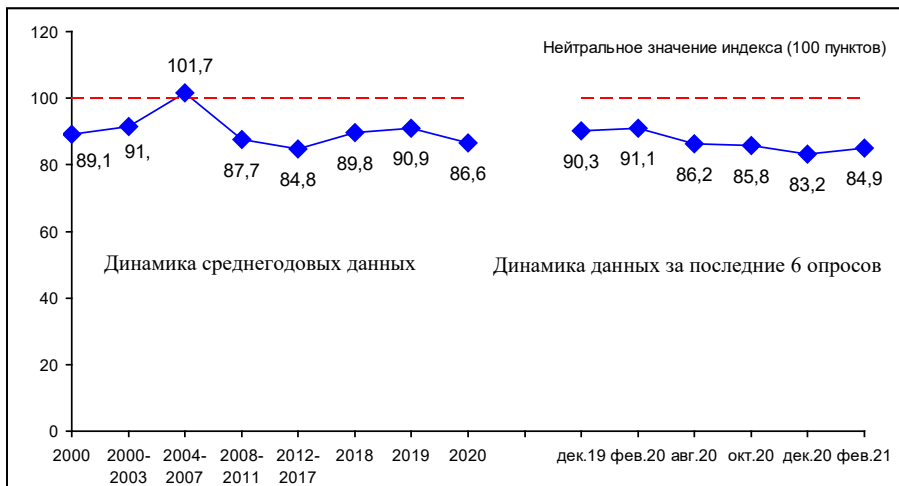
Социальная самоидентификация*

Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Доля считающих себя людьми среднего достатка	0
Доля считающих себя бедными и нищими	-1

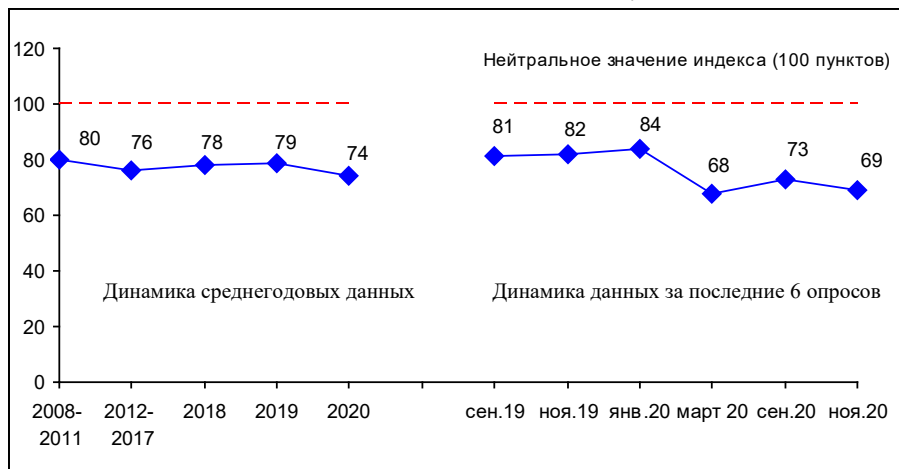
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН)

Годовая динамика (февраль 2021 г. к февралю 2020 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-6

Индекс потребительских настроений (ИПН; данные Левада-Центра* по России)

Годовая динамика (ноябрь 2020 г. к ноябрю 2019 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-13

* Индекс рассчитывается с 2008 г.

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

В 4 из 14 социально-демографических категорий населения за период с декабря 2020 по февраль 2021 г. отмечаются незначительные позитивные изменения:

- ✓ люди в возрасте от 30 до 55 лет (на 3 п. п., с 61 до 64%);
- ✓ лица со средним и неполным средним образованием (на 3 п. п., с 53 до 56%);
- ✓ жители области, по самооценкам относящиеся к категории 20% наименее обеспеченного населения (на 5 п. п., с 39 до 44%);
- ✓ жители Череповца (на 3 п. п., с 61 до 64%).

Негативные изменения социального настроения за последние два месяца отмечаются также в 4 социально-демографических группах:

- ✓ люди в возрасте до 30 лет (на 4 п. п., с 65 до 61%);
- ✓ представители возрастной группы старше 55 лет (на 3 п. п., с 57 до 54%);
- ✓ лица, по самооценкам доходов относящиеся к категории 60% среднеобеспеченных жителей области (на 3 п. п., с 63 до 60%);
- ✓ жители Вологды (на 3 п. п., с 59 до 56%).

По сравнению с периодом прошлогодней давности (февраль 2020 г.) во всех социально-демографических категориях населения наблюдаются негативные изменения: доля положительных суждений во всех группах уменьшилась на 6–11 п. п.

Аналогичные негативные изменения отмечаются и в годовой динамике (за период 2019–2020 гг.).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), фев. 2021 к фев. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Дек. 2019	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	
Пол														
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	69,0	67,0	55,6	60,7	60,0	60,8	-6
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	70,3	66,9	57,3	60,8	59,8	59,2	-8
Возраст														
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	81,3	71,7	69,0	64,6	65,2	60,9	-11
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	71,9	67,5	56,2	62,5	60,9	64,4	-3
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	62,6	64,3	51,9	56,9	56,5	54,1	-10
Образование														
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	64,0	63,1	51,7	56,9	52,6	56,2	-7
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	70,4	69,0	59,1	63,5	62,5	60,9	-8
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	74,7	68,6	58,6	61,4	64,6	62,7	-6
Доходные группы														
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	50,2	48,4	40,4	46,0	38,9	44,3	-4
60% среднеобеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	72,6	68,4	56,6	61,9	63,3	60,1	-8
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	80,5	79,1	76,4	70,6	76,3	76,0	-3
Территории														
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	68,6	66,9	57,0	61,0	58,7	55,8	-11
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	69,9	67,3	54,4	59,3	60,7	64,4	-3
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	70,3	66,8	57,5	61,4	60,0	59,7	-7
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	69,7	66,9	56,5	60,7	59,9	59,9	-7

РЕЗЮМЕ

Как показывают результаты очередной волны мониторинга ВолНИЦ РАН, в начале 2021 г. динамика общественного мнения по ключевым критериям (таким как оценка деятельности органов власти, партийно-политические предпочтения, социальное самочувствие) не претерпела существенных изменений. В то же время о тревожных тенденциях свидетельствует снижение доли позитивных суждений, характеризующих эмоциональное состояние, в некоторых социально-демографических категориях (на 3–4 п. п.: среди молодежи до 30 лет, населения старше 55 лет, лиц, относящихся по самооценкам к среднеобеспеченным жителям области, населения г. Вологды), а также негативные изменения в оценках социального самочувствия в годовой динамике.

На наш взгляд, на формирование общественного мнения в последние два месяца оказали влияние разнонаправленные и даже противоположные процессы.

С одной стороны – начало массовой вакцинации россиян от коронавируса с середины декабря 2020 г., безусловные успехи российской вакцины на международном уровне (что было признано не только Всемирной организацией здравоохранения, но и главным эпидемиологом США Э. Фаучи⁵), а также постепенное возвращение системы здравоохранения и социальных учреждений к работе в «штатном» режиме⁶.

С другой стороны – рост социальной напряженности, связанный с массовыми акциями протеста в поддержку А. Навального в январе – феврале 2021 г.

⁵ См., например:

1. Х. Клоге (директор Европейского регионального бюро ВОЗ): «ВОЗ очень ценит те усилия, которые предприняла Российская Федерация по разработке вакцины от COVID-19, а именно «Спутника V». Я еще раз хочу поблагодарить Россию за ее прекрасные действия по созданию безопасной и эффективной вакцины» (Источник: РБК 21.09.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/09/2020/5f6891cf9a7947464e34089b>).

2. М. Вуйнович (представитель ВОЗ в России): «Мы очень приветствуем, конечно, публикацию, которая говорит об эффективности вакцины» (Источник: Российская газета 03.02.2021. URL: <https://rg.ru/2021/02/03/v-voz-privetstvuiut-publikaciiu-dannyh-o-vaccine-sputnik-v-v-the-lancet.html>).

3. «Главный эпидемиолог США Энтони Фаучи положительно высказался о «Спутнике V», назвав ее вкладом в всеобщую защиту человечества» (Источник: Баранов А. Запад наконец признал: российская вакцина – лучшая // Комсомольская правда 09.02.2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/27236/4364524/>).

4. Журнал Bloomberg (06.02.2021): «Страны выстраиваются в очередь за поставками Sputnik V после того, как результаты экспертной оценки, опубликованные в медицинском журнале Lancet на этой неделе, показали, что российская вакцина защищает от смертельного вируса примерно так же, как американские и европейские вакцины, и намного эффективнее, чем китайские конкуренты.

В глобальной битве за победу над пандемией, унесшей 2,3 миллиона жизней чуть более чем за год, гонка за вакцинами приобрела геополитическое значение, поскольку правительства стремятся преодолеть огромный социальный и экономический ущерб, нанесенный блокировками, введенными для ограничения распространения вируса. Это дает России преимущество в качестве одной из немногих стран, где ученые разработали эффективную защиту». (Источник: Meyer H. Putin's Once-Scorned Vaccine Now Favorite in Pandemic Fight // Bloomberg 06.02.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-06/putin-s-once-scorned-vaccine-is-now-a-favorite-in-pandemic-fight?srnd=premium-europe>).

⁶ С 1 февраля в полном объеме возобновилась деятельность дневных стационаров, проведение периодических и профилактических медицинских осмотров, а также диспансеризации. В регионе разрешается присутствие зрителей на спортивных мероприятиях (при этом загрузка трибун должна быть не более 50%). Максимальное количество зрителей на спектаклях, концертах и киносеансах увеличивается с 25 до 50% вместимости зрительного зала; увеличено время работы заведений общественного питания (с 6.00 до полуночи). Такой же график предусмотрен для проведения концертов, представлений, спектаклей, киносеансов и иных подобных мероприятий. Норма о переводе 30% работников на «удаленку» переходит в разряд рекомендуемых, а не обязательных. (Источник: Новости Вологодской области. 28.01.2021 // Официальный сайт Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова. URL: https://okuvshinnikov.ru/press/news/na_vologodchine_v_polnom_obyome_vozobnovleny_profosmotry_dispanserizaciya_i_rabota_dnevnyh_stacionarov/).

Как отмечают эксперты, «главный вопрос, который возникает при анализе митингов, прошедших 23 января, и вообще всех событий, связанных с деятельностью несистемной оппозиции, звучит так: возможно ли, чтобы эти события привели к российскому «майдану»? Собственно, это главная «страшилка» — неконтролируемый политический кризис с последующей чехардой режимов, потенциальным распадом страны и утерей экономического суверенитета»⁷.

И хотя итоги протестных выступлений показали, что «в России никакое подобие «оранжевой революции» невозможно; глубокого социального раскола в стране нет»⁸, нельзя не признать, что эти события вызвали широкий общественный резонанс. Так, по данным Левада-Центра, «самыми запоминающимися событиями первого месяца 2021 года для россиян стали протесты 23 и 31 января (их упомянули 45% опрошенных). Далее с большим отрывом следуют новости, связанные с коронавирусом (12%) и возвращением А. Навального (11%). Еще 7% отметили события в США — инаугурацию Байдена, штурм Капитолия. Лишь 4% россиян считают, что фильм-расследование «Дворец для Путина» можно назвать главным событием января и начала февраля»⁹.

Противоположные по своему характеру, но достаточно резонансные события последних месяцев, произошедшие в стране и регионе, оказали соответствующий эффект на динамику общественного мнения, вызвав ситуацию ожидания: для кого-то тревожного, для кого-то — более обнадеживающего. В какую сторону качнется «чаша весов» в ближайшем будущем, во многом, на наш взгляд, будет зависеть от трех факторов: эффективности мер российского правительства по дальнейшей социально-экономической поддержке населения; динамики эпидемиологической ситуации (в том числе в весенний период, традиционно характеризующийся ростом факторов распространения любых вирусных инфекций); ситуации на международной политической арене (связанной с первыми политическими решениями Д. Байдена в должности Президента США).

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова, Е.Э. Леонидова

⁷ Несложная логика пропагандиста // Эксперт. № 6. 01.02.2021. URL: <https://expert.ru/expert/2021/06/neslozhnaya-logika-propagandista/>

⁸ Скоробогатый П. Почему Россия переросла Майдан // Эксперт. № 6. 01.02.2021. URL: <https://expert.ru/expert/2021/06/pochemu-rossiya-pererosla-majdan/>

⁹ Пресс-выпуск Левада-Центра от 12.02.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/12/sobytiya-mesyatsa-2/>

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5r1tkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится пронумерованный список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет doi, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹ (приложение 5).

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____, (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 25.02.2021.
Дата выхода в свет 26.02.2021.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 27,9. Тираж 500 экз. Заказ № 31.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru